

"Цветы подо льдом"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джин Росс Юинг

Цветы подо льдом

Особо благодарю сотрудников библиотеки г. Инвернесс и Шотландского факультета Эдинбурга – энтузиастов и корифеев, которые, жертвуя временем, великодушно делились со мной своими знаниями.

Выражаю также самую искреннюю признательность моей семье и всем моим знакомым, говорящим на гэльском языке, за помощь в работе над книгой.

Ошибки, если они и есть, исключительно мои.

Глава 1

Лондон, начало июня 1816 года

Майор, досточтимый Доминик Уиндхэм, брат и наследник графа Уиндраша, слыл человеком крайне извращенных вкусов и очень азартным. Еще не было случая, чтобы он отказался от вызова. Но это... Это было уж слишком! На этот раз он оказался подвешенным в пустоте, застрявшим между небом и адом.

Доминик ухватился за железный штырь у верхушки церковного шпиля и, прислонившись лбом к холодному твердому металлу, засмеялся.

Ночной воздух охлаждал нагую спину; внизу торчали дымовые трубы Мейфэра. Дальше был виден Сент-Джеймский парк с каналом. Необъятный небесный свод с луной и вращающимися звездами отражался в водной глади. Восточнее, на фоне переливающейся ленты Темзы, высилась громада Тауэра. Возле реки горел какой-то огонь. Остальной Лондон спал, слабо поблескивая верхушками крыш, посеребрённых лунным светом. Тем, кто сейчас находился под ними, не было никакого дела до того, что происходило над их головами. Никто не знал, что там, наверху, кому-то грозит смертельная опасность.

В нем клокотало веселье – пренебрежение безумца к чудовищному риску. Сколько женщин из тех, кого он знал, сокрыто под этими крышами? Много, слишком много, черт побери!

- Я не могу, - слышался снизу задыхающийся голос. - Боже милостивый! Я сейчас упаду!

Доминик всмотрелся в темноту. Пирамидальная крыша круто уходила вниз. Зрелище отнюдь не ободряющее, но не зря он пребывал в эйфории, своего рода исступлении от собственного безрассудства. С трудом сдерживая смех, он крикнул:

- Можете, сэръ! Я вам помогу. Вот, держите!

Майор загодя заготовленным перочинным ножом, пристегнутым к ремню рядом с небольшим пистолетом, разрезал рубашку на ленты, затем сплел короткую веревку, привязал к ней галстук и, укрепив на штыре, сбросил свободный конец вниз.

- Ну вот, теперь поднимайся, Стэнстед. - Это было сказано таким тоном, каким обычно понукают заупрямившуюся лошадь. - Обвяжи веревкой запястье, держись за выступы и не смотри вниз.

Ответный звук из бездны тут же приплыл наверх:

- Мне дурно, меня сейчас стошнит.

Доминик уцепился за железный штырь и закрепился босыми ногами в прорезях барельефа, пробуя надежность опоры. Не приведи Бог, если камень разрушился от времени!

- Уважаемый сэръ! - крикнул он вниз. - Ничего с вами не случится! А тошнит вас по простой причине - с перепоя. Переставляй ноги, парень, одну за другой и взбирайся потихоньку. Ну же, давай!

Веревка туго натянулась, и белое лицо Стэнстеда вынырнуло из мрака. Рыжие волосы его в лунном свете превратились в темные, рука была обмотана лоскутами рубахи.

- Никакого перепоя нет, - с трудом отдышавшись, заявил он, - можешь мне поверить. Кларет еще никогда не вредил моим кишкам.

Доминик протянул Стэнстеду руку.

- Ты почти у цели.

Пальцы в перчатках соприкоснулись, руки сцепились в замок.

Когда Доминик перенес нагрузку на себя, Стэнстед неожиданно пошатнулся; его ноги со скрежетом соскользнули вниз. Отломившийся кусок камня полетел в темноту. Выпустив веревку, несчастный беспомощно цеплялся пальцами за шиферные плиты.

- О Боже! Доминик!

Его приятель крепче ухватился за штырь и напряг спину до жжения в мышцах. Слава Богу, железо выдержало двойной вес - видимо, оно еще не подверглось коррозии!

- Тебе же говорили, болван, - пробормотал Доминик, - чтобы ты снял эти проклятые ботинки! - Продолжая держаться за опору, он постепенно подтягивал лорда Стэнстеда к вершине шпиля.

Наконец подъем завершился.

- Слава Всевышнему! - пролепетал Стэнстед с дрожью в голосе. - Теперь я почти у него в чертогах. Знать бы только, черт побери, как мы будем спускаться обратно!

Доминик, не обращая на него внимания, полез к нему в карман и, вытащив оттуда носовой платок, стал привязывать его к штырю. Это был очень опасный момент, требовавший предельной осторожности, ведь одной рукой несколько узлов не завяжешь! Ему пришлось отцепиться от железной опоры и держаться на одних ступнях. Так он стоял на бордюре, балансируя на кончиках пальцев, прижимаясь широко расставленными коленями к скату крыши. На мгновение он даже перестал дышать. Мысль о смерти мелькнула с быстротой искры. Умереть после того, как Бог позволил ему пережить столько тягот? Рисковать головой, вместо того чтобы тешить в постели какую-нибудь сладострастную леди? Офицер с половинным жалованьем не нашел ничего лучшего, чем поставить на карту свою жизнь, потому что считал ее никчемной, - и все ради этого глупого пари! Несомненно, ему следовало изыскать более легкий способ для добывания средств к существованию.

Однако Доминик пока еще не был готов уйти в вечность.

Возблагодарив счастливый жребий, он снова перенес руку на железный штырь.

- Знаешь, Стэнстед, я еще нигде не испытывал такого покоя, как здесь. Похоже, сознание близости к небесам действует умиротворяющим образом на мою душу. Я ощущаю себя средневековым отшельником, уставшим от хаоса эпохи и обретшим наконец пристанище и отдохновение. - Доминик поднял голову и внимательно посмотрел на звезды. - Как ты думаешь, я предназначен для той жизни? Понимаю. Вероятно, вопрос спорный.

Стэнстед придвинулся к нему ближе и покачал головой.

- Не вынуждай меня смеяться, ты, мерзкий дьявол! Я хочу вниз, на землю. Спусти меня отсюда, не то тебя отправят в Ньюгейт [1] и повесят за убийство единственного сына герцога.

Его товарищ ухмыльнулся и принялся отвязывать самодельную веревку.

- «Не будь рожден для виселицы он, ничтожны были бы наши шансы», - процитировал Доминик Шекспира и подал Стэнстеду веревку. - Вот, держи, будешь привязывать один конец к выступам, а другой к запястью. Я пойду следом, чтобы развязывать тебя и передавать веревку. Так, глядишь, и дойдем потихоньку.

Бледное лицо Стэнстеда заколыхалось, загорая луну, как облако, движимое ветром.

- А ты?

- Не беспокойся, я никуда не денусь. Ну, готов?

Сын герцога с измученной улыбкой посмотрел на Доминика, и они тронулись в путь, оставив позади привязанный к шпилью лоскут материи - теперь носовой платок лорда Стэнстеда, словно флаг, развевался над городом.

У церковных ступеней двух отчаянных смельчаков ожидала толпа. При их появлении последовал шквал аплодисментов; кто-то тряс Доминику руку, кто-то дружески толкал его в плечо. Ликование распространялось в толпе с такой же легкостью, как и кочующие из рук в руки бокалы вина. Доминик смеялся вместе со всеми. Дело было сделано. Надежда, хоть и слабая, снова замаячила на горизонте. Кроме того, сейчас под ногами была мостовая, прекрасная в своей незыблемости. Золото со звоном сыпалось в шляпу; кое-кто из присутствующих из-за отсутствия денег наспех царапал расписку.

Элегантный молодой человек, проходя мимо шляпы, соорудил гримасу преувеличенного разочарования от своего проигрыша.

- Вот уж не думал, что вы выиграете, Уиндхэм. Здорово вы всех нас переплюнули, черт побери! Может, поделишься секретом: каким образом тебе удалось заставить Стэнстеда сделать это?

- Взаимовыручкой. - Доминик, прислонившись спиной к церковной двери, натягивал носки и ботинки. - Мы помогли друг другу, вот и все. Вы когда-нибудь видели, как две торговки тащат на базар корзину с рыбой? Они делают это попеременно: сначала одна, потом другая - в итоге успех общего предприятия обеспечен.

вернуться

1

Тюрьма в Лондоне. - *Здесь и далее примеч. пер.*

Закончив обуваться, Доминик поднял глаза, и готовый вырваться смешок застрял у него в горле - к тротуару подкатил экипаж со знакомыми лошадьми, знакомым кучером и фамильным гербом на дверце. В открытом окошке виднелось затененное полями шляпки женское лицо.

С появлением этой кареты все вдруг резко изменилось. Реальность будто встала на вечный якорь. Время остановилось. Невоздержанная осипшая от крика толпа перестала существовать, словно ее и вовсе не было. Бедлам уступил место тишине, будто от дуновения свежего ветра из какого-то неизвестного первозданного мира. Доминик понял, что в его жизни грядут кардинальные перемены.

Женщину он видел впервые, зато, когда карета качнулась, из нее вышел брат Доминика Джек и устремился к нему.

Спутница графа осталась в карете и наблюдала за происходящим с явным неодобрением. Ее губы были плотно сжаты, брови сдвинуты. Однако в посадке головы этой дамы было что-то примечательное. Грациозность, присущая лани. Их глаза встретились, и это было словно молния, внезапно пронзившая обоих и столь же внезапно погасшая.

Доминик продолжал спокойно ждать, пока брат подойдет к нему.

- Добрый вечер, милорд, - первым начал он. - Вы застали нас за беседой о рыбе. Вас интересует улов?

Граф нахмурился:

- К чему это шутовство! Что здесь происходит, черт возьми?

- Скачки с препятствиями. - Доминик голыми плечами под пиджаком ощущал прохладную подкладку. Черта с два он расскажет Джеку об истинных мотивах своего геройства! - Моя рубашка принесена в жертву, и на то были веские причины - в конце концов, когда жизнь теряет смысл, надо же как-то отвлечься! Ради Бога, прости, Джек. Лорд Стэнстед нездоров - возможно, от рыбного запаха, который ты принес с собой. Или я не прав?

Сын герцога скорчил болезненную гримасу и на негнущихся ногах пошел в угол избавляться от своего ужина.

Виконт, стоявший рядом с братом Доминика, теперь рассматривал его через монокль.

- Мы тут поспорили, лорд Уиндраш. Ваш брат собирался водрузить носовой платок на верхушку шпиля. Было бы странно, если бы он этого не сделал.

Доминик сложил руки на груди.

- Это нововведение. Последнее веяние моды. Подлинный переворот в спорте. Всем любителям быстрой езды вместо традиционных скачек по горизонтали предлагаются гонки по вертикали - без лошадей, но с не меньшей остротой ощущений. Доказательство успеха в данный момент реет над Лондоном, а победитель стал богаче примерно на две тысячи гиней.

- Что все это значит, Доминик? - Джек поморщился. - По-моему, не существует такого безрассудства, которое бы ты не смог совершить, но неужто эти почтенные джентльмены

пришли сюда только для того, чтобы поспорить об этом?

- Вовсе нет. Из-за меня никто из них не стал бы биться об заклад. Суть пари состояла в том, смогу ли я доставить туда Стэнстеда.

- Но зачем? Захотелось снова почувствовать себя словно на войне?

Слова брата глубоко задели Доминика, но он не мог сосредоточиться, чтобы должным образом ответить, - слишком уж его занимала женщина. Такое лицо не забудешь. Черт бы ее побрал! Неужели она не могла отвести глаза?

- Ты будешь говорить мне о войне? Я не принимаю твой упрек. Если ты помнишь, я пропустил Ватерлоо только потому, что меня заперли в подвале. Я бы выбрал другие реалии для характеристики мотивов моих поступков.

- Тогда что? Скука? Вызов общественному мнению? Объясни, ради Бога, в чем дело!

Доминик улыбнулся:

- Всего лишь анекдотическое совпадение. Я венчался в этой церкви, а у Стэнстеда так же, как и у меня, супруга сбежала в Шотландию.

- Боже мой! Ты сумасшедший!

- Я? - Доминик принял невинный вид. - Почему? Я только что выиграл кучу денег.

Джек гневно сверкнул глазами:

- И потерял свою жену! Генриетта умерла на прошлой неделе. Пока она лежала на предсмертном одре в Эдинбурге, ты прожигал свои дни в Сент-Джеймсе. Вероятно, ты находишь это справедливым?

Известие вызвало у Доминика шок, по силе равный потрясению от потери руки или ноги на поле брани. Событие было настолько ужасным, что невозможно было поверить в его реальность. Он отвел глаза, боясь выдать себя.

Генриетта умерла? А он-то только что собрался снова завоевать ее расположение! Как могло все разом провалиться в небытие? Сердце его заняло с такой силой, будто с него содрали кожу, а недавнее достижение потеряло всякий смысл.

- Генриетта уже никогда не вернется. Она мертва.

Все в замешательстве притихли, и Доминик призвал на помощь всю свою волю, чтобы не обнаружить собственной растерянности; он даже заставил себя улыбнуться.

- Ты не прав, Джек. Я прожигал не дни, а ночи - для греха больше подходит темнота.

- Это все, что ты можешь сказать?

- Нет, конечно. Я могу задать вопрос. Кто эта насупленная особа, что смотрит на меня из твоего экипажа? Ты не собираешься представить нас друг другу?

Джек равнодушно взглянул на женщину.

- Кэтриона Синклер, компаньонка Генриетты. Мисс Синклер привезла нам сообщение из Эдинбурга. Если тебя интересуют подробности, она может все рассказать.

Кэтриона. Шотландское имя, аналог английского Кэтрин. Эта незнакомая женщина не оставила камня на камне от его жизни. Теперь он понял, почему его поразило выражение ее глаз. Он вспомнил, где видел их - на лицах шотландских солдат: с таким же взглядом горцы отправлялись в бой, сосредоточенно шагая к конечной цели, с отрядом волынщиков впереди, вдохновляемые музыкой, от которой переворачивало душу.

Теперь Доминик знал, что у женщины синие глаза - яркие, с золотой каемкой, прекрасные, как незабудки, говорящие о сладкой горечи расставания. Так выглядят глаза далекого Севера, где цветы растут подо льдом.

Сквозь туман он различал знакомых людей в толпе, и среди них - бледный лик лорда Стэнстеда, чья жена забрала Генриетту в Шотландию. Сын герцога, другая неприкаянная душа, сейчас наверняка ловил каждое его слово. Несчастный по наивности думал, что у проказника, подобного Доминику Уиндхэму, он может что-то почерпнуть и добавить в копилку своих знаний о женщинах. Стэнстеду было невдомек, что благородные помыслы радеющего за него бедолаги теперь утратили всякий смысл. Их общие планы разбились вдребезги.

Доминик собрал последние крохи самообладания и коротко поклонился.

- Добрый вечер, мисс Синклер. Вы застали меня не в форме, лишенным рубашки, а теперь еще и супруги. Какое жуткое невезение!

Глава 2

Кэтриона продолжала неподвижно смотреть на него, в то время как сердце ее билось в каком-то непонятном ритме. Мужчины принадлежали к презируемой ею расе: их тщеславие и праздный образ жизни оказывали тлетворное влияние на чистоту старинных обычаев Севера. Не то чтобы в свои двадцать пять лет она успела узнать многих английских аристократов, но какое-то представление о них, безусловно, имела, по крайней мере об одном из них - Доминике Уиндхэме, мужчине, на поиски которого она отправилась. Она тихонько произнесла по-гэльски [2] самое подходящее слово для обозначения зла. Дьявол. Люцифер. И все же она была готова подступить к опасному зверю в его берлоге, но, разумеется, тонко и деликатно, как это умеют делать шотландские горцы.

Уиндхэм смело встретил ее взгляд, однако в глазах его она прочла замешательство. Рослый и широкоплечий, он возвышался над толпой; его растрепавшиеся золотисто-рыжеватые волосы небрежно свешивались со лба. Все остальное слилось в одно расплывчатое пятно, создающее впечатление силы, непринужденности и пренебрежения. В нем чувствовались какая-то безудержность и неукротимость, чего она не предполагала в англичанине. На этом человеке не было ни галстука, ни рубашки - просто голое тело в коконе мышц. Расстегнутый пиджак, как рамка, подчеркивал мужскую наготу.

Кэтриона слышала, как они с графом обменялись несколькими фразами. «Для греха больше подходит темнота».

вернуться

Гэльский (гаэльский) – язык народов, проживающих на севере Англии, преимущественно шотландских кельтов.

Его глаза, похожие на темный мох вблизи водопада, скрывающий немало тайн, смотрели настороженно. Она совершенно не представляла, что ей делать.

Однако Доминик Уиндхэм не замедлил ей это подсказать. Он широкими шагами проследовал к экипажу, и она невольно отодвинулась. За ним сел его брат, и карета тронулась. Кэтриона молчала, пока муж несчастной Генриетты с циничным бездушием обсуждал ужасную новость. Это была блестящая игра, но жестокая и бессердечная: он задавал вопросы брату и тут же насмехался над его ответами, проявляя необыкновенную находчивость, напоминая живостью упругий шарик ртути. Каждое слово выдавало в нем безжалостного, пошлого и аморального человека. Без сомнения, он был пьян, как помещик, накачавшийся на поминках.

Экипаж подкатил к особняку графа, в котором Кэтриона уже побывала примерно час назад, когда приехала из Эдинбурга. Ей помогли сойти, и привратник проводил ее в дом. Доминик Уиндхэм бесцеремонно обогнал ее, и она с интересом наблюдала, как он размашисто шагал по коридору. Потом она услышала, как хлопнула дверь, и заметила, что граф поморщился.

– Разумеется, вам будет предоставлен ночлег, мисс Синклер, – рассеянно сказал он, – и любая помощь, которая потребуется.

Джек Уиндхэм выглядел более приземистым, чем его брат, а волосы у него были светлее – соломенного цвета. При схожести их черт в его лице было что-то бульдожье. В общем, он являл собой нечто вроде грубой модели, вылепленной мастером из глины, чтобы после, доведя свою идею до совершенства, отлить из золота Доминика Уиндхэма.

Кэтриона тотчас отвела взгляд от графа и стала оглядывать огромный вестибюль с золочеными колоннами и причудливой росписью. Избыточная роскошь обстановки – свидетельство английского благополучия – напомнила ей о цели визита.

– Я безмерно благодарна вам за ваше предложение, лорд Уиндраш. Ваша светлость в высшей степени добры ко мне.

Граф помахал рукой, подзывая слугу, который подвел Кэтриону к лестнице и препроводил ее наверх; а уж до спальни ей пришлось самой нести свой небольшой чемодан.

Лорд Уиндраш прошел в свой кабинет. Брат стоял у холодного очага, склонив голову и обхватив длинными пальцами каминную полку. Граф подсознательно отметил побелевшие костяшки на его руках.

– Доминик, если ты не можешь вести себя как джентльмен, то... – начал он.

– Не заводись! – Высокое гибкое тело вздрогнуло, и некоторое время братья стояли неподвижно лицом к лицу. – Если ты хоть на минуту допускаешь, что сейчас время для елейных проповедей, я рассею твои иллюзии. Понимаю, ты считаешь, что каждый мой поступок заслуживает порицания – все, что бы я ни делал, тебе кажется предосудительным! Мои друзья – никчемные люди, моя жизнь беспутна! Вне всякого сомнения, Генриетта на смертном ложе изрыгала проклятия и просила небеса наказать меня за мои пороки. Тем не менее я потрясен известием о ее смерти. А вот тебе следовало воздержаться от публичных заявлений. Мог бы соблюсти хоть минимум приличия.

- После того как я застал тебя пьяным и полуголым? Ты осквернил храм! О каком приличии в этом случае может идти речь!

- И все же всему должно быть свое место и время, однако, похоже, ты думаешь иначе. Ты выбрал самый подходящий момент. Избави Бог развить в себе столь тонкое чувство такта, это надо же - объявил во всеуслышание о смерти моей жены, да еще притащил с собой эту шотландскую курицу! Не было никакой нужды делать из нее свидетеля этого безобразия.

Уиндраш сердито посмотрел на брата.

- Ах, тебя волнует, какое мнение она о тебе составила! На любую порядочную женщину ты можешь произвести только одно впечатление, и мисс Синклер не исключение.

- Меня не волнуют ничьи впечатления. Впрочем, я очень устал. Не возражаешь, если я переночую в моей старой комнате?

Доминик гордо прошествовал к двери и, выйдя в коридор, аккуратно закрыл ее за собой. Час назад этот человек спяну на спор штурмовал колокольню, а сейчас вел себя так, будто ничего не произошло. Поразительно!

Граф проводил его пристальным взглядом. Он никогда не понимал младшего брата: их разделяло довольно много лет и слишком много времени, проведенного врозь. Джек помнил золотоволосого мальчугана, ничем не примечательного, несколько надоедливого, постоянно путавшегося у всех под ногами. Странно, каким образом он вообще выжил, потому что после первенца все появлявшиеся на свет младенцы умирали один за другим. Теперь мальчик вырос и стал мужчиной. Многое в его прошлом было окутано тайной: во время войны он играл скрытую, но жизненно важную для Англии роль, а позже навлек позор на всю семью, учинив скандал, ставший скандалом века. Любой другой после этого избрал бы для себя вечное изгнание, но только не этот человек! Он не появлялся несколько лет, пока Наполеон не потерпел окончательного поражения. Когда Доминик вернулся в Лондон, его нигде не принимали. Никто его не признавал, за исключением совершенно безнравственных субъектов и золотой молодежи. По слухам, у него были любовные связи, но женщины встречались с ним только приватно.

Пока Доминик шел к двери, колышущееся пламя свечей бросало блики на его золотистые волосы и решительное лицо с резкими скулами. В какой-то момент на ресницах у него блеснула подозрительная влага, но лорд Уиндраш не поверил в ее искренность. Вероятно, игра, подумал он, стал бы его испорченный брат, безнадёжный распутник, ронять слезу в связи с кончиной покинувшей его жены!

Доминик поднялся по лестнице и, остановившись на площадке, ожесточенно потер глаза. Генриетта. Его жена. Хорошенькая застенчивая блондинка. Потерять ее, когда он был так близок к самому великому вознаграждению! Грандиозность его провала в первую же брачную ночь все эти годы отзывалась в душе каждодневным страданием. Ему вспомнились паника в спальне, взаимные обвинения, истерические рыдания и унижительный финал. Генриетта провела несколько лет за пределами Англии. Интересно, думала ли она хоть раз о своем брошенном муже, произнесла ли хоть одну молитву о спасении его души? Слишком поздно задаваться подобными вопросами. Генриетта ушла - ушла навсегда.

Он поднял глаза на лакея, шаркающей походкой прошедшего мимо него с небольшим подносом. Впереди в коридоре отворилась дверь, и из нее появилась мисс Кэтриона Синклер. Слуга, поклонившись ей и передав поднос, удалился, но она продолжала стоять в дверях,

держа поднос и в упор глядя на Доминика. Трепещущее пламя создавало лучистый венец вокруг ее волос, делая ее похожей на Мадонну, устремленные на него глаза казались такими же синими, как платье Девы Марии.

Она поставила поднос на столик возле двери и сложила руки на груди, по-прежнему не отводя от него глаз – двух ярко-синих колокольчиков. В падавшем сзади свете четко вырисовывалась ее фигура, крепкая и стройная. Тело ее было налитым и вместе с тем изящным, прекрасным в своем первозданном естестве. Доминик почувствовал, как в нем шевельнулось желание, неистребимое, безотчетное свойство мужской плоти. Это сейчас совершенно ни к чему, отчего-то подумал он.

– Майор Уиндхэм, – мягко сказала Кэтриона, – мне бы хотелось поговорить с вами наедине, если это возможно.

– Прямо сейчас?

Она кивнула.

Доминик внимательно оглядел ее: у этой женщины были прекрасные темные волосы, уложенные аккуратным узлом на затылке, – ни дать ни взять гувернантка или обедневшая благородная дама. Однако он не мог не заметить в ее глазах то же упорство, что и у древних скандинавских королей и воинственных викингов, когда-то шнырявших в фиордах на своих кораблях с драконьими головами на носу.

– В пять утра я должна быть на станции возле «Золотого гуся». Горничная разбудит меня, но я боюсь, вы еще не встанете. – Мисс Синклер посмотрела на Доминика с подкупающей прямоотой. – Я не могу уехать, пока мы не поговорим.

Эта настойчивость могла бы возыметь действие, не будь он так погружен в прошлое; однако сейчас Доминик пробивался сквозь шарады собственной жизни, как ребенок, плутающий в чужой стране и при этом ставший жертвой злых проделок эльфов.

– Я полагаю, вы собираетесь передать мне последние слова покойной? Неужто мою жену перед смертью мучили угрызения совести?

Сначала у нее зажглось по пятну на каждой щеке, потом румянец пополз по аскетическим скулам до бровей, а внизу дошел до шеи. У Кэтрионы Синклер была удивительно белая кожа, необычно белая для темноволосой женщины – прекрасная северная кожа, не привыкшая к обилию солнца. Черты лица ее, возможно, отличались излишней четкостью, и его нельзя было назвать миловидным, но краски были совершенны. Доминику даже захотелось прикоснуться к ней.

– Мне очень жаль, – сухо сказала она, – но вынуждена вас разочаровать – я не стану рассказывать вам о чувствах, которых не было. У меня к вам совсем другое дело, и оно не терпит отлагательства. Где мы могли бы уединиться?

На лестнице слышались чьи-то шаги – видимо, Джек решил отправиться в свои покои. Вот и славно – Доминик вовсе не хотел, чтобы его брат принимал участие в их разговоре. Он схватил Кэтриону за локоть, втолкнул в ее комнату и плотно закрыл дверь.

– Можно поговорить здесь, если не возражаете. Так что, черт побери, вы хотели мне сказать?

Кэтриона огляделась. Шкаф красного дерева, кровать с парчовым покрывалом... Хотя в

комнате стояла и другая мебель, это, конечно, была спальня. Доминик стоял очень близко, он почти касался ее руки; она ощущала его длинные пальцы сквозь материю на рукавах, и от этого у нее по коже забегали иголочки.

Доминик прошел через комнату и указал ей на кресло вблизи камина.

- Конечно, я веду себя неподобающе, но, ради Бога, не смотрите на меня так, а то это сильно смахивает на встречу пугливой классной дамы с бешеной собакой. Вы можете безбоязненно провести со мной четверть часа - я не стану лишать вас невинности, можете мне поверить. Если, конечно, вы сами этого не пожелаете.

Кэтриона стояла как вкопанная, сцепив руки так крепко, что они заныли. Наблюдая за ним, она отметила пластичность его движений и бесспорную уверенность в себе, как будто он представлял себя на театре военных действий, где отдавал команду войскам.

Наконец, сдвинувшись с места и подойдя к креслу, она села.

- Вы не хотите подкрепиться? - Доминик взял поднос и передал ей в руки. - Сделайте одолжение. Я не буду беспокоить вас. Перекусите, а потом мы поговорим.

Кэтриона взглянула на поднос. Со вчерашнего дня, кроме куска дешевого ржаного хлеба и небольшой порции сыра, у нее не было во рту ни крошки, и вид пищи вызвал у нее легкую слабость.

- Я согласна.

Она откусила немного от тонкого куска говядины, положенного на хлеб. От мяса исходил густой аромат вина и пряностей. Усилием воли Кэтриона заставила себя есть медленно, но ее голод не остался незамеченным.

Опустившись в кресло напротив, Доминик молча наблюдал за ней.

Он расстегнул пуговицы на сюртуке, чем поверг ее в невероятное смущение: так выглядел, должно быть, афинский дискобол, высеченный из камня резцом великого мастера. Вместе с тем в Доминике заметна была и некоторая шероховатость, будто материал, из которого он был сделан, с годами огрубел от ветров и штормов. Дай Бог, чтобы ее план не сорвался: ей предстояло проявить немалое искусство, чтобы сплести хитрую сеть для этого живчика!

Наконец Кэтриона собралась с духом и заговорила:

- Сэр, мне нужно сообщить вам нечто важное. Вы должны поехать в Эдинбург.

Доминик небрежно вытянул перед собой ноги, и его кожу над поясом прорезала бороздка. Зеленые глаза остановились на ее лице.

- Я? Должен? Бог мой, зачем? Разве что вы согласитесь составить мне компанию...

- Ну уж нет!

Он улыбнулся, словно она сделала ему комплимент.

- Неужели я непривлекателен? Да будет вам известно, раньше меня сравнивали с архангелом Михаилом, мисс Синклер. Правда, ангел, без сомнения, был падшим. Извините, если я оскорбил ваши чувства, но я бы очень дорого дал, чтобы вас здесь не было. Больше мне нечего

сказать, так что передаю эстафету вам. Вы родом с Севера?

- Как вы узнали? - удивленно спросила она.

- Вас выдает акцент - вы произносите гласные слишком чисто. - Он говорил невозмутимым тоном, в котором ей послышалась насмешка и что-то еще, чему она не могла дать точного определения. - Кстати, я знал нескольких людей из тех краев.

Что это - он ее дразнит? Кэтриона едва сдержала раздражение.

- Если вам так интересно, мне нечего скрывать. Я родом из Глен-Рейлэка - это к северу от Инвернесса. - Она и сама не ожидала от себя такой откровенности, но что сделано, то сделано. - Я познакомилась с вашей покойной женой, когда приехала в Эдинбург устраиваться на работу.

Не вполне понимая, как ей держаться дальше, Кэтриона отставила поднос. Она была решительно настроена обхитрить этого человека, но боялась ошибиться. Интересно, как много ему известно об Эдинбурге и тех событиях?

- Ваша жена наняла меня и...

Доминик не дал ей договорить.

- ...и накачала ваши добродетельные и вместе с тем любопытные ушки всевозможными рассказами. Тогда-то вы и узнали все об очень, очень отвратительном мужчине, который был ее мужем.

Кэтриона с облегчением выслушала его слова. Теперь ей нетрудно было встретиться с ним взглядом.

- О да, Генриетта предупредила меня, с кем я буду иметь дело, если мне удастся разыскать вас. Сама я не стала бы вникать в подробности вашего поведения: у меня нет желания знакомиться с человеком, имеющим столь дурную славу.

- Охотно верю, мисс Синклер. Носить такую славу чертовски трудная работа - вы могли бы отпустить мне кредит хотя бы с поправкой на это.

Ее отнюдь не обрадовало, что он позволяет себе подобное легкомыслие и мелет всякую чепуху.

- Сэр, вы и я должны вернуться в Эдинбург! Хотя я представляю, насколько вы испорченный человек, но...

- Испорченный?

Доминик повернул голову и посмотрел на каминную полку. Маленькая жилка слабо билась сбоку от его подбородка, будто он не только смеялся, но и гневался. «Ну и пусть себе сердится!» - подумала Кэтриона, которую мало трогали его чувства.

- Безусловно, я - распутник, человек, погрязший в скандалах, но ведь если мы с вами поедem в Шотландию, ваша репутация тоже пострадает. В результате совместного мероприятия с таким нечестивцем вы можете потерять свое целомудрие. Довольно упоительно думать об этом, но, возможно, вы имеете в виду что-то другое?

Кровь ударила ей в виски. Это был грозный сигнал, и не зря Генриетта ее предупреждала!

- Нам вовсе не обязательно ехать в одной карете - у меня уже забронирован билет на станции. Надеюсь, вы располагаете экипажем?

Его губы сжались так, будто гнев перешел в бешенство.

- Разумеется, но мне определенно не подходят такие условия. Если вы настаиваете на моей поездке в Шотландию, мисс Синклер, вам придется путешествовать вместе со мной. - Он улыбнулся, и у него на щеках снова появились глубокие ямочки. - Тогда мое нескромное присутствие будет для вас одновременно и позором, и искушением. Чтобы дать выход страсти, любовь не требуется. Нет, по отдельности мы не поедем. Если вы хотите заполучить в компаньоны испорченного мужчину, вы должны сопровождать меня как распущенная женщина. Я твердо вам заявляю, мадам, - никаких других вариантов! У вас нет иного способа заставить меня покинуть Лондон.

Румянец стыда ожег ей щеки, в душе вспыхнуло возмущение. Она с силой стукнула руками о колени.

- Возможно, то, что я вам сейчас скажу, за пределами вашего понимания, потому что у вас на уме только одно; но моя просьба к вам - не праздное нытье. Я выполняю предсмертный наказ Генриетты, и вы должны узнать это. Там остался ребенок.

Доминик вскочил с кресла, и оно, пошатнувшись, опрокинулось. Он не стал его поднимать и гордо прошептал в глубь комнаты.

- Господи помилуй! Какой ребенок?

- Ваш сын, майор Уиндхэм. - Кэтриона опустила глаза. Он резко повернулся к ней:

- Мой сын?

Известие, несомненно, застало его врасплох, и она даже слегка расстроилась. Зато уловка, похоже, удалась - ни один мужчина не станет особенно сильно волноваться из-за младенца, но, если он поверил, поездка наверняка состоится. Генриетта сказала, что Доминик Уиндхэм приезжал в Эдинбург два года назад, и это вполне мог быть его сын. Кэтриона осмелела.

- Ваша жена родила ребенка, - сказала она. - Сейчас ему год и три месяца. Вам необходимо забрать его из Шотландии и взять на свое попечение. У мальчика должно быть имя, чтобы он мог занять надлежащее положение в обществе, когда вырастет.

Еще минуту назад казавшийся порядком обескураженным, Доминик Уиндхэм вдруг принялся безудержно хохотать: он наклонил голову, а его плечи заходили ходуном.

- Боже милостивый, спасибо Тебе за дивную ночь! Что ни час, то новость! Все последние годы какие только ужасные вещи мне не приписывали; потом моя невинная жена обсуждала это в гостиных и хихикала вместе со всеми! И после всего этого я узнаю, что у нее был ребенок. Если он родился пятнадцать месяцев назад, она должна была каким-то образом уложить меня к себе в постель... Минуточку, сейчас посчитаем. Так, лето восемьсот сорок четвертого... Да! - Он повернулся к Кэтрионе: лицо его светилось радостью. - Мне очень жаль, мисс Синклер, но я не поеду в Эдинбург. В самом деле, не поеду. Ничего другого не могу вам сказать.

Кэтриона с недоумением посмотрела на него.

- А как же мальчик, сэр? Не можете же вы бросить своего ребенка!

- Не много в этом мире того, чему следует верить, мадам. - Доминик улыбнулся. - Но в одном я-таки уверен твердо. Никакой ребенок Генриетты не может быть моим. Вы не знаете, почему она оставила меня? Разве слухи не дошли до Шотландии?

Кэтриона в испуге опустила глаза и уставилась на его обувь. Видимо, она совершила какой-то промах.

- Намеки были, но...

Блестящие ботинки прошагали с другого конца комнаты и остановились прямо перед ней.

- Намеки? Моя жена оставила меня в нашу брачную ночь, мисс Синклер! Она уехала к своим родителям, а когда выяснилась причина, все общество хохотало по этому поводу.

Кэтриона подняла голову.

- Генриетта ничего мне об этом не рассказывала...

- Еще бы! Ее отец грозил отхлестать меня плетью за то, что я запятнал честь его целомудренной дочери: я, видите ли, испугал ее моими неестественными притязаниями! Когда он умер, Генриетта решила посвятить себя служению добру и вместе с леди Стэнстед отправилась в Эдинбург - это произошло три года назад, и вот почему я никак не мог быть отцом ее ребенка. Так какого, скажите, лешего я должен беспокоиться о том, что с ним будет дальше?

Кэтриона набрала побольше воздуха в легкие.

- Если вы откажетесь, мальчик останется один в целом свете. Я должна немедленно переехать на новое место, поскольку меня берут гувернанткой в Стерлинг, и не могу взять ребенка с собой. Еще раз говорю вам - таково было последнее желание вашей жены. Вам следует по крайней мере позаботиться о финансовой стороне дела: вы же не хотите, чтобы ребенка Генриетты отдали в приют и учили копать грядки? Я очень прошу вас, майор Уиндхэм, поедете в Эдинбург, пожалуйста! Если вы откажетесь от малыша, его отец так и останется для всех неизвестным! Я готова сделать что угодно, чтобы спасти ребенка... Даже поеду вместе с вами, если вы этого хотите.

- Поедете? - насмешливо переспросил он, взяв ее за подбородок. Теперь она была вынуждена смотреть ему прямо в глаза. - Каким же образом? На правах женщины легкого поведения, мисс Синклер? Вы рискуете своей репутацией.

- никоим образом! - Кэтриона все же ухитрилась выдержать его взгляд. - С вами моей добродетельности ничто не угрожает.

- В самом деле?

Кажется, он собирается проверить ее на прочность? В таком случае у него появляется шанс обнаружить, что она сделана из стали более твердой, чем дамасская.

- Вы же знаете, я испорченный человек, мисс Синклер, - невозмутимо продолжил Доминик. - Покажите-ка мне ваши ноги.

- Что?

- Нижние конечности, мадам, - лодыжки, икры, колени, бедра. Вы только что согласились ехать со мной в качестве моей любовницы, и я желаю знать, что вы мне предлагаете.

Кэтриона почувствовала, что внутри у нее все дрожит; лицо ее покраснело. Он хочет заставить ее поднять юбку и предстать перед ним обнаженной?

- Прекрасно, - сказала она не моргнув глазом. - Ноги? У меня их две, и они вполне успешно переносят меня с места на место. Какую желаете увидеть первой?

- О, я думаю, мы лучше начнем с другого!

Доминик прикоснулся к ее шее. Потом его пальцы двинулись вверх, коснувшись кожи ниже уха, переместились на волосы... Мужские пальцы, сильные и уверенные. Его ласки искушали, вызывая в Кэтрионе вспышки страсти, опалая кожу, нагнетая огонь в кровь. Дыхание ее сделалось неровным; она стояла словно загнипнотизированная, с недоумением глядя на своего совратителя, который тем временем не спеша принялся расстегивать одну за другой пуговицы на ее платье.

- У вас очаровательная кожа, чистая, как белый шелк, и такая тонкая, что жилки просвечивают. Они похожи на крошечных рыбок под водой: как они мечутся и вспыхивают, когда ваше сердце бьется быстрее! И мне, мерзавцу, позволено ими любоваться! Неужто вы делаете это ради несчастного выродка Генриетты? Скажите, ниже шелк еще мягче, а на груди вены такие же нежные?

Кэтриона сглотнула ком в горле и попыталась успокоить тяжелые удары сердца. Она ощущала сладковатый винный запах, вызывавший еще большее желание. Соблазнительный изгиб губ, из которых исходило это опасное дыхание, находился всего в нескольких дюймах от нее. В дерзком порыве она ухватила за свое расстегнутое платье и стянула его с плеч. Выпуклые округлости ее груди блеснули над вырезом сорочки.

- Вот! Можете смотреть.

Рука Доминика соскользнула по ее шее на край подбородка.

- Царица небесная! - тихо воскликнул он. - Я подозреваю, вы и впрямь настроены...

Она не могла позволить себе отступить.

- Даю вам слово здесь и сейчас, что выполню свое обещание.

- Из гордости и вопреки всему, - добавил Доминик. Его большой палец двигался в медленном, чарующем ритме по коже подбородка. - Что это - шотландская добродетель или шотландский порок? Меня не устраивает такая любовница - исполненная достоинства и презрения ко всему, равнодушная, как мумия. Если я вам в самом деле так уж нужен, вы должны хотя бы притвориться страстной.

Сердце Кэтрионы заколотилось еще сильнее, кровь заклокотала в жилах, превращая решимость в приступ бессильной ярости.

- Если у меня есть чувство собственного достоинства, - сказала она, - то это говорит лишь о том, что мне дорога моя репутация, тогда как ваша собственная для вас ничего не значит!

- Репутация? - Доминик рассмеялся. - Мне действительно нечего терять в этом мире, я

испорчен дальше некуда – так почему, черт побери, я должен заботиться о репутации? – Он схватил Кэтриону за руки и поднял с кресла, заставив ее выпрямиться.

Неужели он собирался взять ее силой, прямо здесь, в доме своего брата? Если бы не ребенок, Кэтриона скорее вонзила бы спрятанный под платьем кинжал в твердый живот наглеца, чем позволила ему так обращаться с ней.

– Мисс Синклер, насколько вам дорог этот мальчик, сын Генриетты? Достаточно ли вашей любви к нему, чтобы добровольно поцеловать меня?

Кэтриона посмотрела на изгиб его губ. Его руки все еще крепко держали ее пальцы.

– Я не могу, – сказала она. – Вы слишком высокий.

– Можете, мисс Синклер. – Он отстранился от нее и опустил руки вдоль туловища, демонстрируя смирение, такое же фальшивое, как улыбка льва. – Привстаньте и дотянитесь до моего рта. Снимите с него напряжение своими губами.

Ее кинжал просил, умолял, чтобы его вынули. Она могла заставить исчезнуть эту надменную улыбку еще до того, как лезвие будет очищено от крови, и с радостью – да, с радостью! – отправиться на виселицу. Но там, в Эдинбурге, был ребенок и все, что с ним связано.

Она протянула руки и дотронулась до его одежды. Не говоря ни слова, Доминик сунул ее пальцы под рубашку, к своей обнаженной груди. Под гладкой твердой кожей билось его сердце. Он стоял неподвижно и пристально смотрел на нее сверху вниз потемневшими глазами.

Она дотянулась другой рукой до его шеи – сильной, бугристой от проступающих мышц. Доминик слегка наклонился. Этого было достаточно, чтобы ее пальцы могли коснуться его блестящих волос, более мягких, чем она ожидала, а ее губы оказались в нескольких дюймах от его рта. Чем это может кончиться? Он ее поцелует? Или повалит на кровать, чтобы совершить грубое насилие? Она приоткрыла рот и, когда холод сознания совершаемого бесчестья проник в ее сердце, приготовилась выполнить обещание.

Доминик улыбнулся, ямочки на его щеках стали заметнее. Он властно притянул Кэтриону к себе. Сладостное чувство согревало ее кожу. Пламя могло разгореться в любой момент – так вспыхивает молния в темных летних облаках.

У него затрепетали ноздри, когда его рука быстро спустилась по ее шее и через платье провела по ее груди. От соприкосновения с его пальцами сосок мгновенно поднялся; волна удовольствия, пробежав по телу, переместилась в живот. Ей хотелось согнуть колени, развести бедра и позволить ему войти в себя. О Боже, неужели это происходит с ней?

Пальцы Доминика неожиданно остановились.

– Идите с Богом! – Он оттолкнул ее и опустил руки. – Не предлагайте себя распутнику, если не имеете настоящего желания, или я овладею вами прямо сейчас, на этой постели. Неужели во имя спасения чужого ребенка стоит жертвовать своей невинностью?

Кэтриона без сил упала в кресло. А если бы он поцеловал ее? «Дева Мария, мать Божья, помоги!» Чтобы скрыть дрожь, она скрестила руки на груди.

– Откуда вам знать, кто я и чего я стою?

Доминик отвернулся и, приблизившись к кровати, опустил глаза на покрывало.

- Конечно, я не могу знать. Хотя я хотел бы, видит Бог, хотел бы, чтобы вы и в самом деле были распутницей. Но вы не такая.

Кэтриона опустила глаза.

- Там остался ребенок, - упрямо твердила она. - И только вы можете спасти его. Все прочее не имеет значения.

Это по крайней мере было правдой.

Доминик откинул в сторону полу пиджака и небрежно сунул руку в карман брюк.

- Ну, коли так, начнем собираться в Шотландию, мисс Синклер. Будем спасать несчастного ребенка.

- Так вы едете?! - недоверчиво воскликнула она. Его ухмылка показалась ей просто неприличной.

- Помимо благородных целей меня разбирает любопытство. Дьявольски интересно, кто же его отец! Но...

Кэтриона все еще ощущала прикосновение его пальцев и пульсацию внизу живота, в том месте, где сходятся бедра.

- Но?

- Вы ясно представляете, кто я, и с таким человеком поедете в одной карете. Что подумают о вас в уважаемом семействе из Стерлинга? Связать свое имя с моим, пусть даже на короткое время, равносильно гибели. После этого вы никогда не найдете себе работу. Вы ведь не можете допустить этого, не правда ли, мисс Синклер?

Она глубоко вздохнула:

- Меня это не волнует.

- Вы по-прежнему предлагаете себя, хотя знаете наверняка, что ваш контракт в Стерлинге полетит к черту?

- Я не откажусь от своего слова.

Доминик засмеялся:

- Я тоже, но, клянусь, поеду только в том случае, если мы будем вместе. Я настаиваю на этом. Раз так, сплетен нам не избежать, и я не понимаю, как вы можете добровольно жертвовать своей репутацией! - Он умолк и задумался, будто что-то прикидывал. - Знаете, что мы с вами сделаем, мисс Синклер? Мы поедem туда тайком. Прокрадемся в Шотландию, как мыши под деревянный пол. Вам придется полностью положиться на меня. Вы не будете мешать мне делать все приготовления, которые я сочту уместными. Тогда ваша репутация не пострадает.

Короткое время ее будущее висело на волоске, и вот ситуация разрешилась.

- Я не ожидала, что вы окажетесь столь великодушным. - Кэтриона даже не пыталась скрыть

удивление. - И какова будет цена?

Доминик небрежно пробежал рукой по резному столбику кровати.

- Ваше целомудрие, разумеется. Ваша добродетель, но в истинном понимании. Я хочу, чтобы вы подошли к этому осознанно, и не стану брать вас силой. Вам это кажется странным?

Кэтриона пристально посмотрела ему в лицо.

- Мне не нужно ни вашего смущения, ни притворства, - продолжал Доминик. - Я поеду в Эдинбург, даже возьму на себя все заботы о ребенке, но взамен не только потребую вашу целомудренность, но и посягну на ваше сердце. И еще, вам придется примириться с моим отвратительным характером. Это мои окончательные условия. Вы готовы заключить такое соглашение?

«Я возьму на себя все заботы о ребенке». Облегченно вздохнув, Кэтриона кивнула:

- Я согласна.

Ботинки тяжело зашлепали по деревянным половицам, и тут же в ее руке оказался носовой платок.

- Это слезы счастья? - тихо спросил Доминик, награждая ее улыбкой; однако в голосе его все еще чувствовалось недоверие. - Не будьте слишком самонадеянны. Ваше сердце будет разбито, я вам гарантирую. Что вы скажете на это?

Кэтриона встретила его взгляд со всем презрением, на какое только была способна.

- Я сумею вам противостоять, майор Уиндхэм.

- О, нет, моя дорогая, не сумеете - эту игру женщины всегда проигрывают. Вы не боитесь, что те ужасные истории, которые обо мне рассказывают, соответствуют действительности? - По голосу невозможно было понять, говорит ли он это серьезно. - С кем сейчас ребенок? - неожиданно спросил он.

- Со своей няней. Миссис Макки обещала побыть с ним месяц.

- Тогда нужно отправляться немедленно. Мы ничего не скажем лорду Уиндрашу, иначе мой брат не упустит случая показать свое благородство и попытается вмешаться. Утром Джек отправляется в деревню, так что не будем нарушать его планов: пусть себе едет, а мы продолжим нашу пьесу. Теперь ложитесь спать, вам нужно отдохнуть. - Он поднес ее руку к губам. - За наше путешествие, мадам, - и ваше совращение.

Кэтриона не отрываясь смотрела вслед Доминику. Осторожные выверенные движения хищника. В дверях он остановился и повернулся, чтобы улыбнуться ей.

- Кстати, я сильно напился, значит, наутро мне обеспечена адская головная боль и настроение будет как у потревоженного барсука. Вам придется смириться с этим. А как зовут ребенка?

- Эндрю. - Кэтриона на секунду прикрыла глаза. - Спасибо вам, майор Уиндхэм.

- Вы думаете, это в некотором роде акт благотворительности, мисс Синклер? Ничуть не бывало! Не важно, кто отец этого мальчика. Я - муж Генриетты, и любой ее ребенок считается моим; поэтому мне положено взять его на свое содержание. Какова бы ни была моя репутация,

закон доверит мне малыша. Вы знали это, не так ли, и просто хотели вмешаться раньше, чем он пострадает. Ну что ж, иметь желание никому не возбраняется. Теперь вам придется заплатить за это больше, чем вы рассчитывали.

Откланявшись, он вышел, а Кэтриона в течение нескольких минут неподвижно смотрела на тяжелые дубовые панели, окружавшие ее со всех сторон. Ощущение прикосновения его губ все еще оставалось на ее ладони. Надеялась ли она вопреки всем доказательствам найти в нем благородного защитника и спасителя, ждала ли, что он поможет ей и разделит бремя, которое она на себя взвалила?

Встав, Кэтриона посмотрела в зеркало над камином: лицо ее пылало, глаза блестели. Она вытащила шпильки и, тряхнув головой, распустила темные волосы по плечам. Ни один мужчина никогда не заставлял ее в таком виде. Ее платье оставалось по-прежнему полурасстегнутым; теперь она расстегнула его до пояса и критически осмотрела две белые округлости. Вены вспыхивали под кожей, как голубые молнии, в такт дыханию. Крошечные рыбки? Какое нелепое сравнение! Но что это? Пока она разглядывала себя в зеркале, соски сморщились от прохладного воздуха, словно напоминая о его прикосновениях. «Эту игру женщины всегда проигрывают».

Будь он неладен! Какая же она глупая! Искала героя, а нашла пьяного распутника, возомнившего о себе бог знает что. Правда, внешне он был весьма привлекателен, тут ничего не скажешь, а вот за душу его она и двух битых яиц не дала бы!

Глава 3

В коридоре горела свеча; колеблющееся пламя отбрасывало на стены причудливые тени, расплывшиеся по углам напоподобие неких загадочных существ. Доминик стоял возле двери, опершись затылком о косяк. Вот наваждение! Какая нечистая сила вселилась в него и подвигла на эту миссию? Ночная вылазка не прошла бесследно. Шок вызвал это смятение чувств и сделал его уязвимым. Попав в опасные дебри, он работал руками и ногами энергично, как только мог, в итоге же запутался еще больше, как охотничья собака в зарослях. Он поедет в Шотландию с этой горячкой и, конечно же, не даст пропасть ребенку! Но справится ли он с самой строптивницей и ее чопорностью? И как она смела так грубо бросать ему в лицо обвинения? Откуда такая предубежденность?

Однако недовольство быстро отступало перед памятью. Еще минуту назад губы, алые и горячие, как огонь, были готовы поцеловать его, и он хотел этого. Он хотел, чтобы пуговицы на ее платье оставались расстегнутыми, и он мог, высвободив ее соски, приблизить их к своему рту. Она непременно пошла бы так далеко, как он требовал. Может, нужно было не отступаться и добиваться большего?

Ирония заключалась в том, что человек с репутацией греховодника только что вел себя, как святой. Кэтриона – имя, звучащее певуче, как стихи; ее кровь была полна старинной музыки; ее тело могло бы смягчить его горе, равно как и унять вспыхнувший в нем гнев. Она могла дать ему успокоение, здесь и сейчас, на той кровати с балдахином на четырех столбиках, но, увы, с ненавистью в сердце!

Нет, он совсем не хотел, чтобы его ненавидела еще одна Женщина. Зачем, если есть столько других, обожающих? С тех пор как он вернулся с войны, у него пока не было недостатка в женском внимании. Вся дамская часть бомонда, одолеваемая инстинктом и любопытством, охотно раскрывала ему свои объятия. Многие леди лично желали узнать, на что это похоже –

провести ночь в постели с распутником, и в течение четырех лет он старался их не разочаровывать. Доминик был искусным любовником, но еще никогда не выступал в роли соблазнителя.

На этот раз он бросил безрассудный вызов, который Кэтриона Синклер не колеблясь приняла. «Я сильно напился. Вам придется мириться и с этим тоже». Может, его временное помрачение было вызвано пьянством? Или за время агентурной работы он утратил способность к здравомыслию, приучил себя создавать сложности там, где их вообще не должно быть? Как бы то ни было, в одном он был убежден твердо: эта особа вводила его в заблуждение, хотя он не знал, в чем именно состоит ее ложь. Чтобы заполучить его в союзники, она была готова пожертвовать всем, даже своей невинностью. Почему? Что побуждало ее так самозабвенно защищать незаконнорожденного ребенка другой женщины?

Оплавившая свеча полностью догорела, а он так и не пришел ни к какому решению. Эндрю, безвестный ребенок Генриетты, в год и три месяца остался один среди чужих людей. Малыш уже, вероятно, научился твердо стоять на своих маленьких пухлых ножках. Какой он из себя? Белокурый, голубоглазый, с улыбкой, похожей на радугу? Когда-то Доминик мечтал, что у них с женой родится такой сын.

В тишине было слышно, как где-то в глубине дома тикают часы. Потом возникла россыпь беспорядочных звуков, и после этого перезвона гонг отбил четверть.

До утра оставалось совсем недолго: пора было приступить к исполнению первой части этой фантастической сделки. Каковы бы ни были его сомнения в честности этой женщины, Доминик знал, что ее репутация не должна пострадать, и в оставшиеся часы он собирался позаботиться об этом.

Вымывшись холодной водой, Доминик разыскал в комодке чистую рубашку и, задержавшись у буфета, сделал пару глотков бренди из погреба брата, а затем, надев костюм, покинул дом. Через пустынные улицы он быстро направился к мебелированным комнатам на Райдер-стрит, вошел в подъезд и, поднявшись по лестнице, постучал в самую верхнюю квартиру. Заспанный слуга открыл ему дверь.

- Разбуди лорда Стэнстеда и доложи ему, что пришел майор Уиндхэм.

Лакей поскреб свой парик, наспех надетый поверх ночного колпака.

- Его светлость изволят крепко спать. У них там девка и все прочее!

Доминик, не обращая на него внимания, прошел мимо.

- Приготовь кофе, зажги лампы и дай шлюхе шиллинг, - сказал он не оборачиваясь. - Твой хозяин будет рад видеть меня, чтобы там у него ни происходило.

Слуга поспешил исполнить поручение, и через десять минут Доминик уже сидел напротив лорда Стэнстеда. Сын герцога с сонной улыбкой смотрел на своего друга, видимо ожидая от него какого-нибудь очередного сногсшибательного предложения.

- Стеганный халат, - сказал Доминик. - Ты прямо как восточный властелин, черт побери! Я полагаю, надо сменить его на другой костюм: синий с золотом шелк будет выглядеть не очень подходяще, если мы выйдем на улицу.

- Выйдем? Чего ради? - Стэнстед пожал плечами. - Что там делать в такую рань?

- Пить, играть в карты, шататься по девкам, скандалить! Чем больше шума, тем лучше.
- К черту все твои затеи! – простонал лорд. – Опять какое-нибудь проклятое пари!
- Не совсем. На сей раз виной всему младенец, нуждающийся в помощи.
- Младенец? – Конопатое лицо Стэнстеда вдруг засветилось, как солнце на восходе. – Надеюсь, он чувствует себя хорошо?
- Да не у меня, у Генриетты. В Эдинбурге живет ее незаконнорожденный сын. После смерти матери у ребенка больше никого не осталось, и теперь я должен за все отдуваться. Какая-то чертовщина, ты не находишь?

В первое мгновение Стэнстед не мог произнести ни слова.

- Незаконнорожденный? – наконец медленно повторил он. – У Генриетты был сын, и он не твой?
- К несчастью, нет. Парадокс судьбы. Забавно, не правда ли? Генриетта ухитрилась сохранить все в секрете, и вот после ее смерти такой сюрприз.

Сын герцога налил им обоим кофе, рука его дрожала.

- Генриетта! Боже мой! И ты собираешься помочь мальчику? Что ты имеешь в виду?
- Я должен забрать его к себе. Коль скоро мне доведется побывать в Эдинбурге, я могу поговорить с Розмари и даже, если хочешь, захвачу для нее послание.
- Два года назад я был у Розмари. – Стэнстед вздохнул. – Отец заставил меня поехать. С тех пор я ее не видел. Его милость упорно хочет внука, чтобы наш благородный род не угас вместе со мной, его мечта – иметь наследника, прежде чем ко мне перейдет герцогский титул. Только все равно Розмари никогда не вернется, так же как и Генриетта не вернулась бы. Но зачем тебе самому ехать в Шотландию? Разве ты не можешь отправить кого-нибудь за ребенком?

Кого-нибудь? Нет, он не мог так поступить! Маленький Эндрю и так всеми покинут – не хватало еще, чтобы его упаковали как посылку в коричневую бумагу и погрузили на корабль, отплывающий в чужую страну. Чьей бы плотью и кровью ни был этот ребенок, он не виноват в прегрешениях своих родителей. И потом, это дитя любила Кэтриона Синклер – любила так сильно, что даже была готова, если потребуется, пожертвовать своей целомудренностью.

Доминик поднял глаза на приятеля.

- Кажется, ты еще не до конца поверил в серьезность моих намерений. В Эдинбурге я буду трезв как стеклышко и полон сознания важности своей миссии. Мой отъезд должен пройти незаметно, поэтому мне нужна твоя помощь. Я хотел бы, чтобы ты как можно дольше поддерживал у всех убеждение, будто я еще в Лондоне.

Рыжие волосы Стэнстеда, казалось, шевелились от мыслей, отражаясь на поверхности кофейника, как распускающиеся цветки, как крошечные язычки пламени.

- Опять какая-то безумная игра! Зачем ты втягиваешь меня в свои дикие планы, Уиндхэм?

Доминик вздрогнул. Даже крепкий кофе не мог противостоять волнению, пробежавшему по его жилам. Зачем он едет? Ради неизвестного ему маленького мальчика? Или в память о

собственном сыне, которого он похоронил в гробике размером меньше ящика письменного стола?

- Кого же мне просить, как не тебя! - Он со стуком поставил свою чашку. - Не пугайся, Стэнстед, тут нет ничего сложного. Сейчас мы с тобой устроим публичный дебош, а завтра ты пустишь «утку», что я еще не оклемался с перепоя. Любопытные и сочувствующие будут искать меня в моих апартаментах, но слуга встанет грудью у дверей и никого не пустит. Пройдет несколько дней, и ты, вероятно, услышишь восхитительные домыслы; я же к этому времени уже достигну столицы Шотландии. Мое появление там вполне может сойти за случайность, и никто не будет знать моей истинной цели.

- Ты с ума сошел?

- Ну да. - Доминик улыбнулся. - Я сошел с ума.

- О Боже! - Стэнстед налил себе бренди. - Признайся лучше, не стоит ли за всем этим женщина?

- Разумеется. Что здесь нового? На сей раз это степенная северянка, до ужаса добродетельная.

- Девушка в карете?

- Она самая. Печально, но все мои недозволенные приемы оказались напрасными. Стоическая неприступность, укрепленная шотландскими ценностями и подогреваемая чрезмерной подозрительностью. Тем не менее мы едем вместе и без приставленной в качестве надзирательницы почтенной дамы. Неосмотрительно с моей стороны, это ты собираешься сказать? Как бы там ни было, но я в самом деле не хочу испортить ей репутацию.

На минуту в комнате воцарилось молчание, и слышно было, как Стэнстед глотает свой кофе.

- Но зачем, Доминик? - внезапно спросил он. - Не легче ли найти шлюху? Она с удовольствием поедет с тобой.

О Боже! Вся его жизнь и так заполнена одними шлюхами. Доминик вдруг ощутил острую тоску и потребность в переменах.

- Когда благопристойная леди ежится от одного твоего вида, как будто ты Люцифер, хочется позволить себе какую-нибудь компенсацию. - Он стянул перчатки. - Можешь не сомневаться, сия особа непременно будет обесчещена, только это не получит огласки - вот почему ты должен мне помочь. А теперь, прошу тебя, одевайся.

Они вышли из игорного зала и, пошатываясь, побрели в место еще менее достойное. Это было самое шумное и низкопробное из всех заведений, которые Доминик только мог отыскать. Стэнстед уже едва держался на ногах - его физиономия белела под рыжими волосами, как оконная замазка на проржавевшей раме; однако Доминик, непоколебимый в своем стремлении к цели, продолжал тянуть его сквозь лабиринт улиц. Двое мужчин горланили, пили вино, забавлялись и, когда окружавшая их ночь подходила к концу, уже были всеми замечены. В это время денди возвращались в свои дома, крадучись, как вампиры, стараясь успеть замести следы до восхода солнца. Интересно, отражаются ли они в зеркале и исчезают ли, как настоящие вампиры, при виде креста с таким же пронзительным криком?

Пребывая в полном расстройстве всех чувств, Доминик подарил увязавшейся за ним шлюхе гиней - без сомнения, это были самые легкие деньги из всех, которые она когда-либо

заработала, - и ощутил себя безнадежнейшим глупцом.

Он возвращался на Сент-Джеймс-стрит, буквально волоча на себе Стэнстеда. К этому времени простой люд уже начал выползать на улицы, как сонм сурков после долгой зимней спячки; по мостовой прошлепала шумная стая гусей вместе с покрикивавшей на них девочкой, а затем...

Джентльмен, двигавшийся им навстречу, отнюдь не был настроен дружелюбно: он поднялся в столь ранний час по рекомендации врача и в сопровождении камердинера гордо шествовал по улице, совершая свой ежедневный моцион. Два незадачливых великовозрастных шалопаю оказались перед лицом суровой реальности - встреча весьма нежелательная в данных обстоятельствах.

Отец Стэнстеда направил на них свой лорнет.

Прежде чем подойти ближе, он, опустив лорнет, бросил короткий взгляд на сына.

Доминик поклонился, удивляясь, как ему еще удавалось сохранять равновесие.

- Доброе утро, ваша милость.

- Я вижу, мой сын подыскал себе достойную компанию. - Герцог и бровью не повел. - Вы топите в вине свою печаль, майор Уиндхэм, или празднуете удачный виток фортуны?

- Ни то, ни другое, - сказал Доминик. - Просто издержки молодости.

- В самом деле? Впрочем, после смерти Генриетты вы действительно свободны и можете снова вступить в брак. Я желал бы того же для моего сына.

Свободен, чтобы снова жениться? Что-то Господь его не надоумил, а ему самому это даже на минуту не пришло в голову.

- Увы, сие от нас не зависит! - Доминик вздохнул. Для мужчины его лет герцог Ратли выглядел еще очень крепким. Стэнстед был его единственным сыном. Опасное положение, учитывая, что дочь в расчет не принимается.

- Вы правы. Всего наилучшего, сэр.

- Будьте здоровы, ваша милость.

Герцог кивнул и удалился, сопровождаемый слугой.

- О Боже, меня сейчас вырвет. - Стэнстед, казалось, еще больше побледнел; он едва держался на ногах. - Папаша хочет, чтобы я произвел наследника для продолжения этого проклятого рода, а разве я могу, если я здесь, а она в Шотландии и живет как монахиня? У тебя по крайней мере нет отца, так и не перед кем отвечать.

Доминик посмотрел на бледное лицо с веснушками, которые стали еще ярче, и ему вдруг стало жаль своего несчастного друга. Сейчас он уже раскаивался, что втравил Стэнстеда в столь безнадежное дело. И зачем ему это понадобилось? Потому что жена Стэнстеда очаровала Генриетту и увезла в Шотландию? Но при чем здесь Стэнстед? Он не виноват, что общество Розмари так много значило для Генриетты.

И Кэтриона Синклер тоже не виновата.

Конечно, он не собирался ее обесчестить, как бы велико ни было искушение, но, несомненно, чем-нибудь ей насолит. Нужно немного побеспокоить эту мисс за то, что она голословно осуждала его, хотя явно чего-то о себе недоговаривала. Раз теперь его жизнь утратила всякий смысл, должна же судьба предоставить взамен хоть какие-то развлечения? Правда, Кэтриона Синклер походила на человека, живущего тайной мечтой и отчаявшегося увидеть ее воплощенной, а чужое отчаяние – не предмет для забав. Лучше он поможет ей, чтобы расслабилась строгая линия ее губ, смягчилась та неведомая печаль, которая сделала эту женщину такой суровой, и пусть даже на мгновение снова появилась улыбка счастья на ее лице.

- Небось собираешься снова жениться? – не слишком уверенно спросил Стэнстед.

- Не мели ерунды. – Доминик чуть не поперхнулся. – Об этом не может быть и речи. И вообще пора уже мне отвести тебя домой.

Рано утром Кэтриона была разбужена шумом, плавно, как волны, проникавшим в комнату снаружи. Она быстро оделась и собрала свой небольшой чемодан, а затем, тщательно завязав тесемки английской шляпы, бесшумно сошла в холл и стала ждать.

Пятью минутами позже туда широкими шагами вошел Доминик – лицо его казалось усталым и очень сердитым. Он был в сорочке с высоким воротничком и при галстукке, однако его костюм выглядел неопрятно, а кожа под глазами казалась выпачканной темной краской.

Остановившись, он поклонился:

- Экипаж подан, мадам. Нам остается пожелать себе веселой дороги.

- Вас не было дома?

- Всю ночь, мисс Синклер. Изобретал грехи в мастерской дьявола. А вы чем занимались?

- Писала записку вашему брату, – сухо ответила она. – Надо было хотя бы поблагодарить его. Я многим обязана графу.

- Зачем вы это сделали? – взорвался Доминик. После ночной попойки характер его явно не улучшился. – Не надо трогать Джека – он должен остаться в дремотном неведении. По крайней мере так он не будет беспокоиться, что с нами может что-то случиться, и не станет вмешиваться в наши дела.

Кэтриона отвела глаза.

- Несмотря на ваше нежелание, я считаю, что записку нужно оставить. Лорд Уиндраш должен знать, что мы едем вместе.

Доминик схватил ее за руку.

- Ради Бога, не делайте этого, мисс Синклер! Его светлость мог показаться вам обходительным, у него приятные манеры, но характер еще более скверный, чем у меня. Кроме того, не забывайте, что привело вас сюда. По закону ребенок принадлежит мне, и мой брат не может решать, что с ним делать. Поверьте мне, Джек не захочет вам помогать; более того, он пойдет на самый страшный грех, чтобы этого ребенка не стало, потому что не пожелает терпеть у себя в роду чужака. Навязать неизвестно чьего сына Уиндхэмам? С Джеком это не пройдет. У него нет детей, и незаконнорожденный ребенок может стать потенциальным наследником графства.

Если вы хотите, чтобы маленький Эндрю жил в комфорте и получил надлежащее воспитание, вы должны довериться мне, так как я – ваша единственная надежда. Жестоко, зато верно. Где эта злополучная записка?

Не дожидаясь ответа, Доминик прошел к столику с серебряным подносом, на котором лежал сложенный листок, скрепленный восковой печатью. Он быстро вскрыл письмо, пробежал глазами несколько строк и порвал листок на клочки.

- Ну вот, теперь можно ехать.

Кэтриона, подавив раздражение, следом за ним вышла из дома. Кем бы ни оказался этот человек, он мог обеспечить протекцию Эндрю, что для малыша было жизненно необходимо. Несомненно, однажды Доминик Уиндхэм узнает о том, что она от него утаила, и тогда... Впрочем, что сейчас раздумывать об этом – все равно другого пути не существует, только так она сумеет добиться нужного результата. У Доминика есть власть и положение, гарантирующие, что доказательства будут приняты во внимание и признаны достаточными. Кто еще может дать такой же шанс ребенку, а с ним и Глен-Рейлэку вместе со всеми населяющими его душами, чья судьба сейчас висит на волоске? Если расплатой за их спасение является опасное путешествие с этим человеком, ей нужно смириться: она поедет в его компании – одна, без опоры и защиты.

Покрытая лаком карета с впряженной четверкой гнедых уже ждала их у подъезда.

- Вы удивлены, мисс Синклер? – Доминик бросил на нее насмешливый взгляд. – Наверное, ожидали чего-то другого? Не ехать же нам в открытом экипаже с высоким сиденьем: так вы можете потерять вашу шляпку, и тогда дождь вымочит вас до костей.

- Я думала, мы поедем тайно...

- Ну разумеется! Никому из моих знакомых даже в голову не придет, что это средство передвижения каким-либо образом связано со мной. А вы представляли, что мы нарядимся цыганами и подобно им поедем в фургоне? Я предпочитаю более разумный вариант, он же – более удобный. До Эдинбурга больше четырехсот миль; если мы будем делать по шестьдесят миль в день, поездка займет семь дней, так что я просто обязан подумать о комфорте.

- Семь дней? – Кэтриона с тревогой взглянула на него. – Но на станции мне сказали, что...

- Верно, они едут круглые сутки, а я не вижу необходимости совершать такой подвиг. Ночью у нас будет прибежище с пуховой периной и одеялами, под которыми так хорошо смотреть сладкие сны. А почему бы и не семь дней – вы ведь сами сказали, что ребенок еще целый месяц будет под присмотром. Для верности я отправил няньке послание, подкрепленное золотом и всевозможными заверениями, чтобы миссис Макки не сомневалась. Семь – это магическое число в конце концов. Семимильные шаги, семь гномов и семь смертных грехов, это как раз для нас – по двадцать четыре часа на каждый грех.

В быстром мелькании слов Кэтриона почувствовала скрытую угрозу.

- Я не настолько хорошо знаю английский, – осторожно сказала она. – Что вы имели в виду, говоря про грехи?

Доминик улыбнулся, словно он и был сам дьявол.

- Об этом сказано в Писании, дорогая. Первый – гордыня. Это ваш грех. Остальные шесть:

алчность, похоть, гнев, обжорство, зависть и лень – мои. Из недели нашего путешествия мы с вами можем отвести по одному дню на каждый грех в порядке очередности.

Кэтриона не знала о существовании подобной притчи, и ей это ровным счетом ничего не объясняло.

– Вы подтруниваете надо мной, майор Уиндхэм? Я выросла вдалеке от английских гостиных, и мне, как и нашим людям, не понять ваших прибауток и вашего остроумия. В наших скандинавских стихах лишь дикая природа, море да вереск, а грех мы не поминаем всеу.

– Поверьте, я тоже. – Доминик перестал улыбаться. – Когда дело касается греха, я становлюсь очень серьезным. Но грех греху – рознь. Говорят, гордыня – худший из всех, мисс Синклер. – Он взял чемоданчик с ее вещами и забросил его в экипаж. – Может, вы оставите наконец свою чопорность или хоть поубавите ее немного? Умоляю вас, садитесь, и давайте уедем наконец.

Она нехотя подчинилась. Карета сдвинулась с места. Доминик расположился на сиденье рядом и, откинув голову на тугую подушку спинки, закрыл глаза. Кэтриона задумчиво смотрела на него. Гордый мужчина. Гордость засела даже в разрезе его ноздрей и, уж конечно, в рыцарских манерах. «Только вам придется заплатить за это больше, чем вы рассчитываете». Но она уже и так рисковала самым важным в своей жизни, а потому без колебаний примет его вызов, если это потребуется.

– Может, вы путаете гордыню с достоинством? – решила спросить она.

Его лицо осталось бесстрастным.

– Я? Не знаю. Гордыня – это грех духа, а достоинство – особый дар, однако и то, и другое сочетается в себе скрытность и самонадеянность, поэтому, возможно, они не так далеко отстоят друг от друга. Вы, мисс Синклер, кажетесь очень уверенной в своей праведности, но я не знаю, сила ли это или просто вас никогда по-настоящему не соблазняли.

– А вас? – словно невзначай спросила она.

– О, да. Слишком много и слишком часто. По правде говоря, я очень устал от этого.

Восходящее солнце золотило улицы, в воздухе чувствовались теплые запахи сгорающего угля, варева в чанах дубилен и свежего помета. Проснувшийся Лондон начинал требовать пищи. Столб света пролился сквозь окно кареты, освещая руки, свободно лежащие на коленях. Длинные, четко вылепленные пальцы, красивые холеные руки, вызывающие приятные воспоминания. Кэтриона вспомнила эти пальцы, расстегивающие пуговицы у нее на груди, касающиеся ее кожи, дразнящие ее сосок чувственным обещанием. Но, как известно, возбудить плоть несложно.

На перекрестке карета свернула в сторону, и только тут Кэтриона сообразила, что, замечтавшись, не заметила, как Доминик уснул.

Карета упруго подскакивала в такт размеренному ритмичному цоканью копыт. Кэтрионе снились холмы вокруг озера и главная башня Дуначена. Орлы, парящие над Бен-Уайвисом, зорко вглядывались в заросли пурпурного вереска, сбегаящего к сверкающей воде, словно складки кардинальской мантии; с моря доносились крики чаек, паривших над волнами. «Я больше не вернусь», – тихо сказал кто-то по-гэльски, но шепот затерялся в завываниях ветра, принесшего запах медленно клубившегося над узкими горными долинами тумана.

Нежные пальцы убрали волосы с ее щеки. Мягкие, деликатные прикосновения рождали ощущение ласки.

- Тсс, - произнес мужской голос. - Не пугайтесь. Вы уснули, так же как и я. Черт подери, должен признаться, что именно по этой причине я чувствую себя несколько лучше - мы спали как два щенка, совершенно невинно и чисто. Позвольте я помогу вам сесть.

Экипаж подбросило, и Кэтриона почувствовала легкое головокружение. Первые несколько секунд она вообще не могла ничего понять. Доминик Уиндхэм по-прежнему сидел в углу, а она, придвинувшись к нему, уютно, как в гнездышке, устроила голову у него на плече. Он баюкал ее одной рукой, тогда как другой ритмично поглаживал по щеке.

Происходящее потрясло Кэтриону до глубины души. Тут же отстранившись от него, она вдруг заметила, что ее английская шляпка лежит на противоположном сиденье с вытянутыми вдоль тесемками, напоминающими скрученные чулки.

- Дьявольски неудобная штука. - Доминик уныло кивнул на головной убор. - Так противно колола мне подбородок. Надеюсь, вы не возражаете?

- Возражаю! - Она быстро подняла на него глаза. - Впредь я не намерена позволять никакой фамильярности.

- Не глупите - вы же сами использовали меня как подушку. Неосмотрительность - это приятная мелочь, а не грех. Платой можно пренебречь. Во всяком случае, я уже получил точно по счету.

Она встряхнула головой, и ее волосы на миг разлетелись в разные стороны.

- Видите, что вы сделали, - с укором сказала она, вытягивая пряди, зацепившиеся за пуговицы его пиджака.

Доминик оживился:

- У вас очаровательные волосы, прекрасные, как летний день. В них все краски ночи вперемешку с лунным светом. Они как крыло черной птицы. Представляете, какво распустить все это одной рукой?

- Матерь Божья! - Кэтриона поспешно собрала волосы в пучок. - Вы бесцеремонны.

Доминик ухмыльнулся.

- Но вам ведь было приятно, да? А в удовольствии нет греха.

- О, если бы! - Она вспомнила свое отражение в зеркале, взлохмаченную голову и пылающее лицо. - У плоти свои законы, и поэтому она часто подводит нас, например, после того, что вы только что сделали! Разве это не путь к греху? Вы - грабитель. Вы посягнули на мои права. Только я могу решать, расплетать мне волосы или нет, а вы лишили меня этой возможности.

Доминик с недоверием посмотрел на нее.

- А разве вы сами захотели бы?

- Нет, но что с того? Не думайте, что я ханжа. Мы, шотландцы, не так уж ценим целомудрие - свободно отдаться любимому мужчине не стало бы бесчестьем для меня. Но это будете не вы,

сэр, иначе мне придется возненавидеть вас!

Доминик задумчиво посмотрел на свою спутницу, потом повернулся к окну и стал пристально оглядывать дорогу.

- Говорят, ничто не стоит так близко к любви, как ненависть. - Голос его теперь звучал более жестко. - Скоро я сниму с вас платье, и вы примете мои условия. Уговор дороже денег. А как вы думали? Что вы будете неприкосновенны? Нет, я буду вас трогать, моя дорогая. Некоторые части тела получают удовольствие от прикосновения. Сегодняшний день посвящен гордыне, а завтра мы исследуем алчность. До открытия процесса искушения еще уйма времени. Или вы хотите расторгнуть наше соглашение?

Узел волос на затылке сделался тяжелым и горячим. Искушение. В этом мужском теле все искушало.

- Я бы расторгла, но не могу. Ребенок.

Доминик закинул ноги на противоположное сиденье и прикрыл глаза.

- Расскажите мне о нем.

Она вздохнула с облегчением, радуясь передышке.

-Он ужасно сердится, если не может добиться своего, но зато, когда доволен, это само очарование. От его улыбки зеленая ягода на рябине становится красной. Спящий, он похож на крошечного темноволосого ангела.

- Темноволосый? Но волосы Генриетты были светлыми, как молоко со сливками. Значит, пошел в отца?

Что могло сделать красоту еще совершеннее? Вырез ноздрей и линия подбородка? Чувственный рот? Золотистое сияние падающих лучей? Чем ее так привлекал этот мужчина? Пьянящей смесью энергии и предельной раскованности?

- Его отец был темноволосым, - рассеянно ответила Кэтриона, - и голубоглазым.

Доминик приоткрыл один глаз и посмотрел на нее пронизательным взглядом.

- Вы его знаете? - ехидно спросил он.

Как она могла проговориться! «Если вы откажетесь от малыша, его отец так и останется для всех неизвестным!» Не ее ли это слова? Запомнил ли он, что она вчера сказала? Разумеется, нет. Конечно, нет - ведь он был вдребезги пьян...

- Как я могу его знать? - быстро сказала она. - Но должен же он быть. Вне всякого сомнения.

Это был неожиданный удар, вызвавший в нем ярость и странное отчаяние. Его отец темноволосый и голубоглазый! Вон оно что. Она знала отца ребенка, Доминик нисколько в этом не сомневался: не зря интуиция подсказывала ему с самого начала, что эта северянка обманывает его. Ребенок не мог принадлежать Генриетте - невозможно вообразить, чтобы его жена изменилась так сильно. Она никогда не завела бы себе любовника, и это еще вернее подтверждало, что Кэтриона жестоко лгала.

Но если Эндрю не сын Генриетты, то чей? Ответ был совершенно очевиден. Вот почему она

согласилась на эту оскорбительную поездку, приготовилась поцеловать незнакомого мужчину, даже лечь с ним в постель. Минуту назад она сказала, что мало дорожит своим целомудрием. Еще бы! Безусловно, она знала отца ребенка, потому что... Потому что Эндрю – сын Кэтрионы Синклер!

Ну что ж, он вызовет в ней желание и подарит ей одну ночь, которую она никогда не забудет. Он разобьет ее сердце, а затем оставит.

До сих пор его сдерживала какая-то незримая нить. По мере того как клубок распутывался, нить становилась все тоньше, однако он упорно пытался не дать ей оборваться. Теперь нить с треском лопнула. Какого беса блюсти себя дальше, если взамен ему предложена такая черная неблагодарность? Черт бы ее побрал с ее ложью! Она непременно заплатит за это своим шикарным телом!

Придя к этому умозаключению, Доминик умиротворенно вздохнул: столь очаровательная перспектива не могла доставить ему ничего иного, кроме радости.

Карета съехала с центральной дороги, и грохота стало заметно меньше. Теперь по обе стороны тянулся высокий придорожный кустарник, пропитывавший воздух сыростью и запахом зелени.

Доминик потянулся.

- Ну вот, - сказал он, - почти приехали. Кэтриона подвинулась к дверце и выглянула в окошко.

- Где мы?

Доминик улыбнулся:

- Там, где будем ночевать. В Рейлингкорте. - В ледяных синих глазах не видно было тревоги, только решимость.

- Там есть гостиница?

Проклятие! Желание сделалось нестерпимым до боли.

- Как сказать.

- Но хотя бы комнаты?

Желание и ярость смешались в нем очень странным образом, и оба чувства жгли зло, беспощадно.

- Одна комната; мы с вами ее разделим. Вы едете как моя любовница, не забывайте об этом. - Голос Доминика наполнился нескрываемым сарказмом; он говорил совершенно спокойно, как будто внутри его что-то сломалось.

Глава 4

Они подъехали к парадному подъезду, и тут же Кэтриона почувствовала прохладную струйку, пробежавшую по ее спине. Страх. Это была не гостиница, а чей-то загородный дом.

- Что это за место?

Две ямочки появились на его щеках.

- Ах да, я должен был объяснить. Это Рейлингкорт, одно из поместий Уиндрашей. Маленькая частица их собственности.

- Не вашей?

Улыбка стала шире.

- У меня нет ничего - все унаследовал брат по праву старшего. Этот дом он сдает мне в аренду, с тех пор как я женился на Генриетте. Мы провели здесь наш медовый месяц.

- У вас совсем нет сострадания! - возмутилась Кэтриона.

Дверь открылась, и привратник вышел к экипажу.

- Сострадания? - удивился Доминик.

- К каждому из нас.

Она ступила на землю и следом за слугой направилась в дом. Доминик шел за ней как тень, заставляя ее болезненно остро сознавать его превосходство и силу.

Лакеи взяли пальто и чемоданы. Несомненно, их прибытия ожидали: должно быть, майор предупредил их депешей. Холл, отделанный полированными панелями, выглядел чистым и прибранным, хотя кое-какие мелочи говорили о том, что им давно не пользовались.

Доминик повел ее в западное крыло дома. Когда они вошли в гостиную, заходящее солнце бросало красный отсвет на изящные инкрустированные столы с резными ножками, золоченые кресла и стулья. На стенах висели картины с изображением замков на фоне природы. Тишь и благодать, типичная сельская идиллия, настраивающая на сентиментальный лад.

Не очень представляя, как вести себя дальше, Кэтриона подошла к окну и стала смотреть на расстилающиеся за деревьями бескрайние поля.

Доминик зажег свечи. Пока она стояла в своих старых туфлях, неловкая и полная тревожных предчувствий, он обходил комнату с тонкой свечкой. В разветвленных бра один за другим вспыхивали огоньки: пламя прыгало над белым воском, посылая поперечные тени на обои, заставляя искриться изогнутые спинки кресел.

- На редкость неудобный дом, но Генриетте он нравился. - Погасив свечу, Доминик повернулся к Кэтрионе и улыбнулся. Свет усиливал блеск его золотистых волос, подчеркивал очертания чувственного рта. - Расслабьтесь, мисс Синклер, вас никто не собирается обижать. Мы разделим спальню на равных, и так вечер станет интереснее. Ожидание возможного подобно специям - если ими попрыскать немного, это обостряет ощущения: вне времени, вдвоем, только вы и я! Эти дни будет невозможно пережить снова; так почему не разделить их друг с другом, не сделать каждый миг предельно ярким? Крошечная грань страха позволит нам почувствовать, что мы действительно живы.

- Страх - у вас? - Кэтриона недоверчиво прищурилась. - Вы боитесь?

- Немного. - Доминик уселся на парчовый диван, не отрывая от нее взгляда зеленых глаз. - Я не собираюсь принуждать вас, стало быть, мой риск больше вашего. Что, если вы не

поддадитесь соблазну? Тогда я останусь с носом, и у вас будет пища для самодовольства: вам останется праздновать победу и власть потешаться над глупым мужчиной.

Кэтриона осторожно присела на кресло.

- Хорошо. Признаюсь, я тоже боюсь, хотя точно знаю - это не из-за страха перед вами. Я боюсь собственной слабости. Кроме того, вы отвлекаете меня от моей цели. Существует дитя, чье счастье зависит от нас. Что хорошего даст ребенку эта глупая игра, которую вы затеяли?

Мимолетное страдание исказило изящные черты Доминика.

- Не думайте, что я забыл про ребенка. - Он быстро взглянул на Кэтриону, и она поняла, что его готовность к риску - не пустые слова. Этот человек и впрямь решился на опасный прыжок. - Вы ведь не знаете, что мой собственный сын погиб? Генриетта не смогла доносить ребенка...

- Из-за этого она ушла от вас? - спросила Кэтриона упавшим голосом.

- Ну что вы! Она оставила меня гораздо раньше, потому что я оскорбил ее самым непростительным образом. Тогда я получил первый большой урок и впервые принес в жертву свою гордость.

- Как это? - не удержалась Кэтриона.

Она ожидала от него совсем не такого поведения. Доминик не кокетничал и не говорил комплиментов - он без утайки рассказывал ей о своей судьбе. В такой манере подавать себя, бесспорно, было неповторимое очарование.

- Вас интересует, как дорого мне обошлось унижение? - уточнил он с юмором. - После той размовки Генриетта потребовала экипаж и помчалась в Лондон. Она нашла поддержку у своей матери, леди Арнхэм, и с головой ушла в благотворительность. Но до этого моя жена, всклокоченная и растрепанная, билась здесь в истерике.

- В истерике? Но почему?

- Как она объявила потом, муж, то есть я, склонял ее к одной непристойности. Ее мать рыдала, некоторым дамам стало дурно. Генриетта продолжала повторять, что я навсегда ее опозорил, и лорд Арнхэм велел привратнику вышвырнуть меня из дома. К сожалению, мне не хватило ума просто уйти; я стал возражать... Результат, уверен, вы сами можете вообразить. В общем, все закончилось неэлегантно и весьма неприлично.

- Почему вы рассказываете мне это?

- Я полагаю, вы должны знать, с кем имеете дело. В Лондоне это получило широкую огласку...

Кэтриона отвела глаза.

- Так с кем же?

Доминик засмеялся:

- С человеком, который знает, как чувствует себя взбешенный пес. Правда, собаки не имеют гордости, но, как вы можете видеть, от гордости у меня мало что осталось.

- Ее отсутствие делает собак более опасными.

Доминик небрежно заложил руки за голову.

- Я так не думаю. И все же тогда лорд Арнхэм был бы рад надеть на меня ошейник с шипами и намордник.

- Что было дальше?

- Предполагалось аннулировать брак, но тут Генриетта обнаружила, что у нее будет ребенок.

- Ваш ребенок?

- О, да! - Доминик энергично кивнул. - Стопроцентно. Собственно, поэтому все планы и отменили. - Теперь он говорил отрывисто, всем своим видом выражая презрение. - Конечно, от меня потребовали публичных извинений, что я и сделал. Меня также попросили урегулировать некоторые финансовые вопросы. Увы, все унижения оказались напрасными. Мне не было дозволено видеться с женой. Шесть месяцев спустя лорд Арнхэм скоростижно скончался: когда с ним случился удар, я как раз вернулся после нескольких месяцев, проведенных с армией Веллингтона. Генриетте сообщили о моем возвращении, и она бросилась с лестницы. Так у нее произошел выкидыш.

Кэтриона сидела притихшая, напуганная. Хорошо, что он ей поверил и принимал Эндрю за дитя Генриетты. У нее дрогнуло сердце. Знай она раньше эту историю, разве хватило бы у нее смелости явиться в Лондон?

- И как скоро Генриетта уехала в Шотландию?

- Сразу же, как только поправилась, они отправились в Эдинбург вместе с леди Стэнстед. Мне нужно было возвращаться в армию - я ведь солдат по профессии.

Кэтриона перевела взгляд на пляшущие огоньки свечей. Как он мог позволять себе всю эту роскошь на военное жалованье?

- Генриетта рассказывала мне, что она по-прежнему жила на ваши средства.

- Вот как? - с иронией в голосе сказал Доминик. - Впрочем, я в этом не сомневался.

Он повел Кэтриону в столовую, где их ждал накрытый стол. Блюда подавались одно за другим: морской язык, тушенная телятина под красным соусом, домашний сыр, запеченный миндальный пудинг, яблочные пирожные, тончайшие вина - несомненно, Доминик Уиндхэм не видел греха в излишних тратах и получал удовольствие от всей этой роскоши. Вместе с тем в нем ощущались простота и какая-то своеобразная безыскусственность. Когда со стола унесли остатки еды и убрали скатерть, Кэтриона дерзнула обратиться к нему - она нуждалась в ясности.

- Итак, вы сказали, что знали шотландских горцев... Любопытно, где вы с ними встречались?

- На Апеннинах. Ваши соотечественники исключительно хорошие солдаты. Гордый народ.

- И обязательный. Если шотландец дал слово, он не подведет своих родных, так же как и отечество, и никогда не докатится до такого позорища, чтобы к нему применили порку. Если он за что-то берется, то из кожи вон вылезет, но постарается сделать все как можно лучше.

Это у него в крови.

- Вы правы, я не видел более мужественных солдат, а многие офицеры стали моими друзьями, - сказал Доминик. Голос его звучал совершенно искренне. - Одного я особенно хорошо знал - он был родом из Глен-Рейлэка. Мы вместе попали в плен, и нам не оставалось ничего другого, кроме как обмениваться историями. Он рассказывал мне о фермах, разбросанных в широких долинах, о реках и пастбищах, о черных коровах с крутыми боками, пасущихся на Россширских холмах. О том, как поют женщины в домах, где даже самая скромная работа не обходится без песни. Я слышал, как рыба плещется в озерах, видел красного оленя, пробирающегося по горным тропам...

- Не надо, - дрожащим голосом сказала Кэтриона, - не рассказывайте мне больше!

- Почему я не могу поделиться с вами? - Доминик усмехнулся. - Этот человек подарил мне свою дружбу. Когда он говорил, его слова лились как музыка. Он рассказывал мне о пещере, где прятался, будучи мальчиком, чтобы наблюдать, как парят орлы, и я никогда не забуду его прекрасных описаний бескрайних просторов, сияния живых красок лета. Вероятно, все это вам знакомо?

Кэтриона сидела молча - волнение мешало ей дышать; однако Доминик, увлекшись воспоминаниями, продолжал безжалостно ранить ее:

- Однажды в полдень с чистого голубого неба посыпались огромные снежные хлопья: сверкая на солнце, они опускались на колокольчики, горечавку и мох. Солнце соперничало со снегом, и от их борьбы тени бежали по торфу. Постепенно наледь, покрывающая цветы, превращалась в бриллианты. Такой я помню Шотландию до сих пор. - Доминик взглянул на Кэтриону. - Этого человека звали Калем Макноррин, и он был капитаном. Я не знаю, что стало с ним потом.

Сердце Кэтрионы наконец не выдержало.

- В вас вселился дьявол! - воскликнула она. - Зачем вы рассказываете мне все это? Что, если я знаю этого человека и его историю?

Она поднялась с кресла и, оттолкнув его, спотыкаясь, побрела к двери.

Доминик последовал за ней.

- Что такое? Вы действительно были знакомы? - Он схватил ее за руки.

Взглянув на него сквозь слезы, Кэтриона покачала головой:

- Зачем вы спрашиваете? Как я могла не знать пещеру и Калема Макноррина? Вы только притворяетесь, что вас волнует его судьба. Он погиб в битве при Ватерлоо с одним из тех храбрых полков, которыми вы так восхищались.

- Боже праведный, - прерывающимся голосом произнес Доминик, - но я и в самом деле об этом не подозревал!

Он протянул руки, привлек ее к себе, окружая своим теплом, и она зарылась лицом в складки его рубашки, потянувшись к силе, исходившей от него.

Вырвавшись из плена и вернувшись домой, Доминик отказался взглянуть на списки погибших и раненых, настолько он хотел верить, что все, кто был ему дорог, остались живы. Калем в

своей неизменной красно-синей шотландке, с его жизненной силой и неистощимым юмором – как мог он умереть? Почему, черт подери, судьба так несправедливо распорядилась жизнью человека, много лучшего, чем он сам?

И вот теперь оказывается, что Калем Макноррин – тот самый человек, которого любила Кэтриона, а может быть, и отец ее ребенка.

Эта мысль ошеломила его. У шотландского горца, как и у Кэтрионы, были синие глаза и черные волосы. Он мог находиться дома в победное лето четырнадцатого года, когда был зачат Эндрю, – вероятно, они собирались пожениться. После смерти Калема она осталась одна, и теперь от отчаяния хваталась за соломинку, даже готова была использовать английского развратника ради спасения своего ребенка.

А развратник вдруг начал напоминать ей о погибшем любовнике. И не остановился даже тогда, когда ее глаза просили прекратить это беспощадное повествование, пока не стало слишком поздно.

«Я даже не подозревал». Слова слишком слабые, чтобы выразить душевную боль и сочувствие.

Доминик провел пальцами по ее щеке и подбородку так нежно, будто касался хрупкого китайского фарфора. Досада за все безрассудство минувших дней превратилась в нестерпимую тоску, сжимавшую ему сердце. Он приподнял ее лицо.

– Кэтриона, – начал он, запинаясь, – я проклятый глупец, но я ничего не знал. Это правда.

Она открыла глаза – словно сверкнула голубая сталь. Ее щеки вспыхнули, дыхание участилось, однако она не отстранилась, а, напротив, прильнула к нему.

– Из всех живущих на земле не было лучшего мужчины! – страстно сказала она.

– Да, это правда. – Доминик баюкал ее в своих руках, чувствуя кончиками пальцев мягкие пряди волос возле шеи.

У Кэтрионы задрожали губы. Под голубой сталью скрывалось бескрайнее пристанище уныния. Вероятно, он имел в виду только сочувствие, жест искупления и умиротворения, когда наклонился и поцеловал ее.

Губы, горячие как пламя, медленно открылись ему навстречу.

Чувствуя безумное вожделение, он прильнул к ним еще крепче, притягивая ее все ближе, ближе, до тех пор пока она не перестала владеть собой. Пробежав руками по его волосам и не отнимая губ, Кэтриона отыскала языком его язык и вибрирующими движениями стала собирать даруемые им ласки. Она обжигала ему рот своим дыханием. Ее грудь прижалась к его твердым мышцам, ее дразнящий аромат ударял ему в ноздри. Трепетный огонь вспыхнул подобно приступу дикой жажды. Мужская плоть восстала мгновенно, отчаянно требуя удовлетворения, во власти безотчетного слепого желания. Он вбирал ее горячие податливые губы, вкушая их нектар, и беспрепятственно проникал в рот, опалая своим жаром каждый его уголок.

С той же пламенной страстностью она вернула ему поцелуй, расплавившийся в их устах, будто олово в тигле, продолжая восхитительно сладкие движения языком. Ее пальцы до боли натягивали его волосы. Неистовое желание вызвало у него пожар в крови и сделало плоть твердой как скала.

Когда мощное биение крови почти лишило его рассудка, он обхватил ее за ягодицы и стал поднимать платье, пока обнаженная кожа не обожгла ему ладони. Соски под ее сорочкой напряглись и затвердели. Умирая от нестерпимого голода, он принялся перекачивать кончиками пальцев тугие почки. Прикосновение к ее груди – ощущение ее веса, естества, нежности – пронзило его насквозь и привело в безумный восторг. Восставшая плоть забилась еще сильнее. Разъяренный тесемочками, мешавшими его рукам, он порвал тонкую материю – истребил в момент, добираясь до тела, желая его больше всего на свете.

Он опустил руки, собрал в складки плотную шерстяную ткань ее юбок и потянул вверх, чтобы удовлетворить свою потребность, утопить ее в горячей женской плоти. Он жаждал сделать это немедленно, прямо в дверном проеме. К его удивлению, он не встретил сопротивления – она одобряла его действия! Это было потрясающе!

Он оборвал поцелуй и зарылся губами в стройную шею, вкушая мед женской плоти. Атласная кожа обнажившихся бедер обжигала ему руки, в паху бушевало пламя удовольствия. Он издал громкий стон, наполовину похожий на смех.

Ее бедро изогнулось, как раковина моллюска, нежные ягодицы скользнули под его пальцами. В считанные секунды он расстегнул пуговицы на брюках и высвободил свое рвавшееся на свободу мужское естество, потом легонько провел по манящей коже живота, задев чуть увлажнившиеся завитки, опасаясь, что вот-вот взорвется.

Тут что-то загрохотало так, что у него едва не лопнули барабанные перепонки, и она беспомощно оторвалась от него. Доминик в недоумении уставился на нее – с пульсирующей плотью и огнем внутри. Лицо Кэтрионы залилось краской, глаза расширились. Она задыхалась, прижавшись спиной к дверному косяку; лицо ее с огромными зрачками, истерзанными губами было прекрасно – оно возбуждало, захватывало.

– Я не знала! – резко сказала она и оглянулась. – Я не представляла, как это делается. Мы испугали ваших слуг.

Доминик выглянул в коридор. На ковровой дорожке лежал опрокинутый поднос, под ним расплзлось пятно, усеянное мелкими осколками разбившихся бокалов.

– Боже! Этот человек нес бренди!

Доминик начал хохотать как сумасшедший.

Кэтриона одернула юбку и дрожащими пальцами стала застегивать пуговицы на груди.

– Я не знала, что подразумевается под «безжалостным» совращением, пока не встретила вас. Мне представлялось, что вы попытаетесь завоевать меня путем обычного флирта. Но вы оказались куда умнее.

– Умнее? – Кровь клокотала у него в жилах от шока, вызванного прерванным желанием. – По моему, я только что выставил себя беспросветным идиотом.

– О, вы слишком строги к себе. Все, что вы предлагали мне, все, что говорили сегодня вечером, было не случайно. Вы намеренно терзали мне душу, вели себя как шахматный игрок, заранее рассчитавший все ходы. Я не знала, что вы будете соблазнять меня, трогая мое сердце, играя моими чувствами, не предполагала, что для достижения своей цели вы не постесняетесь использовать даже страх и горе. И вы хотите убедить меня, что это неправда?

Доминик одумался прежде, чем поддался искушению опровергнуть ее обвинения.

- Да, это правда. Во всяком случае, мне так кажется. - Он печально посмотрел на свою поникшую плоть.

Затем пробежал рукой по опухшим губам и шагнул в коридор. Ощущение было такое, словно из него выжали все соки. Неужели он так хотел эту женщину?

Опустившись на колени, Доминик принялся собирать на поднос хрупкие осколки стекла - капли влаги сияли на них подобно росе. В короткое мгновение хрусталь превратился в мусор.

- Ваши старания почти удались, - констатировала, подходя, Кэтриона. - Если бы не слуга, вы овладели бы мной прямо у стены, попользовались, как шлюхой.

Очень подходящее сравнение. Яркий образ всплыл в его памяти: наруганное лицо и редкие кривые зубы женщины, с которой он едва не совершил то же, но по другой причине.

- Нет, - Доминик поморщился, - не как шлюху. Поверьте хоть этому по крайней мере.

- Вы тронули меня рассказом о мужчине, которого я любила, поэтому вам ничего не стоило взять меня. Вы сломали мою гордость, но это не означает, что вы победили!

- Победил? - Доминик провел языком по губам и встряхнулся, как вышедший из воды пес, желая избавиться от вкуса ее рта и ощущения ее тела под руками. - Какая, к черту, победа! Я унижался, навязывался, предлагал себя! Да, это была сознательная попытка, если вам угодно, но я делал хоть что-то реальное. А вы - что вы сделали в ответ? Солгали, отказали мне, не открыли ничего из своих истинных целей. Вы любили его, это невозможно отрицать. Какое место Калем Макноррин занимал в вашей жизни? Вы и сейчас не хотите говорить.

- Верно. К чему вам это знать?

Ковер продолжал источать пьянящий запах, на пальцах оставались следы от бренди.

- Но я же с вами откровенен! Я рассказал вам о Генриетте. Вероятно, для того, чтобы привлечь ваш интерес и завоевать вашу симпатию. Я хотел, чтобы вы взглянули на те события с моей точки зрения. - Доминик глубоко вздохнул. - Поверьте, я не чудовище, что бы там она ни наговорила вам. А все остальное... Я не знаю, зачем вам это рассказывал; к тому же вы первая завели разговор о Шотландии.

- У меня нет уверенности, что вы не будете продолжать. - В голосе Кэтрионы звучало осуждение. - Даже после того, как я попросила вас, вы не остановились.

Взгляд Доминика устремился куда-то мимо нее.

- Возможно, мной руководила надежда. Я думал, что воспоминания о родине сделают вас более открытой и вы расскажете мне о себе. Простите, если это получилось слишком грубо. Калем был моим другом, и я не знал, что он погиб. Я любил его.

- Любили? Ваш рот оскверняет это слово.

Доминик вздрогнул.

- Этот рот вы только что целовали, черт побери!

- Потому что вы меня обманули!

Поразительная женщина! Только теперь Доминик понял, почему она не выглядела хорошенькой. Она была прекрасна.

- Неизвестно, кто кого обманул! Послушайте, Кэтриона, я вам нужен для достижения ваших целей, а взамен хочу наслаждаться вашим телом. Мне кажется, это вполне честный обмен. Вспомните, вы предлагали мне себя еще в Лондоне, но я этим не воспользовался тогда. К тому же я никогда не был намеренно жесток с женщиной - с любой женщиной, даже со шлюхой.

- Вы просто обезумели.

Может, и так. Теперь у него оставался единственный путь - честность.

- Вы правы: мое влечение к вам - это какое-то помешательство, но я не могу припомнить, когда испытывал столь же сильные чувства. Конечно, мне не приходило в голову задумываться, будет ли это благородно или нет, и все же я знаю, что такое любовь, и уважаю это чувство.

- Не смейте говорить о любви!

Доминик отряхнул руки и вытер их носовым платком.

- Хорошо, я предлагал вам игру, полагая, что мы с вами взрослые люди, сведенные судьбой. Так зачем же нам отказываться от удовольствия? Надо ловить момент когда только возможно.

- Вы лжец и себе лжете больше, чем мне!

Доминик прикрыл глаза. Она была права. Он действительно хотел соблазнить ее и оставить с разбитым сердцем. До сих пор его честь оставалась незапятнанной. Однажды у них с приятелем даже едва не состоялась дуэль из-за того, что тот слишком жестоко обошелся со своей любовницей. Тогда почему теперь, единственный раз в жизни, он изменил своим принципам? Нет, определенно во всем виновата эта женщина!

И опять - для него не оставалось иного пути, кроме правды.

- Лгу себе? Ничего подобного. Как раз сейчас я был чертовски правдив! Вы потребовали этого путешествия, я согласился. И это при том, что вы принесли мне известие о смерти Генриетты. Представьте, я был влюблен в нее. Так уж вышло. Вам это смешно?

- Дьявол часто предстает в соблазнительном обличье, и его речи могут звучать гладко, как у священника. О какой любви вы говорите? Я не допускаю, что вы чувствовали нечто подобное к Генриетте. Мне даже трудно представить, как Калем мог предлагать вам дружбу! Впрочем, все это не заслуживает большого внимания - я беспокоюсь только за мальчика. Его судьба гораздо важнее, чем ваши или мои дела, но я не могу сказать вам почему. Это все! Вам достаточно?

Нет! Почему, черт подери, это так важно? Почему он, Доминик Уиндхэм, должен забирать себе сына Калема Макноррина - если Эндрю в самом деле его сын?

- Вы даже не поблагодарили меня за то, что я согласился проделать этот путь ради ребенка, который не является моим, а ведь я мог бы послать за ним кого-нибудь, а потом уже разбираться с ребенком у себя в Лондоне.

- С этим я не спору. - Кэтриона прикоснулась рукой к щеке, которую все еще украшал яркий

румянец. – Ну и что теперь вы намерены делать?

– Все очень просто – разрядить напряжение. – Доминик встал и как ни в чем не бывало повернулся к ней. – Отправимся вместе в постель. Что поможет восстановить силы лучше, чем это? Иногда в сексе находят удовольствие даже враги.

Ее синие, как колокольчики, глаза снова расширились.

– Никогда!

– Ну, ну... Это уже едва не случилось. Не станете же вы отрицать, что сами этого хотели?

Тут уж Кэтриона не на шутку возмутилась.

– Я требую, – сердито сказала она, – чтобы вы предоставили мне отдельную комнату!

Доминик упрямо не двигался с места. Он представлял, что сейчас испытывает эта женщина, и ликовал в душе. Сомнений нет – ребенка родила она!

– Слуги ушли спать. Для нас приготовлена только одна спальня, и мы разделим ее.

– Как вы можете настаивать после всего, что я вам сказала?

Доминик снова ощутил шевеление в брюках. Жестокое желание. После ее недавнего пылкого ответа на ласку он был уверен, что она не откажется.

– Когда мы договаривались, вы согласились доверить мне все приготовления. Я не думаю, что кто-то из нас проведет эту ночь в одиночестве.

Кэтриона независимо вскинула подбородок:

– Желаете вы того или нет, я буду спать отдельно.

Ему страстно захотелось погладить ее пальцы и поцеловать ладони.

– Нет нужды томить себя дольше. Клянусь Богом, я показал вам еще так мало! Позвольте мне возместить этот недостаток.

– О Боже! – Она с силой опустила руки. – Перестаньте же наконец! Вы и так чуть не соблазнили меня. Я считаю вас красивым мужчиной, но не буду спать с вами. Это все, и вам должно быть этого достаточно!

– Хорошо. – Доминик кивнул. Его плоть содрогалась от возбуждения. – Ваше тело станет храмом для моего поклонения. Отдайтесь мне как вам нравится – я полностью принимаю любые ваши условия.

– Нет!

Надо же! Того и гляди он преклонит колени! Но пожалуй, она права: ему вовсе не следует усугублять раны женщины, которую любил Калем Макноррин. Лучше он ее излечит, и если это не произойдет в его постели, то хотя бы за ее пределами.

Доминик засмеялся.

- Дело сделано, Кэтриона, - обратного хода нет ни для вас, ни для меня. Игра еще только предстоит, и комната у нас будет одна. Вы пойдете добровольно, или мне отнести вас? Можете не сомневаться, я сделаю это...

Кэтриона неуверенно посмотрела на него.

- На комнату согласна, но вы не сможете заставить меня разделить с вами постель.

Доминик знал, что ухмыляется слишком уж откровенно: возможно, что-то стало с его головой от паров бренди. Его плоть - та часть, которая не могла понять тонких сомнений души, - продолжала бунтовать.

- Конечно, я не стану вас заставлять, ради Бога, не волнуйтесь. Пойдемте наверх и уснем спокойно. А если вы не способны видеть во всем этом забавную сторону, то мне вас просто жаль.

Кэтриона быстро отвела глаза и кивнула, а затем, к его величайшему удивлению, улыбнулась. Неимоверная напряженность, сковывавшая ее лицо, внезапно исчезла, и оно засияло, как распутившийся на солнце цветок.

- Ладно уж, - сказала она, - ваша взяла. Но мы еще посмотрим, кто будет смеяться утром.

Глава 5

Он стал зажигать поочередно все канделябры; тонкая свечка в его руке, пританцовывая, двигалась от каминной полки к изголовью кровати. Пламя осветило шторы из дорогого бархата, красивый умывальник с раковиной из тонкого китайского фарфора, походные бронзовые часы и две картины со спаниелями. Серебристый орнамент ковров прекрасно сочетался с рисунком на обивке кресел и длинной софы. Была ли это та самая комната, где он делил ложе с Генриеттой, откуда та рыдая убежала к своим родителям? Не потому ли он сейчас залил ее таким же ярким светом?

- Зачем так много свечей? - настороженно спросила Кэтриона. - Вы боитесь темноты?

Доминик повернул голову и улыбнулся:

- Нет, что вы. Но, как я думаю, мы оба нуждаемся в свете, так пусть его будет как можно больше: может быть, тогда рассеется вся эта проклятая неопределенность. - Он ослабил узел галстука, потом снял его и отбросил в сторону.

- Я вижу, здесь есть на чем спать двоим. - Кэтриона показала на кушетку.

- Вы, конечно, рассчитываете занять кровать. - Он скинул пиджак и пошел вешать его в шкаф.

- Все нет. Я предпочла бы спать на кушетке, - чопорно сказала Кэтриона.

Доминик насмешливо посмотрел на нее.

- Лишаете меня единственного шанса проявить галантность? Как видно, вам хочется еще больше укрепиться в отрицательном мнении обо мне.

- Просто не хочу лежать в этой постели, будучи с вами в одной комнате. - Кэтриона поежилась.

Доминик стянул через голову рубашку.

- Думаете, я подкрадусь ночью и соблазню вас как Спящую Красавицу? Я мог бы с успехом сделать это и на кушетке, если бы захотел.

На его обнаженной спине перекачивались сильные мышцы, и Кэтриона отвела глаза.

- Занимайте кровать, - сказала она, чувствуя, как в тело пробирается предательское тепло. - Я вообще не лягу.

Доминик хмыкнул:

- Дорогая моя, но так мне еще легче будет вас соблазнить! Я полагаю, мы уже имели тому подтверждение.

- Вы собираетесь полностью раздеваться передо мной? - невольно вырвалось у нее.

- Почему бы и нет? Обычно я сплю нагишом. Отвернитесь, если хотите.

- Не отвернусь! - упрямо сказала Кэтриона. - Пусть это будет на вашей совести, если вам самому не стыдно!

Доминик улыбнулся:

- Поверьте, мне нечего скрывать.

Она будто вросла ногами в сине-серебристый ковер, пока колеблющиеся лучи света ласкали его спину с гладкой кожей и сильные мускулистые предплечья, покрытые кудрявыми волосками. Доминик скинул брюки и повесил их на спинку стула; затем, ставя поочередно ступни на сиденье, снял носки. Когда он наклонился, чтобы аккуратно сложить их, как делают солдаты, белое полотняное белье протянулось вдоль его длинных бедер и плотно прилегло в ягодицам.

Кэтрионой овладела безотчетная паника. Она чувствовала, что у нее кружится голова и сердце стучит все сильнее. На нее навалилась такая слабость, что если бы она вовремя не сдержалась, то дышала бы так громко, будто только что преодолела бегом скалистые пики Бен-Уайвиса.

- Вы думаете, я покраснею и отвернусь? - Она спокойно сложила руки, отчего биение пульса стало ощущаться в ладонях. - Валяйте дальше! Мужское тело - довольно обычная вещь, таких в этом мире миллионы.

- Справедливо замечено. - Доминик, по-прежнему стоя к ней спиной, быстро расстегнул три пуговицы на поясе подштанников. - Это, конечно, не тело женщины. - Он потянулся и зевнул. Исподнее немного приспустилось, и упавшая тень очаровательной драпировкой прикрыла белизну его чресл. - Каждое женское тело уникально: распутник имеет возможность изучить его, и в этом состоит львиная доля удовольствия.

Кэтриона понимала, в чем заключалась ее слабость - он был слишком красив, а она слишком остро это ощущала. К тому же он был развращен и знал, как исследовать женское тело.

Когда Доминик вылез из своих подштанников, сердце ее забило как ручей в своем русле во время весеннего разлива.

- Надеюсь, вы не станете поворачиваться, - тихо сказала она. - Не можете же вы позволить

себе это даже при вашем бесстыдстве!

- О нет! - сказал Доминик. - Могу.

Руки ее непроизвольно пришли в движение, щеки обдало жаром; однако она по-прежнему стояла неподвижно. Их глаза встретились. Словно бросая вызов, Доминик небрежно зашагал вдоль стен, задувая свечи.

С постыдным запозданием она опустила взгляд - не смотреть же на то, как он возбужден, - это было бы слишком!

К счастью, комната, покрываясь темными тенями, неуклонно погружалась в темноту, но когда он откинул покрывало и двинулся обратно к свету, одному, еще не погашенному огоньку, ее взгляд беспомощно заметался. Разгоряченная, полная стыда, она позволила себе скользнуть глазами по ладной мускулистой спине и в мерцании единственной свечи увидела концы бежевого полотенца, завязанного вокруг его пояса. Несомненно, он взял его с умывальника - полотенце было натянуто спереди, закрывая все, что положено.

Краснея, она подняла голову. На нее смотрели сияющие глаза, но кроме смеха, в них было что-то еще, и это «что-то» удивило ее. Нет, она не могла ошибиться. Это было признание собственной шалости, приглашение разделить с ним шутку. Он дразнил ее!

- Возьмите себе что-нибудь постелить и накрыться вон в том комодке, - не моргнув глазом сказал Доминик. - Без сомнения, я переживу все лишения, пока вы сами не броситесь в мои объятия. Несмотря на только что происшедшее внизу, я в состоянии сдерживать свои аппетиты. - Он быстро взглянул на нее и улыбнулся.

Кэтриона отвела глаза:

- Спасибо вам за урок смирения.

- Нет-нет, не будьте смиренной. Вам это не идет.

Она отобрала все необходимое из постельного белья и постелила себе на диване.

- «Мы все находим уладу в смирении», - процитировала она фразу из Библии и вдруг почувствовала, что ее охватывает ощущение удовольствия.

Краем глаза она увидела, как длинная мускулистая рука выбралась из-под одеяла и загасила свечу.

В полной темноте Кэтриона выскользнула из платья и, нырнув под одеяло, постаралась поуютнее устроиться на приготовленном ложе.

Лорд Стэнстед, стоя перед отцом подобно проштрафившемуся школьнику, чувствовал себя безнадежно несчастным, в то время как герцог Ратли пристально смотрел на него своими желтыми глазами. Стэнстед никогда не мог угадать, о чем думает его отец, и теперь, стоя на пышном турецком ковре, гадал, имеют ли разложенные на письменном столе бумаги какое-нибудь отношение лично к нему.

Когда герцог Ратли поднял глаза, взгляд его не обещал ничего хорошего.

- Вам, видимо, мало вашего позора, и поэтому сегодня ночью вы решили напиться до

бесчувствия?

- О нет, не больше, чем... - Стэнстед откашлялся. - Не больше, чем обычно, ваша милость.

- Майор Уиндхэм, часом, не у вас?

Стэнстед вовремя вспомнил про обещание, данное Доминику.

- Нет, отлеживается у себя.

- Это он-то? - Желтые глаза герцога прищурились. - Почему бы вам не сказать мне правду, сэр?

Лицо Стэнстеда сделалось малиновым.

- Это правда, сэр. Он перепил, и ему нездоровится. Слуга сообщил об этом, и не мне одному.

- Меня тоже так информировали, но что-то не верится. Я могу согласиться, что Доминик Уиндхэм предрасположен к ряду недугов, но только не тех, что порождаются избытком вина. Мне не кажется, что он предается возлияниям так сильно, как ему хотелось бы всех нас уверить; пьяница не смог бы достигнуть того, что удалось ему в борьбе против Наполеона. Герцог задумчиво смотрел в зеркало над каминной полкой. Стэнстед тоже поглядел на зеркало, но ничего не увидел, кроме собственного отражения. Молчание затянулось.

- Я могу идти? - нервно спросил он.

Герцог махнул рукой, давая понять, что сын может быть свободен, но вдруг спохватился:

- Хотя, вот еще что...

Стэнстед уже направился к двери, и ему не сразу удалось повернуться.

- Да, сэр?

- Шотландская девушка. Куда она подевалась? - Желтые глаза сузились. - Послушайте, не стройте удивленное лицо. Там была дюжина свидетелей, и каждый видел ее в экипаже лорда Уиндраша.

Стэнстед почувствовал легкую панику.

- Я не знаю, ваша милость, правда, не знаю! Может, она... - Внезапно его осенило, и он брякнул невпопад: - Возможно, они с Уиндхэмом в его апартаментах?

Лишь выскользнув на широкую мраморную лестницу, Стэнстед осознал, что плод его вдохновения был не слишком удачен - Доминик мог его не одобрить.

План игры, несомненно, был так же далек от идеала, как мел от угля. Проснувшись с этой мыслью, Доминик первым делом посмотрел на диван. «Если вы хотите заполучить в компаньоны испорченного мужчину, вы должны сопровождать меня как распущенная женщина. Я твердо вам заявляю, мадам, - никаких вариантов! У вас нет другого способа заставить меня покинуть Лондон». Так его еще никогда не заносило. Нет, с разумом у него явно что-то случилось.

А теперь еще и Кэтриона куда-то исчезла.

Всю ночь он подсознательно ощущал ее присутствие – тихое присутствие женщины в комнате, предназначенное только мучить, как плоды над головой Тантала. Но женщина ушла – неслышно, не потревожив спящего, аккуратно сложив одеяло и простыни. Он быстро провел по ним пальцами, затем взял подушку и поднес к лицу: она еще сохраняла слабое тепло и запах душистых волос. Значит, Кэтриона не могла уйти далеко.

Доминик влез в черный шелковый халат, подошел к окну и выглянул в сад. Было еще очень рано. Над лужайками курился туман, на траве блестела роса.

Из зарослей доносились звонкие птичьи голоса – маленькие певуньи, неутомимые, как Кэтриона Синклер, изливали свои сердца. Она наверняка здесь, среди тумана и птиц, иначе и быть не может – без него путь в Эдинбург для нее заказан.

Доминик позвонил в колокольчик и велел вошедшему слуге принести ему горячей воды.

Зачем он привез сюда эту напористую шотландскую женщину? Думал, что ее присутствие развеет воспоминания о Генриетте? Не спеша пройдя по коридору, он бесшумно открыл дверь, и воспоминания хлынули рекой. Перед самым несчастьем Генриетта сидела здесь, у кровати, в пеньюаре цвета слоновой кости, с волосами, отсвечивающими золотом на кремовом фоне бархатных занавесей. Новобрачная была настолько очаровательна, что за нее он не пожалел бы жизнь отдать; он сделал бы это ради одной ее улыбки.

К их венчанию Джек надлежащим образом отремонтировал дом, предложив взять его в аренду на пять лет, и он, как последний дурак, согласился, а потом ничего здесь не менял, надеясь, что Генриетта когда-нибудь захочет вернуться. Она сама выбирала отделку для их спальни, и теперь комната сияла подобно снежному берегу в солнечный день.

Доминик потянул шнурок колокольчика. Через минуту появилась горничная.

- Вы звонили, сэр?

- Скажите экономке, что я хочу переделать эту комнату и для начала избавиться от всего этого светлого бархата.

- Но, сэр...

- Можете поделить его между слугами. Идите и выполняйте!

Девушка сделала книксен и быстро выпорхнула из комнаты.

Кэтриона вдохнула полной грудью. Густой воздух был напоен запахами Англии, ее лесов и влажной земли, но в нем не было никакого намека на соленое дыхание так манящего к себе морского простора. Ни одного холма, встающего из-за деревьев, ни одной горной вершины, темнеющей на фоне неба. Только широкая долина с речкой в узкой лощине.

Интересно, нравилось ли Доминику это место?

Густой и пышный покров лужайки охлаждал ноги, в ушах стоял звон от громкого птичьего пения. Кэтриона наклонилась и коснулась мягкого суглинка, покрытого упругой, как пружина, травой.

Любил ли он эту землю, ему не принадлежащую, арендуемую у брата? Может, он и сам ни к

чему не принадлежал? Как мог он иметь душу, когда во всем Божьем мире не было уголка, который бы он любил всем сердцем? Без привязки к определенному месту, к своим корням, человек не может иметь чувства собственного достоинства. Откуда ему взяться, как не из родной земли – из рябиновых деревьев, скал и водопадов.

Вообще этот англичанин был слишком странным, чтобы она могла его понять, однако вчера вечером, находясь рядом с ним, она постигла суть плотского желания и не могла не презирать себя за это. В Глен-Рейлэке за ней ухаживали мужчины, ей не раз представлялась возможность выйти замуж; и все же прежде она никогда не испытывала такого жара и такого сильного плотского голода: тело ее словно само тянулось к этому мужчине. Она соглашалась с его словами, сказанными прошлой ночью: если они поддадутся страсти только ради удовлетворения своего естества, в этом не будет ничего бесчестного, так как тем самым они уничтожат, сожгут ее. Участие сердца необязательно, в этом она ему верила. Два взрослых человека смогли бы избавиться от одержимости и после «очищения» ехать себе дальше.

Едва Кэтриона начинала думать об этом, как ее мысли снова возвращались к Эдинбургу, где ее ждал ребенок, и одной-единственной цели – спасти его.

Угрюмый, с впалой грудью и покатыми, как у ястреба, плечами, этот человек напоминал шарманщика, жадно тянущего шляпу в ожидании монет. Перед тайным приемом его довольно долго продержали в прихожей. Герцог Ратли с легким содроганием подавил брезгливость. Он не сомневался, что гость хорошо знает свое дело, но все же предпочел бы вовсе с ними не зняться.

- Ну, что вы можете сказать по интересующему меня вопросу, сэръ?

Джерроу Флетчер сделал глубокий вдох, отчего грудь его на глазах расправилась, и низко поклонился.

- Как вы и предполагали, ваша милость, женщина, называющая себя Кэтрионой Синклер, вовсе не та, за кого себя выдает.

Прищурился, герцог откинулся на спинку кресла.

- Итак?

- Ваше беспокойство насчет шотландских дел не напрасно, она в самом деле имеет к этому касательство.

Лицо герцога оставалось безучастным.

- Вы опросили служанку, которая убирает в резиденции графа Уиндраша?

- Опросил, ваша милость. Шотландская женщина покинула дом вчера рано утром вместе с Домиником Уиндхэмом.

Герцог помолчал, прислушиваясь к тиканью часов. Расстояние от неприятия до отвращения быстро сокращалось. Флетчер выглядел слишком нетерпеливым, он заискивал как собака, уставшая сидеть на цепи. И все же, как бы он ни был противен, Ратли не мог прогнать его пинками, как какого-нибудь завшивевшего пса, и поэтому сдерживал себя.

- Вы знакомы с майором Уиндхэмом?

- Встречались на Пиренеях, ваша милость.

- Я хочу, чтобы вы прибыли в Эдинбург раньше, чем они. Подумайте, как это сделать.

Джерроу Флетчер поклонился.

- Я все исполню, ваша милость.

Ратли кивнул, и мужчина покинул комнату.

Герцог закрыл глаза и стал пощипывать узкую переносицу. Пресмыкающееся животное часто бывает очень опасным. Ластящаяся дворняжка через минуту может прыгнуть и вцепиться в яремную вену. Может, распротисться с этим человеком и найти кого-то еще, пока пружина еще не раскрутилась? В то же время ему не хотелось упускать такого опытного профессионала. Лучше Флетчера никто не сможет повернуть «шотландское дело».

Доминик мешкал не более секунды, перед тем как повернуть дверную ручку, трудности никогда не отпугивали его.

Кэтриона, одетая в темное платье, стояла возле печи: лицо ее покраснелось.

- Сколько я могу вас ждать? Вы будете спать весь день?

На каменной плите перед печью стояли медная ванна, наполненная горячей водой, и латунное ведро. Тут же подогревались разложенные полотенца.

Доминик закрыл за собой дверь и, стараясь сохранять мягкость в голосе, ответил:

- Вам нужно было разбудить меня.

- Я хотела оставить вас одного, чтобы не мешать вам собраться. Прошло столько времени, а вы даже не оделись. Нам уже пора ехать.

- Вы босая.

Кэтриона опустила глаза: у нее из-под подола выглядывали пальцы, такие же розовые, как ее щеки.

- Я выходила из дома.

- Босиком?

- Почему бы нет? Туфли могли намочнуть от росы.

- У вас только одна пара обуви?

- У меня есть все, что нужно, - с вызовом ответила Кэтриона. - Довольно терять время, нам нужно уезжать!

Доминик сложил руки на груди:

- Я еще не успел искупаться.

- Так займитесь же этим наконец и собирайтесь.

Доминик взглянул на нее с усмешкой.

- Любовница предлагает мне помощь?

- Если это необходимо. Может, лед наконец тронется, а то мы никогда не уедем. Надеюсь, что моя помощь будет достаточно квалифицированной, хотя у меня нет такого опыта, как у ваших постоянных любовниц.

Непостижимая женщина! Он ожидал возражений и бегства. Неужто она говорит это всерьез? Однако синие, как колокольчики, глаза были полуприкрыты, и он ничего не понял.

Доминик посмотрел на ее щеки, потом на кончики пальцев на ногах – они были нежны, как у херувима. Он почувствовал, как в паху нарастает напряжение. Когда она станет обтирать его губкой, его плоть будет все больше твердеть. «Это уже становится системой», – печально констатировал он.

- Ладно, я вполне в состоянии вымыться сам, но слуги здесь, как выясняется, недостаточно усвоили мои привычки. Обычно я принимаю душ.

Она наклонилась и погрузила ведро в горячую воду.

- Зачем вам куда-то идти, когда рядом есть женщина, готовая вам услужить?

- Но вы все делаете неправильно. Мои любовницы всегда первыми лезли в ванну.

Он потянулся за ведром, но Кэтриона быстро подняла его и опрокинула у него над головой. Вода ручьями потекла по его волосам.

Доминик ошупью забрался в ванну и наклонился вперед, проглатывая смех и смахивая руками воду с лица.

- Идите сюда и начинайте тереть.

Кэтриона быстро двинулась к ванне, но вдруг остановилась.

- О нет! Так вы еще, чего доброго, затащите меня к себе, – проворчала она.

Доминик открыл один глаз и посмотрел на нее.

- Пустяки, вы и так мокрая.

Она прижала обе руки ко рту, ее лицо светилось как зажженная лампа.

- Это... это высохнет.

Он неуклюже повернулся в воде, намыливая подбородок.

- Вы не могли бы передать мне бритву?

Кэтриона протянула ему бритву и небольшое зеркало и стала смотреть, как он скребет подбородок.

- Вы сказали, у вас нет наследства, как же при этом вы можете позволять себе траты, подобные расходам на содержание этого дома?

- Точнее, на аренду. Не забывайте, дом принадлежит моему брату. Что касается денег - у меня есть доли в некоторых фондах. Обзавелся в свое время.

- Каким образом?

Кэтриона не могла скрыть своего любопытства. Доминик этому не слишком удивился. Подоплекой ее интереса была, несомненно, корысть.

- Просто мне крупно повезло. Операции с акциями - кратчайший путь к умножению капитала. Прибыль идет на погашение аренды этого дома, и кое-что мне еще остается.

- Следовательно, у вас нет необходимости кому-либо завидовать. Но это касается денег. А если задать вопрос по-другому: вы не заритесь на жену ближнего, его слугу или служанку?

Доминик быстро взглянул ей в глаза.

- О да, только речь идет не о ближнем. Этот человек живет неподалеку, возможно, через день-два вы с ним встретитесь. Мой старый друг, маркиз де Ривол. Это старинная нормандская фамилия. Когда-то я посягал на его жену.

Произнеся эти слова, Доминик нырнул под воду и потому не мог слышать ответа Кэтрионы.

Почему-то ее очень взволновало столь странное признание. Разумеется, он желал чужих жен, но тон признания заставлял ее думать, что за его словами скрывалось нечто большее.

Кэтриону ничуть не удивляло возбуждение, которое он испытывал в ее присутствии. Эко диво! У нее дома, на ферме, было достаточно жеребцов и быков. Но теперь она знала: ему нужна была другая женщина - маркиза де Ривол, так что незачем ей больше беспокоиться.

Доминик шагнул из ванной на пол и принялся энергично вытирать волосы полотенцем.

Затем он прошел к шкафу и распахнул дверцы. Такого количества белья, невольно подумала Кэтриона, увидев плотно набитые снизу доверху полки, хватило бы населению целого города. Весьма тщательно хозяин всего этого великолепия отобрал сорочку, носки, нижнее белье и тут же ловко натянул все это на себя. То же самое было проделано с бежевыми панталонами, а затем с голубым жилетом. Встав перед зеркалом, он начал расчесывать волосы, и это вызывало у Кэтрионы странное чувство.

- Вы щеголь.

- Возможно. Все это для того, чтобы завлекать, разумеется. - Доминик протянул руку и дернул за шнурок колокольчика. - Надеюсь, вы не остались равнодушны к моим ухищрениям?

Кэтриона отвела глаза. Такому мужчине, как он, чтобы завлекать, одежда не нужна.

Когда ванна была вынесена, мокрые полотенца подобраны, пол вытерт, появилась целая вереница горничных с поклажей. Они прошли в комнату и аккуратно сложили пакеты на кровать.

Как только девушки ушли, Доминик указал на пакеты.

- Откройте их.

- Зачем?

- Я же сказал, загляните в них, доставьте себе удовольствие хотя бы на минуту. Это для вас. Берите все, что вам понравится.

Кэтриона неуверенно подошла к кровати. Коричневый сверток медленно раскрылся в ее руках - в нем лежал голубой шелк. Она открыла другой пакет - муслин слоновой кости с розовыми разводами. Когда были развернуты все обертки, постель превратилась в буйство красок.

От неожиданности у Кэтрионы перехватило дыхание. Шали, перчатки, чулки - вещи сыпались из бумаги как из рога изобилия.

- Что все это значит? - недоумённо спросила она.

- Подарки для вас.

- Зачем? Я не хочу!

Доминик быстро подошел к ней.

- Потрогайте их, и вы почувствуете, как они прекрасны. Он коснулся ее щеки краем шелковой шали, которую держал в руках.

- Но зачем мне столько? - Кэтриона отстранилась. - К чему такая расточительность? Послушайте, мне это вовсе не нравится. - В ее голосе звучала тревога, которую она не могла скрыть.

Лицо Доминика приняло обиженное выражение, но он тут же поднял глаза и улыбнулся.

- Подарки - традиционная часть процесса искушения. Боже милостивый! - Он внимательно присмотрелся к ней. - Да вы и впрямь ничем не интересуетесь...

- Почему вы придаете этому такое значение?

Несколько секунд Доминик стоял неподвижно с шалью в руках, затем зарылся лицом в мягкие складки.

- Неужто вы не подвержены ни одному из грехов?

- Алчности - нет! Я равнодушна к материальным благам. Но гнев, зависть и лень мне знакомы не меньше, чем всем остальным.

Он поднял глаза, в которых обида сменилась иронией.

- Вы пропустили мой любимый грех - похоть. И потом, кто же так обращается с грехом? Грех должно смаковать - в этом вся соль. Скажите, Кэтриона Синклер, вы совсем невосприимчивы к соблазнам, вас не соблазняют мои покупки?

- Только одна. Эта. - Она коснулась узорчатой шали. - Что я буду делать с такими платьями в Глен-Рейлэке?

- Надевать на собрания в Инвернесе.

- Дома у меня есть платья, - сказала Кэтриона. Может, он действительно хотел сделать ей приятное? Их глаза встретились. Она слышала его дыхание. Он окутывал ее запахом чистого мужского тела и манил своим чувственным ртом.

Внезапно Доминик наклонился вперед и легонько провел ртом по ее губам. Прикосновение, легкое как перышко, длилось одно мгновение.

Ее пальцы непроизвольно коснулись губ, словно желая задержать и сохранить ощущение этого короткого поцелуя.

- Примете вы от меня шаль или нет, все равно я соблазню вас.

- Это теперь-то, когда я знаю все ваши хитрости? - Кэтриона встала. - На какой обман вы пойдете, чтобы справиться со своей задачей?

- Я не знаю, - сказал он и вдруг засмеялся. - Видит Бог, это чистая правда.

Глава 6

Экипаж быстро двигался на север, упруго подпрыгивая на выбоинах, временами съезжая с главного тракта. Кэтриона не взяла у Доминика ничего: ни платьев, ни мягких лайковых перчаток, не желая оказаться в долговой кабале. Только тонкая шелковая шаль была обернута вокруг ее плеч и при каждом повороте головы чувственно ласкала щеку. Со свойственными ему напористостью и обаянием Доминик добился-таки своего.

Она устроилась в уголке и, пытаясь читать, не теряла бдительности, ощущая опасность, как белка в присутствии горносталя, притаившегося на лесном ковре. Доминик, небрежно развалившись на своем сиденье, исподволь наблюдал за ней. В его глазах светилась страсть, сулившая исполнение тайных желаний. Сильные руки спокойно лежали на коленях. Кэтриона избегала смотреть на них, потому что у нее начинало сбиваться дыхание. Распиравшее ее желание могло выйти из берегов, и она позволила бы этому проворному рту и длинным рукам бегать, где им захочется. У нее снова возникла бы потребность отдать ему тело на исследование, а уж он, конечно, не отказался бы. Мужчина, сумевший заполучить в друзья Калема - и отпугнувший свою жену. Мужчина, спавший с тысячью женщин - и не любивший ни одну.

Строчки расплывались перед ее глазами. Кэтриона задумчиво посмотрела в окошко. «О Боже! Это настоящее безумие. Как можно было решиться на такое путешествие?»

Где-то позади зарокотал гром и хлынул ливень. Деревья вдоль дороги блестели от воды, низко висящие тяжелые облака затянули небо. Несмотря на послеполуденный час, кругом потемнело.

- Вы решили бросить меня на произвол судьбы? - внезапно спросил Доминик.

Кэтриона насторожилась:

- Что вы имеете в виду?

- Ничего, если мы немного побеседуем? Вы можете даже не разговаривать, только кивайте головой.

Она отложила книгу.

- Разумеется, я могу поговорить с вами.

Доминик сверкнул зрачками из-под полуопущенных век.

- Я еще не встречал женщину, которая бы не желала приятных вещей, не завидовала новым туалетам своих подруг, не жаждала блистать красотой.
- В таком случае при всех ваших доблестях вы еще многого не знаете.
- Генриетта восхищалась подобными вещами. - Доминик повернулся к окну. - Даже после того, как уехала в Эдинбург.
- Откуда вы знаете?

Яркая вспышка молнии осветила четкий профиль на фоне темного окна.

- Аскетическая жизнь отнюдь не обязательно отбивает охоту модно выглядеть. Счета на мое имя не прекращались. Я получал их от ее портных, шивших ей мантильи, от ее перчаточников и модисток.
- И что в этом такого? Вас же не было рядом с ней больше года.
- Только не предъявляйте мне претензий, я вас умоляю! Она сама не желала видеть меня.
- Генриетта вас ненавидела?
- Можно сказать и так, - сухо согласился он. Кэтриона взяла в руки книгу, давая этим понять, что не желает продолжать разговор. Этот мужчина никогда не ослабит ее, не истощит, не изматывает. Он устанет и сдастся. Все эти старания произвести впечатление - заинтриговать, очаровать не одним, так другим - не смогут поколебать ее решимости.
- Вы держите книгу вверх ногами, - сказал Доминик с еле уловимой насмешкой. - Может быть, вы голодны?

Кэтриона чуть, не уронила книгу.

- Голодна?
- Ну да. Я имею в виду пищу. Мы можем устроить пикник.

Доминик легонько постучал в перегородку, и карета остановилась. Выглянув наружу, Кэтриона увидела небольшую поляну и протекающую поблизости речку. Солнце уже опустилось довольно низко и бросало косые лучи на траву, покрытую блестящими каплями воды.

- Я должна немного пройтись, - сказала Кэтриона, преодолевая непонятный страх.

Наклонившись и сняв туфли, она ступила босыми ногами на мокрую лужайку. Кучер стал расстилать тонкую клеенку и одеяла, затем выставил корзину с едой. Кэтриона тем временем быстро спустилась к ивам, где под нависающими ветвями лениво извивалась река. Она нагнулась и поплескала водой на лицо. Если бы это была Шотландия! Как это было не похоже на ревущие потоки, скачущие по кручам в своем каменном ложе и несущие воды к фиордам! О, если б вообще не нужно было совершать это путешествие!

Доминик, улегшись на одеяла, терпеливо ждал ее возвращения. Кэтриона подошла и молча села, не в состоянии посмотреть ему в лицо. Он как ни в чем не бывало вежливо подавал ей пищу, пока кучер, вернувшись на козлы, попилвал свой эль.

Как только они закончили с едой, Кэтриона встала и собралась идти к экипажу, но Доминик

удержал ее:

- Вы испачкали свои прелестные ножки. Позвольте мне вымыть их.

Прежде чем Кэтриона успела ответить, он вскочил и, подхватив ее на руки, понес к медленной английской речке. Там он опустил ее на пологую ветку ивы. В поисках опоры Кэтриона ухватилась за другую ветку и замахала ногами над водой.

- Я жду, - весело сказал он. - Почему вы не возмущаетесь?

- Оставьте меня одну!

- Одну? - Он вошел в воду и, наклонившись, взял в руку ее ступню. - Я оказался здесь только потому, что вам требовалась моя компания. В любом случае я не позволю вам пачкать мой экипаж грязными ногами.

Кэтриона затихла и молча смотрела, как он, поливая ей ноги водой, трет пальцами чувствительные места на ее подошвах. От холода ее ноги покрылись гусиной кожей.

- Вы не должны так унижать себя, - наконец проговорила она задыхаясь.

- О, это не унижение. - Он опустил на одно колено. - Я просто наслаждаюсь.

Она не могла выдернуть ногу, иначе рисковала упасть в воду, поэтому ей оставалось только закрыть глаза и ждать, что будет.

Его прикосновения были нежными и успокаивающими. Холодная вода и теплые руки - как это приятно! Ей хотелось, чтобы за ней ухаживали, прежде чем она снова возьмет на себя все бремя мира, хотелось, пусть даже на одно мгновение, почувствовать его руки на своей коже.

Доминик встал и легко поднял Кэтриону на руки; ее голова покоилась у него на плече. Он понес ее к экипажу.

- А теперь вы все испортите. Вы - сплошная струящаяся вода, - сказала она. - Посмотрите, что вы сделали со своей обувью. Почему вы так неразумны?

- Сам не знаю. - Доминик опустил глаза на бежевые брюки и коричневые ботинки, которые так тщательно выбирал утром, и засмеялся. - Наверное, влюбился.

У нее замерло сердце.

- Перестаньте! Никогда больше не делайте этого! Это невыносимо. Чего вы добиваетесь? Я еду туда не ради себя, а только ради Эндрю! Не надо из-за этого наказывать меня. Ребенок нуждается в вас.

- Но вы мне нравитесь! Хотя я сознаю, что в вашей компании делаюсь в некотором роде сумасшедшим, то, что я испытываю, очень близко к влюбленности. Вы можете проверить это на деле.

Тут уж Кэтриона окончательно разозлилась.

- Вас побуждает к этой дикости потеря собственного ребенка? Он погиб из-за вас. Хотя разве это вас когда-нибудь волновало? Вы только играли в игры и даже не видели его.

Несколько секунд Доминик не двигался, лицо его исказила гримаса боли. Потом он заговорил медленно, осторожно, стараясь сдерживать себя:

- Я видел его. Он выглядел маленьким, как восковая кукла; глаза его были закрыты. Никогда не забуду эти крохотные пальчики. Мне показалось, что он улыбается синими губами. Леди Арнхэм послала мне его тельце для похорон.

Кэтриона, притихнув, испуганно смотрела на него; сердце ее разрывалось от боли.

Доминик с трудом улыбнулся:

- Вы, несомненно, правы. Мой сын умер из-за меня. Из-за моего возвращения в Англию у Генриетты случился выкидыш. Но я не знаю, что движет мною сейчас и есть ли связь между событиями.

- Мне очень жаль, - отрывисто сказала Кэтриона. - Извините.

- Отчего же, я заслужил это. - Доминик поднял на нее глаза. - Жизнь продолжается, Кэтриона, и моя жизнь - тоже. Поэтому я и играю в игры с дьяволом. Вот и все. Мне нечего скрывать. А вот вы почему таитесь от меня? Какие у вас секреты?

- У меня нет никаких секретов. Я только хочу, чтобы вы заявили свои права на Эндрю. Это все.

- Вы лжете, черт побери! Кто настоящая мать Эндрю?

- Генриетта. - Кэтриона упрямо вскинула подбородок.

- Неправда. Мой мертворожденный сын был первым и последним ребенком моей жены. Вы для чего-то хотите использовать меня, и сам сатана не разгадает причину. Если из-за денег, так попросите!

- Не из-за денег. Но больше я вам ничего не скажу.

- Тогда какого дьявола вы взываете к милосердию?

Доминик сел напротив нее. Кэтриона отвернулась, накинула на волосы шелковую шаль и закрыла глаза. Было слишком рискованно рассказывать ему правду; к тому же она не хотела, чтобы он видел ее слезы.

Когда карету резко подбросило, Кэтриона проснулась. Снаружи раздался громкий треск; экипаж снова подпрыгнул и остановился. Через окно не было видно ничего, кроме деревьев, которые стояли плотной стеной, как в густом лесу.

Доминик, упершись спиной в спинку сиденья, держал в руке пистолет; в тусклом полусвете его волосы отливали серебром.

- Что случилось? - в испуге прошептала она. Доминик быстро перезарядил оружие. Значит, это он выстрелил только что.

- Возможно, разбойники.

- Возможно?

- Мы в Шервудском лесу, час назад проехали Ноттингем. Похоже, эти веселые ребята не из

банды Робин Гуда. – Доминик щелкнул затвором. – Пока они упорно не хотят обнаружить себя...

За окном прогремел еще один выстрел.

– Проклятие! Кого же это черт накликал? – Доминик положил руку на подоконник и через открытое окно направил дуло в густые сумерки. – А ну, стой!

Над головой у них прогремел следующий выстрел – это стрелял из мушкетона кучер. Кэтриона сползла с сиденья и скорчилась на полу, рядом с мокрыми ботинками Доминика. Услышав лошадиное ржание, она живо представила себе настороженные уши животного, а также кучера, перезаряжающего свое оружие.

Доминик выстрелил, и сразу совсем близко от них что-то зашумело. Глаза защищал едкий черный дым, потом раздался мужской крик.

Со стороны дороги слышалось еще несколько выстрелов, и что-то тяжелое шлепнулось на землю. Карета резко качнулась и подпрыгнула, а затем вся упряжка понеслась вперед. Под грохот копыт Кэтриона взобралась на сиденье, с недоумением припоминая, что за то время, пока происходил обмен выстрелами, снаружи не было произнесено ни единого слова.

Доминик снова перезарядил оружие и затем уперся расставленными ногами в стены раскачивающейся кареты. Кэтриона не сомневалась, что он уже убил одного из разбойников.

– У вас есть другой пистолет? – спросила она.

– Но зачем?

– Я тоже могла бы стрелять. Я умею.

– Тогда стреляйте из этого. – Доминик без раздумий протянул ей свой пистолет вместе с рожком для пороха и патронами. – Мне нужно добраться до козел. Эти поганые ублюдки убили нашего кучера.

Тем временем лошади мчались куда глаза глядят. Надвигалась ночь, а преследователи скорее всего висели у них на хвосте, поэтому времени для страха не оставалось. Кэтриона придвинулась к подоконнику с заряженным пистолетом, а Доминик распахнул противоположную дверцу и вцепился в раскачивающуюся крышу. До Кэтрионы донесся его голос:

– Это не простые разбойники! Они хотят убить нас.

В следующую секунду он отыскал опору для ноги и, ловко извернувшись, скрылся наверху. В тот же момент всадник в маске поравнялся с каретой и вскинул мушкет. Кэтриона выстрелила без размышлений. Преследователь захрипел, наклонился вперед и вытянул руку, роняя поводья; его лошадь, запутавшись в кожаной петле, споткнулась и сбросила его на землю.

С другой стороны приближался еще один всадник, и в тот же миг длинная плеть, просвистев во мраке, обрушилась на седока. Разразившись бранью, он осадил лошадь; из его рассеченного лица брызнула кровь.

Бандитов оставалось по меньшей мере еще двое, а может, трое. Кэтриона перезарядила пистолет, подняла оружие и нажала на спусковой крючок, когда один из преследователей

промчался мимо. Промах. Зато плеть тут же обвилась вокруг запястья на мгновение замешкавшегося всадника, и его мушкет полетел на дорогу. Кэтриона снова принялась заряжать оружие. Второпях она всыпала слишком много пороха, рискуя забить отверстие ствола. Пока она загоняла патрон и неумелыми руками прилаживала запал, четвертый всадник прицелился в Доминика. Два выстрела прогремели почти одновременно. Вместе со вспышкой и пороховым взрывом она услышала проклятия. На этот раз ее пуля попала в цель – мужчина вылетел из седла и упал на дорогу.

Экипаж сделал резкий крен и помчался дальше, раскачиваясь из стороны в сторону на узкой дороге; открывшаяся дверца с треском цеплялась за ветки, обдирая кору и листья. Лошади словно взбесились, клочья пены летели мимо окон.

Из-за тряски Кэтриона никак не могла перезарядить пистолет: она дважды просыпала порох себе на подол.

Хриплый окрик заставил ее поднять взгляд: всадник, обезоруженный Домиником, галопом мчался следом и уже нагонял экипаж. Поравнявшись, он уцепился за его крышу и вскочил на козлы, откуда тут же послышался голос Доминика, отчетливый, холодный, даже слегка насмешливый:

- А, так это вы? Какой дьявол занес вас в Шервуд?

Вместо ответа последовали глухие удары: судя по всему, на козлах развернулась нешуточная борьба. Сзади также раздался звук удара. Кэтриона обернулась как раз вовремя. Другой всадник прыгнул с лошади прямо в экипаж. Нож – испытанный друг – скользнул в ее руку. Не моргнув глазом Кэтриона всадила его в живот нападавшему.

В это время его напарник свалился с крыши. Выкрикивая непристойную брань, он скатился на обочину, в мягкий торф, и почти сразу через открытую дверь в карету вскочил Доминик.

- Ого, труп! – воскликнул он и посмотрел на Кэтриону: – С вами все в порядке?

Она кивнула. Голова у нее гудела, как после сильного удара.

- У вас кровь...

Через всю щеку Доминика тянулась красная полоса.

- Пустяки, легкая царапина.

Он наклонился, поднял мертвого бандита и вышвырнул его на дорогу. Экипаж резко дернулся.

- Лошади? – спросила Кэтриона, стараясь держаться спокойно.

- Увы! – вздохнул Доминик. – Сейчас понесут. – Он приложил носовой платок к лицу. – Править сейчас все равно невозможно – вожжи запутались, в упряжь набились ветки. Не беспокойтесь, лошади скоро выдохнутся...

- Если прежде карета не разобьется.

- Позвольте мне взять у вас оружие, – продолжал Доминик успокаивающим голосом. – Я оботру его.

Кэтриона забыла, что нож все еще у нее в руке. Когда она посмотрела на него, к горлу ее

подступила тошнота и внутри возникла дрожь.

- Это всего лишь шок. - Доминик обнял ее за плечи одной рукой, а другой вынул липкое лезвие из ее пальцев. - Все верно. У вас не было выбора.

- Меня сейчас стошнит.

- Это скоро пройдет. Положите голову мне на колени. Она послушалась, потому что ее стало трясти. Доминик крепко держал ее, гладил ей волосы, убирая тонкие пряди со щек и шеи. Его пальцы были как целебный бальзам, облегчающий страдания.

- Нелегко убивать человека, - медленно произнес он. - Когда я сделал это первый раз в жизни, то потом тяжело заболел. Я не ожидал такого сильного душевного потрясения, однако убийство на войне неизбежно. Правда, от сознания необходимости испытываешь некоторое утешение, потому что знаешь - у тебя есть мужество и умение. В вашем случае как раз так и было.

Кэтриона повернула голову.

- Я бы не сделала это ради себя. Но есть Эндрю... Она попыталась встать, но в этот момент прямо под ней раздался громкий треск. Экипаж сильно накренился, и ее отбросило назад. Доминик поспешно притянул ее к груди, загоразивая руками голову.

- Держитесь за меня! У нас сломалась ось. Послышался скрежет металла, затем лошади перешли на легкий галоп, потом затрусили рысцей и, наконец, пошли шагом. Карета накренилась еще сильнее и завалилась на бок. На несколько секунд воцарилась тишина, нарушаемая только фырканием животных. Кэтриона вместе с опрокинувшимся сиденьем повалилась на Доминика. Он осторожно вылез из экипажа и помог выбраться Кэтрионе. В изнеможении опустившись на траву, он усадил ее рядом.

- Мы живы, - не веря своему счастью, произнесла Кэтриона.

- И невредимы. - Доминик внимательно изучал ее лицо. - Не плачьте! - Он порывисто прижался губами к ее губам.

Она жадно поцеловала его в ответ. У нее слегка кружилась голова, точно после глотка виски.

Доминик отодвинулся, тяжело дыша, затем несколькими легкими поцелуями коснулся ее лба и щек, поднял голову и огляделся.

Лошади стояли вытянув морды и мелко дрожали. В одного из коренников попала пуля, из раны лилась кровь. После такого увечья конь был обречен на хромоту.

- Вы точно не ранены?

Кэтриона кивнула.

Доминик поднялся и отошел к лошадям, чтобы разрезать сбрую, как вдруг на дороге послышался шум.

- Что это? - вздрогнув, спросила Кэтриона, сразу распознав топот копыт.

- Наши преследователи. Вероятно, они пересели на запасных лошадей. Нам нужно удирать: если мы не растворимся в лесу, боюсь, нас снова настигнут. Вы можете бежать?

- А что толку - мы вряд ли сможем уйти от людей на лошадях.

Доминик взял ее руку, поднес к губам и поцеловал, затем, предварительно вытерев его о траву, отдал ей ее нож. Кэтриона взяла его не дрогнув.

- Будь они прокляты!

Лавируя между березками, она еле поспевала за Домиником. Сзади, в густом подлеске, трещали сучья под лошадиными копытами. Преследователи должны были показаться с минуты на минуту.

Внезапно Доминик остановился и притянул ее к своей груди:

- Нам нужно спрятаться. Немедленно. Скорее туда! Он показал на ясную черную гладь впереди. Небольшой водоем с густым камышом поблескивал, как таинственный глаз среди темнеющего леса.

- Озеро?

Кэтриона недоуменно перевела взгляд на своего спутника, однако Доминик уже скинул пиджак, рубашку и освободился от ботинок. Тогда она сняла свою шелковую шаль и стащила одну из нижних юбок, порвав ее впопыхах. Расстегивать платье было уже некогда. Доминик швырнул все вещи под ствол упавшего огромного дуба с вывороченными корнями, и они побежали к воде. Нырнув в ее прохладные объятия, они растворились в темноте.

Пробираясь вброд между камышами, Кэтриона срезала ножом два стебля и дала один Доминику - несомненно, он должен был знать старый трюк, которому ее в детстве научил Калем. Она никогда не думала, что однажды ей придется снова дышать через такую же трубочку, но уже не понарошку.

Когда они отошли на достаточное расстояние, Доминик взял тростинку в рот и, погрузившись в воду, оставил на поверхности только короткий кончик. Кэтриона сделала то же и задышала через трубку, зная, что теперь их никто не обнаружит: преследователи увидят лишь молчаливое темное озеро среди призрачных деревьев.

Вибрация от конского топота дошла до них, когда бандиты подъехали к озеру и поскакали вдоль берега. Холод пронизывал тело, юбки прилипли к ногам, но Кэтриона, не обращая на это внимания, крепко держась за руку Доминика, дышала ровно и тихо. Между тем сознание ее продолжало работать.

И тут ей вспомнился четко прозвучавший голос Доминика: «А, так это вы? Какой дьявол занес вас в Шервуд?» Доминик явно узнал одного из разбойников, и он даже не выглядел удивленным, когда тот напал на него. Значит, у него есть враги, которые хотят его убить? Какое парадоксальное стечение обстоятельств! Она втянула его в свое авантюрное предприятие, чтобы из-за нее он подвергся смертельному риску!

Кэтриона почувствовала, что ее тянут за руку. Задыхаясь, она высунула голову на поверхность.

- Они уехали, - сказал Доминик. - Вылезаете отсюда. Если мы сейчас не просушим одежду, то замерзнем до смерти.

День был уже на исходе; небо поблекло, но на западе, за деревьями, еще слабо проступала синева. Сумерки раннего лета не были слишком холодными, но после пребывания в воде

воздух, проникая через мокрое белье, слегка покусывал кожу. Ноги Кэтрионы онемели так, что пальцы потеряли чувствительность; холодные струи сбегали с ее волос на продрогшие плечи.

Возле повалившегося дуба на месте вывороченных корней образовалась небольшая пещера, черневшая, как рот водяного. Доминик вытащил спрятанные под деревом вещи. Кэтриона стояла покорно, как ребенок, когда он начал расстегивать на ней пуговицы. Он снял с нее мокрое платье и посадил на низкую ветвь, выползающую из-под ствола, словно змея, потом присел на корточки, чтобы снять туфли. Стесняться сейчас было бессмысленно.

- Это не здорово - носить мокрую обувь и чулки, - повторил он ее недавнюю фразу.

- И в-в-вам, - еле выговорила Кэтриона. - Вы т-т-тоже должны снять ботинки.

- Хорошо. - Доминик наклонился и стянул с себя брюки и нижнее белье. - Слава Богу, что вы согласились взять эту несчастную шаль.

Он наскоро вытерся и, повернувшись к Кэтрионе, просунул ей руки под мышки и заставил ее встать. Обнаженный, блестящий в мерцании догорающих сумерек, Доминик казался высеченным из мрамора вдохновенной рукой мастера. Кэтриона прикусила губу и опустила глаза, пока он расшнуровывал тугой корсет. Затем он стащил с нее нижнее белье, оставив ее обнаженной.

Она стояла перед ним с поникшей головой и опущенными руками, а он взял шаль, зайдя сзади, начал растирать ее озябшее тело, массируя ей спину и ягодицы, разгоняя холод, согревая кожу.

В странной отрешенности Кэтриона позволяла делать с собой все это, почти равнодушно думая о том, что вот так же когда-то ее обтирала после ванны старая няня. Почему-то, вспоминая то тепло, она каждый раз испытывала мучительное чувство безвозвратной потери.

Осторожные руки обтерли ей грудь, поочередно с той и другой стороны, и уронили шелк на мягкие завитки у бедер.

Тепло распространилось вглубь, как будто в топку бросили пучок сена. Взметнувшееся пламя прошло сквозь спину. Сильные ноги Доминика находились против ее бедер, и его волосы возле лона мягко касались ее ягодиц. Везде, где встречалась их плоть, одно холодное тело с другим, вспыхивали искры, пробуждая к жизни бушующее пламя.

Дыхание Кэтрионы стало неровным и частым. Ей нужно было сделать только один шаг, чтобы погасить огонь и вернуть обратно холодный, темный вечер с пустынными торфяниками, в которых навсегда пропадали дети. Она ясно понимала это сейчас, принимая решение. Свое решение. В объятиях этого англичанина она никогда не обретет защиту. Нужно отказаться от его тепла и уйти.

Однако жестокое желание подчинило себе ее душу и повело за собой. Кэтриона уронила голову ему на плечо и закрыла глаза.

Руки Доминика перестали двигаться.

Она потянулась к нему и обхватила его за бедра, ощущая прочный остов, покрытый мощными мышцами.

Доминик будто застыл в неуверенном ожидании. С минуту она слышала только его горячее

дыхание, стирающее в ночи все остальные звуки. Она прижалась к нему, ища тепла, позволяя своим рукам двигаться по его ягодицам.

Влажный шелк соскользнул на землю.

Доминик обеими руками приподнял ее лицо. Ледяные губы прижались к ее рту. Она открыла рот и вдохнула в себя его поцелуй. Пламя мгновенно превратилось в бушующий пожар, поглощающий все на своем пути. В необъятной холодной вселенной под темными небесами остались лишь призрачные деревья, стоящие подобно молчаливым стражам, и одна яркая огненная точка – соединившиеся друг с другом уста. Сладостные ощущения были подобны купанию в горячем пряном вине.

Доминик застонал. От его ладоней исходил жар, когда он опустил их ей на грудь, захватив в пригоршни налитую тяжесть. Он скользнул большими пальцами поверх сосков и стал перекачивать их. Они твердели от его прикосновений, вызывая в ней пронизывающие ощущения. Затем он снова принялся гладить ее тело. Повсюду, где он дотрагивался, становилось горячо, словно после ожога. Языки пламени, как стрелы арбалета, вонзались ей между ног. Она задыхалась, выгибалась назад, предлагая себя.

Мощным вдохом он забрал от нее поцелуй вместе с ее теплом и ароматом, совершая танец вокруг ее языка. Это было вкуснее меда и жарче огня. Ее уплотнившиеся соски стояли кверху на взбухшей груди, а он продолжал ласкать, теревить и дразнить их.

Кэтриона чувствовала, как под пальцами горит его тело. Она испытывала наслаждение от его кожи. Плоть, толкавшаяся у нее за спиной, сделалась твердой, горячей и сильной, заявляя свои притязания, а он все продолжал мучить ее. Тогда Кэтриона быстро просунула руку между их телами и нащупала то, что составляло его мужскую сущность. Гладкая и очень горячая, она забилась у нее в ладони, испуская мощный поток невидимого излучения.

Рука ее скользнула ниже, исследуя это чудо, выясняя, как оно устроено, ощупывая непривычную весомость и округлость. Обжигающая пружина запрыгала от ее прикосновений, огонь, разгоревшийся между ног, уже полыхал вовсю, жадно облизывая кожу. Доминик быстро опустил руки ей на живот, а она повернулась в его руках.

Он осторожно уложил ее под поваленным бурей дубом. Там пахло грибами и мхом. Здоровый дух земли. Почва под прикрытием вывороченной глыбы была сухой и рыхлой. Его сброшенная рубашка сделала ложе еще мягче. Клочок неба исчез, когда Доминик прикрыл его своим телом. В крошечной тьме его запах, чистый и пронизывающе мужской, смешался с запахом спутанных корней. Она хотела, чтобы он взял ее не наспех, а с наслаждением, как страстный любовник. У нее даже защипало глаза от подступивших слез.

Доминик опустился на колени. Держа обеими руками ее голову, бережно, как в колыбели, он с минуту заглядывал ей в лицо. Она знала, он не может видеть его выражения и не может прочесть ее мысли. Протянув руку вверх, она тронула пальцами его плечо и пробежала ладонью по его теплой твердой груди. Это было ее решение. Она говорила ему, что больше не может сопротивляться и выпускает себя на свободу.

Доминик расположился около нее на боку, вытянувшись во весь рост. Кэтриона лежала, открытая для него, ощущая его целиком, вместе с прижимающейся к ней его твердью. Руки его пришли в движение, и рот принялся разжигать ее своими ласками. Она слегка напряглась, но он коснулся ее и медленно выдул воздух ей в волосы.

- Кэтриона, - прошептал он. - Вы уверены?

Слово слетело с языка так быстро, будто не она, а кто-то еще сказал за нее:

- Да, уверена.

Доминик губами, как перышком, провел по ее лицу. Это было необыкновенно. Она застонала, когда его язык проследовал дальше, от плеча к шее, а затем вдруг с силой присосался к ямочке. Оттуда, как из пробоины, вырвался поток огня. Она судорожно вздохнула и непроизвольно впилась ногтями в его руку. Тогда он поцеловал ее пониже уха, так обжигающе, что ей показалось, будто она вот-вот расплавится.

Руки Доминика блуждали поверх ее груди, оставляя после себя тянущийся шлейф удовольствия. Потом он двинулся вниз, к ее самому интимному месту с завитками волос. Когда он раздвинул их, огонь коснулся ее тайной сердцевины.

Изумление вспыхнуло и расплавилось в жарком пекле, а он, зарывшись в завитки лицом, отдавал то пламя, что раньше вдохнул ей в кровь, одной-единственной точке. Эта точка ныла, окутавшись влагой, готовой смягчить вторжение. Если бы он только проник вглубь - тело сразу почувствовало бы себя раскрепощенным! Она вымаливала сейчас то, чем судьба обделила ее, оставив в двадцать пять лет одну, заплутавшую в потемках. В отчаянии она открылась целиком, подняв и раздвинув ноги, давая дорогу, приглашая.

Неколебимая твердь прикоснулась кончиком к ее разгоряченной плоти. Она обнажилась перед ним еще больше, готовая принять его с лаской. Пламя вызвало дрожь в глубине ее лона. Округлый гладкий кончик потерся о самую сокровенную его часть и через секунду вошел, но лишь чуть-чуть. Внутри все расплавилось, и необыкновенное ощущение мучительной волной прокатилось по телу, обещая райское наслаждение. Не понимая, что она делает, Кэтриона вонзила ногти в его ягодицы. Доминик с силой погрузился в нее, пока не оказался целиком в ее плоти. Чуть не теряя сознание от боли, Кэтриона вскрикнула.

Черное безмолвие поглотило ее голос. Она прикусила губу, но горячие слезы застилали ей глаза.

Доминик не двигался. Он оставался в таком положении, пока обжигавшая ее боль не притупилась, а испуг, вызванный их соитием, не прошел. Кэтриона нащупала колонны его рук - только сейчас она осознала, что еще минуту назад плотно прижималась к нему, вцепившись в него ногтями. Она отвернула голову в сторону и уронила руки, позволяя ему уйти.

Он отстранился медленно и осторожно, будто боясь повредить тонкий шифон, затем перекатился на бок и оставил ее одну на пепелище страсти.

Кэтриона поднялась, зная, что на них обоих должна быть кровь. Он сидел у края их пещеры под навесом из корней, подтянув колени, положив голову на руки.

- Мне очень жаль... - сказала она.

- Тьфу, ты дьявол! - Доминик растерянно провел рукой по волосам. - Вот недоразумение...

- Вы тут ни при чем. Я хотела вас. Просто я не ожидала, что будет так больно.

- О небо! - Он запрокинул голову, глядя на звезды. - Вы, оказывается... - Он сделал глубокий вдох. - Боже мой, вы были девственницей! Дайте мне немного прийти в себя.

Он протянул руку за своей рубашкой и, надев ее, направился куда-то в ночь. Свет от

поднимающейся луны падал на белую материю и его бледные волосы, делая их похожими на сияющие рыцарские доспехи.

- Завтрашним грехом будет похоть, - тихо сказала Кэтриона.

- Сегодняшним. Грехопадение произошло после полуночи. Впрочем, какое это имеет значение! О Боже, если б я знал... - Он повернулся к ней: - Разумеется, я женюсь на вас.

Кэтриона вновь ощутила легкие укусы холода. Прежде чем вылезти из пещерки и подать голос, она схватила свои сухие юбки и надела их. В горле у нее слегка саднило.

- Я не пойду за вас, - просто сказала она.

- О проклятие! Я полагал... - Доминик подобрал свой пиджак и обернул вокруг ее плеч бездумным рыцарским жестом. - Мы поженимся, как только доберемся до Шотландии.

- Зачем? Сообразуясь с вашими представлениями о галантности? Этого не нужно. Я хотела потерять невинность, так как не видела от нее никакого проку.

- Не говорите глупостей! - Доминик нахмурился.

- Вы не стали бы брать меня, если б знали? Но почему? Разве я не властна сама выбирать время, когда отдать свое тело мужчине?

Он натянул на себя мокрые брюки.

- Это слишком долгий разговор, чтобы начинать его сейчас. И без того слишком много потерь и поражений. Того и гляди, задохнешься под всем этим грузом.

- О чем вы говорите? Вы победили.

- Победил? Боже милостивый! В чем же моя победа? В том, что я ничего не понял? Я был уверен, что у вас есть опыт в подобных вещах. - Он засмеялся, и в звуке его голоса ей послышалась горечь. - Я думал, Эндрю ваш сын - ведь Генриетта никак не могла быть его матерью. Я не нашел никакой другой причины, которая заставила бы вас приносить такие жертвы ради этого мальчика. А еще я думал, что Калем Макноррин был вашим любовником.

- О Дева Мария!

- Может, потому я и хотел разделить с вами удовольствие, - сказал Доминик, свирепо затапливая ноги в ботинки, - ради Калема. Я воспринимал ваше горе как мое собственное: мне показалось, что вы скорбите о нем так же сильно, как и я в свое время. И что же? Вы использовали меня для своего удобства, как орудие, дабы избавиться от тяготившей вас девственности.

- А почему бы и нет? - Глаза Кэтрионы сверкнули. - Помните нашу первую встречу? Вы были счастливы видеть во мне объект вашего покровительства - это способ, который вы использовали с великим множеством женщин.

- Нет, - сказал Доминик. - Это способ, которым они использовали меня. Ради Бога, прошу вас, не надо ничего говорить. Давайте подождем с этим. Мы с вами заблудились в Шервуде. Сейчас глубокая ночь, и кто-то в темноте хочет лишить нас жизни. Первым делом я должен доставить вас в безопасное место.

- Вам было противно прикасаться ко мне? - неожиданно спросила она.

От внезапно набежавшей улыбки на щеке Доминика появилась ямочка.

- О нет, до того момента, пока я не нарушил вашу проклятую непорочность. Обувайтесь.

Других слов ей не потребовалось.

- Куда мы идем? - спросила она, наклоняясь, чтобы надеть туфли.

- Куда и прежде - к моему другу.

Кэтриона выпрямилась.

- Это очень далеко?

- Не думаю. Вы сможете идти?

- Конечно.

- Тогда вперед! Надеюсь, эти негодяи не собираются караулить нас до утра. Впрочем, постойте... Есть одна вещь, о которой я не могу не спросить прямо сейчас. Кем, черт побери, был для вас Калем Макноррин?

Кэтриона обратила глаза вверх темного озера на спящие деревья, потом на небо, к звезде, которой она дала его имя.

- Калем был моим братом.

Глава 7

Кэтриона не жаловалась; в северных краях людям не привыкать к пешим переходам. Доминик углублялся все дальше на север, периодически сверяясь с небом, отыскивая в россыпи звезд ту, что указывала путь к их конечной цели - Шотландии. Когда Кэтриона призналась, что Калем Макноррин был ее братом, он ничего не сказал - просто взял ее за руку и повел.

Наконец они выбрались на дорогу, и хотя она уводила к западу, Доминик ступил на нее без колебаний. В одной руке он сжимал ладонь Кэтрионы, в другой нес ее промокшее платье. Она шла в своих порванных юбках и его пиджаке, бодрясь, не обращая внимания на боль между ног и необычную пустоту в сердце.

С опушки леса открывался вид на холмистые поля, которые прерывались темными подлесками и песчаными намывами, казавшимися под луной то светлыми, как слоновая кость, то почти черными. Дорога разветвлялась на несколько троп, сбегавших по краю одной из рощиц; за ней был виден волнистый луг, а еще дальше - берег небольшого озера. По правую руку расположились разросшиеся сады, за которыми находилось нечто, выступавшее над горизонтом.

Тропинка повернула к накатанной дороге. По ней они подошли совсем близко к сонной громаде из камня и двинулись вдоль высокой стены, накрывшей их своей тенью. Они обогнули большой блок надворных построек, и неожиданно перед ними возник фасад здания, испещренный причудливыми тенями.

Кэтриона остановилась как вкопанная, и Доминику тоже пришлось задержаться.

Это был старинный скандинавский замок. Готические башни с белыми шпилями, казалось, доставали до звездной россыпи Млечного Пути; ниже зияли чернотой три огромных церковных окна, а гигантскую центральную арку украшала ажурная кайма из камня с торчащими краями. Правее, отступая от церковного здания, вдоль всей остальной части фасада шли эркеры с причудливыми аркадами и мелкими архитектурными украшениями; на стыке с небом вырисовывался фестончатый узор стены. Позади скрывалось еще множество строений, крыш и дымовых труб.

- Средневековые руины, - проговорила наконец Кэтриона. - Разрушенное аббатство.

- Ньюстедское аббатство, прибежище грешных лордов, - подтвердил Доминик. - Пойдемте.

Они проследовали наверх, и Доминик постучал в дверь. Ожидание длилось долго, но наконец послышался чей-то недовольный, голос:

- Кто там?

- Доминик Уиндхэм, мистер Мюррей. Со мной леди, и у нас несчастье.

- О Господи!

Звякнул засов, дверь отворилась. Из прихожей вырвался поток света. Затем показался дородный, благообразный человек с седеющими волосами, в высоко поднятой руке он держал лампу. На нем был темный сюртук и бледно-желтый жилет - костюм дворецкого, надетый, несомненно, в спешке.

- Боже милостивый! Майор Уиндхэм! Но его светлости нет дома, сэр. - Мужчина деликатно оставил без комментариев их плачевный вид.

- Да, Мюррей, я знаю. Мы можем войти?

Дворецкий пропустил их в дверь и провел в огромный средневековый холл с высокими сводчатыми потолками. Мерцающий свет лампы высветил облупившуюся штукатурку и голые стены. Мебель здесь вообще отсутствовала.

- У меня нет подготовленных помещений, сэр, - несколько смущенно сказал Мюррей.

- Тогда, может, мы воспользуемся личными апартаментами его светлости? - спросил Доминик. - Нам хватит одной комнаты.

Мюррей открыл дверь в дальнем конце холла.

- Сейчас я растоплю для вас камин и принесу что-нибудь перекусить.

Доминик жестом остановил его.

- Мы не хотим ни пить, ни есть. Сон - наша единственная потребность. Показывайте скорее, где тут у вас кровать.

Кэтриона вошла в комнату. Контраст с полуразрушенным холлом, через который они только что прошли, был разительный. Пока она, остановившись, оглядывала небольшую столовую, мистер Мюррей исчез через другой выход.

- Ничего не понимаю, - сказала она. - Чье это жилище?

Доминик сел в кресло. Брюки, высохшие на нем во время ходьбы, натянулись на бедрах и собрались в складки на сгибах.

- Так уж случилось, что мы попали к шотландцу. Это убежище Джорджа Гордона, лорда Байрона. Еще один мужчина, чья жена не сумела сохранить верность своему мужу.

Кэтриона с любопытством рассматривала причудливую резьбу каминной полки, выпуклый герб и картины вокруг него - с них смотрели вниз, на камин, три головы в шляпах шестнадцатого века. Она невольно отметила, что краска на портретах давно полопалась.

- Дом лорда Байрона, поэта?

- Да. Сейчас лорд в Европе, но я уверен, он будет счастлив предоставить нам свое убежище. Очень великодушный человек.

Кэтриона чувствовала себя неловко и слегка растерянно. Слухи о недостойном обращении Байрона с женой, равно как и развязка скандальной истории, дошли даже до северных краев.

- Мы отправимся в его спальню на голодный желудок?

Доминик лениво разглядывал свои ботинки.

- Мы и без того создали достаточно неудобств Джо Мюррею. Он, вероятно, сладко спал, а мы вытащили его из постели. Ну где он сейчас будет добывать нам еду - вы же видите, большая часть этого замка необитаема.

На это Кэтриона ничего не сказала, хотя очень стосковалась по горячей пище.

В дверь тихонько постучали, и Джо Мюррей, заглянув в комнату, сказал:

- В спальне все готово, сэр.

Кэтриона и Доминик молча последовали за дворецким, который повел их по галереям и коридорам к винтовой лестнице, спрятанной в древних стенах.

Спальня оказалась небольшой, но уютной; самым выдающимся предметом в ней была кровать с пологом в форме домика и со столбиками, увенчанными баронскими коронами. Расстояние от нижнего края кровати до пола составляло несколько футов, поэтому рядом на коврике стояла лесенка. Цвет и узоры на коврике были подобраны в соответствии со стилем и тоном общего убранства; в сравнении с нижним этажом, где помещения хранили печать средневековья, спальня выглядела на редкость современно, а у кровати висели дорогие гардины из вощеного ситца с изображением золотисто-зеленых китайских пагод.

- Слава Богу, кровать. - Доминик закрыл за собой дверь. - Сейчас мы будем спать как младенцы. Я даже не стану вас трогать.

- Вы даже не спрашиваете, как я... Вы сердитесь? - Кэтриона замолчала и опустила глаза.

Доминик усмехнулся:

- Гнев - завтрашний грех, а сегодняшний уже прощен. Поэтому давайте используем остаток ночи для сна.

- Значит, вы сердитесь, - сказала она. Доминик покачал головой:

- Нападение, убийство, опрокинутая карета - не слишком ли много для одного дня? Все последствия мы обсудим завтра, а пока снимите, ради Бога, этот несчастный пиджак и отправляйтесь в постель. Здесь вам ничто не угрожает. Сейчас мы согреемся и уснем; все остальное не имеет значения, по крайней мере до утра.

Кэтриона посмотрела в окно: где-то в лесу, вероятно, за ними по-прежнему охотятся. Ее бросило в дрожь.

- Успокойтесь, все будет хорошо.

Доминик подошел к ней, посадил на кровать и снял с ее ног туфли, потом осторожно стащил с нее нижние юбки, отвернул покрывала и, уложив Кэтриону в постель, молча задул свечи, а затем разделся сам, скользнул между простынями и лег рядом.

Так же молча он притянул ее к себе и держал в объятиях, пока она не уснула.

Ее дыхание мягко касалось его плеча. Она была голая, теплая, бесконечно желанная, и плоть его достигла крайнего возбуждения. Жгучие ощущения не давали ему заснуть.

Доминик всматривался в темноту ночи и ругал себя последними словами. Ребенок в Эдинбурге не принадлежал Кэтрионе, а Калем Макноррин оказался ее братом. Она была девственницей. Сплошные ошибки. В результате он обольстил сестру человека, которого любил, и лишил ее целомудрия. Правда, ей казалось, что она сама этого хочет, но он-то знал, что такое соблазнить женщину, и сделал это безжалостно, как и обещал в первый же день, когда они встретились.

Кэтриона тихо застонала и заворчалась в постели: он убрал руки, чтобы позволить ей уйти, но она изогнула гибкую спину и пристроилась у него на бедре, как в гнездышке. Он решительно отвернулся, сердито кляня себя за безалаберность. Нет, каково? Иметь возможность обладать и бездействовать - худшего наказания и быть не могло. Проявленное им благородство сейчас прямо сказывалось на его самочувствии и не устраивало его ни в малейшей степени. Но и это еще не все. Она была девственницей, и, безусловно, он должен жениться на ней. Вопрос заключался в том, нужен ли ей такой супруг, за которым охотятся старые враги, грозя смертью?

Чтобы отвлечься от требований плоти, он принялся размышлять о Джерроу Флетчере. Черт бы его побрал! Зачем он собирался перехватить их в Шервуде? И какая ему надобность убивать их?

Он проснулся от птичьего пения, когда Кэтриона еще спала. Ее растрепанные волосы разметались по подушке, а верхняя губа, словно отогнутый лепесток, вызвала безумное желание поцеловать ее. Доминик почувствовал соблазн, но не поддался ему - вместо этого он быстро встал и зашагал в туалетную комнату, где Джо Мюррей уже разложил все необходимые принадлежности.

С мрачной ухмылкой он влез в халат и, взяв полотенца, пробежал по лабиринту лестниц и коридоров к старинным аркадам. За молельней располагался высокий сводчатый проход, который хозяин замка переоборудовал под бассейн. Доминик сбросил халат и нырнул в ледяную воду.

Через час, искупавшись, побрившись и облачившись в свой выстиранный и отутюженный костюм, Доминик пошел за Кэтрионкой. Он застал ее в небольшой столовой: на ней было темное

платье, тоже выглаженное; чисто вымытые волосы заплетены в аккуратные косы. Неутомимый Мюррей позаботился обо всем, в том числе и о завтраке – их ждал накрытый стол с обилием пищи.

Доминик сел, положил себе хлеб, мясо, яйца, не забывая исподтишка наблюдать за Кэтрионой, которая намазывала мармелад на ломтик обжаренного хлеба. «Вы меня обесчестили», – казалось, говорили ее опущенные глаза.

- Мы поженимся, – быстро проговорил Доминик.

- Потому что я оказалась девственницей? Но моя девственность – это моя собственность, и я сама решила расстаться с ней.

- Большинство женщин рассматривают свое целомудрие как бесценный дар...

- В самом деле? Интересно, что бы вы сказали, если бы ваша первая женщина настаивала на браке только потому, что отняла у вас невинность? Пока вы думали, что у меня до вас были мужчины, вы вели себя иначе – тогда вы не хотели жениться, зато теперь упиваетесь своим благородством. Я не нуждаюсь в ваших сожалениях и презираю вашу трогательную заботу!

- Послушайте, почему вы упорно пытаетесь представить меня каким-то монстром? – Доминик не чувствовал вкуса пищи, она казалась ему отвратительной, как глина. – Могу же я в конце концов испытывать хоть чуточку угрызения совести! Я был безжалостен к вам, причинил вам боль, и мне это вовсе не безразлично.

- Я не знала, что будет так больно. – Кэтриона отложила нож. – Могли бы быть и поосторожнее.

При этих словах Доминик едва не подавился и вдруг от души расхохотался.

- Вы правда так считаете?

Кэтриона посмотрела куда-то мимо него. Утренний свет падал на ее резкие скулы и бледную кожу, на которой поразительным контрастом сияли синие глаза.

- Дважды в жизни мне встречались мужчины, близкие моему сердцу. Первый раз, когда мне было семнадцать, и потом в двадцать один. Но я не могу их сравнивать с вами. – Теперь она смотрела прямо на Доминика. – Я могла бы выйти замуж за того или другого, но между нами ничего не было. Мне не приходилось трогать их, как я трогала вас прошлой ночью.

- Конечно, нет. Ведь они не были распутниками.

- Они были благородны, и оба оставили меня умирать девственницей.

- Вот как? Что же с ними произошло?

- Вимейро и Сьюдад-Родриго – эти названия говорят вам о чем-нибудь?

Две битвы, восьмого и двенадцатого годов. Доминик поднялся и подошел к окну.

- Значит, ваши мужчины были солдатами, – сказал он. – Шотландские горцы, оба погибли на Пиренеях.

Итак, она могла выйти замуж, если бы один из них вернулся живым, но, обнаружив их имена в списках убитых, осталась одна.

- Мне очень жаль! - Теперь его голос звучал серьезно.

- Это так грустно. - Кэтриона вздохнула. - Но я не поэтому отказываю вам. Не хочу принадлежать ни одному мужчине, особенно титулованному англичанину наподобие вас, с вашей страстью к моде, комфорту, развлечениям. Вы привыкли жить в ночи, как вампир, питаясь кровью других. Какое будущее нас ожидает?

- Не знаю.

Доминик задумался. Она считала, что ей грозит смерть, и потому решила расстаться с девственностью. Холодно, без страсти, заранее обдумав свой поступок.

- Я вас разгадал! С того самого дня, как мы встретились, с тех пор, как вы втянули меня в эти нелепые планы, вы все время мне лжете! Я начинаю сомневаться, действительно ли Калем Макноррин был вашим братом. Черт возьми, кто вы на самом деле?

Кэтриона встала, выпрямила спину и подняла подбородок.

- Меня зовут Кэтриона. Мои отец и мать носили фамилию Макноррин. Я выросла у дяди в Дуначене, в Глен-Рейлэке, что означает «Долина звезд». В том замке есть такие же кресла, как здесь, серебро, ковры. А вы, наверное, думали, что у нас там захолустье и мы живем в бараках да хибарах, ничего не читаем и ничего не знаем?

- Вовсе нет. С чего вы это взяли? Калем был очень образованным и культурным человеком. У него в мизинце было ума больше, чем у многих наших офицеров в голове. Он доверял мне, и поэтому я знаю про Глен-Рейлэк. То, что я содеял прошлой ночью, есть откровенное попрание его чести. Если бы Калем был жив, без сомнения, он заколол бы меня.

- Точно, заколол бы, - охотно согласилась Кэтриона. - Да я и сама могла бы это сделать. Когда мы были детьми, Калем учил меня всему, чему учили его. Двуручный меч был слишком тяжел, зато кинжал и пистолет я освоила очень неплохо.

- Я уже заметил. Один из нападавших вчера испытал это на себе. Кэтриона, надеюсь, теперь вы расскажете мне все?

- Не здесь, не в этих стенах. Идемте на воздух.

Они покинули столовую и прошли по коридору в монастырский парк. Лучи утреннего солнца ярко освещали восточную стену аббатства, перед которой располагался огороженный английский сад, вернее, то, что от него осталось. Доминик следил, как она шла, отмечая мягкие линии ее плеч и выступающие округлости груди. Воспоминания о ее сладостной наготе жгли ему ладони, растекались медом по языку и возбуждали безумное желание.

Давно не кошенные лужайки полого спускались к большому четырехугольному пруду; за ним тянулись молодые лесопосадки, на фоне которых выделялись две белые статуи.

Не доходя до них, Кэтриона остановилась перед большим монументом, возвышающимся над садом.

- «Здесь покоятся останки того, - начала она читать вслух, - кто обладал красотой без тщеславия, силой без дерзости, мужеством без жестокости и всеми мужскими добродетелями без пороков. Сие восхваление не есть бессмысленная лесть, начертанная на скрижалях, а лишь дань памяти Боцману - псу, родившемуся в Ньюфаундленде в мае 1803 года и умершему в

Ньюстеде 18 ноября 1808 года».

- В доме висит его портрет, - охотно пояснил Доминик. - Отличный был пес. Байрон хочет, чтобы, когда придет время, его тоже похоронили здесь, вместе с ним.

Кэтриона, загоразивая глаза от солнца, смотрела на посвящение.

- Тщеславие, дерзость, жестокость? Ваш друг лорд Байрон не очень-то чтит собственный род.

- Так же, как и вы...

Она резко повернулась к нему и вдруг густо покраснела. В глазах у нее появился яркий блеск.

- Неправда. Люди в Глен-Рейлэке скоро узнают нечто о собственном роде, и это немаловажно, так как их жизнь всецело зависит от властителя. Он один правит целой долиной и распоряжается всем, что там есть: землей, арендой, фермами, каждой хибарой. Хотя клан поселился там еще до появления Адама, судьба каждой семьи находится в руках помещика.

- Я полагал, что это ваш дядя.

- Он умер. Теперь наследником считается Томас, сын его младшего брата, моего второго дяди. И тот дядя тоже умер, еще раньше - упал с лошади и разбился. Томас пока находится на попечении своей матери, рыжей англичанки по имени Мэри, но их будущее зависит от ее отца. Герцог Ратли контролирует все земельные владения и наследство.

- Ратли?! - Доминик был готов взорваться, словно пороховая бочка. - Глен-Рейлэк в руках Ратли? А тот ребенок в Эдинбурге, Эндрю, он-то, черт возьми, кто?

- Сын прежнего помещика, моего первого дяди. Он и есть фактический наследник. Макноррин женился дважды, второй раз на англичанке по имени Сара. Первая жена была бесплодна и умерла, не оставив потомства. В Шотландии с некоторых пор стало модно брать невест с Юга, они приносят с собой английские манеры и деньги. Так вот Эндрю - сын Сары.

- И вы хотите, чтобы он сместил внука Ратли?

- Еще как хочу! А вы должны мне помочь в этом.

Кэтриона с непреклонным выражением на лице продолжала стоять против каменного постамента; в этот миг она была прекрасна.

- С чего вы решили, что я стану вступать в чужие споры, разбираясь во всей этой путанице? По-вашему, для меня так важно, кто из младенцев унаследует какое-то поместье в Шотландии? И зачем, черт побери, вы сказали мне, что Эндрю - сын Генриетты?

Доминик, прищурившись, взглянул на головку с упрямым подбородком - выражение лица Кэтрионы ничуть не изменилось.

- Сара покинула Дуначен в четырнадцатом году, как раз во время летней победы. Эта женщина не любила горы, она была истинной англичанкой, и ей не нравилось жить со старым мужем. Поэтому она уехала в Эдинбург. Я думаю, тогда она уже носила дядиного ребенка, но еще не знала об этом, а потом уже не могла сказать никому.

- Но почему?

- Не успела она доехать до места, как через два дня дядю хватил удар; позже ему полегчало, но говорить он уже не мог. Когда его спрашивали, известить ли Сару, он только качал головой и ревел, как бык. До конца дней он не желал поддерживать с ней никаких связей, да и она тоже к этому не стремилась. Он умер месяц назад и перед смертью не позволял нам даже упоминать о ней.

Кэтриона очень волновалась – это было видно по тому, как дрожал ее подбородок.

- Как вы узнали, что у Сары есть ребенок? – спросил Доминик.

- От кондитеров из Эдинбурга. Они приезжали к нам перед похоронами готовить десерт, и кто-то из них сказал, что у жены помещика Сары родился мальчик и его нарекли Эндрю. Это было весной пятнадцатого года. С тех пор ребенок жил в приюте «Души милосердия». Я отправилась на розыски, но когда приехала в Эдинбург, Сара уже умерла, а в «Душах милосердия» мне сказали, что это ребенок Генриетты.

- А что сказала моя жена о младенце – что это проказы эльфов?

- Генриетта не отрицала, что это ее ребенок, но я знала, что она говорит неправду – мальчик был темноволосый и голубоглазый. Перед самой смертью она призналась, что существуют важные бумаги, дневники Сары и документы на Эндрю, из которых станет ясно, кто он есть на самом деле. У меня нет на них легального права, зато вы, как муж Генриетты, можете потребовать передачи ее вещей вам и удостоверить, что Эндрю законный наследник Глен-Рейлэка.

Доминик с изумлением слушал столь странное повествование.

- Так ради этого вы решили использовать меня? Поэтому я должен ехать в Эдинбург? Вызволить бумаги Сары и в конечном счете подтвердить, что у Генриетты не было прилюдного ребенка?

Кэтриона кивнула.

- Но какого дьявола вы сразу мне не сказали?

- Узнай вы сразу, что Эндрю не ваш сын, вы бы не согласились, поехать со мной.

Доминик недовольно нахмурился:

- Понятное дело, вы представляли, что такому аморальному типу, как я, недоступны тонкие чувства и он никуда не поедет просто ради того, чтобы восстановить справедливость.

- Я так думала, – сказала Кэтриона.

От прилива крови на лице ее зажегся румянец, глаза заблестели.

Доминик отвернулся, чтобы солнце не попадало в глаза.

- Вы позволите мне покинуть вас ненадолго? – наконец сказал он. – Мне нужно подумать обо всем этом.

Не оглядываясь, он быстро удалился через террасы старого английского сада, где деревья словно распахнули ему свои объятия, когда он ступил под их тень.

Кэтриона неподвижно наблюдала за тем, как он уходит. Когда Доминик исчез из виду, она опустилась к подножию памятника Боцману, и высокая трава скрыла ее с головой. «Ох уж эта мне смышленная малышка Кэтриона! – часто повторяла ее нянька Магейд. – Она не сделает много ошибок в жизни, но те, которые совершит, будут очень большими».

Предсказания сбылись. Она совершила несколько ошибок подряд, и все они оказались грандиозными. Мелочи были отработаны до совершенства, но весь проект рухнул, поскольку теперь, после того как она открыла ему правду, Доминик Уиндхэм никуда не поедет, и одной ей не добыть бумаг Генриетты, без которых она не сможет бороться за права Эндрю.

Доказательства мог достать только Доминик Уиндхэм, мужчина, которому она только что отдала свою невинность.

Нужно ли обещать ему выйти за него замуж, чтобы заставить его поехать в Эдинбург? Кэтриона горько усмехнулась. Старая Магейд не зря говорила про большие ошибки – Доминик Уиндхэм, как выясняется, не очень годится в мужья!

Небольшая рощица закончилась у садовой стены, и Доминик, присев, привалился спиной к теплому камню. Прикрыв глаза, он стал думать о Кэтрионе. Она использовала его так же, как те лондонские леди, но от них он другого и не ждал – то были равные сделки. С Кэтрионой все обстояло по-другому. С ней он предавался любовным утехам как с настоящей возлюбленной, искренне, страстно. И что получил в результате? Лучше всего ему уйти от нее, вернуться в Лондон, к своему приятелю и к их совместному безрассудному проекту, чтобы продолжить его, невзирая на смерть Генриетты, – может, в этом случае хоть Стэнстеду улыбнется счастье. Пожалуй, он бы так и сделал, если бы не одно немаловажное обстоятельство – Джерроу Флетчер замыслил убийство.

Доминик поднял сучок и нарисовал на земле маленький кружок. Генриетта – корень всех проблем. Еще тремя кружочками он обозначил Розмари, Сару и Кэтриону – женщин, так или иначе соприкасавшихся с его женой, затем нацарапал линии, соединяющие их с Генриеттой. Получилось что-то вроде колеса со втулкой и отходящими от нее спицами. Четыре женщины, встретившиеся в Эдинбурге, и два рода, чьи судьбы переплелись. Из рассказов Калема он составил некоторое представление о шотландской линии, родословную Ратли и Стэнстеда знал лично. Остальное только что дополнила Кэтриона.

Теперь перед Домиником лежали два генеалогических древа, начертанных им на земле обломком сучка. Английскую ветвь возглавлял герцог Ратли со своими двумя детьми: дочерью, леди Мэри, и сыном, лордом Стэнстедом. Мэри долгое время была замужем за потомком старинного рода Глен-Рейлэка, недавно умершим помещиком. Стэнстед был женат на черноволосой Розмари, увезшей с собой Генриетту и ныне живущей в «Душах милосердия». Таким образом, Стэнстед не мог иметь отпрыска, и потому единственным наследником состояния оставался Томас – сын Мэри и внук Ратли.

У шотландцев вверху расположилась голубоглазая черноволосая троица из Глен-Рейлэка: покойный старый помещик, его сестра и младший брат, женившийся на Мэри. Мэри и стала связующим звеном между двумя семействами, свившимся подобно корням двух старых дубов. Далее по нисходящей линии шли: Эндрю, сын Сары и старого помещика, Калем с Кэтрионой, дети его сестры, и Томас – сын его младшего брата.

Доминик прочертил горизонтальную линию от одного ребенка к другому. Эндрю, подлинный наследник Макноррина, и Томас, внук Ратли, приходились друг другу двоюродными братьями. Оба были сыновьями двух родных братьев и их английских жен, но только одна из них имела в отцах герцога. Если Эндрю будет признан законным наследником Глен-Рейлэка, Томас

потеряет шотландское поместье. Ратли никогда этого не допустит, потому что маленький внук – это, вероятно, все, что останется от его собственной крови. Если Стэнстед сам не обзаведется сыном, по прямой линии герцогский титул будет потерян.

То, что Ратли так заботится о шотландском наследстве, не вызывало вопросов. Но почему это так важно для Кэтрионы? Оба маленьких мальчика – ее двоюродные братья. Почему такая разница в отношении? Это Доминику пока оставалось неясно.

В стороне от обоих рядов располагался один кружок – личность, не связанная общей кровью ни с той, ни с другой ветвью. Генриетта. Она находилась в центре колеса со спицами, его несчастная жена, дарившая свою преданность другим женщинам, – сначала Розмари, потом Саре. Генриетта взяла на сбережение бумаги Сары, и только он мог заявить права на них.

Одним движением подошвы Доминик свирепо стер свою диаграмму. Все это его не касается.

Зато касается ребенка.

Не его ребенка, не Генриетты и даже не Кэтрионы, а чужого темноволосого мальчика с голубыми глазами. Малыша, не знавшего своего отца и до сих пор находившегося на попечении женщин. Сейчас же у него не осталось никого.

Доминик уронил голову на руки. Нет, он не может бросить беззащитного ребенка, тем более что ко всему этому имеет касательство Ратли. Но если Кэтриона докажет права мальчика, как отреагирует герцог, узнав о существовании соперника? Не по-доброму. Это точно. Ратли не станет пассивно наблюдать, как наследство уплывает от его единственного внука, не допустит, чтобы оно было присуждено Эндрю.

В памяти всплыли козы глаза герцога во время их встречи в Сент-Джеймсе.

Тогда Доминик посчитал, что герцог просто грубо прошелся по его адресу в связи с нашумевшими историями о его подвигах на любовном фронте, но, возможно, это был намек на что-то большее. Прослышал ли герцог что-то про мальчика, живущего в «Душах милосердия», или он думал, что это ребенок Доминика? Нет, хуже. Ратли мог узнать, что ребенок, коего приписывали Генриетте, сын Сары. Тогда нужно предупредить миссис Макки, которая сейчас опекала малыша, послать ей письмо с новыми указаниями, так, на всякий случай. Не исключено, что слухи о новом наследнике могли дойти до чутких ушей герцога.

Кляня все на свете, Доминик вскочил на ноги. В одном Кэтриона права – никто, даже английский герцог не может заставить «Души милосердия» отдать собственность Генриетты кому-либо, за исключением ее мужа. Сие означало, что все должно решиться в пользу этого чужого для него ребенка и в ущерб малолетнему племяннику лорда Стэнстеда, Томасу. Но тут уж ничего не поделаешь.

Сидя на ступенях возле дома, Кэтриона чувствовала себя не лучше, чем побитая собака. Конечно, он не поедет, и ей придется самой каким-то образом добывать бумаги Сары. А то, что произошло между ними у озера, это... Ярко вспыхнувшие воспоминания на миг обожгли тело. Вот они, «большие ошибки», о которых говорила Магейд...

Доминик размашистым шагом подошел к дому.

– Больше не будет больно, – сказал он. – Это только в первый раз. Так что теперь мы можем сполна насладиться. Я заранее предвкушаю кульминацию нашего удовольствия.

Кэтриона вспыхнула.

- О чем вы говорите? - Глаза ее пылали гневом. Доминик присел рядом с ней, не касаясь ее, но так близко, что от одного его запаха кровь охватило огнем.

- Я просил Джо Мюррея разыскать для нас экипаж, чтобы мы могли продолжить наше путешествие.

- Я спрашиваю, что вы подразумеваете под «нашим удовольствием» ?

- О, дорогая! - Он откинулся назад, лениво вытягивая ноги во всю длину, как дикий зверь. - Начинаете играть в стеснительность? Вы согласились ехать как моя любовница, и прошлой ночью, когда на вас снизошло вдохновение, это стало реальностью. Неужели теперь вы пойдете на попятную? Я имел дело с лучшими шлюхами Лондона - разве вы не хотите узнать все непристойности, которым они меня научили, познать те неестественные вещи, в которых я хотел попрактиковаться с Генриеттой? - Зеленое свечение его глаз было подобно отблеску солнца на траве, маленькая вмятина на щеке углубилась. - Я намерен в полном объеме опробовать на вас все эти восхитительные порочные штучки.

Глава 8

Кэтриона с трудом перевела дух. Дрожь, пробравшая ее чуть ли не до костей, не прекращалась.

- Я не в претензии, что вы так грубы со мной. Но все-таки вы должны дать мне одно объяснение - я имею в виду нападение на нашу карету. Вы ведь знаете, кто это был?

- Не волнуйтесь, все это несерьезно. Я отвезу вас в Эдинбург. Можете беречь свое сердце и вместе с ним то, что осталось от вашей добродетели. Наш спор был бессмыслен, и мы за это заплатились.

- Что вы имеете в виду?

- Ну, то, что у нас вышло комом. Мы допустили ошибку. Я думаю, следующие несколько дней мы как-нибудь совладаем с нашей похотью. - Тени резче проступили на его лице, когда ямочка глубже вдавилась в щеку. - Вот приедем в Эдинбург, добудем бумаги Сары, а потом можно получить какое угодно удовольствие. Меня это наверняка позабавит. Шутка ли, побывать в постели с кузиной маленького внука Ратли!

Только теперь она заметила изогнувшийся уголок его губ. Непонятно, с чего ему так весело? Что здесь смешного? Или он нарочно хотел взбесить ее?

- Что вы за человек такой, до вас не достучишься! - воскликнула она. - Нас пытались убить. Вы узнали мужчину, который застрелил вашего кучера, ранил лошадей. Это ваш враг, а вам хоть бы что - вы не говорите ни о чем, кроме своего желания!

Доминик вскинул на нее глаза.

- Пока еще не время. Я предполагаю, что Ратли хотел откупиться и вы отказали ему. Не так ли? Я прав?

Кэтриона кивнула.

- Мужчину, который напал на нас, зовут Джерроу Флетчер. Я знаю его по войне на Пиренеях.

Она ждала продолжения, но Доминик встал и взял ее за локоть.

- Наша повозка, должно быть, уже подана, - сказал он. - Как вы достаточно часто напоминали мне, в Эдинбурге нас ждет ребенок. Нам нужно спешить, но из-за Джерроу Флетчера придется избрать новую стратегию и пожертвовать вашей репутацией. Мы поедем быстро, с ветерком, а на ночь я гарантирую вам безопасное убежище. По дороге я расскажу вам все, что вас интересует.

- Этот Флетчер будет нас преследовать?

- Не знаю, едва ли. Он не сможет напасть на нас до заставы, разве только окажется умнее, чем я о нем думаю. Впрочем, за всем этим, возможно, стоят мозги получше, чем у него, - добавил Доминик и ухмыльнулся. - Выясним подробности, когда доберемся до Ноттингема.

- Ноттингема? Но мы его вчера проехали!

- Все верно, однако нам больше негде достать транспорт.

Они сели в повозку, и пони поскакал галопом, увозя их из Ньюстеда. Доминик Уиндхэм проявил благородство, за что Кэтриона была ему благодарна, даже несмотря на то что этот человек вызывал у нее неуверенность. И все-таки он не бросил ее, хотя мог бы вернуться обратно. Гнев его был вполне оправдан. Какой мужчина не рассердился бы, если б ему в лицо сказали, что он бесчестен и невеликодушен? Но с другой стороны, как она могла ему доверять, если опыт учил обратному? В истории было немало примеров, показывающих со всей очевидностью, что «английское» часто являлось просто другим именем предательства. Он вез ее в Шотландию, обещал доставить в Эдинбург, очень вероятно, что спас ей жизнь. Все это вместе взятое делало невозможным удовлетворение ее желания. Лечь с этим мужчиной в постель выглядело бы расплатой за услуги; не мог же он не понимать, что подобные условия соглашения для нее неприемлемы?

Однако все эти рассуждения не могли подавить в ней желания. Оно жгло и глодало ее тело, подтачивало сердце.

Железный обод колеса наскочил на камень, и повозка накренилась.

- Расскажите мне о Флетчере, - сказала Кэтриона. - С чего ему вздумалось нападать на нас?

- Даже не представляю. Вообще-то у нас с ним давняя неприязнь. Мы встречались в Талавере в восемьсот девятом. - Доминик прищурился. - Португалия, Испания. На этих бесплодных землях Веллингтон наголову разбил армию Наполеона. Вы, конечно, знаете о кампании на полуострове?

- Знаю и про Португалию, и про Испанию. Вимейро и Сьюдад-Родриго. Их земля омыта кровью шотландских горцев.

- Тогда, в Талавере, мы пошли в атаку поздно вечером, но часовые оказались на месте, всю ночь они стреляли в нас вслепую, как в призраков. На рассвете бой продолжился, но уже при поддержке пушек. Грохот стоял невообразимый. Через два часа долина была усеяна трупами. Взошедшее солнце висело в небе как кровавая жаровня, раскаленное оружие обжигало нам руки, пот слепил глаза. Когда жара сделалась невыносимой, генералы договорились о передышке, чтобы дать обеим сторонам захоронить мертвых. На несколько часов французы и англичане сошлись у ручья: мы разговаривали, шутили, делились пищей...

- О, вы были очень великодушны, - сказала Кэтриона. - Помогать врагу...

- Почему нет? - Доминик удивленно взглянул на нее. - Между нами не было никакой личной вражды. Я пил вино с французским офицером, который потерял одну руку на войне. Мы говорили о его жене и детях, о Париже. Когда в одиннадцать объявили об окончании передышки, я пожал ему руку и пожелал благополучия. Я сделал это искренне. Через несколько часов я снова увидел его.

- И что же тогда произошло? - прервала Кэтриона затянувшуюся паузу.

- Офицер был ранен - пуля пробила его единственную руку, и он упал рядом со своей убитой лошастью. Он сдался одному из наших капитанов. - Голос Доминика сделался грустным, как будто ему было больно вспоминать. - Тот француз не представлял для нас никакой опасности, несчастный, убогий человек.

- Что было потом? - Кэтриона чувствовала, как ею овладевает ужас. - Скажите.

Лицо Доминика окаменело.

- Прежде чем я подрос, наш капитан отнял у французского офицера саблю и... - Пони внезапно затоптался на месте, и Доминик прервал свой рассказ. - Извините, но я не вижу нужды пересказывать детали. Это была одна из самых бессмысленных вещей, которые я когда-либо видел. Она явилась прелюдией к нашей вражде с Джерроу Флетчером.

- О Дева Мария! - Кэтриона содрогнулась и обхватила себя руками. - Капитан Флетчер узнал, что вы все это видели?

- Да. И позже я даже обещал убить его за это. Веллингтон прослышал о ссоре и предупредил, чтобы мы не смели устраивать никаких поединков - железный герцог запрещал дуэли. Так как я был единственным свидетелем, Флетчер от всего отказался: дескать, я оговорил его, потому что имел на него зуб.

Кэтриона посмотрела на пони с красноватой шерсткой и развевающейся коричневой гривой, и у нее заныло сердце.

- Боже мой, какая жестокость! Вы не смогли ничего сделать?

- К сожалению. Веллингтон, конечно, знал, что у меня должны быть веские причины, но тем не менее...

- Ну а дальше? Ведь на этом дело не кончилось?

- После этого случая карьера Флетчера складывалась не лучшим образом. Видел ли он в этом мою вину или нет, не знаю. В разведке у нас была куча дел, поэтому я не сидел на месте. Наши пути пересекались не часто, но в одиннадцатом году, как раз перед отъездом в Россию, мы еще раз столкнулись. Я застал Флетчера на месте преступления - он насиловал испанскую женщину. Я избил его до полусмерти, прежде чем за меня это сделали его товарищи. Все они встали на мою сторону, и ни один из них не донес начальству.

Повозка быстро катилась дальше мимо зеленеющих полей; небо, голубое и чистое в утренние часы, постепенно затягивалось темными облаками. Поднимался ветер.

- Теперь Флетчер ненавидит вас? - спросила Кэтриона. Доминик засмеялся:

- А как вы думаете? Но с тех пор я его больше не видел, пока вчера он не объявился в Шервуде.

У Кэтрионы озноб пробежал по коже.

- Если он хотел с вами поквитаться, то почему так долго откладывал?

Доминик крепче натянул вожжи.

- Это я и сам хотел бы знать.

Деревенские пейзажи закончились, повозка выехала на главную дорогу и влилась в шумный поток экипажей, фургонов, телег и пешеходов - все они направлялись на юг, на Ноттингемскую ярмарку. Доминик подогнал повозку к телеге, в которой женщина везла большую корзину с сыром, и некоторое время они ехали рядом по тряской дороге. Кэтриона размышляла, пойдет ли им на пользу эта перемена обстановки. Может быть, Джерроу Флетчеру будет труднее обнаружить их в толпе? Доминик надеялся в Ноттингеме нанять экипаж, но удастся ли им достать лошадей или билеты в казенную карету? И не остановит ли их еще раньше насильник, истязавший и прикончивший калеку-француза, а теперь питающий люютю ненависть к майору Уиндхэму?

Наконец показался холм с примыкающим к нему замком и кучками домов на склонах. Повозка проехала через окраинный район Ноттингема и по многолюдным Кламбер-стрит и Смити-роу вместе со всеми направилась к рыночной площади. Ветер трепал ленты на шляпах женщин и гонял взад-вперед бумажный мусор на улицах.

- Сегодня здесь большая конная ярмарка, - сказала фермерша Доминику. От лучезарной улыбки щеки ее сморщились, как два печеных яблока. - И еще должны быть скачки, воздушные шары и акробаты. Это будет грандиозный праздник!

Они остановились возле гостиницы - здесь Доминик должен был оставить повозку с пони, как и обещал Мюррею.

- Спасибо за компанию, мэм. - Он подмигнул женщине.

- Приятно было ехать с вами, - засмеялась та. - У вас хорошие манеры, и вообще вы молодец хоть куда! - Она наклонилась, чтобы поцеловать его в губы, и Доминик ответил на поцелуй. - Ваша леди должна быть счастлива иметь такого галантного и видного кавалера!

Еще раз приветливо улыбнувшись, женщина исчезла в толпе, в то время как Кэтриона нервно озиралась по сторонам, высматривая Джерроу Флетчера. Может, в этой суতোлке им все-таки удастся ускользнуть незамеченными? С другой стороны, при такой прорве людей можно не найти свободного экипажа.

Стена гостиницы пестрела наклейками, и пока Доминик привязывал пони, Кэтриона стала читать объявления. Одно было посвящено бегам, несколько других - рекламе чулок и неповторимому ассортименту ноттингемских сыров. Рядом висело приглашение посетить аттракцион с воздушными шарами и акробатами, на котором были нарисованы две гимнастки.

- Вот те на! - услышала Кэтриона голос Доминика. - Иногда мы выигрываем пари, иногда наоборот. К сожалению, на этот раз мы проиграли.

Она в тревоге обернулась:

- Как?

Доминик с улыбкой показал пальцем на соседнюю бумажку.

- Я должен признаться, приезжать в Ноттингем было рискованно, но если бы у нас был выбор! Черт побери, я бы много дал, чтобы заручиться поддержкой целого города!

Кэтриона пригляделась к наспех сработанному плакату и быстро пробежала глазами по строчкам, в спешке пропуская отдельные слова и фразы.

«Умышленное убийство невинного кучера... Преступление, караемое смертной казнью через повешение... За поимку преступников гарантируется вознаграждение... Обращаем особое внимание лиц, сдающих напрокат лошадей... Любовники намереваются скрыться в Шотландии!»

Ниже были помещены топорные, но вполне узнаваемые портреты с именами и фамилиями разыскиваемых убийц.

У нее сжалось сердце.

- О Боже! - в страхе прошептала она. - Мы попали в западню!

- Отмести липовые обвинения ничего не стоит, - спокойно сказал Доминик. - Но в этом случае нам с большой вероятностью придется посидеть в тюрьме, пока я докажу нашу невиновность. Тогда поездка в Эдинбург затянется слишком надолго.

Кэтриона снова огляделась. Теперь ей казалось, что толпа выглядит зловеще.

- Но эти люди могут расстроить наши планы, особенно если найдется какой-нибудь подстрекатель.

Из гостиницы вышел человек в рабочей спецовке и бросил на них подозрительный взгляд, однако, на их счастье, в это время из-за поворота выехал фургон. Доминик быстро взял Кэтриону за руку и повел прочь. В это время позади них послышался чей-то громкий возглас, и несколько горожан остановились у объявления. Какая-то женщина оглядела Доминика с ног до головы. Конечно, он бросался в глаза и соответствовал описанию, так что его мог узнать кто угодно.

- Нам разумнее всего уйти, - шепнул он и торопливо потащил ее в соседний переулок. С каждой стены, с каждого забора на нее смотрели копии листков с изображением их лиц. Женщина проводила их взглядом и что-то выкрикнула им вслед, но голос ее потонул в общем гаме. Что ж, это был лишь вопрос времени - их могли опознать в любой момент, а в случае встречи с Флетчером пощады им ждать тем более не приходилось.

Свернув два раза, Доминик вывел ее на улочку, состоявшую сплошь из мелких лавочек; на их грязных витринах не было никаких объявлений. Впереди виднелась глухая стена, а за ней, очевидно, находился какой-то товарный склад. Кэтриона задыхалась от страха и отчаяния. Что теперь? Снова возвращаться в толпу?

- «Адам и Аиттл», - прочитал Доминик, разглядывая вывеску над одной из лавок. - «Поставщики поношенной одежды».

Он достал из кармана монеты и вложил их в ладонь Кэтрионы.

Она с удивлением посмотрела на золото, затем подняла глаза.

- Вы думаете, если я буду в поношенном платье и другой шляпке, меня не узнают?

- Возможно.

- А вы?

- Меня всегда забавляли коричневый парик и пасторская шляпа. - Доминик показал на следующую лавку и ухмыльнулся: - «Хенч и братья, специалисты по театральному реквизиту». Кто лучше нашей дамы с сыром рассказал бы мне столько полезного о Ноттингеме?

- Так вы поэтому с ней кокетничали?! - воскликнула Кэтриона. - Вы всегда все просчитываете наперед?

- По крайней мере предпочитаю иметь резервный вариант, - засмеялся Доминик. - Сейчас шагайте в лавку, купите себе что-нибудь. Я приду через пятнадцать минут; встречаемся здесь, на этом же месте.

Он наклонился и быстро поцеловал ее.

Кэтриона некоторое время смотрела, как он удаляется, уверенный и беззаботный, затем вскинула подбородок и зашагала к лавке. Невысокий хозяин магазинчика засиял при виде посетительницы.

- Я пришла за одеждой для младшего брата, - сказала она. - Он приблизительно моего роста.

- А где же он сам?

- Болеет. Он сильно похудел, ему нужно сменить пиджак, рубашку... О, я вижу у вас есть и башмаки!

Они выбрали несколько рубашек и ботинки, затем принялись энергично ворошить пиджаки. Кэтриона остановилась на свободном синем, подходящем для джентльмена скромного достатка.

- Вы уверены, что все это будет ему в самый раз? - спросил хозяин.

Кэтриона спокойно выдержала его взгляд.

- В случае чего приду и поменяю. А сейчас не могли бы вы отвести меня куда-нибудь, где есть нитка с иглой? Я собираюсь сделать брату сюрприз. За одолжение я заплачу.

Через минуту ее проводили в дальнюю комнатку и оставили одну. Несомненно, именно здесь они производили подгонку и мелкий ремонт одежды - на колченогом столе лежали нитки, иглы, ножницы, куча лоскутьев и небольшое зеркало. Сквозь пятна в тех местах, где зеркало пострадало от времени, Кэтриона увидела свое лицо. Синие глаза были посажены чуть шире обычного и сдвинуты к сильным, таким же, как у матери, скулам. Девушка в зеркале не была хорошенькой, но однажды в холодном темном лесу мужчина нашел ее прекрасной, и его руки сказали ей об этом.

А еще раньше он позволил себе сказать то же словами. О, Мадонна, его слова дорогого стоили, даже если он не имел в виду ничего из того, что говорил и делал своими красноречивыми пальцами.

Кэтриона закрыла глаза и, положив руки на свои заплетенные косы, озорно улыбнулась. «У вас очаровательные волосы, они как крыло черной птицы». Он возбудил в ней желание и затем обернул его против нее.

«Эту игру женщины всегда проигрывают». Она закусила губу и, подавив слезы, взяла ножницы.

Доминик посмеиваясь вышел из потешного заведения «Хенч и братья», унося с собой запах клея и конского волоса; на голове его поверх коричневого парика плотно сидела круглая черная шляпа. Минуту назад он делал перед зеркалом все, что мог, чтобы придать лицу благочестивое выражение, и теперь не сомневался, что новый наряд сделал его совершенно неузнаваемым.

Неподалеку от лавки подержанной одежды «Адам и Литтл» не спеша прохаживался какой-то юноша. В первый миг Доминику показалось, что он увидел старого друга, странным образом уменьшившегося в размерах и сделавшегося вдруг хрупким и уязвимым. Так мог выглядеть Калем Макноррин, прежде чем из отрока вымахал в широкоплечего и сильного воина, или его младший брат, которого никогда не существовало. Но нет, это был не призрак! От волнения Доминик остановился и перестал дышать. До того как он снова вздохнул свободно, ему уже все стало ясно.

Он зашагал по булыжнику ей навстречу, и Кэтриона весело повернула к нему лицо, покрытое ярким румянцем. На ней был мужской пиджак такого же цвета, как ее бездонные глаза, и темные брюки; высокий воротник рубахи почти доставал до подбородка.

Когда Доминик подошел к ней, она покраснела еще сильнее и тряхнула короткими кудрями – это было все, что осталось от ее шикарных волос после варварской стрижки.

- Вы с ума сошли? Черт побери, зачем вы сделали это?

Кэтриона вскинула подбородок:

- В таком виде проще ехать. Теперь нам не нужен экипаж, достаточно лошадей. Мужчина и юноша, наставник и ученик – чем мы не пара?

Доминик хмыкнул:

- Ладно, идемте.

Они быстро прошли по переулку и, вернувшись на главную улицу, смешались с толпой. Теперь на них никто не обращал никакого внимания. Может, им действительно удастся незамеченными ускользнуть из города, подумал Доминик. Он вздохнул поглубже и засмеялся.

Вскоре они оказались на окраине, где находилась платная конюшня. Это было последнее здание на улице. Тут же продавали лошадиный корм для тех, кто отправлялся в дорогу. Вывеска гласила, что данное заведение принадлежит Дж.И. Смиту, извозопромышленнику, сдающему внаем лошадей и экипажи. От его владений дорога вела в широкое поле с конным рынком, где толпились потенциальные покупатели. Часть лошадей под седлами была выстроена в ряд, другие бегали рысцой по кругу.

Однако едва Доминик взглянул в проход под аркой, как настроение его круто переменялось. Увы, он опоздал! Так опоздал, что даже не сразу поверил себе.

Джерроу Флетчер, единственный во всем Ноттингеме представлявший для них опасность, стоял во дворе и тут же, узнав их, вместе с несколькими прихвостнями не мешкая бросился в погоню.

Доминик, крепко держа Кэтриону за руку, тащил ее за собой сквозь толпу, а сзади слышались крики:

- Священник и юноша - убийцы! Держите их!

Лошади фыркали и прядали ушами, шеи маклеров вытягивались в направлении преследуемых. На пути у них вырастали головы, гривы и сотни жестикулирующих рук - эти руки легко могли сорвать шляпу и парик Доминика, доказав тем самым, что он обманщик. Неожиданно какой-то рослый парень в форменной фуражке схватил Кэтриону, но Доминик на бегу ударил его в челюсть, и тот рухнул на землю как подкошенный.

Доминик юркнул между двумя каштановыми кобылами, увлекая Кэтриону на открытое пространство.

- Смотрите, та женщина! - неожиданно крикнула Кэтриона. - Наша фермерша, которая рассказывала вам про Ноттингем. Она продает сыр!

Они тут же побежали к ней; всполошившиеся преследователи, на какое-то время потерявшие их из виду, снова припустились за ними. Доминик подскочил к женщине сзади и быстро закрыл ей глаза руками.

- Какая приятная встреча, моя сладкая! - воскликнул он, целуя ее в висок. - Я покупаю весь ваш сыр. Немедленно. - Он отнял руки и вложил ей в ладонь несколько монет.

Женщина взглянула на деньги и едва не задохнулась.

- Да тут хватит на тысячу сыров, сэр!

Доминик быстро поцеловал ее в губы. Они были сухие и шершавые.

- Я покупаю все вместе с корзиной.

Пока женщина стояла, словно в столбняке, он опрокинул корзину и высыпал сыр: головки покатались под ноги толпе, как колеса игрушечных экипажей.

- Бесплатный сыр! - закричал Доминик. - Бесплатное золото!

С этими словами он взмахнул рукой и швырнул вверх пригоршню монет. Дети первыми бросились за сыром и за деньгами; через несколько секунд их примеру последовали взрослые. Начался переполох. Доминик размахнулся и швырнул корзину прямо в Джерроу Флетчера. Огромная плетеная корзина плавно опустилась, точно накрыв голову и их преследователя, пришив к бокам его руки и пригвоздив к земле его самого.

Пока Джерроу, катаясь по траве, с руганью молотил воздух, Доминик снова схватил Кэтриону за руку и вместе с ней побежал через поле туда, где за лошадиными головами маячил еще не надутый полностью воздушный шар, похожий на огромный пудинг: на парусиновом куполе блестели гирлянды и пестрели флаги. Двое мужчин растапливали медную печку, создавая тягу за счет подогретого воздуха, третий стоял на земле и сгребал вилами сено из близлежащей кучи. Другой залез в корзину под шаром и бросал топливо в печку. Две женщины в ярко-

розовых облегающих костюмах ждали, когда надут шар, готовясь, вцепившись зубами в специальные веревки, к восторгу толпы, подняться в небо.

Как только возникла свара вокруг сыра, все они замерли; их лица повернулись в сторону толпы, мечущейся в стремлении урвать от дармового блага, как мелко нарезанная солома на ветру.

Фермерша надсаживалась во всю мощь легких:

- Бесплатный сыр! Бесплатные монеты! Подходи каждый, подходите все! Подбирайте золото, ребята!

Она обернулась к Доминику и, смеясь, погрозила кулаком:

- Это была лучшая корзина моей матери - где я найду теперь другую такую!

Мужчина у шара бросил вилы и, пробежав между Домиником и Кэтрионой, смешался с толпой; обе женщины в розовых костюмах немедленно последовали за ним.

- У меня почти ничего не осталось, - сообщил Доминик, - и все же отчего бы не попробовать купить эту чертову штуку?

Кэтриона остановилась, задыхаясь и держась рукой за бок.

- Но не шар же!

- Почему нет? Отличное средство. Прямо для нас. Побежали скорее!

Он вытащил кошелек и швырнул его мужчине, остававшемуся в корзине; тот, подхватив его, разинул рот как рыба, вытасченная на берег. Раздувшийся шар уже на фут или два поднялся над землей, и теперь его удерживали лишь две толстые веревки. Доминик схватил Кэтриону и бесцеремонно перекинул за борт корзины, а в следующую секунду выдернул оттуда кочегара. Мужчина вскрикнул, но продолжал сжимать в руках кошелек. Женщины в розовых костюмах оглянулись и завизжали.

Драгуны с края поля уже скакали галопом к центру суматохи, а Джерроу Флетчер, освободившийся наконец от корзины, размахивая кулаками, с криком пытался протиснуться сквозь толпу.

Вскочив в корзину, Доминик перегнулся через край и хладнокровно обрезал одну веревку; корзина тут же сделала резкий рывок, едва не вышвырнув их за борт. Кэтриона крепко вцепилась в один из тросов, соединявших их насест с огромным матерчатым чудищем, и тут Доминик перерезал вторую веревку. Шар подскочил, как вспугнутая куропатка, и оторвал корзину от земли в тот самый момент, когда к ним подоспели солдаты.

Кэтриона торопливо бросала топливо в дышло печки, и горячий воздух устремлялся внутрь подхваченного ветром шара. Доминик швырнул в огонь свою шляпу и парик. Последовал короткий хлопок от возгорания клея, и пламя запылало еще ярче.

Оставшийся внизу городок сжался до размера игрушки. Флетчер вместе со своими людьми, успевшими сесть на лошадей, скакал следом за солдатами. Теперь, когда шар пересек поле и тихо уплывал на север, погоня была бессмысленна. Сверху все это походило на суету разворошенного муравейника.

- Слава Богу, что ветер с юго-запада, - сказал Доминик.

Кэтриона наклонилась и выглянула за борт корзины.

- О, это Шервуд и... Ньюстед!

Задыхаясь, она повернулась к Доминику. Он взглянул на ее увлажнившиеся глаза, и у него словно что-то перевернулось в груди.

- Если не хотите приземлиться здесь, - сказал он, - продолжайте поддерживать огонь.

Шар заметно снизился, корзина зацепила верхушки деревьев, ломая мелкие ветви, осыпая дождь листьев, и Кэтриона, помогая Доминику, принялась судорожно бросать топливо в печку. Шар сразу поднялся вверх.

Лес снова отдалился. Теперь ничто не нарушало магической тишины этого величественного полета. Внизу, как яркие картины из снов, проносились поля и деревни. Пока Кэтриона поддерживала огонь, Доминик вытащил какое-то странное приспособление, похожее на абордажный крюк - возможно, это был своеобразный якорь для гондолы. Доминик не вполне представлял его назначение, но зато четко знал, что у них кончается топливо. - Что вы делаете? - с недоумением спросила Кэтриона.

- Собираюсь заняться рыбной ловлей. Мне это всегда нравилось.

Он свесился за борт и протащил крюк через несколько снопов, нацепив на него большую охапку топлива, а потом, засмеявшись, выбросил последние оставшиеся в кармане монеты, надеясь, что их подберут фермеры. Теперь у него ничего не осталось, кроме его комичной одежды.

Ветер с бешеной скоростью понес их дальше, порывы его становились все сильнее. Земля проносилась под ними с огромной скоростью, деревья внизу гнулись и качались, а когда облака набегали на солнце, тень от шара, как большая луковица, катилась по земле, словно подмигивая скошенным полям.

- Мы летим словно по волшебству, совсем как в детской сказке. Но что будет, если мы попадем вон в ту грозу? - Кэтриона показала на север, где по всему горизонту сверкали молнии.

- Понятия не имею! - Доминик пожал плечами. - Но холодный дождь, несомненно, нас не обрадует!

Однако дождь не пошел. После того как шар пронес их над широкой дельтой Хамбера, деревни, фермы, церковные шпили, леса замелькали внизу, как пестрый ковер.

- Когда первый воздушный шар приземлился возле Парижа, - заметил Доминик, подбрасывая в топку сено, - крестьяне набросились на него с вилами.

Кэтриона устало провела рукой по лбу.

- Если мы приземлимся в незнакомом месте, грязные и без единого пенни, с нами могут поступить точно так же.

- Ну, это мы еще посмотрим! А пока будем работать - этот шар позволит нам избежать обвинения в праздности по крайней мере.

- Да уж! - Кэтриона громко засмеялась. - Сейчас самое время говорить о праздности и лени.
- Этот грех очень быстро подкрадется к нам на земле. - Доминик подбросил в топку очередную порцию топлива. - Кстати, как вы предполагаете приземляться на этой штуке?
- Никак, - сказала Кэтриона. - Мы проделаем на ней весь путь до Шотландии.

Если бы их шар был действительно управляем! На самом деле его передвижение зависело от ветра и топлива. Запас сена подходил к концу, а скирды встречались на их пути все реже и реже. И все же пока шар плыл, гонимый нестихающим ветром, двигаясь вслед за отступающей грозой. Где-то в южной стороне остался Йорк с древними кафедральными соборами, увенчанными башенками и шпилями; теперь им иногда встречались небольшие зеленые холмы, изрезанные сверкающими ручьями, а дальше простирались бесплодные земли северного Йорка. Там над возвышающимися торфяниками слышались раскаты грома, напоминавшие рычание бешеной собаки.

В топке догорали последние клочки сена, и Доминик выбросил за борт все, что не могло гореть. Чтобы поддержать жар, он сорвал флаги и швырнул их в пламя, однако этого хватило не надолго, и ему пришлось бросать якорь. Корзина со скрипом протащилась по ветвям, потом шар трянуло и понесло дальше. В тот же миг раздались громкие хлопки: боковые канаты порвались, и корзина, подпрыгивая, покатила по неровному полю, пугая разбегающихся во все стороны овец.

Доминик бросился к Кэтрионе в тот момент, когда корзина ударила о камни, но было слишком поздно.

Глава 9

Вода барабанила и собиралась в струи, образуя то бурный поток, то тонкий ручеек; зато вблизи потрескивал огонь, и вокруг было тепло и сухо. Кэтриона открыла глаза и в первую минуту подумала, что она снова в Дуначене: сверху на нее смотрели старинные сводчатые потолки, а амбразуры окон напоминали отпечатки больших пальцев, вдавленных в камень сказочным гигантом. Каминную полку поддерживали готические грифоны, в огромном камине играло пламя. Без сомнения, это был какой-то замок. Низвергающиеся с неба потоки дробились ветром на капли и текли по стеклу.

В каменном проеме, словно врезанные в рамку, стояли двое и негромко о чем-то разговаривали. Линия мужского плеча и наклон женской головы, как две части, соединившиеся навечно, говорили о необыкновенной нежности, такой глубокой, что, глядя на них, хотелось плакать.

Она сглотнула и закрыла глаза. Шаги в ботинках удалились, а мягкие шаги приблизились. Кровать окуталась экзотическим сладковатым ароматом.

- Вы проснулись? - спросила женщина. - Сейчас уже вечер. Вас выбросило волной, но теперь вы в безопасности. Ваш спутник не пострадал. Вы с ним умудрились приземлиться на краю нашего поместья. Меня зовут Франс. Мой муж - маркиз Ривол.

Кэтриона услышала голос, признававшийся ей в грехе: «Мой старый друг, маркиз де Ривол. Это старинная нормандская фамилия. Когда-то я посягал на его жену».

У нее заболела голова, и она, отвернув лицо к подушке, положила руку на голову. Волосы ее

были коротко острижены. И тогда она вспомнила все.

- Что за дьявольская игра?

Доминик поднял глаза на мужчину, стоявшего у камина.

Найджел Арундхэм, маркиз де Ривол, высокий, черноволосый, сохранил на лице тот же роковой отпечаток, что отличал его в России и в Париже. Теперь маркиз находился у себя дома, в родовом замке, которому прекрасные ковры и картины придавали лоск и элегантность. За прочными стенами замка сразу же начинались дикие торфяники. Маркиза устраивал дом его предков.

Итак, шар, подобно почтовому голубю, доставил Доминика точно по назначению; правда, ему потребовались некоторые усилия и время, чтобы перенести Кэтриону в замок. Затем они вместе с Найджелом убрали шар с поля, дабы не гневить арендаторов: хотя у маркиза была армия слуг, мужчины решили, что лучше сделать это самим.

- Так что это такое? - снова спросил Найджел. - Не пора ли наконец рассказать, что ты затеял?

Доминик бросил взгляд на пламя в очаге и прояснил с нарочито беспечным видом:

- Переправляю Кэтриону Макноррин в Шотландию, в корзине.

- В штанах и синем пиджаке? - Найджел покачал головой. - Кстати, она только что проснулась, Франс сейчас с ней. Извини, но жена настаивает, чтобы ты не ходил туда, а побыл здесь - у нее на сей счет свои соображения, как ты, вероятно, догадываешься.

- Франс совершенно права.

- Но почему эта женщина так забавно одета?

Огонь издавал шипение везде, где случайные капли дождя находили путь внутрь камина.

- Это была ее идея, не моя. А в общем это длинная история о бесприютных сиротах. Похоже, в ней замешан герцог Ратли.

- Ратли? - Длинные пальцы маркиза замерли в воздухе. - Каким образом?

- Один из упомянутых сирот, Томас, - его внук. Ты помнишь дочь Ратли леди Мэри - ту, что вышла замуж за шотландца по фамилии Макноррин? Так вот она недавно овдовела, и она - мать Томаса. Таким образом, ребенок находится под опекой Ратли. Теперь я намерен лишить Томаса наследства и поставить на его место другого ребенка, по имени Эндрю. В связи с этим предвидятся небольшие сложности.

Найджел опустился в кресло напротив Доминика и положил ногу на ногу.

- Воображаю, - сухо сказал он. - Племянничек Стэнстеда! Весьма существенное неудобство при данных обстоятельствах. И что же дальше? Ты по-прежнему помешан на своем проекте и собираешься его осуществить?

- Пол-Лондона думает, что я помешан, - сказал Доминик. - Но как ни странно, наша попытка восхождения на церковную крышу в итоге увенчалась успехом. Не смотри на меня с таким удивлением. Я жду твоих поздравлений.

Найджел поднял бровь.

- Считаю, что ты их получил. Блестящее пари, я полагаю?

- Да. - Доминик засмеялся. - Но потребовался месяц подготовки. Гончую было бы легче выманить из конуры и заставить лаять на луну. Чем только я его не соблазнял! В конце концов пришлось его подпоить, и тогда он наконец решился.

- Насколько я помню, - заметил Найджел, - с атлетической подготовкой у нашего рыжеволосого друга всегда было неважно.

В камине раздался треск от догоравшей головешки.

- И все же Стэнстед оказался чертовски смелым. Я сплел веревку из рубахи, чтобы помочь ему, и он одолел высоту.

Во взгляде Найджела промелькнула насмешка.

- Крыша ведь была вторым условием, насколько я помню?

- Да, все верно. - Доминик прищурил глаза, продолжая сосредоточенно смотреть на пламя. Как хорошо, что есть возможность обсуждать весь этот абсурд и сумасбродство с другом, который никогда не судит, не порицает и не выносит приговор, - от этого на душе сразу становилось легче. - Так постановила леди Стэнстед, дорогая Розмари, моя черная Немезида.

- А как насчет первого?

- Первое тоже было бы удовлетворено, если бы только Розмари сделала скидку. Два месяца назад мы присутствовали на ужине у леди Бингхэм; там на середине стола стояло шикарное украшение из серебра, вмещавшее целый океан. Представь себе прекрасных маленьких херувимов из сливочного масла, а вокруг озеро красного вина. Часть масла растопилась и смешалась с вином. Стэнстед все это выпил и порядком осквернил стол. Нет нужды объяснять, что это была моя идея. Он изрядно опьянел, и его снова стошнило. Леди Бингхэм была совсем не в восторге и с тех пор меня не приглашает.

Найджел прыснул со смеху:

- Боже милостивый, так тебя и оттуда выставили?

- Естественно. Это уже вошло в привычку. - Доминик улыбнулся, хотя ему было несколько не смешно. - Все это, конечно, нелепо, а третье условие совершенно невыполнимо. Тут уж никакое пари не поможет. Я не могу обманывать Стэнстеда.

- Что такое? Розмари по-прежнему хочет тебя?

- Увы. Поэтому она и уехала в Шотландию. Здесь я ничего не могу поделать - ситуация такая же, как в одной старой сказке: сшей мне сорочку без стежков и принеси воды в рукаве, вот тогда я перестану тебя любить.

- И Розмари по-прежнему имеет полную власть над Генриеттой?

В языках пламени вырисовались фантастические картины, где чередовались замки, леса и горы.

- Теперь это уже неактуально. Генриетта мертва.

Хозяин резко выпрямился в кресле.

- Прости меня, мой мальчик!

- Не стоит. Все в порядке. Не будем говорить об этом.

- А та молодая женщина наверху имеет к этому какое-нибудь отношение? - осторожно спросил Найджел.

Доминик был благодарен другу за то, что ему хватило такта не обсуждать смерть Генриетты.

- Я ничего не знаю о ней, за исключением того, что она принесла печальное известие. И еще - Джерроу Флетчер пытался нас с ней убить.

В дверях послышалось мягкое шуршание, затем повеяло слабым запахом жасмина.

- Я не помешала?

- Конечно, нет, Франс.

Женщина грациозно направилась к ним, и этого было достаточно, чтобы у Доминика перехватило дыхание. Прежде чем вернуться в Англию и вскоре после этого отправиться в Париж с опасной миссией, Франс провела четыре года в гареме Индии. Все приключения в конце концов закончились благополучным замужеством. Стажировка в восточной стране в дополнение к природной красоте гарантированно приводила в бездыханное состояние любого мужчину. У Франс были медвяные волосы и большие голубые глаза. Она напоминала теплый цветок, опьяняющий своим совершенством.

Но вероятно, совершенство орхидеи было не совсем то, чего он хотел, - его влекла неукротимая и ослепительная красота яркого колокольчика, сброшенного с гор в смертельный водоворот ветров.

Доминик вкратце рассказал о нападении на их карету, но умолчал о том, что произошло позже. Когда-то он обвинял своего товарища в предательстве, но не Найджел забыл о мужской чести, а он сам. Это он в пылу сумасбродства бессердечно пообещал соблазнить девушку - и сделал это.

Дослушав до конца, Найджел спросил:

- И все-таки почему ты ввязался в это дело?

- Все очень просто, - сказала Франс. - Наш дорогой Доминик должен проявить галантность.

Найджел встал с кресла.

- Ради Бога, оставь эти разговоры, Франс! Давай лучше подумаем о том, как помочь двум потерянным душам попасть в Шотландию, если утром мы уезжаем в Париж?

Кэтриона смотрела на свое отражение в зеркале. И так, их воздушный шар потерпел крушение, и ее выбросило за борт.

Сейчас ее уже ничто не беспокоило, за исключением легкой головной боли. И еще не стало ее

кос, но в этом никто не виноват – она сама их отрезала. Впрочем, какое теперь это имеет значение! Люди Глен-Рейлэка могут лишиться даже сени собственных деревьев, если ее дерзания не увенчаются успехом.

Она беспокойно ходила по комнате, глядя через окно на непрекращающийся дождь и вспоминая свой разговор с Франс. Леди Ривол, протянув руку, гостеприимно пригласила ее сесть к огню, навевая этим простым жестом воспоминания о доме.

– Я должна рассказать вам кое о чем, – не дожидаясь вопроса гостыи, начала она. – В этом замешана одна женщина, давний враг моего мужа. Она участвовала в тайном плане, который должен был обеспечить успех Наполеону, и у нее были причины вывести из игры Найджела. Все началось в России. В начале двенадцатого года, когда Англия пыталась заручиться поддержкой царя, Доминик и Найджел находились там. Как вы понимаете, оба являлись британскими агентами. После возвращения Наполеона во Францию в марте прошлого года они с Найджелом вместе работали в Париже. Это была очень опасная операция, которая могла оказаться для них роковой.

– Вы пытаетесь убедить меня, что Доминик в некотором роде герой? – Кэтриона быстро взглянула на собеседницу.

– Он и был героем, – улыбнулась Франс, – он очень много сделал для Англии.

Герой. Невдохновляющее известие.

– Он признался, что некогда домогался вас, – словно нехотя сказала Кэтриона, поднимая глаза.

– Не совсем, – засмеялась Франс. – То, что было между нами, не более чем забавное недоразумение. Когда год назад мы впервые встретились с Домиником, я еще не открыла для себя, что люблю Найджела, и не знала, что Доминик женат. Генриетта, естественно, уже жила отдельно в Шотландии, и он был один. Тогда я додумала, что мы можем быть любовниками. Я хотела, он – нет.

– И вы? – не сдержалась Кэтриона. Она была в недоумении – настолько очевидной ей представлялась любовь Франс к своему мужу. – Вы этого хотели?

– О, да. Ведь меня готовили как куртизанку и обучали всем тонкостям древней профессии. Мне казалось, что из Доминика получится идеальный покровитель. Так вот, тогда он обошелся со мной очень деликатно, щадя мое самолюбие.

Он очень добрый. Все поступки Доминика были подчинены одной цели: вернуть расположение жены.

– Я знаю, – сказала Кэтриона, – но его жена мертва. – Слезы быстро побежали по ее лицу. Франс обняла ее за плечи и медленно проговорила:

– Теперь он заставил вас расплачиваться за это. Я постараюсь помочь вам, и если вы хотите, то можете рассказать мне все, что у вас на сердце...

Кэтриона откинулась к спинке экипажа и устала на свои ботинки с пряжками. Матерь Божья! Как маркиз мог питать доверие к такому ненадежному человеку, как майор Доминик Уиндхэм?

На ней были бриджи старинного фасона, белые гольфы и длинная тяжелая ливрея с

серебряными галунами. После того как лорд Ривол отдал ее в руки своему парикмахеру, ее волосы не выглядели столь безобразно, как прежде. Кроме того, голова ее теперь была прикрыта белым париком, от которого чуть попахивало пудрой. Кэтриона находила весь этот маскарад довольно забавным. Доминик, также в костюме и парике, не обращая на нее никакого внимания, развлекал четырех других мужчин непристойными байками.

Все шло по плану, разработанному накануне вечером. Франс и Найджел вместе с горами багажа и длинным хвостом слуг везли их в Эдинбург. Это был удивительно быстрый способ передвижения, потому что маркиз имел возможность при первых признаках усталости менять лошадей и заказывать самый дорогой сервис. Они с супругой собирались плыть в Париж из Лейта-порта, находившегося чуть в стороне от шотландской столицы. Станный маршрут. Ехать на север, чтобы потом морем направиться на юг! Однако никто и никогда не задавал вопросов относительно прихотей маркиза, так же как никто не выяснял, зачем ему понадобились еще два ливрейных лакея. Высокий мужчина и молодой человек занимали карету вместе с другими слугами, ничуть не отличимые от них; при этом Доминик не переставал постоянно всех смешить.

- А парень-то краснеет! - вдруг заметил один из слуг.

- Ага, - сказал Доминик с чуть большей хрипотцой, чем обычно. - У моего подопечного еще молоко на губах не обсохло. Но с нами он быстро повзрослеет. Верно, приятель?

Гогот усилился.

Чтобы скрыть пожар на щеках, Кэтриона повернула голову к окошку и стала старательно смотреть в него. Ее ужасно тяготили колючий парик, а также неудобный костюм и слишком близкое соседство слуг. Мужчины, упакованные в свои тесные одежды, выглядели весьма неопрятно, и только Доминик оставался по-прежнему элегантным. От его ливреи исходил легкий аромат кедра и лаванды.

Когда Доминик завершил очередной неприличный рассказ, мужчины начали обмениваться грубыми шутками, не подозревая о присутствии женщины. Да ее здесь и не существует, подумала Кэтриона. Как женщина она превратилась в невидимку.

Она понимала, что он делает, и видела, сколь успешно это действует, но все же его небрежность вызвала у нее протест. Почему Доминик позволял себе ставить под угрозу их план? Как смел он намеренно оскорблять ее уши подобными скабрзностями?

В Ньюкастле они остановились на ночлег. В первой гостинице города маркиз заказал апартаменты для себя с женой и мансарду для слуг. Горничные и лакеи получили по комнате на двоих, и притом с одной кроватью. Доминик проводил Кэтриону в ее каморку, расположенную под козырьком крыши. Комната была не больше, чем чулан, однако в ней стояли две узкие кровати.

- А это наши апартаменты, - сообщил он. - Тепло и сухо. И по площади больше, чем нам полагается. Ну как, мне нужно извиняться за все то, что я наговорил в экипаже?

Светлый парик аккуратно обрамлял его высокие скулы. По контрасту с ним его глаза были необыкновенно зеленые и яркие. Сейчас он выглядел не как слуга - это был блистательный лорд, напоминавший аристократов минувшего столетия. Он также напомнил ей ее прадеда на картине, где Макноррин был изображен в 1745 году, в своем тартане поверх одежды, с мечом у бедра.

Кэтриона стянула парик и села на одну из коек.

- Я и прежде догадывалась, что мужчины в действительности думают о женщинах.

Доминик небрежно начал расстегивать пуговицы с выгравированными на них крошечными грифонами: маркиз и слуг маркировал так же, как свою собственность. Странно, но они, казалось, гордились этим.

- Мужчины в действительности так не думают, - сказал Доминик. - Они пытаются таким образом скрыть свою слабость. Ни один из них не признается другому, как сильно он любит свою мать или жену.

- Вы разговаривали не о матерях и не о женах, - возразила Кэтриона, рассматривая крутой потолок, нависающий над кроватью подобно выступу скалы. - И не о любви.

- Да, не о любви. Это были вольные шутки на тему эроса. Совсем не то, во что хочется верить женщинам, но для нашего брата нет более могущественной силы ни в одной из сфер жизни. Если этот потенциал не реализуется, большинство испытывает заметный дискомфорт; отсюда и крен в анатомию. Неприличные разговоры в подобных случаях просто необходимы, надеюсь, вы это понимаете.

- Еще бы!

Он снял ливрею с галунами и повесил на стул.

- Но вы сердитесь.

В самом деле, почему ей хотелось согнуться и обхватить руками живот? Был ли это гнев или боль?

- Сержусь? Нет. Время гнева прошло. Просто я не чувствую себя в безопасности. Возможно, вы делаете это неосознанно, но вы меня выдаете.

Доминик резко обернулся:

- Черт возьми, что вы имеете в виду?

Кэтриона подняла на него взгляд.

- Вы так и увиваетесь около меня. В карете ставите ногу рядом с моей и задеваете меня бедром, никак себя не ограничивая. Мужчины могут заподозрить вас в ухаживании. Как бы ваше обхождение не вышло нам боком! Любой разговор в гостинице или на заставе может дойти до наших врагов. Тогда уже будет не до ласк.

Доминик сорвал с себя парик и пробежал руками по волосам.

- Кэтриона, я играл и не в такие игры. Большую часть войны я имел дело со шпионами Наполеона и, поверьте, на этом деле собаку съел. Вы - юноша, готовящийся стать слугой под моим руководством, - все вокруг думают именно так.

- А им не приходит в голову мысль, что вы меня совращаете?

- Разумеется, нет. - Доминик снял жилет и отбросил в сторону. Его рубашка слабо поблескивала на солнце. - Никому в голову не придет, что вы женщина. - Он упал на свою

койку и вытянулся на ней. – Наши мужчины ни о чем не догадываются, кроме того, что я равнодушен к мальчикам, но это довольно распространенное явление. А поскольку я снискал их расположение, они не станут выдвигать против меня обвинений.

Кэтриона сама не знала, почему ее так волновал этот маскарад. Она наслаждалась трюками с воздушным шаром, не имела ничего против брюк. И даже обрадовалась, что можно освободиться на несколько часов от обременительных юбок и неприятных воспоминаний. Но сейчас ткань, трущаяся о бедра, казалась ей жесткой и грубой.

– Я не понимаю, зачем вообще давать повод для каких-то обвинений? Если вы перестанете смотреть на меня так, как вы это делаете, никому не придется думать о подобных отвратительных вещах.

– Вы полагаете, мне это нравится? – сухо сказал Доминик. – Впрочем, мнение остальных не имеет значения. Они должны верить той роли, которую мы играем. Вот и все.

– Но почему это обязательно должна быть роль любовников?

– Потому что первое правило любого обмана – держаться как можно ближе к правде. Вы думаете, Найджел не догадался? Он слишком деликатен, чтобы спрашивать напрямую, как и Франс. Поэтому они и позволили нам ехать таким образом, и поэтому же я не буду делать ничего, чтобы их разубедить. Пусть считают, что мы любовники. И так, ничего не остается, кроме как сдаться, Кэтриона.

– Что вы имеете в виду? Как это – сдаться?

– А вот так. – Доминик протянул руку и взял ее за запястье. Одним быстрым движением он заставил ее совершить пируэт и уложил рядом с собой. Распластавшись на койке, Кэтриона оказалась прижатой к его груди. Разумеется, она немедленно попыталась освободиться, и Доминик, ослабив хватку, позволил ей уйти. – Мужчина за такие вещи ударил бы меня кулаком. Мужчины атакуют, женщины – бегут.

– Ах так! – Кэтриона откинулась назад и с силой замахнулась, целясь ему в лицо. Он легко поймал ее кулак и притянул к себе, а потом навалился сверху. Она оказалась плотно прижатой к койке и тяжело дыша уставилась на его волосы, которые в лучах солнца казались окаймленными огнем. – Ну и чем еще отличаются мужчины?

– Кроме того, что и так очевидно? – Доминик посмотрел на нее сверху и теснее прижался к ней. – В определенном смысле мужчины сильно отличаются от женщин. Мы знаем, когда мы возбуждаемся, – тихо сказал он. – Женщины только что-то чувствуют, но не всегда уверены, что это и есть то самое. Поэтому иногда они отождествляют это с гневом или смущением.

– Сатана... – начала было Кэтриона по-гэльски. То, что она сейчас чувствовала, не было ни гневом, ни смущением.

Доминик скатился с нее и встал.

– Ложитесь спать, Кэтриона, и успокойтесь: пока мы едем до Эдинбурга, вам ничто не угрожает. Поверьте, я не сделаю ничего такого, что сможет выдать . ваше инкогнито даже Джерроу Флетчеру.

Он поклонился ей с полуулыбкой, оставившей ямочки на его щеках, и протянул руку, чтобы помочь ей встать.

Вместо этого Кэтриона брыкнула ногами и вытянулась во весь рост. Она скрестила лодыжки, как мужчина, и заложила руки за голову.

- Вы не только великий учитель, но еще и задира, - сказала она. - Но некоторые уроки я уже усвоила. Мне не следовало пытаться ударить вас.

Он опустил руку.

- Но дуетесь вы очень натурально.

- Ну и ладно. Хорошо, что вы верны своему обещанию. Ведь я могу положиться на вас, Доминик Уиндхэм? Надеюсь, у нас не будет с этим проблем?

- Нет, не будет.

Кэтриона встала и пошла к другой койке. Сев, она небрежно стянула с себя ливрею, грубо пародируя мужские движения, затем нагнулась и скинула ботинки, как безалаберный подросток.

Доминик стоял, сложив руки на груди, и наблюдал за ней.

Несколькими резкими рывками она развязала галстук, швырнула его в сторону и стала сбрасывать с плеч жилет. Намеренно сводя лопатки вместе, она вызывающе выпячивала грудь.

Костяшки его сжатых пальцев заметно побелели.

Кэтриона вошла в еще больший раж, ее даже слегка затрясло.

- Если вы нарушите слово, - сказала она, - маркиз убьет вас. Ведь он стреляет лучше, чем вы, не так ли?

- Да, это правда.

- Тогда я действительно могу не опасаться.

Пыл бунтарства не остывал, и она принялась снимать брюки. Пальцы ее неловко продирались между пуговицами с грифонами, путаясь в синем сукне, пока наконец не избавились от него. Оставшись в белой рубашке и полотняных подштанниках, Кэтриона наклонилась, чтобы снять гольфы.

Дыхание Доминика участилось, его ноздри раздувались, как у жеребца, - казалось, из них вот-вот вырвется пламя.

Гольфы никак не хотели закатываться, но наконец Кэтриона справилась и с этой задачей.

- Вы не притронетесь ко мне до Эдинбурга! - заявила она, глядя на свои голые ноги. - Вы не станете портить зеленого юнца. Какое счастье, что в Англии еще не перевелись джентльмены!

- Кэтриона... - с усилием проговорил Доминик. - Мы с вами оказались в проклятом тупике. В Шервуде вы использовали меня как хотели. Почему я не могу желать повторения того же в постели? На этот раз на моих условиях, не на ваших... И со взаимным наслаждением.

- Я не предполагала, что вы захотите повторения.

Она стала стягивать рубашку, но воротничок, зацепившись за уши, застрял. Прохладный воздух омыл обнаженное тело, и оно тотчас покрылось гусиной кожей. Две округлости, тяжелые и полные, покачивались незащищенные, пока руки ее боролись с воротничком. Через минуту голова прошла, и рубашка была отброшена в сторону.

- Ведь вам больше нравятся мальчики, - сказала Кэтриона, поворачиваясь к нему спиной.

Дверь громко хлопнула.

Кэтриона оглянулась. Он убежал!

После стрижки шею непривычно холодило. Затвердевшие соски гордо выступали вперед. Доминик исчез! Выходит, не такой уж он и смелый...

Она уселась на койке и обхватила себя руками. Для чего она делает это? Чтобы бросить вызов своему одиночеству? Но она всегда была одинока и ничего другого не ожидала. Тем более ей никогда не найти приют в объятиях англичанина.

Завтра в полночь они должны быть в Эдинбурге. Там ее ждет ребенок. Ее цель - спасти его, а все остальное не имеет значения. Как только Доминик Уиндхэм добудет необходимые бумаги, им больше не нужно будет видеться.

Глава 10

- Вам нравится очаровывать этих лакеев? - спросила Кэтриона, когда они остались вдвоем.

Они стояли во дворе гостиницы, расположившейся неподалеку от английской границы. Мимо неслись экипажи, грохоча колесами по булыжнику. Стучали копыта лошадей. Но Кэтриона ничего не замечала. Она не знала, где он провел ночь, однако утром Доминик явился отдохнувший и посвежевший: парик на месте, ливрея вычищена. Несомненно, маркиз тайно помогал своему другу.

- Я ведь не зря был офицером, - небрежно напомнил Доминик. - Как видите, за годы службы я научился находить общий язык с людьми.

Непонятно, какая нечистая сила побуждала ее бросать ему вызов, даже сейчас, когда он не давал для этого повода.

- Брат лорда снисходит до увеселения слуг! Я воспринимаю это как своего рода пренебрежение ко мне. Остается только сожалеть, что вы так доброжелательны к ним и допускаете вольности по отношению ко мне.

- Кэтриона, о чем вы говорите? - Зеленые глаза Доминика сузились.

Она оглянулась на двор, переполненный спешащими конюхами, носильщиками с грузом на согнутых спинах, шествующими позади благородных лордов и леди.

- Я говорю о том, что существуют разные миры. Люди, живущие в них, неизбежно соприкасаются друг с другом, так же как листья опадают в общую канаву. Но дубовый и березовый лист никогда не встретишь на одной и той же ветке.

- Однако их можно встретить в одном и том же лесу, - возразил Доминик.

Она перевела на него глаза.

- О, в наше время шотландские березы чаще бывают одиноки. Дуб, о котором я говорю, растет на английской земле.

- Мне бы хотелось думать, - шепнул ей на ухо Доминик, - что вас это огорчает.

Она отвернулась и поставила ногу на подножку экипажа. Через несколько часов поездка закончится, и нужно радоваться, что они больше никогда не увидятся.

Было довольно темно, когда они прибыли на небольшой постоялый двор вблизи Эдинбурга. Со своим караваном экипажей и свитой слуг маркиз путешествовал уже семнадцать часов. Уставшие мужчины слегка пошатывались, войдя в гостиничный двор, горничные зевая пробирались за ними, и только Доминик легко прыгал по булыжнику, обнаруживая необычайную гибкость и ловкость. Это при его-то росте! Маркиз тоже казался неутомимым: краем глаза Кэтриона видела, как он держал жену за руку, помогая ей вылезти из кареты, затем вел ее в гостиницу, двигаясь с изяществом танцора. Франс для него была тем же, чем вино для кубка.

Поразительная пара! Кэтриона даже перестала дышать. Неужели после чревоугодия она впала в грех, самый постыдный и сжигающий? Зависть пожирает человека, гложет его сердце, причем медленно и долго, прежде чем превратит его в пустую оболочку. Кэтриона вовсе не хотела маркиза для самой себя, но, Боже, как она завидовала его жене, завидовала ее уверенности, ее привлекательности, ее умиротворенности. Довольство, казалось, так глубоко вошло в эту женщину, что никакие ветра не могли смутить ее покой. Это спокойствие зиждилось на ее уверенности в том, что она любима мужчиной и что сама она любит его больше жизни.

- Не вешай голову, парень, - сказал бодрый голос за спиной. - Давай я помогу тебе.

Кэтриона взглянула на Доминика и почувствовала, как к глазам подступают горячие слезы. Черты его лица виднелись как в тумане. Неожиданно силы оставили ее - она покачнулась и схватилась за косяк двери, испугавшись, что сейчас расплечется. Это было бы отвратительно.

- Да твой дружок засыпает на ходу! - крикнул Доминику кто-то из слуг.

Несмотря на усталость, остальные мужчины засмеялись. Доминик отставил картонные коробки.

- Не беспокойтесь, ребята! Сейчас я его доставлю. - Он схватил Кэтриону за запястья и забросил себе на плечо. - Спрячьте лицо в воротник, - прошипел он ей, - и слегка побрыкайтесь.

Частицы пудры с его парика осыпались ей на лицо и с прорвавшимися слезами попали в нос. Она чихнула, и Доминик тряхнул ее отнюдь не мягко, а затем под несмолкавший смех мужчин понес в гостиницу.

В отведенной для них клетушке в мансарде он усадил Кэтриону на одну из кроватей, снял с нее парик и убрал с ее лба влажные волосы. Она проглотила слезы и, засопев, уткнула лицо в подушку.

- Я вас хорошо понимаю, - сочувственно сказал он. - Черт побери, я испытываю то же самое. Найджел и Франс - два диких лебедя, созданные друг для друга, - это то, чего хочет каждый,

но редко находит.

- Нет, это не то, чего хочет каждый! - пробурчала она в подушку. - Есть более важные вещи.

- Будь я проклят, если в этом мире есть что-то более важное, чем любовь! Спокойной ночи, дорогая. - Доминик повернулся к двери.

Кэтриона сидела пристыженная тем, что обнаружила свою слабость, из-за чего ему пришлось защищать ее перед другими мужчинами. Если б он не проявил находчивости, ее бы разоблачили немедленно, и все их планы пошли бы насмарку.

- Куда вы идете? - спросила она. Доминик рассмеялся:

- Куда-нибудь, где есть кровать. Говорят, все горничные в этой гостинице шлюхи.

Он спал в экипаже Найджела среди ковров и мехов. Легендарные меха России, будь они неладны! Чертыхаясь, он втиснулся в узкую карету, улегся на сиденье и закрыл глаза, но образы из прошлого всплывали в мозгу помимо его воли.

Он увидел себя в своем лондонском кабинете весной пятнадцатого года. Это было ровно год назад. Они с Найджелом вспоминали Россию - и одну женщину. Доминик ясно слышал свой голос: «Поскольку сначала она была моей любовницей, мне думается, я имею право спрашивать».

Его друг, откинувшись в кресле, не спеша отвечал. Он рассказывал о великолепии Москвы, о красоте и продажности женщины, которую они оба любили. Прекрасная и порочная княгиня Екатерина. Женщина, изменившая его жизнь, а после его отъезда из России перешедшая прямо в постель к Найджелу.

Доминик не возмущался. После московского блеска, искушенный опытной шлюхой, он вернулся домой, чтобы жениться на невинной девушке. Правда, это бракосочетание считалось делом давно решенным и расторгнуть помолвку было невозможно, но он этого и сам не хотел. Он повел Генриетту к алтарю, желая положить к ее ногам свое сердце, веря в ее чистую любовь.

И вот четыре года спустя он стал вдовцом - осколком брака, который в действительности никогда не существовал, но который Доминик пытался воскресить, возвращаясь из Франции. В короткие отрезки времени, отпущенные солдату между битвами, он каждый раз отправлялся на север, в Эдинбург, для встречи со сбежавшей женой.

Он не часто вспоминал о Екатерине, хотя причиной тому была не она сама, а то, что из-за нее он попал в тюрьму. Нити того парижского ареста весной, перед Ватерлоо, тянулись из России. Это она, его бывшая любовница, велела приковать его цепями в подвале и подвергнуть пыткам. Это она угрожала убить Найджела.

Доминик повернулся на другой бок, подогнув колено, и снова чертыхнулся. Утром они будут в Эдинбурге, в месте, куда так стремилась Кэтриона, - в приюте «Души милосердия».

Приют находился в новой части города, на Куин-стрит. Белый фасад большого дома блестел как свежесвыпавший снег солнечным утром. Доминику пришлось снять лакейскую одежду: только как муж Генриетты он мог требовать принадлежащие ей вещи. На деньги, одолженные у Найджела, он купил себе новую одежду и с радостью смыл с волос отвратительно пахнущую пудру.

Его проводили в уже знакомую приемную с зелено-розовыми обоями и позолоченными стульями. Он вспомнил утро, когда они со Стэнстедом долго сидели здесь. Это было в победное лето четырнадцатого года, перед Ватерлоо, в перерыве между кампаниями.

Генриетта отказывалась видеться с ним, за исключением одного раза, тогда как Розмари приходила каждый день. Появляясь в этой комнате, она с улыбкой протягивала руку мужу и незаметно поглядывала через плечо на Доминика. Поразительная глупость! Он так и не понял, зачем Розмари увезла Генриетту. И почему именно в Эдинбург? Это было сделано задолго до известной сделки, и все годы Доминик надеялся, что в конце концов вернет свою жену обратно.

Розмари, высокая, темноволосая, ворвалась как шквал, шурша ворохом юбок. Определенно, она унаследовала темперамент от матери-итальянки. Жена Стэнстеда ничуть не изменилась: кожа вокруг ее подбородка и на щеках выглядела бледной как алебастр по контрасту с красными дразнящими губами.

Доминик элегантно поклонился, и Розмари энергично закивала в ответ.

- Наконец-то! Я могу ехать через час. Мне не потребуется много...

- Леди Стэнстед, прошу вас, не надо! Я приехал не за вами.

Улыбка медленно сползала с ее лица.

- Что вы сказали?

- То, что вы слышали. Я приехал не за вами.

Она повернулась и, пройдя через гостиную с высокими потолками, остановилась у одного из больших окон.

- Вы не знаете, чем я жертвовала, чего мне стоила эта минута! О Боже! Вы отвергаете меня?

- Мы уже давно перешагнули через это. Я пытался быть вежливым, насколько это возможно, но я не люблю вас и никогда не полюблю.

Розмари опустилась на стул.

- Это потому, что вы любили Генриетту, - дрожащим голосом проговорила она сквозь слезы.

- Я был обязан любить ее, леди Стэнстед, - поправил Доминик. - Она являлась моей женой.

Темная головка печально склонилась на грудь.

- Вы с ней никогда не были мужем и женой!

Услышав эти слов, Доминик даже немного растерялся.

- Вы заблуждаетесь. Вам кажется, что вы влюблены, но вы не знаете меня. Вы вышли замуж за достойного мужчину, который в один прекрасный день станет герцогом. Я молю Бога, чтобы вы оставили неуместный интерес ко мне и дали шанс своему мужу. Стэнстед смелее и лучше, чем вы себе представляете.

- Это он-то? - Темные колечки волос игриво взлетели вверх, когда Розмари вскинула голову. -

Ха!

У Доминика запершило в горле. Он хотел засмеяться, хотя это было бы совсем не к месту.

- Ваш муж успешно влез на церковную крышу и оставил свой носовой платок на верхушке шпиля. Я полагаю, сейчас, когда Генриетты нет в живых, это не совсем подходящая тема, но вы должны знать. Стэнстед боялся, но так или иначе, он сделал это, что в моем понимании является истинным примером храбрости.

Розмари встала. От волнения ее грудь высоко вздымалась.

- Вы приехали сюда лишь для того, чтобы сказать мне это?

- Я приехал за вещами Генриетты.

Она как слепая подняла на него невидящие глаза.

- Даже теперь, когда Генриетта умерла, вы по-прежнему с ней?

- Мне очень жаль огорчать вас, леди Стэнстед, - сказал Доминик, - но если б мы могли приказывать нашим сердцам, несомненно, я приказал бы своему чувствовать то, что хочется вам. Увы, любовь совершенно нам неподвластна - она является к нам как гром среди ясного неба.

- А те письма, что я писала вам? Неужели все мои старания напрасны? - Карие глаза расширились еще больше. - Вы влюблены в кого-то еще, не так ли?

Доминик хотел было возразить, но тут одна мысль поразила его как вспышка молнии. «Я влюблен? О Боже! Боже!»

- Черт побери! - невольно вырвалось у него. - Какое вам дело до моих чувств? Мои личные дела вас не касаются. Будьте любезны, покажите мне тот сундук.

- С какой стати? Почему я должна помогать вам? Что я получу взамен? Скажите по крайней мере, что мой вид вызывает в вас страсть, или хотя бы поцелуйте меня.

- Какой, к черту, поцелуй без души? - Доминик был вконец раздосадован. - Позвольте мне взглянуть на сундук.

Не говоря ни слова, Розмари указала на тянувшийся от лестницы коридор с рядом дверей, выкрашенных белой краской, а потом, вынув из-за пояса ключ, швырнула его Доминику.

«Я влюбился в кого-то еще».

- Там все ее вещи?

- Да, все. Идите в ту дверь, но не думайте, что победили. Может, вы и доказали, что не способны любить меня, но вы ничего не добились. Я не вернусь к Стэнстеду!

- Он влез на крышу, - упрямо сказал Доминик. - Теперь дело за вами. Мы же договаривались. Пусть Генриетта мертва, он-то жив. Разве не вы давали мне слово?

Доминик повернулся, и его каблуки звонко застучали по каменным ступеням.

Когда он отпер сундук и откинул крышку, внутренний голос неожиданно предупредил его об опасности. Шелка и кружева, перчатки и чулки – вся одежда напоминала один разноцветный клубок, как будто какая-то большая мышь свила себе здесь гнездо. Похоже, кто-то уже порылся в вещах Генриетты.

Услышав позади себе шорох, Доминик круто обернулся. Из двери на него смотрело дуло пистолета.

– Вы приехали слишком поздно, майор Уиндхэм, – сказал мужской голос. – Я уже изъясил ее бумаги. – Мужчина похлопал себя по нагрудному карману, а затем, указав рукой в сторону сундука Генриетты, добавил: – Разумеется, если вам хочется забрать эту мишуру, можете не стесняться.

Доминик закрыл сундук и сел на крышку, все еще сжимая правой рукой врезавшийся в ладонь ключ. Трость с вкладной шпагой, единственное средство для самозащиты, стояла прислоненная к стене. Чего ради было брать с собой оружие, находясь в самом сердце города среди бела дня! Зато теперь он оказался один, с голыми руками против врага, вооруженного пистолетом!

– Ну что ж, ваш хозяин победил. – Доминик разжал руку. Ключ со звоном упал на пол. – Что вам еще поручено, мистер Флетчер? Убить меня?

Справа над окном бронзой было выведено какое-то воззвание; краска облупилась, поэтому буквы стали неразборчивы. Дом высотой в восемь этажей с коньком и выступающими дымовыми трубами заканчивался у самого неба. Кэтриона, посмотрев наверх, прошла через узкие ворота и оказалась на отгороженной площадке возле здания собора. Она посещала миссис Макки еще до смерти Генриетты и тогда впервые увидела Эндрю: у него были ярко-голубые глаза и густые черные волосы. Воистину ребенок Макноррина, подумала она. Малыш, оскорбленный, что его показывают чужим людям, вопил и вырывался из рук няньки, но после того как Кэтриона вручила ему конфету, заулыбался. Леди Стэнстед дала ей денег и попросила купить для него сладостей.

Кэтриона поднялась на лестничную площадку и постучала в дверь.

Никто не ответил.

Она постучала сильнее. Снова ничего, кроме тишины. Толстые каменные стены старинного здания приглушали все звуки суматошной Хай-стрит. Во внутренних двориках Старого города время, казалось, текло вспять; попадая сюда, человек невольно делал шаг в прошлое и забывал о современном мире. Но молчание внутри этого дома было слишком неестественно.

Кэтриона повернула ручку.

Скрипнули петли, и дверь широко распахнулась. Из пустой комнаты докатилось гулкое эхо. Затаив дыхание Кэтри-она ступила внутрь...

– Так он влюблен в нее? – спросила Франс, заглядываясь на морских птиц, с криками кружащих над пристанями Лейта.

Найджел кивнул:

– Я так думаю. Кэтриона – замечательная девушка, и она прекрасно выглядит в брюках. Доминику пора забыть Генриетту и найти себе женщину, которая любит мужчин.

Франс удивленно подняла глаза:

- А разве Генриетта не любила мужчин?

- Позже я расскажу тебе. - Найджел мягко дотронулся до руки жены. - Черт подери, нам нужно садиться на этот корабль и отправляться в Париж, так что Доминику придется выпутываться самому.

- Да, я понимаю, - согласилась Франс. - Как это сделали мы с тобой.

Она подняла глаза на мужа, и он, улыбнувшись, нежно поцеловал ее.

- Итак, мы хотим знать, что мне поручено? - Джерроу Флетчер стоял на пороге небольшой кладовки со вскинутым пистолетом и смотрел не мигая на Доминика. - Отсрочить ваш приезд и обеспечить неприкосновенность имущества вашей жены. Вы удовлетворены?

Доминик опустил голову возле стены и, прислонившись к ней, вытянул ноги. «Неприкосновенность имущества вашей жены».

- Значит, нападение в Шервуде было всего лишь трюком? Вы хотели задержать меня, и это едва не стоило мне жизни, а мой кучер и пара нанятых вами убийц погибли.

Флетчер пожал плечами.

- Это не относится к делу. Несчастный случай. Они оказались слишком глупы и перестреляли друг друга.

Доминик незаметно пробежал глазами по каменным стенам и высокому окну, оценивая ситуацию.

- Хотел бы я знать, черт побери, как вам это удалось? Чем вы убедили «души милосердия» обеспечить вам доступ к сундуку? Леди Стэнстед весьма усердно берегла ключ.

Флетчер улыбнулся:

- Ключ был украден и потом возвращен на место. Я подкупил горничную. Вы бы и сами прибегли к этому способу.

- Конечно, - согласился Доминик. - Жаль, что мне пришлось задержаться в пути, иначе бы сундук был мой. Почему мне в голову не пришло, что кому-то еще понадобится его содержимое? Так вы нашли то, что искали?

Опять эта проклятая улыбка. Несколько лет назад на Пиренеях с такой же отвратительной улыбкой этот негодяй убивал французского офицера.

Флетчер похлопал себя по карману.

- Все здесь, майор. На редкость скучной маленькой потаскушкой была ваша жена, вы не находите? Зато, должен вам признаться, я глубоко тронут вашими любовными письмами...

Когда Флетчер снова протянул руку к бумагам, Доминик вскочил, бросился к нему и ударил в живот. Флетчер всхрипнул и согнулся пополам, пистолет со стуком упал на пол. Доминик ударил Флетчера еще раз; тот обмяк и упал без сознания.

Подтянув неподвижное тело к стене, Доминик стал расстегивать надетый на Флетчере пиджак. Вытащив из него связку бумаг, он бегло взглянул на свои письма к Генриетте. Должен ли он утешаться, что она по крайней мере их сохранила? Швырнув письма на пол, он быстро перебрал остальные бумаги. Никаких дневников, написанных Сарой, молодой женой старого Макноррина, и никаких документов, подтверждающих рождение ее ребенка, – ровным счетом ничего, что могло помочь маленькому Эндрю и уберечь Глен-Рейлэк от Ратли.

Вынув свою трутницу, Доминик высек искру и поджег стопку с письмами. Затем он отпихнул в сторону одежду Генриетты и, опрокинув сундук, начал отдирать обшивку.

Высохший клей крошился под пальцами и рассыпался в пыль. Подкладка отстала, но за ней тоже ничего не оказалось.

Если верить Розмари, других вещей после Генриетты не осталось, а значит, поиски, с которыми Кэтриона связывала свои планы, ни к чему не привели. Он не оправдал ее надежд, равно как раньше обманул ожидания Генриетты.

После недолгих размышлений Доминик сложил надушенные перчатки и кружева Генриетты туда, где они лежали прежде, и вышел на улицу. Почему, черт подери, он не выехал раньше? Надо было явиться сюда еще ночью – ничего не случилось бы, если б он поднял «души милосердия» с их постелей!

Прогулка до Старого города оказалась довольно долгой. Пройдя ряд современных площадей и кривых улочек с однообразными фасадами, Доминик остановился у края глубокой долины посмотреть на обмелевший Нор-Лох. На другой стороне озера стоял Эдинбургский замок, под ним как попало расположились дома, хранившие воспоминания о средневековье и еще более древних временах. Справа от замка, возле дороги на Аейт, возвышался похожий на пирамиду Кэлтон-Хилл. Дальше начиналось море. Ветер, раздувавший паруса многочисленных кораблей, с ревом устремлялся в город, вздымая дамские юбки на Северном мосту. В это время Найджел и Франс должны были отплыть в Париж. Доминик не знал, как благодарить Всевышнего за таких друзей! Найджел не только довез их с Кэтрионой до Эдинбурга, но еще незамедлительно и щедро ссудил Доминика деньгами.

Северный мост привел его к Хай-стрит. За ней шла Ройял-майл, соединяющая замок с дворцом Святого Распятия. Через Пушечные ворота Доминик вышел к товарным складам – на них еще сохранились старинные надписи над окнами, затем нырнул в проход вблизи того места, куда ушла Кэтриона. Где-то здесь жила миссис Макки – во всяком случае, по этому адресу он держал с ней связь. Что ж, если не удалось добыть бумаги с доказательствами, нужно сделать хоть что-то. На худой конец он сможет хотя бы обеспечить ребенка.

Шум улиц постепенно замирал. Доминик остановился, увидев изящный изгиб шеи под остриженными волосами, – Кэтриона, одетая под мальчика, сидела на ступеньках у двери: глаза ее были опущены, плечи вздрагивали. При звуке его шагов она подняла глаза, и лицо ее озарилось надеждой.

– Вы достали бумаги Сары?

Доминик отрицательно покачал головой.

– К сожалению, нет.

Кэтриона снова съежилась, и на мгновение ему показалось, что она вот-вот упадет в обморок. Однако вместо этого она неожиданно распрямилась, встала и повернулась к Доминику:

- Пойдемте в дом, здесь невозможно разговаривать.

Доминик последовал за Кэтрионой наверх и, как только они вошли в небольшую темную комнату, сразу понял, что гостиной, несомненно, давно не пользовались. На месте углей в очаге остался холодный пепел, на полке, в углу, лежали аккуратно сложенные оплывшие свечи.

Итак, Кэтриона приехала сюда, чтобы не застать ни огня, ни няни, ни ребенка.

Скрип закрывшейся за ними двери, словно отголосок дьявольского смеха, нарушил безмолвие дома.

Почему они покинули эту квартиру? Спугнуло ли няню предупреждение об опасности, или у миссис Макки были на это собственные причины? Вряд ли Ратли мог прямо угрожать мальчику, но, возможно, он посчитал нелишним отправить женщине депешу, в которой не сообщал ничего конкретного, а просто написал, что ожидается ряд непредвиденных обстоятельств.

Кэтриона бросила шляпу на стол и принялась нервно расхаживать по комнате.

- Миссис Макки уехала на север и забрала Эндрю с собой. У нее дом в Сазерленде, где она родилась. Так говорят соседи.

- Сазерленд? Где это?

- К северу от Инвернесса. При полном бездорожье на то, чтобы добраться туда, уйдет несколько дней.

Видимо, миссис Макки учла его предостережение. Тогда, чем скорее они доберутся до Инвернесса, тем лучше.

Кэтриона остановилась и, склонив голову к оконной раме, пробежала пальцами по стеклу.

- Почему вы не достали бумаги?

- Там их не было. Я обыскал все вещи Генриетты и не нашел ничего, - сказал Доминик. - Никаких документов, указывающих на отцовство Эндрю. Если даже они и были, их в этом месте больше нет - человек Ратли побывал там раньше меня.

- Человек Ратли?

- Джерроу Флетчер. Сейчас он лежит на полу без сознания. Нападение в Шервуде было не просто личным мщением - они боялись, что мы первыми прибудем в Эдинбург.

- Значит, герцог знает об Эндрю?

- Да, и теперь он удостоверится, что Эндрю не может претендовать на наследство. Если бумаги все-таки были, но Флетчер их уничтожил, он должен известить герцога о своем успехе, поэтому ни Ратли, ни его люди больше не станут никому угрожать. Наше дело - заняться ребенком. Нам остается только отправиться в Сазерленд.

- Нам? - Кэтриона стукнула кулаком по оконной раме. - Я больше не нуждаюсь в вашей помощи. С этой минуты я продолжаю поиски одна.

- В самом деле? Будь я проклят, если позволю вам сделать это без меня.

Она ожесточенно замахала руками:

- О, упрямый человек! Как я устала от вас! Оставьте меня в покое! С меня довольно!

Слова резанули слух, как щелчок кнута. Нахлынувшая ярость затмила разум.

- С вас довольно?! - вскричал он, взбешенный. - Слишком поздно, Кэтриона!

Двумя широкими шагами Доминик достиг окна, схватил ее за плечо и круто развернул к себе.

- Не думайте, что вы так просто отделаетесь от меня, Кэтриона Макноррин! - сказал он, вынуждая ее смотреть ему в глаза. - Теперь нас связывает гораздо большее, чем этот сумасшедший поиск вслепую. Черт возьми, почему вы не хотите признать это? Потому что вам обязательно нужно делать все наперекор и по-другому вы просто не можете? Послушайте, все образуется: я заберу ребенка к себе, мальчик не будет ни в чем нуждаться и получит хорошее воспитание, как надлежит племяннику графа.

- Но Глен-Рейлэк...

- Разве эта долина так много значит для вас?

Кэтриона отстранилась от него.

- Она для меня - все! Вы бессердечный человек, Доминик Уиндхэм! Вам этого никогда не понять.

- А разве вы не можете объяснить? Почему вы не хотите просто сказать, что происходит на самом деле?

Она вынула носовой платок и вытерла глаза.

- Потому что вы англичанин. Если перед вами возникает опасность, вы бездумно бросаетесь ей навстречу, а когда случается трагедия, то бессильны что-либо сделать. Нам не стоит продолжать это дело вместе. Я не жду от вас для себя ничего, кроме разбитого сердца. Мне легче будет справиться одной. Вот почему я не хочу, чтобы вы мне помогали.

Черт бы ее побрал! Неужели она действительно думала, что ей удастся так просто с ним расстаться? Он видел в ней то же, что и в ее брате, - такую же непримиримость и романтический порыв. Для Доминика с его англосаксонским складом ума на первых порах знакомства с Калемом это было почти непостижимо. Позже, когда они подружились, ему многое стало ясно. Эти качества являлись источником замечательного мужества северян перед лицом катастрофы и объясняли важные вехи в их истории.

Как бы то ни было, он не собирался рассказывать Кэтрионе, что отъезд миссис Макки инспирирован его письмами.

- Что же теперь будет с нами? - добродушно-грубоватым тоном сказал он. - Вы ведь тоже уезжаете с неудовлетворенным любопытством. Вам не хочется закончить то, что мы начали в Шервуде?

Она подняла подбородок и прикусила губу:

- Почему вы думаете, что я и теперь этого хочу?

- Потому что мы испытываем влечение друг к другу. При всей вашей скрытности, я думаю, в этом вы честны. С тех пор как мы впервые встретились в Лондоне, нас связывает общее желание. Оно пожирает нас, как огонь из пасти дракона. Коль скоро вы намерены оставить меня из-за моей неудачи, я бы мог напоследок сделать для вас еще одну вещь... Чтобы вы не уехали отсюда девственницей.

- Я уже не девственница, - со смущенным видом сказала Кэтриона.

Он погладил ее волосы. Кожа у виска почувствовала тепло - такое же приятное, как с внутренней стороны бедра, и желание взмыло словно волна. Может, он, как дракон, дышал огнем?

Доминик невозмутимо продолжил:

- Нет, вы девственница. Не физически, но в душе. Вы хотели стать женщиной? Теперь у вас есть шанс. Я не смог достать вам бумаги для Эндрю, но это я могу обеспечить.

- И вы думаете таким способом удержать меня? Ради этого вы хотите ехать со мной на край света? - Кэтриона неуверенно засмеялась. - Но вы не сможете получить то и другое, майор Уиндхэм, - мое тело и мою душу. Вон там, - она показала жестом на закрытую дверь, - есть небольшая кровать. Если мы сейчас совершим это, вы позволите мне уехать отсюда одной? - Она с мальчишеским задором сунула руки в карманы.

Итак, ему снова предлагалась война. Однако желание, неожиданно вспыхнувшее в нем, стерло все другие заботы.

- Ну что ж, если таково ваше требование.

- И тогда вы не будете меня преследовать?

Он предусмотрительно обхватил ее за талию, чтобы она не могла вырваться.

- Если вы полностью подчинитесь мне, проявите терпимость к моей испорченности и не откажете мне ни в чем, тогда я даю вам слово, что не буду вас преследовать.

У нее затрепетали ноздри, шея и щеки расцветились красными пятнами.

- Вы думаете, испугать меня, как Генриетту? - сказала она, глядя на него расширившимися глазами.

Желание охватило его внезапно. От предвкушения удовольствия в паху возникла пульсация. Ему вдруг явилось прекрасное видение: ее нагая грудь, живот и темнеющие под ним волосы, скрывающие женскую влагу и тепло.

- Я ничего не сделаю без вашего согласия. Я буду трогать вас повсюду, и это будет вам приятно. Но если вы не выполните соглашения, я поеду с вами на север разыскивать Эндрю, а потом объявлю всем, что он сын Генриетты, и заберу его к себе.

- Очень хорошо. - Она вскинула руки и пропустила пальцы сквозь свои короткие волосы. - Если это произойдет, я признаю свое поражение. Я никогда не отказываюсь от своих слов. Да, раз уж мы начали, надо доводить дело до конца. Что ж, показывайте, как выглядит грех, не

ограничивающийся потерей невинности, и пусть это доставит вам радость.

- О, я постараюсь не разочаровать вас! - Он с поклоном взял ее руку и не спеша повел за собой.

Глава 11

Дверь скрипнула и отворилась. В небольшой спальне уютно расположилась кровать с пуховой периной, уместившейся меж четырех столбиков; правда, дощатый пол с россыпью простеньких ковриков и стены, закрытые темными деревянными панелями, выглядели несколько мрачновато, пространство, расписанное под гобелен, пестрело обилием красок. Среди стилизованных цветов и листьев резвились всевозможные представители животного и птичьего мира, а балки были разрисованы лишь кольцами основных цветов - красного, желтого, синего и зеленого.

- Боже праведный! - замер он. - Куда мы попали! Мы будем предаваться любви, как в настоящем саду.

Кэтриона быстро направилась к ложу. Она пошла на риск, но хватит ли ей сил выстоять? Кровь ударила ей в голову, безумное желание вызвало жжение между ног. Она хотела этого мужчину, хотела с их первой лондонской встречи, однако их отношения были бесперспективны. Чем бы в конечном счете их предприятие ни обернулось для Эндрю, для Кэтрионы Макноррин и Доминика Уиндхэма это не имело никакого значения. У них не было будущего. Они должны расстаться сейчас, пока еще не слишком поздно, пока еще можно уберечь свои сердца.

Она никогда не возлагала надежд на продолжение их хрупкой связи, зная, что после Эдинбурга они разъедутся в разные стороны. И теперь, в этой постели, она получит тому подтверждение. Доминик Уиндхэм должен сдержать свое слово. Если они отдадутся друг другу, он не последует за ней. Таким образом, это будет их первое и последнее соитие. Первое - потому, что в Шервуде оно не было доведено до конца и, как выразился Доминик, в душе она все еще оставалась девственницей, последнее - потому, что они должны будут расстаться. Дальше она продолжит свой путь одна. Она отправится на тот далекий суровый Север, где ночи всегда холодны, даже в середине лета.

Что бы ни произошло, впереди ее ожидает только холод, и, может быть, она легче перенесет встречу с ним, став женщиной. Почему не увезти с собой часть энергии этого мужчины, который прямо-таки вибрирует от избытка сил? Несомненно, в том не будет греха. И если сердце припрячет теплое ядрышко с памятью об этих днях, то это сможет поддерживать ее все грядущие годы. Со временем она удостоверится, что он вернулся обратно в Англию - страну, которой он принадлежит, что сердце его осталось целым и невредимым, и пусть он считает встретившуюся ему когда-то женщину черствой и безжалостной.

Доминик стоял у окна. Глаза его поблескивали, как зеленый омут, полный подводных теней.

- Ну что ж, продемонстрируйте мне, что вы делали с Генриеттой. - Кэтриона вздрогнула, ужасаясь собственным словам, и опустила глаза.

- Между тем, что происходило с Генриеттой, и тем, что было у нас с вами, нет ничего общего.

- Ничего? - Она приглушила высокие надрывные звуки в голосе и добавила: - И все-таки я этого хочу.

- Хотите доказать мне, какая вы храбрая? - Доминик подошел к ней. - Я уже и так знаю.

- Знаете? - Она чувствовала исходящие от него теплые волны. - Значит, вы полагаете, что мне достанет смелости вынести вашу порочность?

- В первую брачную ночь, - начал он, - Генриетта села на стул и протянула мне руки.

- Вот так? - Кэтриона аккуратно проделала все, что сказал Доминик, после чего он взял ее руку и поднес ко рту ладонью вверх. Прикосновение его губ предательским пламенем пробежало вдоль руки до груди; шероховатая мальчишечья рубашка больно терлась о ее набухшие соски. - Затем я снял с нее одежду... - Он начал медленно раздевать ее. - Разумеется, на ней был шелковый пеньюар цвета слоновой кости, а не мужская рубашка с брюками. - Продолжая держать Кэтриону за руку, он стал целовать ей пальцы, каждый по очереди.

Она отдернула руку.

- У меня нет шелкового пеньюара.

К ее удивлению, Доминик упал на колени и широко раскинул руки.

- Я старался, - сказал он, сделав грустное лицо, - но вы сами оставили в Рейлингкорте по меньшей мере двадцать таких пеньюаров.

- И что дальше? - Против воли тело Кэтрионы начало вздрагивать от сладких конвульсий, которые она не могла сдержать.

Он осторожно приподнял ее подбородок.

- Кэтриона, в вас есть все, что мне надо, то, к чему я стремлюсь всем сердцем и всей душой. Не бойтесь, моя хорошая, я знаю, что делаю. Поверьте, у меня достаточный опыт. Обещаю, что не доставлю вам ничего, кроме удовольствия, - между нами не может быть иных уз, кроме тех, что уготованы природой для мужчины и женщины. Я знаю, в Шервуде вам было легче решиться, потому что тогда это происходило ночью и не планировалось заранее.

Образы вспыхнули в ее памяти подобно распустившимся цветам. Кэтриона вспомнила прикосновения его рук к ее плоти, вспомнила собственные стоны.

- Зато сейчас будет честнее, - сказала она, - потому что днем глаза открыты. Но я боюсь... Я не хотела бы родить внебрачного ребенка.

- Гарантирую, этого не случится.

Доминик скользнул ладонями по ее коленям, мягко развел их в стороны и прижался к ее бедрам. На ней еще оставались брюки, но, несмотря на эту преграду, она чувствовала себя открытой, готовой к его вторжению. Биение между ее ног участилось. Когда он наклонился и поцеловал ее, она обхватила его за плечи. Его руки быстро переместились к ней на грудь, а рот неотвратимо двинулся к ее губам.

От его нежных дразнящих прикосновений жажда сделалась нестерпимой. Кэтриона пробежала пальцами по его волосам и притянула к себе, призывая его мятущийся язык проникнуть как можно глубже. Игра двух кончиков продолжалась до тех пор, пока медовая сладость не хлынула ей в рот, словно лопнувшие соты.

Мышцы вспучились под его рубашкой, когда он согнулся, чтобы сбросить с себя пиджак и жилет. Доминик повесил их на спинку стула, затем схватил за ворот мальчишечий пиджак и стянул с нее.

- Это мне нравится, - заметил он, ухмыляясь. Кэтриона проследила за его взглядом, задержавшимся у нее на груди. Восставшие соски, как две пуговики, топорщились под полотном. Когда она посмотрела на них, они сделались тверже и поднялись еще выше. По коже ее пробежал огонь.

- Не понимаю, - сказала она, - как это может быть? Обычно так происходит, когда холодно...

Доминик улыбнулся как кот, увидевший кринку со сливками.

- Или когда жарко.

Достаточно было одного резкого движения, чтобы ее пиджак полетел туда же, куда он только что определил свой. После этого Доминик стянул с себя рубашку, и Кэтриона позволила своим глазам любоваться широкими буграми его груди, плечами, бороздками на животе и небольшими мужскими сосками, такими же твердыми, как у нее. Кожа его туго натянулась на жестких мышцах. Он был прекрасен настолько, что при виде этого тела у нее внутри все заняло.

Она нерешительно провела указательным пальцем по его груди, остановившись у соска. Он тотчас поднялся и отвердел еще больше. Она убрала руку. Доминик снова наклонился вперед и поцеловал ее в губы, пробегая тем временем руками вверх по ее спине и стягивая с нее рубашку. Там, где он вытягивал материю из-под пояса, прохладный воздух слегка пощипывал кожу.

Руки его осторожно легли поверх ее плеч, и ее приподнявшаяся грудь полностью обнажилась перед ним. Две набрякшие округлости ощущали распирающую тяжесть, то опускаясь, то поднимаясь вверх в такт с дыханием. Вспухшие, потемневшие соски так же твердо выступали вперед. Тепло пульсирующими волнами распространялось по каждой жилке, а он по-прежнему держал ее в неподвижности и смотрел на нее. Взгляд зеленых глаз был так же спокоен, как океан в летнюю пору, и так же глубок.

Она прикусила губу, сопровождая взглядом движение своей груди, одновременно следя за биением в передней части его брюк. Несколько долгих секунд два тела в одном и том же ритме продолжали свою молчаливую тайную песнь.

И так же вместе поднялись их глаза. Кэтриона знала, что краска жарко заливает ее кожу. Доминик медленно скользнул руками вниз, к округлости груди. Ладони мягко охватили ее с боков, касаясь внутренней стороны подмышек, и оба больших пальца двинулись вперед. Он продолжал смотреть ей в глаза. В тех точках, где прикасались его пальцы, концентрировался жар невидимого огня. Безумное удовольствие достигло небывалой силы.

Задыхаясь, она схватила его за плечи.

- Вы очаровательны, Кэтриона, - тихо сказал он. - Ваши вены танцуют, как маленькие рыбки.

Ее стоны перешли во всхлипывания, после того как большие пальцы возобновили движение. Это были необычайной остроты и насыщенности ощущения. Они усиливались, нарастая, излучая все более мощную энергию, разбрасывая огненные осколки в живот и набухшую ноющую часть лона.

Расстегнув ее брюки, Доминик опустился на колени и принялся вращать языком вокруг ее разгоряченной плоти, потягивая ее губами, покусывая за кончики, резвясь и снова отпуская на волю. Потом внезапно он набросился на правый сосок и забрал его в рот целиком. Пока губы с силой втягивали его в себя, пальцы тербели и раскатывали другой. Пульсация и тепло между ног приближались к точке кипения. Огонь, казалось, проникал так глубоко, что внутри что-то стало плавиться – наверное, сама душа. Внезапно в центре ее чрева словно прогремел взрыв, и волны от него прокатились через все тело конвульсиями непередаваемого наслаждения. Кэтриона, всхлипывая, упала на руки Доминику. Он подхватил ее, словно сухую соломинку, и перенес на кровать. Быстро скинув ботинки, брюки, белье, он повернулся к ней. Теперь мужская плоть выступала вперед так твердо, что два ореха подтянулись к телу совсем близко и выглядели как нечто единое, круглое и весомое. Прекрасный, как бог, он опустился на кровать рядом с Кэтрионой и принялся снимать с нее остатки одежды.

Она лихорадочно помогала ему, поднимая бедра, пока он стаскивал ее брюки и нижнее белье. Наконец, обнаженная, обжигаемая стыдом, она дотянулась рукой до выпуклой оконечности его копья, взяла ее в ладонь и стала гладить нежную поверхность.

Челюсти Доминика сжались, на щеках заходили желваки. Он откинул голову и прикрыл глаза.

- Вам нравится? - преодолевая смущение, спросила она.

- О да!

Наклонившись, он снова продолжил разжигать в ней чувственный огонь, доводя ее до грани безумия, низвергая затем в головокружительное свободное падение восторга.

Когда она почувствовала против своей плоти скользящую округлую поверхность, страх растворился, уступив место радостному приветствию. Еще только один раз она узнает, что значит быть женщиной и не отказывать себе в желании. У нее в учителях был распутник, с которым она скоро расстанется и которого больше никогда не увидит.

Она сосредоточилась на своих ощущениях, пока он продвигался глубже и глубже. Все это было настоящим чудом. Он начал ритмично двигаться, так же мягко, как вначале, добиваясь, чтобы их бедра соприкасались. Она ответила на призыв и приноровилась к его ритму. Вскоре они достигли полного совпадения. Медленные размеренные движения приводили ее в упоение.

Подняв ее на руках, он перекатился спиной вниз, не расторгая их объятий. Теперь ее тело балансировало сверху. Она сдавленно засмеялась, ожидая, что последует дальше. Держа ее обеими руками за бедра, он раскачивал ее назад и вперед, так что ее разгоряченное лоно ходило вверх-вниз по его плоти. Мучительное щекотание, ощущаемое глубоко внутри, заставляло ее сладко замирать. Она знала, что он нарочно держит ее у края, не давая продвинуться дальше.

Протестуя, Кэтриона дерзко зашевелилась и возобновила броски. Доминик засмеялся, поднимая темные, как у демона, глаза.

- Ну что, - сказал он, задыхаясь, - продолжим? Хотите испробовать еще что-нибудь?

- Хочу все! - Она пристально посмотрела на него, дрожа и слабея от наслаждения.

Кэтриона начала было снова двигаться, но он придержал ее обеими руками, насаживая плотнее на себя.

- Вот так. Теперь возвращайтесь.

Она смело повернулась вокруг солидной оси, погруженной в ее пылающее тело, и он обеими руками гладил ее по ягодицам и обводил пальцем теплое кольцо, где соединялись их тела. Затем он провел рукой по ее животу и спустился ниже, трогая влажный треугольник. Волны удовольствия побежали быстрее, распространяясь вглубь, увлекая ее в водоворот ощущений, однако он вдруг поднял ее в воздух и опустил на постель, поставив на согнутые локти и колени. Расположившись сзади, он соединился с ней и стал вдвигаться продолжительными, растянутыми толчками, одновременно растирая руками ей спину, сминая ягодицы. Изнывающая от страсти, она уронила голову на простыни, согнувшись под ним как тростинка. Она была полностью беззащитна и обессилена, с обнаженной, открытой перед ним самой сокровенной частью своего тела. Чувственные волны пронеслись сквозь нее, когда он рывком погрузился еще глубже. Она застонала от удовольствия и услышала, как он тяжело задышал в такт своим движениям. Теперь он был так же беспомощен, как она, так же уязвим, захвачен тем же желанием!

Она отдавалась ему душой и телом, отбросив все ограничения. Двигаясь вместе с ним, она чувствовала, как от соприкосновения в их самых интимных местах накапливается мощный заряд. Взрыв мог последовать в любой момент, как грозовая молния над горами. И эта молния вспыхнула, когда набрала достаточно энергии. Тело ее содрогнулось в конвульсиях, и Доминик тотчас оказался снаружи. Лишенный возможности насладиться до конца, он со стоном выдохнул воздух. Влажное тепло выплеснулось, словно подогретый мед, и омыло ей бедро. Он наклонился поцеловать ее в затылок и складкой простыни убрал влагу.

Просто восхитительно, подумала Кэтриона. Ей ужасно хотелось смеяться.

Она уютно свернулась калачиком в его руках.

- Я получила что хотела, и мне понравилось то, чем мы занимались. А вам?

Он засмеялся, тычась носом ей в шею.

- О Боже! Конечно, понравилось.

- И все-таки, - сонно продолжала она, поворачиваясь в его руках, - скажите, что вы делали с Генриеттой?

- Ничего общего с нашим бешеным танцем. Но я бы ни за что его не исполнил, не будь ответа с вашей стороны. Вы чудо, Кэтриона, другой такой женщины нет в целом мире!

Она пристроилась поудобнее к его руке, согнутой в локте, и продолжала лежать, окутанная его объятиями. Ее мало беспокоила истинность его слов.

- А теперь вы уйдете, - напомнила она, бесстрашно изгоняя протест, поднимающийся в ее душе. - Иначе слово будет нарушено.

Он поцеловал ее в макушку.

- Ладно, я повинуюсь - но не забудьте, что вы сами сказали эти слова.

Это был слабый звук, похожий на тихое урчание. Кэтриона зашевелилась под покрывалом и выпростала руку. Звук стал отчетливее, как будто где-то блаженно мурлыкала кошка.

Она лениво провела рукой по перине. Удовлетворенное тело ее еще дышало теплом, сосуды, переполненные кровью, превратились в солнечные реки. Она открыла глаза и посмотрела на потолок; воспоминания вспыхивали в ее мозгу подобно фейерверку.

Она привстала и повернула голову. Сквозь открытое окно струился солнечный свет. На подоконнике сидела большая полосатая кошка и смотрела на нее круглыми зелеными глазами.

- Здравствуй, киска, - сказала Кэтриона, когда та спрыгнула на пол. - А где он?

Вместо ответа кошка вскочила к ней на кровать и, потершись о ее ноги, замурлыкала.

Где-то в глубине дома раздался глухой щелчок, затем жужжание, похожее на шум зубчатой передачи, и, наконец, тишина прорвалась звоном. Старинные часы начали отбивать удары. Один... два... три... четыре. О Боже! Четыре часа! Неужели она проспала весь день?

Кэтриона поспешно вылезла из кровати. Ее одежда, аккуратно сложенная, лежала на стуле. На столике стоял кувшин с водой и тазик, рядом - небольшая сумка. Она заглянула в нее и увидела деньги. Он оставил ей монеты и сложенный листок бумаги. Прощальное послание? Что он там написал? Выполняет обещание, данное во время первой встречи в Лондоне?

Кэтриона без труда вспомнила сказанные тогда слова: «Каждый день вас будет осаждать мужчина, который гораздо опытнее вас. Я буду неустанно соблазнять вас. Вы влюбитесь, и вам захочется сдаться. Ваше сердце будет разбито, я вам гарантирую. Что вы скажете на это?»

Неужто она и впрямь влюбилась?

«Ах, какая же ты в таком случае неразумная слабая женщина!» - сказала себе Кэтриона и взяла бумагу.

Послание, написанное круглым размашистым почерком, состояло всего из пяти предложений.

«Я выехал в Инвернесс и к тому времени, когда Вы проснетесь, буду уже далеко. Таким образом, я не смогу преследовать Вас, как и обещал. По правде говоря, я всегда предпочитаю быть ведущим. Ваш глубокий сон позволил мне взять на себя эту роль. Это ваша плата за седьмой грех, то есть за лень».

Пораженная таким откровенным предательством, Кэтриона дважды пробежала глазами по строкам, затем снова сложила листок и стала рвать его на мелкие кусочки, которые, кружась, падали на пол. Как он мог? Все-таки первое впечатление в Лондоне оказалось правильным. Нужно было воспользоваться тогда своим маленьким ножиком.

«По правде говоря, я всегда предпочитаю быть ведущим».

Черт бы его побрал! Что он возомнил о себе? Если в какую-то минуту ее сердце и было в опасности, то все это уже позади. «Вы влюбитесь...» Как же! С такой же вероятностью можно воспылать нежными чувствами к Джерроу Флетчеру!

Немного помедлив, Кэтриона опустила монеты в карман - она была не настолько горда, чтобы оставить их здесь. Интересно, как он собирался ехать в Инвернесс? Если менять лошадей, то туда можно добраться довольно быстро. Правда, ему, видимо, придется сделать остановку, но всего лишь на несколько часов. На рассвете он снова тронется в путь, и то только в том случае, если изберет более длинный маршрут. Прямая дорога намного короче, хотя ужасно неудобна, так как проходит через Грэмпианы, где много крутых подъемов. Конечно, если Доминик

наймет хороших лошадей, он преодолеет и этот путь.

Итак, какой дорогой он отправился? Препятствия, с которыми он, вероятно, столкнется во время своего путешествия, не минуют и ее, так что вряд ли она приедет в Инвернесс раньше. Сумеет ли он до тех пор найти Эндрю? Вот чертов упрямец! Но неужели он и впрямь рассчитывал, что после его отъезда она сложит оружие?

Инвернесс расположился на южном берегу Моря, в месте впадения в него реки Бьюли. Дальше простирался широкий лиман, переходящий в залив Северного моря. Доминик, на этот раз ехавший верхом, уже приближался к цели, время от времени поглядывая на разбросанные повсюду шпильки, окруженные крышами. Синие горы гряды за грядой уходили вдаль, сливаясь с голубизной неба. Он перевел глаза в сторону, где сиял зеленью Черный остров. Левее располагались пышные поля, разрезанные длинным желобом Великого Глена. За долиной возвышался Драммосси-Муир, отгораживающий поле битвы Каллодена, этой трагической страницы истории Шотландии. Здесь начиналась страна Гранта.

Доминик хорошо знал его – они встречались в течение нескольких лет войны на Пиренеях. Колкхаун Грант был главой веллингтоновской секретной службы. Блестящий ум и бравый дух его вызрели именно здесь. Дальше к северу, в широких плодородных долинах среди намывных холмов, находился Глен-Рейлэк – «Долина Звезд», где стоял дом, построенный предками нынешних Макнорринов.

Доминик улыбнулся, подумав о своем переезде, вспомнив, как он спешил сюда через горы и реки, от фермы к ферме, от гостиницы к гостинице, – таким образом сто пятьдесят миль он преодолел приблизительно за двадцать часов.

Единственное, о чем он сейчас не позволял себе думать, это о Кэтрионе. Если она выехала и, так же как он, колесит по дорогам и тропам, то у нее будет преимущество – ведь здесь говорят на ее родном языке. Он вспоминал ее крепкое молодое тело – его вкус, запах и рождаемые им ощущения. В те минуты ему казалось, что ее теплая плоть вбирает его в себя, обволакивает со всех сторон, будто весь он представляет собой орудие для достижения желанного удовлетворения.

Она достигла высшего наслаждения несколько раз за то время, когда он нечеловеческими усилиями оттягивал этот момент для себя. Он получал упоение от ее удовольствия. И то завершение, которое он наконец себе позволил, произошло при полном контроле и с полной уверенностью, что у нее не будет беременности.

Каштановая грива кобылы вдруг стала расплываться, и Доминик с изумлением вытер глаза. Неужто он будет лить слезы из-за этой упрямой шотландской женщины? В конце концов он может быть не менее упрямым. Если она станет искать Эндрю, ей не миновать этих мест – все дороги на север проходят через Инвернесс и его старый каменный мост с семью арками.

Доминик засмеялся. Мужчина, грешивший годами, решил покорить сердце добродетельной женщины! Что это на него нашло? Фанатическое упорство, с коим он добивался расположения Генриетты, походило на сумасшествие. Слава Богу, что та бредовая идея не получила воплощения. Представлял ли он когда-нибудь, в какой ад превратилась бы их совместная жизнь? Неужели вся его печаль из-за их несостоявшегося брака была всего лишь плодом уязвленного самолюбия? Неужели он домогался своей жены только потому, что не мог смириться с тем, что она единственная из всех женщин отвергла его?

Вонзив шпоры в бока лошади, Доминик поспешил в город. Наверняка там найдутся приличная

гостиница, вода и горячая пища. Он наймет какого-нибудь мальчишку, который за плату понаблюдает за мостом и дорогами, а сам тем временем выспится.

Кэтриона ехала за ним почти след в след. Золото Доминика пошло на оплату дороги. Она выехала часа на четыре позже его, поэтому темнота застала ее в холмах, и ей пришлось устраиваться на ночлег под открытым небом. Кэтриона раскатала одеяло под скалой и поспала пару часов. Едва занялась заря, как она снова села на пони и вместе с проводником поехала дальше.

В Инвернесс Кэтриона прибыла только к вечеру. Если б ее путешествие продлилось еще немного, вряд ли она добралась бы сюда живой. Когда она въехала во двор центральной гостиницы, все вдруг поплыло перед ее глазами. Она с трудом сползла с седла, и ее зашатало, голова сделалась тяжелее свинца.

- Дорогая, вы сейчас похожи на селедку, - насмешливо сказал за ее спиной знакомый голос. - Позвольте вам помочь.

Кэтриона остановилась на грязных булыжниках и расплакалась.

Доминик внес ее в гостиницу и сразу прошел с ней наверх в свою комнату. Там он посадил ее на небольшую кровать и, позвонив в колокольчик, велел слуге принести горячую воду. Поручение было исполнено немедленно.

Когда слуга ушел, он стянул с нее башмаки и мужской костюм, поднял ее без всяких усилий и усадил в ванну. Кэтриона совершенно не стыдилась, что она нага, тогда как он полностью одет, и ее нисколько не волновало то, что он делал, хотя в каком-то смысле это было еще более интимно, чем их недавние занятия в постели. Правда, сейчас Доминик вел себя без всякого намека на похоть - он просто тер ей спину, руки, ноги, и ей казалось, что ощущения от его прикосновений так же прекрасны, как солнце после летней грозы.

- Ну, вот и все. - Доминик убрал полотенце и расчесал ее мокрые волосы. - Сейчас вы съедите суп, а затем я вас уложу спать.

- Прежде вы все это делали со своими любовницами?

- Мои любовницы обычно встречали меня уже искупавшимися. - Доминик усмехнулся и снова подергал колокольчик. - Кроме того, они никогда не нуждались в супе.

- О, несчастные! - Кэтрионе хотелось зевнуть совсем по-детски - шумно, во весь рот, но она сдержалась. - Представляю, что это были за эфирные создания. Наверное, питались одним воздухом и пили только слабый чай. Я предпочитаю овсяную кашу и копченую рыбу. Закажите все это на завтрак, пожалуйста.

- Ваше желание для меня священо, мэм. А пока съешьте, пожалуйста, суп.

Он обернул ее широким мягким халатом. В это время в дверь постучали, и Доминик, выйдя в коридор, вскоре вернулся в комнату с миской.

Кэтриона стала с жадностью есть, а он сел в кресло и молча наблюдал за ней. Чего он в конце концов хотел? Видимо, не только плотского удовольствия - для этого он мог найти тысячу женщин и получить удовлетворение с гораздо меньшими трудностями, чем с ней. Может, он таким образом отвечал на вызов? Или потрафлял своему самолюбию? Но почему она все равно радовалась, что он сейчас здесь?

«А какое у него тело!» – вспомнила она слова женщины и смутно, как в тумане, услышала стук. Пустая миска выскользнула у нее из пальцев и с грохотом покатила по полу.

Проснувшись, Кэтриона обнаружила, что лежит в его постели одна. В комнате витал запах горячего хлеба и копченой рыбы.

– Вы спали так невинно, что я невольно залюбовался вами, – услышала она над ухом насмешливый голос Доминика.

Кэтриона села, прижав подушку к груди, и посмотрела на него – уже полностью одетый, Доминик сидел за небольшим столиком у окна и завтракал.

– Этой ночью я спал на кушетке. – Он состроил легкую гримасу, отделяя вилкой кусок рыбы. – А теперь вот ем соленую кожу.

Кэтриона засмеялась:

– Если вы заказали копченую рыбу – значит, у вас хорошее настроение.

Доминик бросил на нее быстрый взгляд, и губы его чуть изогнулись.

– Подаю заявку на снисхождение. Мне хотелось проснуться этим утром с вами. Я предпочел бы, чтобы вы лежали в моих объятиях, чтобы наши ноги были переплетены и чтобы я мог чувствовать вашу руку в укромном месте своего тела.

– А-а, так вот что придает вам крепость!

Он чуть не подавился.

– В прямом или в переносном смысле?

– О, разве это так важно? Лучше скажите, что вы намерены делать?

– Что делать? – Доминик поднял бровь. – Любовники могут ссориться, дуться друг на друга, дурачиться, но они спят в одной кровати. Чтобы это стало возможным, дальше мы едем вместе. Вы рискуете – и я с вами тоже, по крайней мере до тех пор, пока все это не разрешится естественным путем. Вы согласны?

– Когда мы поедем дальше на север, люди меня узнают. Здесь, в Инвернессе, у меня тоже много знакомых. Неужели я должна всем им говорить, что вы мой любовник?

– Это не обязательно. Вы можете снова надеть мужской костюм и оставаться моим братом, если хотите, потому что мы не едем на север. Путешествие в Сазерленд отменяется. Миссис Макки увезла Эндрю на запад – там у нее есть сестра, которая замужем за одним из Крисхольмов.

Кэтриона быстро вылезла из постели, скользнула в халат, а затем, сев за маленький столик напротив Доминика и взяв чашку с чаем, подозрительно спросила:

– Откуда вам это известно? Сейчас же говорите, безумный человек, как вы узнали?

– Она оставила мне послание.

– Послание?

Доминик кивнул:

- В Лондоне вы дали мне ее адрес, и тогда же я отправил ей деньги и письмо. В нем я убедительно советовал миссис Макки проявить бдительность в отношении Ратли, ибо знал: все, что связано с ним, всегда опасно. Я предполагал, что, если до него дойдут слухи о наших с вами поисках, он попытается перехватить ребенка, поэтому и просил ее, если она заподозрит что-то неладное, быстро покинуть Эдинбург.

Кэтриона в бешенстве вскочила. Здесь, в этих горах, маленький мальчик оказался перед лицом катастрофы, которую она со всем упорством пыталась предотвратить. Больше у нее нет сил заниматься его спасением. Если этот английский щеголь решил взять все на себя, пусть действует: в крайнем случае по возвращении в Лондон он привезет с собой доказательства, хотя они все равно уже не затормозят процесса, начавшегося в долинах Макнорринов.

Немного успокоившись, она снова села.

- Стало быть, вы уже в Эдинбурге знали, куда увезли Эндрю?

- Нет, но я знал, что миссис Макки может оставить мне здесь послание. Благодаря этому мне теперь известно, где его искать. Вот и все.

- О Боже! Почему вы сразу мне ничего не сказали?

- Черт побери, с какой стати? Вы не объяснили, почему наследство Эндрю находится в опасности; вам нравилось использовать меня, но вы не доверяли мне. Я смирился с этим, но какого дьявола вы хотите доверия от меня?

- О нет, я ничего не хочу! Разве когда-нибудь существовало доверие между Шотландией и Англией? Не нужно мне доверять. Поезжайте домой!

- Я не могу, - с притворным сожалением сказал Доминик. - Мы ведь любовники - надеюсь, вы помните наш уговор?

Глава 12

Час спустя на выносливых шотландских пони Доминик и Кэтриона пересекли мост над Ривер-Несс. Возле берега, подоткнув подола и оголив пухлые колени, женщины стирали белье; было слышно, как они переговариваются между собой.

Здесь же, вдоль набережной, по широкому каменному тротуару прогуливались простые граждане и местная знать: некоторые из этих людей были одеты сообразно национальным традициям, другие - в духе высокой английской моды. Доминик с любопытством взирал на забавное сочетание двух стилей. Жизнь вокруг казалась мирной и процветающей, а богатство и бедность уживались здесь с очевидной легкостью.

Среди всеобщего спокойствия Кэтриона выглядела странно напряженной. Наблюдая за ней, Доминик вспоминал, как она становилась в его руках текучей, как масло, податливой и гибкой. Теперь простое синее платье и пышные нижние юбки как бы объявляли - мальчика больше не существует. Ноги Кэтрионы обтягивали толстые шерстяные чулки, ботинки сменили кожаные шотландские туфли. Сейчас она проезжала через свои родные места, где ее многие знали. Чтобы кто-нибудь не увидел ее с остриженными волосами, она покрыла голову красной шалью.

Несколько часов они ехали вдоль берега Бьюли. Здесь, на мелководье, река бежала прямо по коричневому торфу вдоль полосы гальки. Дальше начиналась пойма с зеленеющими вокруг полями, широкую пышную низину пересекала дорога, а с боков на долину напоздали складки лесистых гор. Шум водопадов Килморэка отражался от заводи внизу и эхом катился дальше. Отсюда открывался путь во владения Крисхольмов и Фрезеров.

Долгое время они молчали, но наконец Доминик не выдержал.

- Эти холмы что-то значат для вас? - спросил он. - Что вы сейчас испытываете?

- Тоску. - Она продолжала неподвижно смотреть перед собой. - Впрочем, тоска - не совсем подходящее слово, этому чувству в английском языке нет точного эквивалента. Это скорбь по тому, что еще находится у тебя в руке, но тебе все равно его не хватает. Это тоска по Тир-нан-Ог, мистическому месту за горизонтом, где садится солнце. И хотя человек давно живет в собственной долине, он все равно грезит о той стране. Это сладкое чувство всегда окрашено меланхолией - кажется, что к тебе приплывает материнская колыбельная, которую ты слышала в полусне, будучи ребенком. Это сожаление о том, что уже свершилось, но никогда не сможет целиком заполнить твоё сердце. Я не знаю, сможете ли вы когда-нибудь понять это.

- Я понимаю, - сказал Доминик. - Вероятно, так же страстно я тосковал по Генриетте.

- Это разные вещи. Она ушла от вас, и вы никогда не держали ее в своей руке. Вы любили собственную фантазию.

- К сожалению, на этот раз вы не ошиблись.

Кэтриона решила не развивать опасную тему, поэтому дальше они снова поехали молча. Обочина дороги была густо усеяна колокольчиками, фиалками и красным лихнисом, на темно-зеленых ветках раkitника распустились яркие лимонные цветочки. Деревья, протянувшиеся вдоль реки, раскинули свой ажурный покров над крепкими красно-серыми скалами. Цвета повсюду казались более живыми и яркими, чем в Англии.

У первых домов Кэтриона сделала остановку и торопливо заговорила по-гэльски с собравшимися у дороги женщинами. Стоявшие рядом с ними дети робко поглядывали на Доминика.

- Скоро мы сможем перекусить, - неожиданно сказала Кэтриона. - Они дадут нам хлеба и сыра. Я бы не стала останавливаться в гостинице - там небезопасно. Кто-нибудь позже может поинтересоваться нами.

Доминик кивнул. На самом деле он сомневался, что кто-то последует за ними в этот суровый край. Кэтриона поехала вверх по узкой дороге к одинокому дому, прижавшемуся к склону холма. Рядом стояли коровники с низкими крышами; вокруг, кудахча и копаясь в земле, ходили куры. У парадного крыльца пышно цвела большая клумба, на которой цветы чувствовали себя вполне вольготно среди картофеля и моркови.

На стук Кэтрионы из дома вышла женщина и после короткого разговора поманила их в дом.

Доминик шагнул через порог. Когда глаза его приспособились к слабому освещению, он увидел хозяина, сидящего у камина. Мужчина поднялся и протянул Доминику руку, глядя на него из-под густых белых бровей ярко-синими глазами. Человек этот носил красно-зеленый килт и черные рейтузы, так что синий жилет из простой домотканой материи смотрелся на нем несколько странно. Нелегко было определить и его возраст - хотя волосы у него были

сплошь серебристые, он до сих пор сохранил прямую осанку и живость движений.

- Добро пожаловать в Страт-Гласс, сэр, - сказал он на чистейшем английском языке. - Надеюсь, вы пропустите стаканчик и отобедаете с нами?

Доминик поймал себя на том, что смотрит на мужчину с неприкрытым изумлением, и тут же устыдился. Ожидал ли он встретить такой прием в жилище, снаружи очень похожем на лачугу? Дом был выложен наполовину из торфа, наполовину из камня и покрыт вересковой соломой, однако простая комната оказалась хорошо, даже изящно обставлена: в буфете стоял китайский фарфор и стеклянная посуда, а основную часть стен занимали открытые полки: на одной стороне с головками сыра и кухонной утварью, на другой - с книгами в кожаных переплетах.

- Вы любите латинских поэтов? - вежливо осведомился хозяин. - Вероятно, вы читали все эти замечательные вещи? Ну а я - Александр Крисхольм, и, как видите, поэзия мне небезразлична.

Вскоре Доминик уже попивал отличный крепкий виски, обсуждая с почтенным джентльменом прекрасные ямбы Катулла. В военное время Доминик часто бывал в компании шотландских офицеров и всегда получал удовольствие от общения с ними, хотя его прежние товарищи по оружию обычно оказывались выходцами из другой среды - это были сыновья крупных землевладельцев, живших в достатке в больших красивых домах.

Он стал расспрашивать мистера Крисхольма о шотландской поэзии и с неподдельным интересом слушал его ответы; Кэтриона между тем что-то настойчиво доказывала женщине, по-видимому дочери Александра, и в конце концов Доминик уже не мог не замечать тревоги, звучавшей в ее голосе.

Когда они покинули гостеприимный дом, Кэтриона сразу пустила своего пони быстрой рысью. По мере того как они продвигались, пейзаж начинал меняться: впереди поднимались предгорья, за ними высились громады пиков с гранитными вершинами, упиравшимися в голубое небо. Внизу ярко зеленели молодые всходы; складчатые холмы, переходящие в скалы, были увенчаны снегом. Воздух был напоен пряными ароматами, вблизи пенящихся ручьев росли грациозные березки и рябины. Склоны покрывали низкорослые шотландские сосны. Неожиданно пронзительно закричал орел, и Доминик увидел, как что-то вспыхнуло золотом под крыльями при повороте птицы к солнцу.

- Лисы и орлы - бедствие для ягнят, - со знанием дела заметила Кэтриона.

Она перевела пони на легкий галоп. Тропа по склону долины уходила вверх. Теперь они направлялись в то место, куда миссис Макки увезла Эндрю; во всяком случае, так представлялось Доминику. Красота природы захватила его подобно гигантской океанской волне. Он даже не дышал какое-то время. Пожалуй, это было нечто большее, чем легкое опьянение.

- Далеко ли еще ехать? - спросил он, когда они, обогнув небольшой бугор, оказались на широкой изогнутой дороге, ведущей в сторону холмов. Впереди поблескивало маленькое озерцо, за которым возвышалась скалистая гряда. Верхушки гор отражались в бездонной глубине озера, а тишина казалась глубокой и хрупкой, как стекло.

- Это здесь! - Кэтриона вскинула голову и повторила сорвавшимся голосом: - Здесь!

Ветер слегка переменился и принес запах гари. Доминик повернул голову в сторону долины. Поднимающиеся спирали дыма лениво плыли в летнем воздухе: долина тлела. Глубоко

потрясенный, он понял наконец, что перед ними развалившиеся стены и догорающий торф. Но если бы это был только один дом! Горела целая деревня, рассредоточенная по всей долине. Жуткое зрелище всеобщего разрушения предстало их глазам. Дома, сараи, печи для обжига, стены садов – все было сметено огнем.

Стая ворон вспорхнула с пепелища, хлопая крыльями и громко каркая.

Кэтриона спрыгнула с пони и зашагала к руинам. Она шла с высоко поднятой головой через тлеющие останки жилья, валяющиеся в беспорядке камни и дымящийся торф.

Когда она повернулась лицом к Доминику, по ее щекам ручьями бежали слезы. Клубы серого дыма вились вокруг нее.

– Здесь, – снова повторила она, обводя пепелище рукой. – Сюда миссис Макки привезла Эндрю. Но они все сожгли.

Доминик спешил и широкими шагами подошел к Кэтрионе. Обняв ее за плечи, он негромко проговорил:

– Идите, милая, идите туда и выплачьтесь. То, что произошло здесь, оправдывает ваши слезы.

Наконец Доминик увел ее с пожарища к озеру и усадил возле берега. Сняв с себя пиджак, он заботливо укрыл ее плечи, затем смочил носовой платок в воде и обтер ей лицо. Вокруг не было слышно никаких звуков. Ничего, кроме неестественно глухой тишины.

В Испании и Португалии Доминик видел, как армия отыгрывалась за свои потери на мирном населении. Он видел тот огромный ущерб, который причиняли мародеры. Найджел рассказывал, что пережили мирные жители, когда Наполеон вторгся в Россию. И все же бесчеловечность воюющих мужчин друг к другу казалась вполне понятной, но то, что люди могли учинить это здесь, представлялось ему просто невероятным! Он был совершенно растерян. Каким образом стал возможен подобный погром – ведь Британия сейчас не вела никакой войны!

Помогая Кэтрионе перебраться через обломки, он повел ее так, чтоб она не увидела сломанную детскую куклу, наполовину втоптанную в грязь. Кукла с неестественно повернутыми деревянными руками и ногами смотрела на него своими широкими раскрашенными глазами, и с ее разбитого лица не сходила трогательная светлая улыбка. Кто-то швырнул сюда игрушку, и ее растоптала лошадь.

Доминик прижимал Кэтриону к своей груди, пока не почувствовал, что она начала успокаиваться.

– Вы узнали об этом в доме Крисхольма? – спросил он, когда она наконец перестала всхлипывать.

– Да, от его дочери. Здесь все люди состоят в родстве.

– Значит, Александр тоже знал. Но почему он ничего не сказал мне?

– Посчитал невежливым тревожить гостя такими вещами, – сказала Кэтриона.

Ее синие глаза резко выделялись на заплаканном лице.

Такие же глаза Доминик видел под белыми бровями. Пожилой человек мягким голосом рассказывал ему о поэзии, зная о происшедшей трагедии?

- Боже, какое варварство! И люди тоже пострадали?

Кэтриона отрицательно покачала головой.

- В этот раз нет. Но два года назад, когда они подожгли дом Уильяма Крисхольма, это к северу от Стратнавера, обгорела его теща - ее одеяло вспыхнуло прежде, чем ее успели вынести. Старая женщина умерла через пять дней.

- О Боже! Это же самое настоящее убийство! - Доминик сделал глубокий вдох, пытаясь подавить приступ гнева. - Вы должны все объяснить мне, Кэтриона. Кто устраивает эти поджоги? Зачем?

Она отвела взгляд.

- Теперешний властитель и его прислужники.

- Но Александр рассказывал мне, что Крисхольмы живут в Стратнавере более пятисот лет, а их предки и того более. Разве эта земля принадлежит не им?

Кэтриона стиснула кулаки.

- То есть не вам, англичанам? - Голос ее был полон презрения. - Да, по нынешнему закону всеми угодьями распоряжается вождь клана, Съесалак, Крисхольм Уильям Двадцать Четвертый. Может, когда-то земля и принадлежала людям клана, но сейчас они платят помещику ренту за свои дома и фермы. Для них это жест уважения, тогда как его интересуют только барыши. Долина себя не оправдывает. От нее мало выгоды.

- Выгоды?

- А вы как думали! На какие средства наши шотландские вожди живут в Лондоне и танцуют в бальных залах Мейфэра? На ренту от ферм такую роскошь себе не позволишь! Зато если отдать на откуп всю долину одному арендатору, денег хватит. Он пустит ее под овечьи пастбища - вот вам и доход. Единственное препятствие - люди.

- Они не могут платить достаточную ренту?

- Даже когда они предлагают больше, правителей это не устраивает. Люди готовы отдать в залог даже собственные души, лишь бы остаться в своих долинах, но им отказывают. Аренда продается на сторону, пастухам из южных районов и чужестранцам. Овцы доставляют Съесалаку меньше хлопот, чем люди.

- Так вот для чего нужно изгонять целые деревни и поджигать дома! И сколько времени это продолжается?

- Давно. Я помню также картины еще с детства. - Кэтриона набрала пригоршню гальки и бросила в озеро. После небольших всплесков по воде побежали расходящиеся круги: пересекаясь друг с другом, они создавали сложные фигуры. - Это происходило постепенно. Все начиналось здесь, в Страт-Глассе, лет пятнадцать назад, а теперь распространяется по всей Шотландии: у Гуннов в Килдонане, у Макки в Стратнавере, у Макдоннелов в Гленгарри. Когда нужна земля под овец, клану на ней не место. Но людям некуда деваться. Им остается только

садиться на корабли и плыть в Америку или Новую Голландию.

- А они могут позволить себе такой переезд?

Кэтриона покачала головой:

- В Шотландии далеко не у всех найдется столько денег. Люди должны заключать договор и таким образом проститься со свободой. Они продаются в рабство.

- Работоторговля была запрещена еще девять лет назад! - невольно вырвалось у Доминика. Это прозвучало с такой яростью, что он даже был вынужден остановиться, чтобы взять себя в руки. - Черт побери! Кто может поручиться, что цена на овечью шерсть завтра не упадет? Что делать людям, которые уже выехали? Не могут же они с полпути вернуться обратно, если уже отправились чуть ли не на край света!

Кэтриона встала, продолжая наблюдать за кругами на воде.

- Даже если б могли, кто здесь станет осушать их слезы!

- Но почему люди не борются за свои права?

- Как? - Она резко повернулась к нему. - Кто будет бороться? Молодые мужчины должны воевать за короля Георга. Закон на стороне помещиков. И церковь, и шерифы со своими констеблями тоже у них на службе. Мы живем раздробленными маленькими группами в разных уголках страны, разделенные ее дикой природой. Разве мы можем организовать повстанческую армию? Один раз мы уже видели результаты такой попытки. Все хорошо помнят, что было после сорок пятого. Да, Арчибальд Ду Макдоннел пока еще удерживает Кинлокневис со своей семьей сыновьями, и меч его деда перенесен в Каллоден. Но времена партизанской войны прошли. Сейчас здесь нет ответного сопротивления.

Гунны, Макки, Макдоннелы - знакомые фамилии. С мужчинами из этих семей Доминик сражался бок о бок. Ему стало нехорошо до тошноты.

- И что же, те шотландцы, что воевали в Вимейро, Сьюдад-Родриго и под Ватерлоо, остались ни с чем?

- Мужчины в килтах шли за своего короля до Индии! Когда они вернулись на родину - если вернулись, - то увидели, что их дома сожжены, а их родители и любимые высланы в другие страны! Боже милостивый, что же это такое! - Кэтриона дала наконец выход своим эмоциям. - Приятный сюрприз, вознаграждение за храбрость и верную службу! Ваши соотечественники живут вполне благополучно - они веселятся и танцуют на приемах у принца-регента. Какое им дело до трагедии, постоянно происходящей на Севере, и до того, что люди выплакали целый океан слез! Все это так далеко от Лондона! А здесь кто пойдет против власти? Вождь клана, которого люди считают своим отцом? Этого никогда не будет. Мужчины в Шотландии носят печаль в сердце. Они обернут свою гордость вокруг горя, как плед, и скорее эмигрируют, чем станут просить милости у помещика. Им не нужны подачки, которые он пожалует их детям.

То, что она описывала, было настоящим феодализмом. Но почему шотландцы должны сохранять лояльность там, где доверие не оплачивается таким же доверием?

Доминик встал, всматриваясь в плывущие над землей струйки дыма.

- Когда это случилось?

- Пять дней назад. Некоторые перебрались через горы, чтобы поискать убежище в другой части страны. Кто-то ушел в деревню Фрезера. Может, и Эндрю там.

- Значит, нам нужно ехать туда? Вы боитесь, что Ратли тоже захочет извлечь максимум прибыли из своих владений, так что Глен-Рейлэк может стать следующей жертвой? Но почему, черт возьми, вы не объяснили мне все это раньше? Я совершенно не представлял, как много поставлено на карту. Если б я знал, мы могли бы прибыть в Эдинбург вовремя.

- Тогда не было причин для спешки, - возразила Кэтриона. На фоне небосвода, в обрамлении кольца гор, ее лицо с покрасневшими веками выглядело так, словно было нарисовано на картине. - Кто мог предположить, что Эндрю увезут или что ваш враг опередит нас? И потом, что вам до всего этого - вы озабочены только плотским удовольствием и своими успехами у женщин. Вы хотели вернуть свою жену, пустышку, у которой в голове не было ничего, кроме ханжества. Когда я впервые увидела вас, вы были пьяны и упивались своей победой. Как же, выиграть бездарное пари - какое удовольствие! И вы думаете, после этого я могла вам все рассказать? Если вы собираетесь помогать мне и дальше, я прошу вас не делать этого. Я не хочу.

- Вы должны принять мою помощь. Ради спасения Глен-Рейлэка. Вы должны принимать любую помощь, везде, где только можно. Мне думается, эта бравада, будь она неладна, во многом происходит от вашего упрямства. Чертова гордость одновременно и дар, и проклятие шотландцев! Кэтриона, коль скоро я здесь и могу бороться, используйте меня.

- Возможно, это выглядит упрямством, но как еще я могу защитить свое сердце? - Она вздохнула. - Вы будете мешать мне, вы подрываете мои силы. То, что произошло здесь, будет иметь последствия, и мне предстоит очень скоро с ними столкнуться. Для вас случившееся - просто эпизод, короткое развлечение перед возвращением в Лондон, для меня - это все. Здесь моя душа. - Она отвернулась и прикусила губу. - Для чего вам ехать за мной? Зачем вы преследуете меня, словно гончая?

- Так это я преследую вас? - Доминик схватил ее за руку и заставил посмотреть ему в лицо. - Вот и прекрасно. Преследовал и буду преследовать. Я буду вторгаться в ваши сны и околдовывать вас в минуты пробуждения, буду преодолевать ваше сопротивление, пока не пробью этот холодный темный панцирь и не избавлю вас от ран и печали. Вы можете заниматься своими делами, биться за Глен-Рейлэк и Эндрю, но я по-прежнему буду рядом. И вы сможете позволить себе немного счастья, когда для этого будет подходящий момент. Вы думаете, ваша боль не опалает мне сердце? В мире достаточно трагедий, Кэтриона, и жизнь предлагает нам много испытаний, так давайте не будем приносить лишние жертвы на ее алтарь! И помимо всего прочего, не забывайте, что я люблю вас.

Она подняла на него глаза.

- О, вы просто сумасшедший мужчина, и... этого не может быть!

- Я люблю вас, Кэтриона, вы тоже любите меня, хотя и не хотите сознаться себе в этом - Судьба однажды связала нас, и мы навсегда останемся вместе, и вместе мы перейдем через эти проклятые горы!

Доминик двинулся прочь, чтобы избежать соблазна поцеловать ее. Он подошел к пони и повел их к озеру.

- Куда нам надо ехать? - обернувшись, спросил он. Кэтриона показала на низкую котловину между пиками, расположенными в северной стороне.

- Туда. Приготовьтесь: будет довольно темно и холодно, прежде чем мы доберемся до перевала.

Дорога уходила вверх, к выстланным вереском высотам, постепенно теряясь в путанице коровьих троп, и наконец исчезла совсем среди небольших ярко-зеленых участков, покрытых болотной растительностью. Было уже поздно, но в перламутровых сумерках еще пробегали длинные мягкие тени.

Раньше люди выгоняли сюда своих черных коров на подножный корм, теперь же горные пастбища наводнил белый поток – овцы из южных равнин.

Доминик был страшно рассержен. Если б она оставила свою непомерную гордость и вовремя ему все рассказала, они могли бы сэкономить несколько часов, возможно, даже день, и тогда он приехал бы в пансион раньше Флетчера и просмотрел бы вещи Генриетты. А теперь думай-гадай, были там доказательства кто отец Эндрю или Флетчер их уничтожил? Но Кэтриона все это время несла свое бремя одна. Если б он не увидел эти тлеющие руины под Страт-Глассом, он бы и не узнал, что такая же судьба ожидает ее собственный дом.

Они завернулись в одеяла, которыми запаслись в Инвернесе, и улеглись в папоротнике, чтобы поспать несколько часов. Доминик держал Кэтриону в объятиях, ощущая исходящий от ее волос запах вереска, а она пристроилась возле его груди, мягкая, гибкая, женственная. Желание обладать ею было очень сильно, но еще больше он хотел завладеть ее душой. Недавно ему так же сильно хотелось снова завоевать Генриетту. Зачем? Может быть, в своей гордыне он был так же упрям, как Кэтриона?

Она проснулась с ощущением веса его руки, обвившейся вокруг ее талии. В короткую минуту слабости первым ее желанием было повернуться к нему. Ей хотелось ощутить его внутри своего тела, почувствовать в себе биение другой жизни здесь, в этих одиноких холмах. Он застонал во сне и крепче прижал ее к себе. Только тогда она заметила, что вокруг все стало сырым. Кэтриона отвела руку Доминика в сторону и села, с папоротника и вереска капала вода, а их пони стояли в тумане как два темных призрака. За ночь, пока они спали, облака сгустились и теперь угрюмо нависали над землей. Не было слышно ни единого звука, тишину нарушало только фыркание лошадей. Она перевела взгляд на Доминика и увидела, что он изучает ее.

- Мы промокли, любимая. Нам еще далеко ехать?

- Не очень, - сказала она, чувствуя, как ей вдруг обожгло кожу, и отвернулась, чтобы он ничего не заметил. Хоть бы не смотрел так!

Встав, Кэтриона завязала узел на юбках, чтоб не пачкать о землю подол, и взяла свое одеяло.

- Вы можете сидеть в темноте сколько вам хочется, а я пойду дальше.

- Тогда я тоже пойду, - засмеялся Доминик. - Я проиграл свою жизнь целиком. Не думаю, что меня испугают эти горы. Теперь они не заставят меня свернуть в сторону от моей цели.

- Вы решили окончательно допечь меня? - усмехнулась Кэтриона. - Ну, раз так, вставайте! Один поцелуй, и дело с концом - для чего-нибудь большего здесь слишком сыро.

Доминик запрокинул голову и звонко расхохотался. Звук прогремел как взрыв и прокатился эхом в тумане. Это был настоящий мужской смех, неподдельно искренний.

- Что с вами, Доминик Уиндхэм? - Она присела на корточки и шлепнула его тыльной стороной

руки по щеке. – Над чем вы так смеетесь?

Он схватил ее руку и поцеловал, задыхаясь от нового приступа смеха.

– Однажды я занимался этим в озере... В другой раз – под водопадом... Несколько раз – в ванне, что гораздо теплее, хотя не так зрелищно. Дорогая моя, для этого занятия никогда не бывает ни слишком сыро, ни слишком холодно, ни слишком горячо. Все дело в том, что мы не можем сейчас терять время, в нас нуждается ребенок. Если я поцелую вас, то уже не остановлюсь, поэтому никаких поцелуев, за исключением одного.

Доминик поцеловал ей руку, и Кэтриона отдернула ладонь, зажав пальцами обожженное место. Затем она гордо прошествовала к лошадям и принялась прилаживать к одной из них промокшее седло. Пони тоже были мокрые. Весь мир вокруг был мокрый, украшенный каплями, словно бисером. Она встряхнулась, и брызги полетели с нее во все стороны, как с мокрой собаки. Единственное сухое и теплое место сохранилось в центре ладони, которого коснулись его губы.

Ехать верхом по зыбкой почве становилось опасно – в болотах можно было легко увязнуть, поэтому они шли пешком, ведя пони за собой. Небо то светлело, то темнело; временами в клубах тумана появлялись просветы, обозначающие передвижение солнца.

Кэтриона продолжала двигаться в направлении, указанном дочерью Александра Крисхольма, туда, где в дымке выступали пятнистые пики Ан-Риабачан, Сгурр на-Лапейч и Скор-на-Дьoleyд. Это были ее родные края и знакомые ей горы. Переход, занимавший у нее несколько часов, чужаку стоил бы нескольких дней странствий.

Доминик следовал за ней не переча, не жалуясь, сколько бы она ни кружила по бесконечным вересковым пустошам, диким зарослям без троп, пробираясь вокруг ручьев и топей. У Кэтрионы уже начали уставать ноги, желудок ее сжимался от голода, но она упорно устремилась в соседнюю небольшую долину, зная, что до цели им осталось всего несколько миль.

– Тьфу ты, дьявол! – вдруг донесся до нее голос Доминика.

Затем наступила тишина.

Кэтриона обернулась, всматриваясь в густой туман. Там, откуда только что донесся голос, раздалось пронзительное ржание. Кэтриона направилась обратно на тропу. В это время что-то невдалеке хлопнуло, словно завершение гигантского поцелуя. Туман закружился и разверзся подобно лопнувшей паутине. Доминик вместе с пони стоял, увязнув по колено в обманчивой зеленой западне. Трясина уже затянула его по бедра. Он закрыл лошади глаза и стал с ней разговаривать, а она стояла спокойно, лишь ее ноздри слегка раздувались. Доминик стянул с себя пиджак и обвязал ей голову, напевая что-то вполголоса. Кэтриона увидела, как они вдвоем медленно погружаются, и страх сковал ее.

– Увы, мэм, – сказал Доминик, заметив ее, – пони это не нравится. У нас нет какой-нибудь веревки?

– Не двигайтесь, – приказала Кэтриона. – У нас есть одеяла.

Она стащила с седла скатанное одеяло, располосовала его ножом на ленты и связала концы, а потом, найдя камень и привязав его к одному концу самодельной веревки, с размаху бросила Доминику. Он поймал его одной рукой.

Кэтриона прикрепила свободный конец веревки к седлу своей лошади, а Доминик тем временем закрепил другой ее конец на спине пони.

- Нет, - запротестовала Кэтриона. - Привяжите себя! Он ухмыльнулся.

- Как же мы тогда вытащим пони?

- Никак! Оставьте его. Это судьба. Привязывайтесь сами!

Туман снова сгустился, поэтому она не видела, выполнил ли ее приказание Доминик.

- Теперь держитесь крепче, - услышала она его голос. Кэтриона заставила свою лошадь лечь и упала лицом в ее грубую гриву, шепча молитву. Неразумный англичанин! Зачем она позволила ему идти с ней в эти горы с этими предательскими болотами и скалами? Порой здесь погибали даже шотландцы. Пони под ней дрогнул, веревка натянулась и подалась. Лошадь вздрогнула, и Кэтриона шлепнула ее по заду, понуждая лежать неподвижно.

Болото заворчало, словно какое-то чудовище вылезало из своего водного логова. Эхо вторило чавкающим звукам, пока наконец из тумана не появился Доминик, весь в зеленой тине и черной грязи. Присев на корточки, он сделал несколько глубоких вдохов, сжимая что-то в одной руке.

- Ни один герой или поэт не отважится побить мое достижение - мировой рекорд выживания на болоте. - Доминик выпрямился и засмеялся: - Встречайте нового чемпиона и давайте вызволять животное. Ну, сможем мы вытащить мою несчастную лошадь?

Кэтриона неуверенно взглянула на него, чувствуя, как колотится ее сердце и пылает лицо. Он был без галстука; рубашка его тоже куда-то исчезла, и на обнаженной груди повисла паутина из полосок торфа. Даже волосы были мокры и перепутаны. Он стоял совершенно черный, покрытый до пояса грязью, замечательный, дикий, как сатир в саду лорда Байрона. Пламя в ее груди вспыхнуло еще сильнее. «Красивый мужчина!» Она знала его тело, она принимала его в свою плоть. И этот мужчина волей судьбы оказался ее первым любовником!

Пони в болоте начал громко хрипеть. Лошадь Кэтрионы задрожала и зафыркала в ответ. Доминик обернулся назад.

- Начинаем! - крикнул он. - Поезжайте вперед со всем своим хозяйством!

Пони Кэтрионы тронулся с места и потащил. Застрявшая лошадь выкарабкалась из болота. Встав на нетвердые ноги, она еще долгое время не могла прийти в себя.

- Молодец, - сказал Доминик и похлопал пони по дрожащей шее. - Так-то лучше.

Кэтриона накинула петлю своей импровизированной веревки на куст и пошла к нему.

- Лошадь, слава Богу, спасли, но в чем вы поедете дальше? Теперь вам придется мокнуть без рубашки.

- Ничего, мне не страшно.

- А плетение веревок - это ваше хобби, которое осталось от Лондона? - Господи, какие глупости приходят на ум!

Кэтриона хотела, чтобы он обнял ее, прижался губами к ее губам. Она страстно желала, чтобы

он взял ее прямо здесь, на вереске, как ненасытный сатир, но он не сделал этого, и они поехали дальше под покровом мглы, не касаясь друг друга, не говоря ни слова.

Когда сквозь туман Кэтриона увидела огонь, сердце ее сжалось от страха. Они приехали слишком поздно. Но нет, этого не могло быть! Они находились еще очень высоко в холмах, и отсюда не мог быть виден пожар в долине Фаррар.

Когда они спешили, Кэтриона услышала возле уха тихий голос Доминика:

- Что это?

- Спросил бы лучше - кто, - произнес поблизости мужской голос.

Тени всколыхнулись, и пятеро мужчин, молча выйдя из тумана, взяли их в кольцо. Один из них приставил к горлу Доминика нож. Все они были в сине-зеленых килтах и пледах, обернутых вокруг плеч; капельки воды, как бриллианты, блестели на их шляпах. По-видимому, все они были братьями.

Доминик расставил ноги и принял боевую стойку, будто рассчитывал один справиться со всеми пятерыми.

- Оставьте его, - быстро сказала Кэтриона по-гэльски, - пока вы не пролили кровь друг друга. - Как только она заговорила на их языке, лезвие опустилось. - Он англичанин, офицер, - продолжала она, - но его не интересуют винокурни. Чьи это владения?

- Дэвида Фрезера, - ответил один из мужчин - тот, который первым подал голос.

- Вы не узнаете меня, Дэвид Фрезер? Может, перейдем на английский, чтобы не смущать моего компаньона?

- Кэтриона Макноррин! Что вы здесь делаете?

- Разыскиваю Маргарет Макки. С ней должен быть маленький ребенок. Они недавно покинули Страт-Гласс. Несколько дней назад ее деревню сожгли. Не переселились ли они в Фаррар?

Кэтриона снова заговорила по-гэльски. Она быстро и толково объяснила братьям, для чего ей нужно найти Эндрю и почему рядом с ней этот англичанин.

Доминик улыбнулся мужчине, который только что собирался ударить его ножом.

- Так вы не станете препятствовать моему передвижению? Я способен не замечать того, что меня не касается, и делаюсь абсолютно глухим, когда это необходимо. Хорошо, что судьба послала нам таких проводников. Ведь вы не хотите, чтобы на мои продрогшие кости кто-нибудь случайно наткнулся в вереске?

Шотландец протянул руку и назвал себя:

- Алан Фрезер.

Доминик не колеблясь ответил на рукопожатие.

- Отличная встреча, Алан Фрезер. Сражались на Пиренеях? В составе семьдесят девятого?

- И сохранил самые лучшие воспоминания об английском офицере. - Фрезер повернулся к

брату: - Майору Уиндхэму ты можешь доверять так же, как мне, Дэви.

- Слово чести офицера, - не замедлил подтвердить Доминик. - Что бы я здесь ни увидел, я никому об этом не сообщу.

Алан повел плечами, как бы оправдываясь.

- Я знаю, винокурня - лакомый кусочек для таможенников. Чиновники хотели бы ее заполучить, а нас выкурить отсюда - мы доставляем им слишком много хлопот.

Через несколько минут они подошли к скале, где под нависающим козырьком расположился подпольный цех. В небольшой хижине было тепло и сухо. Трое братьев вернулись обратно караулить винокурню, а Алан и Дэвид Фрезеры остались с гостями.

Доминик сел на лавку - с него капала вода, на одежде висели ошметки болотной тины. Прислонившись спиной к стене, он глотнул виски. Кэтриона увидела его обнаженную грудь, как тогда, перед лондонской церковью; только на сей раз его рубашка была принесена в жертву ради спасения пони. Из-под распахнутого пиджака блестела тугая кожа, покрытая слоем грязи.

- У вас отличное виски - льется по языку подобно шелку. - Доминик усмехнулся. - И как огонь стекает в горло. Здесь можно организовать хороший легальный рынок. Почему до сих пор все это спрятано?

- Такса, майор Уиндхэм, - сказал Дэвид. - Мы не можем тягаться с южными долинами. Их виски не облагается такими пошлинами, как наше. Уайтхоллу выгодно, чтобы шотландцев стало меньше - скоро от этих разгневанных кланов не останется ничего, кроме легенд для истории. Ваше правительство хочет заставить нас бежать быстрее лани.

- Это и ваше правительство тоже, мистер Фрезер, - заметил Доминик.

- Как же! - фыркнул Алан. - Такое же наше, как и армия! Не обижайтесь, майор, но в Лондоне до нас никому нет дела. А наша прекрасная шотландская знать виляет хвостом перед вашей властью. Эти новоявленные правители лезут из кожи, чтобы походить на англичан, больше, чем сам король Георг. Но он-то был и остается немцем! С тех пор как Ганноверское племя укоренилось на троне, началась наша тихая смерть. Вспомните Каллоден. Быстрее было бы переколоть нас всех кинжалом, чем устраивать медленное удушение. Но они знают, что мы все стерпим. Так мы и пробавляемся этим черным бизнесом с петлей на шее. Хрипим и говорим себе, что это галстук. Кстати, о галстуке... - Фрезер искоса посмотрел на Доминика. - Вы неподходяще одеты для холмов, майор, и, кроме того, вам нужна другая обувь, например, такая, как моя, чтобы выпускала воду. - Он вытянул ноги, показывая свои мягкие кожаные башмаки со специальными разрезами. - Главное, чтобы под обувью были шерстяные носки - они сохраняют ваши ноги в тепле, а влага не имеет значения. И потом, вы должны носить килт, как все мы - мокрые штаны вредны для ног. Так вы довольно скоро выйдете из строя, и тогда уж точно грифы будут клевать ваши кости.

- Вы пытаетесь вежливо сказать, мистер Фрезер, что моим брюкам уже ничто не поможет? - Доминик огорченно посмотрел вниз. - И что мои прекрасные ботинки разрушены, а сам я могу схватить воспаление легких? Мисс Макноррин уже превратила свою юбку в некое подобие килта. Мне следует сделать то же самое?

- Вероятно, если не хотите, чтобы вас в темноте приняли за таможенника и зарезали. Здесь вы можете сменить одежду, а потом отправитесь в холмы.

- Зачем в холмы? - восторженно воскликнула Кэтриона. - Разве миссис Макки и ребенок не в долине?
- Девушка, милая, - Дэвид с извиняющимся видом потер свой длинный нос, - до встречи с вами мы проделали немалый путь. Мы только что оттуда. Маргарет Макки уехала из своего дома прямо перед пожаром, но мы не знаем, куда она увезла ребенка. Одно я могу сказать точно - в долине Фаррар ее нет, мальчугана тоже.

Глава 13

Дождь лил как из ведра, но небо над горами уже посветлело. Доминик наблюдал, как над блестящими мокрыми вершинами высоко парит горный орел. В его душе что-то сдвинулось, и сердце сжала нестерпимая тоска. Он вспомнил слова Кэтрионы: «Это сладкое чувство всегда окрашено меланхолией. Кажется, что к тебе приплывает материнская колыбельная, которую ты слышала в полусне, будучи ребенком. Это сожаление о том, что уже свершилось, но никогда не сможет целиком заполнить твоё сердце».

Несмотря на недавний ливень, его ногам, одетым в толстые шерстяные носки, было тепло, мягкие кожаные башмаки одинаково хорошо впускали и выпускали воду; голова под кожаной шляпой оставалась сухой, как и выстиранный и отутюженный пиджак, под которым была свежая рубашка. Плед, обернутый вокруг плеч, хорошо защищал от дождя и солнца, а брюки сменил килт густого синего цвета с зелено-коричневыми проблесками. На этом ярком фоне резко выделялись две полосы - белая и красная. Новый костюм создавал ощущение комфорта, коим Доминик был обязан заботливой женщине, родившей пятерых замечательных мужчин.

Когда туман рассеялся, братья отвели их с Кэтрионой в дом своей матери. Торфяной коттедж находился в небольшой долине, являвшейся лишь небольшой частью необъятных владений Макнорринов. Поместье сохранилось в старых границах благодаря своему верному стражу - замку Дуначен, который отныне составлял часть наследства малолетнего Томаса Макноррина. У входа в жилище блеяли бараны, квохтали куры. Таким же набором звуков была для нее его английская речь - женщина понимала только по-гэльски, однако это не помешало ей радушно приветствовать его. Она держалась с учтивостью герцогини.

Доминик решил окунуться в озеро, чтобы смыть остатки болотной грязи, после чего миссис Фрезер отыскала килт и поднесла ему.

- Это килт ее мужа, - пояснила Кэтриона. - Она говорит, что для нее будет честью, если вы примете его.
- Разумеется, я заплачу, - поспешно сказал Доминик.
- Ни в коем случае! - запротестовала Кэтриона. - Берите! Как-нибудь потом найдете способ отблагодарить ее. Миссис Фрезер делает это с удовольствием. Алан сказал ей, что помнит вас по Испании: это правда, что он обязан вам жизнью?

Доминику не очень хотелось рассказывать о том давнем эпизоде.

- Да, правда.
- Типичная история, не так ли? Вы проявили героизм, а теперь стесняетесь упоминать об этом. Вы будете говорить о виски, о погоде - о чем угодно, только не о том, как спасали друга. Берите подарок, он от чистого сердца. У миссис Фрезер в Испании погибли два других сына.

Женщины покинули дом на время примерки. Маленькие козлята прыгали в углу загона, пока Алан Фрезер демонстрировал, как шотландские горцы носят свою одежду. Когда Доминик вышел показаться Кэтрионе, ожидавшей на солнышке, миссис Фрезер засмеялась и одобрительно кивнула, а потом произнесла что-то по-гэльски.

- Что она говорит? - спросил Доминик. Кэтриона слегка покраснела:

- Она сказала, что ваши ноги созданы для килта. Миссис Фрезер улыбнулась и прибавила что-то еще. Кэтриона покраснела еще больше:

- Она говорит: «У него длинные сильные ноги, маленькие ягодицы, как две булочки - да будет ему известно! - и поджарый живот. На такой фигуре и килт будет сидеть по всем правилам».

- Значит, я не так уж скверно сложен для англичанина?

Алан Фрезер выглянул из-под притолоки.

- Вы запросто сойдете за одного из нас, майор, - засмеялся он, - пока не откроете рот и не произнесете слово по-английски.

Доминик прошелся перед небольшим торфяным домом и остановился, чувствуя настоящее удовлетворение - материя свободно облегла бедра и не стесняла движений. Он вдохнул поглубже, набирая в легкие чистый прозрачный воздух. Какое из земных благ ему следует отдать за это несказанное блаженство?

- Вашей матушке здесь хорошо живется? Может, ей что-то нужно, чего у вас нет?

Алан перебросился несколькими словами с миссис Фрезер и потом перевел ее ответ.

- Мама говорит, что ей ничего не нужно. У нее есть все для счастья, как у любой женщины в Шотландии.

Доминик оглянулся на скромную хибару с каменным полом и домоткаными половиками.

- Может быть, что-нибудь прислать из Англии?

Алан снова обратился к матери, но женщина, смеясь, покачала головой. Ее ответ по-гэльски звучал как стихи.

- Она говорит, что здесь есть благородный олень и косуля, заяц и белая куропатка, в реке резвятся форель и лосось, а в озере плавают щука и голец. В лесу много ягод, и у нее есть пчелы, козы, куры, а также сад. Здесь нет только соли и сахара, но мы привозим их из Инвернесса.

- Хорошо, я вышлю сахар, - сказал Доминик. - А чай? Она любит чай?

- О да, и это было бы очень любезно с вашей стороны, майор, - деликатно сказал Алан. - Но, по правде говоря, мама не требует ничего.

Не требует ничего. Ничего, пока у нее есть свой дом и семья.

Доминик в задумчивости наблюдал за парящим орлом. Люди не хотят ничего, потому что у них есть эти горные вершины, реки с лососем, рябины, роняющие осенью свои красные ягоды, и цветущие на свободе дикие розы. Ну и, конечно, песня - нескончаемый контрапункт, это

удивительное слияние человеческого голоса и щебета птиц, шума ветра в соснах. Шотландские женщины пели дома за работой, мужчины – в холмах, шагая за своими стадами. Музыка сопровождала шотландцев повсюду. Доминик помнил пронзительные звуки волынки, когда горцы шли в бой. Истощенные полки снова поднимались в атаку, едва трубы исторгали свой первый выдох. Вдохновенные родной мелодией, они были готовы сражаться до конца. И вот теперь ему открылось нечто, не поддающееся оценке обычными мерками. Эти люди платили деньги, чтобы в их деревни приезжали мастера танца, и находили счастье в поэзии, однако они не могли выбирать, как им жить. Помещики знать ничего не хотели об истинном богатстве их земли: отсюда и проистекало единственное требование, в выполнении которого действительно нуждалась миссис Фрезер, – безопасность ее дома, и это было как раз то, чего он не мог ей подарить.

Четыре дня они с Кэтрионой пытались отыскать следы Маргарет Макки. Пони оставались у миссис Фрезер, так как большинство здешних троп проще было одолеть пешком. Они исходили все холмы и долины, останавливались в каждой деревне и не переставали задавать вопросы. Ночевать им приходилось в амбарах, рабочих бараках и небольших пастушьих хибарах в горах, вблизи огромных летних пастбищ – и всюду их встречали радушие и гостеприимство. В шотландских семьях все старались помочь им добрыми советами, однако поиск так и не дал никаких результатов – миссис Макки с ребенком исчезли, будто растворились в тумане.

Хотя в гостях они с Кэтрионой всегда спали врозь, Доминик все эти четыре дня мечтал, что случай поможет им наконец предаться плотским утехам.

– Вы как-то сказали, что шотландцы не дорожат целомудрием, – заметил он сразу же, как только стало ясно, что им готовят отдельные постели.

Кэтриона быстро отвела глаза, как ребенок, уличенный в лукавстве.

– Все хорошо в разумных пределах. Я имела в виду только некоторое послабление для молодых людей: жених с невестой не всегда ждут свадьбы, если все уже решено, но открыто грешить в чужом доме – это совсем другое дело.

Черт подери, вот благородное самоограничение на все четыре дня!

В один из этих дней Доминик сидел среди небольшой россыпи валунов у водоема и наблюдал за Кэтрионой: ее синее платье было подоткнуто за пояс, чтобы не намок подол; из-под него выглядывали ее обнаженные голени, сильные, с тонкими лодыжками.

Тело Доминика медленно шевельнулось; он сделал глубокий вдох и отвел взгляд. Соблазнить ее было довольно легко: он мог бы обернуть ее своим пледом и отнести под рябины у водопада, а там положил бы ее на мох в тихий уголок, прикрытый папоротником, и позволил ей вести себя сообразно ее желанию. Однако теперь он хотел от нее подарка большего, чем только ее тело. Вероятно, ему придется начинать все сызнова, но он был готов пойти и на это.

Доминик откинулся на спину и опустил голову на мох посреди похожих на звездочки крошечных цветов. Вся сознательную жизнь ему без труда удавалось пользоваться благосклонностью женщин: он знал, как их обольщать, как вводить в искушение их тело, но не умел за ними ухаживать. Единственное, чего он не умел, так это завоевывать женскую душу. Хотя бесчисленное множество женщин признавались, что дарят ему свои сердца, по природе он никогда не был их соискателем, даже в отношениях с Генриеттой.

– О чем вы думаете? – спросила Кэтриона, приблизившись к нему.

- О вас, разумеется.

Она опустила рядом; лучи солнца скользили по ее темным волосам, отбрасывающим тени на прозрачную кожу щеки.

- О, я понимаю. Тот дракон, без которого наше путешествие не было бы столь пикантным, опять исторгает пламя! А кроме этого?

- Ну, еще о Генриетте. Скажите, а вы часто вспоминаете своих погибших возлюбленных?

Кровь ударила Кэтрионе в лицо; ее горящий взор устремился в голубые горы.

- Когда вы внезапно вышли в этой одежде, я сразу подумала о них. И о вас тоже. Англичанин, носящий килт, - это в некоем смысле пародия.

- Неужели я так комичен?

- Нет, не то. Вам трудно понять.

- Расскажите мне о них, Кэтриона. О мужчинах, за которых вы могли выйти замуж.

Она притянула колени к груди.

- Что об этом рассказывать... Оба были красивые и галантные. Я легко потеряла сердце, как это бывает в юности. Ян Грант был первым. Я едва помню его. Высокий шатен. Он не вернулся с войны, вот и все. Уильям Уркхарт был вторым.

- Он вернулся?

В ее глазах отразилось голубое небо.

- Вернулся, непонятно каким чудом. Только сила воли не позволила ему рассыпаться на куски. В него попало пушечное ядро, и он лишился левой ноги и руки. Плотник смастерил ему приспособление, с помощью которого он кое-как добрался домой, но после того путешествия Уильям не вернулся ко мне, а лег под водопадом и принял смерть. Там я его и нашла. Он не хотел, чтобы я видела его калекой, а вернулся обратно потому, что хотел умереть на родине.

Доминик посмотрел на возвышающиеся пики гор. Невероятно! По-видимому, для горца не существует места, которое он любил бы так же сильно, как свои холмы. А вот ему одинаково безразлично, где лечь и умереть - в Испании, в России или во Франции.

- Мне очень жаль! - Он склонил голову. Кэтриона взглянула на него и улыбнулась.

- Не надо сожалений. Я оплакивала его смерть, печалилась за его мать. Он мне нравился, однако у меня не было к нему настоящих чувств. Уильям жил в большом каменном доме и был вполне подходящей парой. Я бы вышла за него замуж и в таком случае осталась бы жить здесь. До сих пор я никому в этом не признавалась.

Доминик удивился ее честности. Способен ли он так же ясно взглянуть на свои чувства?

- Печальная история. У многих женщин в этой проклятой войне бессмысленно погибли мужья, сыновья, любимые. Я понимаю их скорбь, и меня удручает напрасная смерть.

- Удручает? Когда-то я впадала в уныние, думая о смерти.

- А сейчас? Вы не боитесь смерти?

- Почему я должна ее бояться?

Кэтриона смотрела на север, вглядываясь в пики, опоясывающие ложбины внизу. Сохранившийся в них зимний снег лежал как драпировка из белого льна.

- Напрасно многие думают, что смерть приходит к нам как чужак!

- А как же она приходит?

- Я думаю, смерть - наш постоянный компаньон; она всегда с нами, со дня нашего рождения. Смерть молча танцует рядом, подобно нашим теням. Мы принимаем их за свое отражение; на первый взгляд это так и есть. Но однажды, если мы присмотримся получше, то заметим, что наша тень несет на плече косу. Она всегда с нами, эта угрюмая дама с косой. Когда ты осознаешь, кто она, то внезапно начинаешь ее бояться, однако потом убеждаешься, что это все та же тень, с которой ты играешь, как ребенок, заставляя ее то сокращаться, то удлиняться в меняющихся лучах дневного света. Вот почему меня не пугает смерть. Я оставляю страх для других вещей.

- Скорее всего вы боитесь страданий и печали...

- Да, если угодно.

- Вам будет нелегко оказаться оторванной от этих мест, этих гор и всего, что вам дорого. Что же будет, если мы не сможем найти Эндрю или доказать его права?

- Тогда Глен-Рейлэк опустеет, люди будут изгнаны со своих земель и вынуждены на кораблях бежать в Канаду. Я поеду с ними, и это меня пугает, но я боюсь, что без этих гор мое сердце умрет: мне не хватит мужества встретиться лицом к лицу с новой жизнью. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что я достаточно честна с вами?

- Напротив, вы просто поразительно искренни.

- А что пугает вас, Доминик Уиндхэм? Ведь вы не боитесь умереть, не правда ли?

Умереть? Нет. Это его не страшило никогда. Зато теперь его пугала ее неистовая привязанность к этим местам. Он уже решил, что сможет увезти Кэтриону в Англию. Но почему не принять все как есть? Что, если посмотреть на это как на проходной эпизод, каких у него было так много? Почему не получить максимум удовольствия, пока есть такая возможность?

Нет, он стремился к той же честности, что и она, он хотел отблагодарить Кэтриону тем же подарком.

- Мы слишком легко говорим, что не боимся смерти, пока не сталкиваемся с ней на деле. Мужчины не обращают на нее внимания и отпускают в ее адрес мрачные шутки, а в момент реальной угрозы тело отчаянно хочет жить. - Он взял Кэтриону за руку. - Животный ужас, который тебя охватывает, как раз и помогает тебе уцелеть. Но есть вещи, которых я боюсь больше смерти.

- И что же это?

Кэтриона не отняла руку. Доминик посмотрел на ее кисть, сильную и гибкую.

- Замкнутое пространство. Я боюсь когда-нибудь снова оказаться запертым в подвале. Вы можете подумать, что это в некотором роде страх темноты. - Он засмеялся. - Нет, только замкнутой темноты. Это боязнь ограниченного пространства и никогда - темноты ночи. Так что теперь вы знаете мою слабость, Кэтриона Макноррин. Вы понимаете, какое оружие я дал вам против самого себя?

- И от этого страха вы взбираетесь на шпильки?

- Среди прочих причин. В тот раз нужно было еще и выигрывать пари. - Доминик вытянулся на траве, прислушиваясь к жужжанию пчел и приносимому ветром шепоту далекого моря. Он погладил ее пальцы, один за другим, ощущая их силу. - Мы - несчастные создания, Кэтриона, и вы, и я, но мы найдем ребенка и докажем его права на наследство.

Доминик наблюдал за ней, но не мог ничего прочесть на ее лице. Кэтриона все еще держалась за его руку, будто его пустые обещания могли принести пользу, а сам он мог восстановить и вернуть ей ее вселенную - светлую и невредимую, без угрожающего набега овец из южных долин. Вокруг было столько обмана, что у него все внутри переворачивалось. Разыскиваемый ими ребенок по сей день оставался для него не более чем именем. Маленький Эндрю был такой же химерой, как мертворожденное дитя.

Кэтриона вдруг повернула голову и отняла руку.

- Мы его не найдем, если няня сознательно его прячет. Нужно отправляться туда, где она сама сможет найти нас. Мы должны ехать в Глен-Рейлэк.

- Миссис Макки наверняка этого не сделает. Вы ведь тоже так думаете, верно? Тогда зачем ехать туда, где все под контролем Ратли?

На щеках у нее зажегся легкий румянец.

- Когда умер мой дядя, герцог оставил мне на год Дуначен с правом свободной аренды и помимо этого назначил содержание. В конце концов я кузина его внука и пока еще могу оставаться в замке как в своем собственном доме. Миссис Макки может отправить туда послание.

- Боже мой! - Доминик сел. - И после этого вы остаетесь приверженной своей идее? Предпочитаете прозябать в бедности, тогда как можете жить в Дуначене как леди?

Лицо ее сделалось сердитым, почти гневным.

- Вы думаете, я стану брать от него подачки, когда он собирается лишиться всех людей моего клана их жилищ?

В эту ночь миссис Фрезер снова дала им приют, и, разумеется, они опять спали порознь: Кэтриона осталась в доме вместе с хозяйкой, а Доминику постелили в амбаре. Братья уехали по своим делам, связанным то ли со скотом, то ли с продажей виски, как сказала миссис Фрезер, - по-видимому, в деталях она была не слишком информирована.

Женщины улеглись в постели, а Доминик лег на сеновале, завернувшись в плед. Он лежал уставившись на стропила, ощущая рядом теплое дыхание коз. Это была не та темнота, которой он боялся. Усилием воли он сознательно вернул себя к тем парижским дням, когда его

приковали цепями в погреб, вспомнил темноту и боль, а потом фейерверк света, бьющего в его расширившиеся глаза. Он не признавался никому, кроме Кэтрионы, какой страх он тогда пережил. В умозрительных рассуждениях смерть может показаться желанным другом, но намеренно причиняемая боль, ее ожидание и сознание собственной беспомощности перед ней плохо уживаются с философией.

Снаружи слышались какие-то звуки. Дверь распахнулась, и свет ударил ему в лицо. Мгновенно перевернувшись и выскочив из пучка лучей, Доминик бросился в проем к появившемуся мужчине и всем телом навалился ему на ноги. Тот упал, неловко раскинув руки; фонарь ударился об пол и погас.

- Майор! Это я, Алан Фрезер!

- Боже праведный! - Доминик подал Алану руку и помог ему встать на ноги. - Простите меня, дружище. Я уже наполовину уснул и плохо соображал.

- В таком случае я не хотел бы сражаться с вами, пока вы не проснулись. - Алан убрал потухший фонарь и зажег другой. - Вы нашли малыша?

Доминик покачал головой:

- Я уже начинаю думать, не приснился ли он мне. Охочусь за ребенком, которого никогда не видел.

- О нет, это не сон, но если тот мальчуган и вправду сын Сары и законный наследник Макноррина, вам следует поторопиться. У меня есть для вас малоприятные новости. Ратли уже отправил в Глен-Рейлэк предписание: туда назначен новый управляющий, и все жители лишаются аренды. Земля передается во владение пришельцам из южных долин.

- Выходит, изгнание уже началось? - отрывисто спросил Доминик.

- Нет, но оно начнется, как только прибудет управляющий. - Алан Фрезер посмотрел Доминику в лицо, и его голубые глаза потемнели от гнева и печали. - Я выясню его имя, майор. Я его достаточно хорошо запомнил.

- Проклятие! - Доминик сжал кулаки. - Человека, о котором вы говорите, я знаю. Нового управляющего Ратли зовут Джерроу Флетчер.

Алан кивнул:

- Значит, вы догадались. Что вы теперь собираетесь делать?

- Увезу Кэтриону в Инвернесс. Я не могу допустить, чтобы она видела, как он сожжет Глен-Рейлэк. Не говорите ей ничего, Алан, я прошу вас.

- Вы думаете, мы сможем уберечь ее от слухов? - Алан Фрезер недоверчиво поднял светлую бровь. - Тогда вы, наверное, лучше меня знаете, как обращаться с девушками!

- Как вы оцениваете ближайшую перспективу?

- Если люди не покинут Глен-Рейлэк по собственной воле, их принудят к этому. Джерроу Флетчер сделает это с наслаждением, хотя он не первый управляющий, кто собственноручно устраивает пожар. Но без него изгнание в любом случае не начнется.

- Значит, у нас еще есть немного времени.

- Я так думаю. У вас достаточно времени, чтобы поспать до конца ночи, а у меня - чтобы уехать с братьями.

Доминик проснулся от петушиного крика, вскочил и быстро зашагал к озеру. Он старался не думать о том, как отнесется к ужасному известию Кэтриона. В небе уже разлилась заря - в здешних краях рассветало очень рано, и в воздухе чувствовался легкий морозец. Густой иней лежал на траве как сахарная пудра. Бросив плед на траву, Доминик пошел вброд через темную воду, пока не скрылся с головой. Холодная вода обожгла ему кожу, а затем вытолкнула его на поверхность и распылила над ним радугу брызг. Снова прокричал петух, провозглашая начало дня, славя чистый воздух и горы. Это золотистое летнее утро существовало будто вне времени и пространства.

- Воображаю, каково здесь зимой, - вслух сказал Доминик, обращаясь к далеким вершинам. - Вероятно, довольно мрачно.

Ему показалось, что горы в ответ молча улыгнулись.

Он стал быстро грести к середине озера. «Помни! - говорил он себе. - Помни, кто ты! Все, что здесь происходит, - это лишь эпизод нереальной жизни, минутный шум на чужой сцене». Настоящая жизнь осталась в Лондоне, с его политическими клубами, театрами, научными собраниями.

Там распускались свежие ростки нового столетия, насыщающего мир вибрирующей энергией, в отличие от этих холмов, где царили покой и тишина. Но Доминик привык к большому городу, его толпе и суете - они стали частью его самого. С чего он решил, что влюблен в женщину, не желающую ничего, кроме этой земли? Зачем ему, черт побери, думать о чужом прошлом? И как можно жить в сельской глуши, подобно мошке, навечно замурованной в янтаре?

Он переплыл озеро и нагишом вышел из воды, а потом сел на камень и стал смотреть на возделанную часть долины, где стоял домик миссис Фрезер. Гурьба детишек побежала по дорожке и, задержавшись немного у крыльца, вспорхнула, как стайка воробьев, чтобы тут же помчаться к следующему фермерскому дому. Крошечные строения с жалкими пристройками, утопающие в зелени садов, издали казались цветными ракушками на дне зеленого моря. Кто бы мог подумать, что внутри этих хибар висели чистые занавески из ситца, прикрывающие полки с книгами! Кто бы предположил, что самым драгоценным подарком для пожилой леди была пара очков, позволяющих ей читать эти богатые коллекции!

Миссис Фрезер жила, довольствуясь тем, что Бог дал, она сама плела веревки и сбивала сливки в открытом ведре при помощи нехитрого приспособления. Доминик имел самое отдаленное представление о производстве молочных продуктов, но был уверен, что для получения масла теперь используется что-то более современное. В этом он не находил ничего удивительного - при неразвитой сети дорог девятнадцатый век только начинал проникать в шотландские горы. Если бы здешние фермеры внедрились у себя хоть часть новейших достижений, возможно, их земли не стали бы пускать под овечьи пастбища!

Господи, что за жестокие мысли! Доминик в отчаянии уронил голову на руки. Он влюбился в иностранку, но жить вместе с ней в чужом краю не мог так же, как она никогда не поехала бы в Англию. И все же хотя у них нет будущего, зато есть настоящее. Так почему по крайней мере не разделить его во всей полноте? Черт подери, зачем он выдумал эти ухаживания? Зачем, если заранее ясно, что она никогда не ответит тем же? Почему не дать ей то, что она хотела, -

опытного любовника, который способен доставить ей физическое удовольствие и комфорт? Распутнику не привыкать к расставаниям. Он оставит ее в покое, когда она перестанет нуждаться в нем.

Стук копыт донесся до него через гладь озера, и он поднял голову. То, что предстало его глазам, напоминало кукольное представление: женщина в синем платье вывела из сарая лошадь и, вскочив в седло, галопом поскакала в долину. Через минуту она исчезла из виду. Миссис Фрезер, стоя в дверях, некоторое время наблюдала за ней, прежде чем зайти обратно в дом.

Доминик нырнул в воду и поплыл, с каждым гребком все больше сознавая, что не сможет догнать ее, так как не знает дороги, а миссис Фрезер на своем гэльском наречии ничего не сможет ему объяснить.

Ему казалось, что его легкие вот-вот лопнут от напряжения; руки и ноги обжигало как огнем. Наконец он выскочил из воды и, обернувшись пледом, побежал к дому. Миссис Фрезер открыла дверь и улыбнулась ему, показывая на каминную полку – там стояла дымящаяся овсянка, которую женщина сохранила для него горячей.

- Куда она уехала? - выкрикнул Доминик.

Миссис Фрезер, покачав головой, издала мягкий звук наподобие тихого проникновенного пения, каким обычно успокаивают ребенка или дурачка. Конечно, она не могла понять английских слов, а криком делу не поможешь. Тогда Доминик наклонился, взял в ладони обе ее руки и поцеловал их.

Затем он выбежал из дома и помчался в долину – туда, где только недавно скрылись дети. В конце концов он настиг их. Они стояли вокруг пожилого человека в черном костюме. Мужчина поднял голову, и при виде обнаженного влажного тела, не прикрытого ничем, кроме пледа, в глазах его вспыхнуло удивление.

- Вы говорите по-английски? - забыв поздороваться, вскричал Доминик.

-И по-латыни, и по-французски, сэр, - вежливо ответил незнакомец. - Я учитель здешней школы. Чем могу помочь?

- Мне нужно переговорить с миссис Фрезер. Мог бы кто-нибудь перевести для нее несколько фраз? Это не терпит отлагательства!

Учитель потрепал по голове одного из своих учеников.

- Сходи с джентльменом, Джеми, и покажи ему, каков твой английский.

Мальчик лет десяти застенчиво улыбнулся и тут же послушно последовал за Домиником. Они побежали по дорожке к дому миссис Фрезер.

- Вы англичанин, сэр? - спросил Джеми.

- К сожалению, это так.

- Да, быть англичанином – это стыдно, - серьезно сказал мальчик. - Все знают, что наш народ лучше. Но, глядя на вас, я бы подумал, что вы горец.

Они прошли в дом, и Джеми перевел все, о чем спрашивал Доминик и что ему отвечала миссис Фрезер. Дети принесли свежие новости раньше, чем его известил Алан этой ночью: новый управляющий, англичанин Флетчер, накануне прибыл в Глен-Рейлэк, но встретил там решительный отпор. Собравшиеся женщины взяли под уздцы его лошадь, вытащили его самого из коляски, вывернули ему карманы и порвали предписание. После этого наместник был вынужден убраться восвояси несолоно хлебавши. Женщины смеялись ему вслед.

Однако Флетчер вернулся в тот же день, на этот раз уже с солдатами.

Доминик стоически заталкивал в себя кашу, слушая это повествование: за годы военных кампаний он хорошо усвоил простую истину насчет здорового тела и здорового духа и не хотел, чтобы его тело в критический момент подвело его.

- Зачем туда поехала мисс Макноррин? - угрюмо спросил он, проглатывая очередную ложку каши. - Чего она хочет этим добиться?

Джеми быстро пробормотал несколько фраз. Миссис Фрезер ответила по-гэльски, что было немедленно переведено Доминику.

- Она говорит, что женщины перегорядят мост и не пустят солдат в долину. Солдаты не станут нападать на женщин. Мисс Макноррин собирается поговорить с ними, потому что многие из тех женщин не владеют английским.

- А куда подевалась мужская часть населения? Перевод «туда-обратно» происходил утомительно медленно.

- Мужчины ушли в холмы вместе со стадами, - пояснил мальчик. - Флетчер сказал, что если увидит домашний скот на земле его хозяина, жители будут оштрафованы, а скот реквизирован - вот почему мужчины вынуждены прятать стада, пока все не прояснится. Но некоторые молодые парни переоделись в платья своих матерей и сестер и собираются присоединиться к женщинам. Это будет грандиозное зрелище.

«Закон на стороне помещиков. И церковь, и шерифы со своими констеблями тоже у них на службе», - вспомнил он слова Кэтрионы. Нет, это будет не грандиозное зрелище, а кровопролитие, если он не сумеет предотвратить ее выступление. Кэтриона, как застрельщица, будет в центре событий и, несомненно, станет объектом ярости Флетчера.

Доминик поблагодарил мальчика и миссис Фрезер, быстро оделся и оседлал пони.

- Ты, случайно, не знаешь, где сейчас может находиться Алан Фрезер? - спросил он мальчика.

Тот покачал головой, потом спросил миссис Фрезер, но женщина тоже ничем не могла помочь.

- Тогда, может, ты объяснишь мне, как проехать в Глен-Рейлэк?

- О, конечно! - Джеми кивнул. - Это совсем недалеко.

Через три часа езды Доминик изрядно растерялся - в этих бесконечных пространствах можно было легко заплутать. Однообразие торфяников нарушалось лишь небольшими пятнами озер; вдаль, сколько видел глаз, возвышались гряды гор - застывшие серые скалы, прочерченные снежными полосами. Слабый ветерок раздувал жидкие метелки болотной травы, но с трудом пробивался через скопление камышей в узких протоках. Ландшафт не менялся до самого горизонта, где плотной тучей двигалась отара овец, за которой по пятам бежали три

сторожевые собаки. Доминик развернул пони и поехал прямо к холмам.

Один пес посмотрел на него, когда он приблизился, затем сел и завилял хвостом, и тут же подъехал пастух, гнавший отару. Невысокий мужчина в матерчатой кепке уверенно сидел на косматом пони. Увидев Доминика, он остановился.

- Добрый день, сэр, - поздоровался Доминик.

- Вы англичанин? - Мужчина поскреб бороду. - Никогда бы не подумал! - В говоре его чувствовался характерный акцент жителя южных равнин.

- Я полагаю, мы оба здесь иностранцы, - усмехнулся Доминик. - А это под нами Глен-Рейлэк?

Пастух посмотрел вниз.

- Нет, Глен-Рейлэк дальше. Вон там.

Доминик проследил за движением его пальца в ту сторону, где лежала голубая долина. Дорога в низине вначале извивалась вдоль реки, затем вместе с ней разветвлялась надвое, разделяя территорию на две половины. Глен-Рейлэк, очевидно, располагался в той, что подальше. Когда Доминик взгляделся в туман, ему показалось, что он увидел красную вспышку и яркий блеск металла. И тут же он понял, что не ошибся - по дороге медленно двигалась колонна солдат.

- А что, - спросил он, - овцы могут побежать им наперерез?

- Если я прикажу собакам, побегут. - Пастух из южной долины сплюнул в вереск. - Но я не собираюсь этого делать.

- О, я думаю, сделаете, - возразил Доминик. - У меня в этом кармане пистолет, заряженный и на взводе. К тому же я очень хороший стрелок.

Мужчина презрительно сплюнул:

- А ну-ка?

Доминик, не задумываясь, вытащил пистолет.

- Не хотите заключить пари? Я расщеплю вон тот самый высокий камыш. Сейчас вы увидите классный выстрел. Ну, что скажете?

Пастух поморщился:

- Да я особо и не спорю!

Эхо выстрела как гром прокатилось над торфяниками: стебель распался, аккуратно рассеченный пополам.

- Ну вот, - сказал Доминик, - прямо сейчас вы дадите команду собакам, и пусть они гонят овец в долину. Если вы не сделаете этого, моя пуля разрежет вас, как тот камыш, от горла до мошонки. У меня нет желания видеть, как солдаты достигнут моста, - как вы, вероятно, заметили, я немного тронутый, а может, сильно контуженный. Я ведь когда-то был солдатом. - Доминик коснулся дулом груди мужчины. - Вообще-то я не против, чтобы вас вообще не стало.

Лицо пастуха позеленело:

- Вы и в самом деле тронутый! Просто сумасшедший!

- Наиправдивейшее утверждение! Ну, приступаем?

Пастух громко свистнул, и собаки мгновенно забежали вперед отары, направляя ее в сторону. Мужчина снова свистнул и направил пони вниз по склону; Доминик следовал за ним по пятам.

Белый поток с кручи потянулся к долине; привычные к путешествиям по крутизне пони ловко спускались по скалам, догоняя блеющих овец. Доминик весело засмеялся. Это напоминало ему верховую охоту с гончими. Одна из собак твякнула и оглянулась на своего хозяина.

- Так гони! - крикнул ей пастух. - У нас за спиной безумец с пистолетом!

Когда они спустились в долину, действие стало развиваться как по сценарию. Женщины с шальями на голове скучились на небольшом каменном мосту через один из рукавов реки; они стояли, сложив руки на груди, и пели по-гэльски, почти как на празднестве. В центре этой толпы мелькала непокрытая голова Кэтрионы. Солнце поблескивало в ее коротких черных кудрях, и вся она была похожа на синее пламя. Доминик не мог видеть ее лица, но представил, как соленые слезы сбегают по ее щекам, и у него защемило сердце. Это была Кэтриона, которая никогда не боялась смерти.

Правее моста походным маршем двигались солдаты с мушкетрами на плечах, красные мундиры выделялись на фоне зеленых холмов, как яркие грозди рябины среди листвы; скатки подпрыгивали на спинах в такт их чеканному шагу. Совсем еще мальчишки, несмышленные юнцы - такие не могут не подчиниться приказу, подумал Доминик. Они будут слишком сконфужены и выбиты из колеи, если позволят женщинам одолеть их.

За отрядом следовал один из помощников шерифа. Рядом с ним на высоком гнедом жеребце в аккуратном черном мундире скакал Джерроу Флетчер с группой констеблей. Заслышав топот приближающегося стада, все они стали недовольно оглядываться по сторонам.

Доминик скакал вслед за пастухом, держа в руке пистолет.

- Остановитесь здесь! - неожиданно приказал он своему спутнику.

Тот потянул узду, и пони сразу уперся в землю всеми четырьмя ногами. Теперь они находились на ровном участке скалы, скрытом за небольшой группой деревьев, поэтому Флетчер мог видеть только овец, но не пастухов, их сопровождающих.

- Пока мы останемся в этом прекрасном маленьком укрытии, - пояснил Доминик. - Отсюда вы должны заставить собак загнать овец на мост и перегородить проход, иначе...

Продолжать угрозу не потребовалось: руки пастуха уже и так заметно дрожали. Он попытался дать сигнал собакам, но свист не получился. Лавина овец вместе с бегущими за ними собаками приближалась к дороге. Через минуту они промчатся через мост и окажутся на другой стороне.

- У меня пересохло в горле, сэр! Я не могу свистеть!

Доминик швырнул пастуху бутылку лучшего солодового виски Алана Фрезера.

- Пейте и свистите, или это будет последнее, что вам отпущено пробовать из спиртного!

Лекарство помогло мгновенно, и пастух издал наконец громкий свист. Собаки замелькали среди овец, и отара встала перед мостом. Овцы хаотически двигались по кругу, а потом весь их поток двинулся к стоявшим в ожидании женщинам.

Кэтриона что-то прокричала и засмеялась, женщины засмеялись вместе с ней. Они сорвали с себя шали и принялись махать ими. Отара повернула назад. Собаки снова ее атаковали, загоня овец обратно на мост. Так продолжалось до тех пор, пока животные не сбились в плотную массу, застрявшую между двумя берегами; под ними несла свои бурные воды река. В результате пеший отряд не способен был перейти на другой берег вброд, а горстка всадников без сопровождения вряд ли рискнула бы въехать в долину.

Один из офицеров, сидя на лошади, попытался разогнать овец хлыстом, однако овцы сгрудились еще плотнее. Собаки сидели неподалеку от них и выжидали.

Пастух сделал еще глоток виски.

- Они не пристрелят моих собак, сэр?

- Хотите их спасти - слушайте меня, - сказал Доминик. - Пейте все, если хотите, - это хорошее лекарство от тревоги. А потом поезжайте вперед.

Сам он тихо прокрался за небольшой выступ скалы. Офицер, отъехав в сторону, совещался с Флетчером, солдаты, переминаясь с ноги на ногу, грелись на солнце.

Наконец офицер вернулся к отряду и отдал приказ. Один из солдат шагнул вперед, поднял мушкет и прицелился.

Доминик выскочил из-за скалы и вырвал бутылку из рук пастуха.

- Свисти немедленно! Ну же!

Пуля вылетела из ствола и со свистом пронеслась в воздухе, но собаки сорвались с места почти мгновенно, и она лишь вспорола почву, подняв струю пыли. Женщины слегка попятнулись, позволяя овцам двинуться на них. Долина огласилась неистовым блеянием, напоминающим крики болельщиков, приветствующих удачный бросок мяча.

Доминик схватил пастуха за ворот и потянул обратно в скалы.

- Эти парни не попали бы и в Наполеона, если бы его распластали, как орла на гумне для упражнений в стрельбе. Держите собак на безопасном расстоянии, но пусть овцы остаются на мосту. Вы будете давать свистки, а в промежутках продолжим перемещение. Я не желаю оказаться следующей мишенью, и вы, если не хотите рассекретить наше убежище, держитесь ближе ко мне.

Дальше все происходящее стало походить на спектакль. Собаки бегали туда-сюда, женщины выдерживали свою роль, а Доминик с пастухом передвигались между скалами. При этом пастух свистел собакам каждый раз с нового места. Солдаты начали ходить кругами и этим очень напоминали овец. Краснолицый офицер ездил взад-вперед, потев и ругаясь; лошадь под ним взмокла и уже не раз вставала на дыбы. Он послал несколько пар солдат в направлении последнего свистка, но, несомненно, боялся устроить более основательную облаву, чтобы не ослабить отряд. Если бы солдаты стали охотиться за пастухами по всему склону холма, дисциплина его подчиненных могла упасть окончательно.

- Дельный парень, - ухмыльнулся Доминик, наблюдая за офицером. - Давай, приятель, держи их вместе - все равно никакая армия не перехитрит шотландских горцев - тем более на их собственной территории.

- Но вы же англичанин! - с недоумением заметил пастух.

Доминик засмеялся.

Флетчер внезапно щелкнул хлыстом и, пустив галопом свою лошадь, вместе с группой офицеров поскакал прочь, а солдаты дружно повернулись, как на парадном плацу, и уже через секунду отряд отправился назад, оставляя позади Глен-Рейлэк.

Только окончательно убедившись в своей победе, Доминик обернулся к пастуху и миролюбиво сказал:

- Вы просто молодец! А теперь собирайте своих чертовых овец и уходите отсюда. Остатки виски - ваши, и вот вам немного золота за причиненное неудобство. Я добавлю еще, если вы пообещаете, что не расскажете об этом ни одной душе.

- О, я никому не скажу, - охотно пообещал пастух. - Я не хочу, чтобы меня считали полным идиотом! А вы, сэр, больше не будете кидаться на меня как сумасшедший?

- На вас - никогда! - Доминик дружески похлопал пастуха по плечу.

Дальше он поехал один, с трудом пробираясь между овцами, которые теперь гуртом устремились обратно к крутому склону.

Женщины начали расходиться, и лишь одна из них продолжала стоять сложив руки на груди, в ожидании, когда Доминик подъедет к ней.

- Вы упорны как неугомонная пчелка из молодого выводка, - сказала Кэтриона. - Здесь только что были красные мундиры короля Георга, но они ушли. Вы попали не на ту сторону. Не лучше ли вам, как офицеру его величества, отправиться вместе с ними?

Глава 14

Сердце ее до сих пор стучало как молот. Когда помощник шерифа выстроил у моста солдат с мушкетерами, она не на шутку испугалась. Сейчас ее страх еще больше возрос из-за сильной тревоги, связанной с новым секретом. Доминик Уиндхэм не должен ничего знать, даже если это грозит закончиться для нее полным крахом. Она пыталась отправить его домой, но он не слушался; однако теперь, если бы ей показалось, что он собирается уехать, она бы этого не вынесла. Чем разрешится это противоречие, она просто не представляла.

Доминик остановил пони и посмотрел вниз.

- Может, килт и прекрасен для ходьбы в холмах, - сказал он, легко соскакивая с седла, - но ездить верхом в таком одеянии сущее наказание. - Он закинул на плечо конец пледа. - Ребята в красных мундирах - это совсем не смешно. За каким дьяволом вам нужно было играть с солдатами короля Георга?

- Я не играю. - Кэтриона, казалось, ничуть не обиделась. - Правда, я позволила этим женщинам немного повеселиться, пока еще есть возможность.

- Флетчер вернется. В следующий раз он приведет кавалерию.

- Для этого нужно разрешение от генерального прокурора Шотландии. Он не позволит своим подданным напасть на нас, так что все отодвинется как минимум на неделю. К тому же они не станут воевать с женщинами.

Доминик круто повернулся; широкий плед веером закрутился вокруг него.

- Послушайте, Кэтриона, ради Бога, выкиньте из головы эту затею! Я хорошо знаю человека, с которым вы собираетесь воевать.

- Ну и что вы предлагаете?

Он оглянулся на долину, и на его скулах заиграли тугие желваки.

- Мы поедем в Инвернесс и будем добиваться отсрочки, пока не найдем Эндрю. С этого я хотел бы начать.

«Значит, он не собирается сдаваться, - с испугом заключила Кэтриона. - О Боже!» Страх холодными щупальцами обволок ее сердце, заставляя его выковывать бесконечные удары в груди.

- Но мы не можем доказать, кто отец ребенка. Глаза Доминика превратились в зеленый лед.

- Тогда возьмем их на пушку. Истинное лицо судебной практики - не факты, а обман. Найдем адвокатов - они каждый день оттачивают зубы на фальсификации. Сейчас же садимся на лошадей и едем в Инвернесс.

Кэтриона с досадой вздохнула - она с трудом сдерживала гнев. Можно только поражаться мужской самонадеянности! Однако она не могла не видеть, что Доминик настроен решительно и непременно сделает то, что задумал. Следовательно, у нее вообще не оставалось шансов на успех.

- Вы все время контролируете меня, говорите за меня, думаете за меня! Поезжайте в Инвернесс, а я остаюсь здесь.

- Маршировать с женщинами и воевать с фартуком в руках? - Доминик схватил ее за руки. - Кэтриона, это безумие. Порох в их мушкетах настоящий! Если вы не можете спасти людей, зачем рисковать их жизнями?

Она смотрела ему в глаза, выставляя против его гнева свой.

- Вы думаете, женщины в долине Макноррина не отстоят свои дома? Плохо же вы знаете шотландских горцев!

Зеленые глаза потемнели, как море в шторм.

- Кэтриона, опомнитесь! Я пытаюсь понять ваше упорство, пытаюсь ухаживать за вами...

И тут неожиданно она взорвалась:

- У меня нет времени ни для вас, ни для ваших ухаживаний! И не надо меня больше соблазнять. Возвращайтесь лучше поскорее к себе в Англию!

- Я бьюсь за ваше дело, - мрачно сказал Доминик, - и останусь с вами.

В отчаянии Кэтриона вырвалась из его рук, одновременно желая, чтобы он ушел и чтобы заключил ее в объятия.

- Отправляйтесь в Дуначен! - выкрикнула она. - Там вас накормят горячей пищей. Завтра у вас будет лошадь, и вы сможете уехать. Сегодня вечером в долине устраивают кейли.

- Кейли? Что это такое?

- Сбор. Вечеринка. Люди хотят отпраздновать изгнание Джерроу Флетчера. Вы думаете, мы повенчаны с печалью?

- Мы? Вряд ли это относится к Фрезерам и Александру Крисхольму, как и к любому другому, кто делил со мной кров и очаг на той неделе. - Доминик взглянул на высокие скалы. - Хорошо, что и вы не повенчаны с печалью, Кэтриона.

- Это мои дяди. - Кэтриона указала рукой на стену холла. - Ни того, ни другого уже нет на свете.

В просторном помещении главной башни замка Дуначен висели два портрета: с одного смотрел молодой человек, с другого - мальчик. Глаза мужчины были необыкновенно синими. Мальчик сидел на пони, и у него тоже были синие глаза, похожие на море. Сзади громоздился красный замок, тесня к краю поблескивающего Лох-Рейлэка складки холмов, с которых как змейки сползали три желоба, несущие в озеро свои воды.

Доминик оглянулся, и у него перехватило дыхание. Все произошло неожиданно. Он стоял, зачарованный синевой вспыхнувших глаз, белизной кожи и округлостью тела. Это была не хорошенькая кокетка, а женщина редкой красоты. Кэтриона надела вечернее платье из темно-голубого шелка, с высокой талией, подчеркивающей ее красивую грудь. Темные кудри были убраны со лба и схвачены сверху лентой такого же цвета, как и ее огромные глаза. Он никогда не видел ее ни в чем другом, кроме дурно сидящей одежды, которую обычно носят служанки. «Дома у меня есть платья для Инвернесса». Видимо, одно из них она надела к ужину. Для него? Желание шевельнулось как встрепенувшийся дракон.

У молодого человека, изображенного на картине, был красно-синий плед. Калем Макноррин тоже носил плед.

- Оба моих дяди, - сказала Кэтриона, - были очень красивые. Маленький мальчик вырос и стал мужем дочери Ратли, леди Мэри, а старший - владельцем имения. Он мог бы оставить кучу сыновей, чтобы было кому завещать Глен-Рейлэк, но, увы! Оба женились на англичанках, у которых в венах был жидкий чай вместо крови.

- Зря вы все валите на англичан - шотландские помещики сами отлучают своих людей от земли и родных домов.

- Таков английский закон. Он положил конец работорговле, однако принес и много плохого. - Кэтриона подошла к портрету женщины в розовом атласе с пышными юбками. - Моя прабабушка. Ей было двадцать два, когда красавчик принц Чарли поцеловал ей ручку. Тогда на стороне английской армии воевал каждый второй шотландец. Вероятно, в том и состоит наше вечное проклятие - мы никогда не умели объединяться против угрозы.

- Ваша бабушка поддерживала претендента на трон?

- Негласно. Она умерла, когда я была совсем маленькая, вскоре после того как не стало моей мамы.

Кэтриона помрачнела, и сразу она стала похожа на призрак из синего шелка, будто ее навсегда покинула надежда. Вспыхнувшее горе сделало ее как будто даже старше. Что случилось? Кто украл у нее уверенность? Или этот замок выкачал из нее все соки? В ее поведении оставалась какая-то недоговоренность. Доминику тут же захотелось вдохнуть жизнь в эту женщину, однако вместо этого он лишь произнес:

- И кто же вас воспитал?

Кэтриона откинула голову назад и посмотрела на него:

- Моя няня. Здесь нет ее портрета. В пору моего детства в доме не было женщин, кроме Магейд. Дядя долго носил траур по первой жене и не очень-то замечал меня.

- Но у вас был Калем?

- Боже, о чем вы говорите! Разве старший брат способен понять, что происходит в сердце его маленькой сестренки?

Редкий случай, когда она скорее всего была права. Доминик знал, как сильно она любила своего брата, но понимал ли он ее? Возможно, то была всего лишь снисходительность старшего к маленькой девчужке. Калем был блестящим офицером и хорошим другом, он вдохновенно рассказывал о своем доме, но никогда не упоминал о сестре. Доминик внезапно понял, что любовь Калема перепадала ей от случая к случаю.

- Вы как-то сказали, что брат научил вас бороться.

- Я и сейчас могу подтвердить это. Но Калем больше времени проводил с дядей, младшим братом покойного помещика. Ваш брат тоже намного старше вас. Вспомните, много ли вы играли вместе?

- Я и Джек? Нет! Но у меня были друзья - это все равно что другая семья.

- Какая семья, если у вас нет никаких корней! У вас нет ни кола ни двора! - В страстных словах Кэтрионы звучало страдание.

Это было похоже на признание.

- Вы были одиноки? - спросил Доминик.

- Одинока? Все шотландские горцы одиноки. Одиночество у нас в крови.

Она отвернулась, как олень, спасающийся от охотника, но тут же заставила себя засмеяться.

- Обед готов, а потом нас ждет вечеринка, - эти слова прозвучали почти весело.

Дуначен охватило всеобщее ликование. Все скрипки запели разом, дудки заиграли бодрые искрометные мелодии. На столах не было недостатка ни в прекрасной пище, ни в виски. Женщины в пышных платьях с серебряными пряжками, красными лентами в волосах, белых туфлях и хлопковых чулках пришли как на праздник и привели с собой детей; некоторые держали на руках младенцев. Повсюду мелькали яркие шали и красно-синие пледы. Хотя молодых мужчин было немного, вечер от этого не казался менее веселым. Старинная каменная

крепость наполнилась звонкими голосами, со всех сторон слышались смех и шутки. Люди пили, ели, вели дружеские разговоры, танцевали, и казалось, что все плохое в этот миг было забыто.

Доминик наблюдал, как танцует Кэтриона: все видимые признаки глубокого горя исчезли с ее лица. Потом он видел, как она дарит улыбки младенцам, беседовала с женщинами. Он смотрел, как она раздает людям свои ласки, и у него ныло сердце. Она была очаровательна в голубом шелке – ни одно из подаренных им платьев не могло сравниться с ее собственным нарядом. Насыщенный голубой цвет напоминал небо перед закатом: такие краски можно наблюдать над горами во время захода солнца, перед тем как появятся первые звезды; в середине лета они бывают только там, где никогда нет ночи, на Дальнем Севере.

Празднество затянулось, и уставшие дети начали зевать. Музыка звучала уже не так громко, танцы подходили к концу. Пожилой скрипач стал медленно выводить протяжную сольную мелодию, и люди рассаживались небольшими группами вдоль стен. Наконец какая-то женщина поднялась во весь рост. Наступило молчание. Женщина вышла в центр и запела.

Доминик не понимал гэльских слов, однако звуки чужого языка проникали ему в душу. Пению вторило эхо, такое же печальное, дразня и рассказывая о чем-то, чего этот лощеный англичанин не мог внятно назвать, что ушло от него однажды, казалось, навсегда. Он был сбит с толку и переполнен тоской – болезненной тоской заблудившегося в лесу ребенка. К своему стыду, Доминик вдруг почувствовал, как на его глазах проступают слезы. «В наших скандинавских стихах дикая природа, море да вереск...»

Кэтриона подошла и села за его спиной.

– Сейчас они установят очередь, – тихо шепнула она ему на ухо. – Каждый выступит с песней, рассказом или стихами; как гость вы тоже должны сделать это.

Доминик в замешательстве взглянул на нее:

– Я не умею петь.

– О нет! Любой, у кого есть душа, может петь.

В это время уже начали исполнять еще одну песню, потом кто-то рассказал забавную историю. Она так развеселила собравшихся, что следующая песня исполнялась уже хором. Однако вскоре зазвучали гэльские стихи, и многие женщины украдкой вздохнули. Младенцы, те, кто еще не уснул, прижались к груди своих матерей.

Доминик вопросительно взглянул на Кэтриону.

– Это Изабель Макноррин, – негромко сказала она. – Великая сказительница. Ей девяносто три года. Она обладает вторым зрением.

– Вторым зрением?

– Это такой дар. Способность предсказывать будущее. Она также сообщает нам о нашем прошлом и может говорить по-английски, когда захочет. – Кэтриона задержала ласковый взгляд на старой женщине. – Английскому ее выучил сын.

– Вот как? А о чем ее стихи?

– Это рассказ о начале мироздания, о том, что было до Адама, – пояснила Кэтриона. – Я

попробую перевести.

Ее дыхание касалось его уха, когда она вслед за Изабель начала повторять:

Я расскажу тебе о четырех великих городах первого клана неба
И о бессмертных людях, в них живущих.
На востоке – Гориас, город сверкающих алмазов;
На севере – Фабиас, спящий под своей единственной звездой;
На юге – Финиас, с высокими сверкающими башнями пред его полями;
На западе – Мюриас, город тайных садов у океана.

Доминик наклонился к ней. Слушая Кэтриону, он остро ощущал ее аромат и тепло, сознавая, что каждое переводимое слово несет особое, невысказанное послание.

Ты и я принадлежим к разным мирам,
У нас нет ничего общего.
Убирайся домой, взбалмошный глупец, оставь меня в покое.
И не дари мне своего сердца, сумасшедший человек, —
Мне оно не нужно!

Тем временем женщина продолжала:

В день, когда был сотворен Адам, вознесся великий вздох,
И дети неба бесследно исчезли, будто кружево на волнах.
Потом появилась Ева, и Адам послал ее посмотреть,
Что она сможет найти в большом мире.
Ева пошла в Гориас, нашла там пламя
И спрятала его в своем сердце.
Потом она пошла в Финиас и нашла там стрелу белой молнии.
Ева утаила ее в уме.
Ночью она пришла в Фабиас и нашла звезду в его садах.
Она схоронила ее во тьме, в своей утробе,
И пошла на запад, в Мюриас, где подобрала у берега океанскую волну.
Ее Ева утопила в своей крови.

Доминик чувствовал себя здесь посторонним. Если кто-то из этих людей смотрел на него, наверное, они видели в его глазах растерянность.

Снова услышав голос Кэтрионы, он прикрыл веки.

Вернувшись к Адаму, Ева отдала ему огонь Гориаса
И стрелу белой молнии из Финиаса.
Она рассказала ему о ночной звезде Фабиаса
И обещала разделить с ним ту звезду и ту темноту.
Но когда он спросил, что она нашла в Мюриасе,
Ева сказала, что не нашла ничего,
И Адам ей поверил.
Шло время, и соленая волна из крови Евы
Тайно проникала к их чадам;
Безумолчный прибой волновался в сердцах детей,
Делая их такими же неумными, как волна,
И обреченными на вечную тоску.

- Так, значит, она солгала ему? - прошептал Доминик. Дыхание Кэтрионы участилось.

- Женщины всегда лгут мужчинам. Кто сказал, что она должна была отдать ему все и ничего не оставить себе?

Голос Изабель смолк, и люди начали аплодировать.

- Теперь ваша очередь. - Кэтриона провела рукой по его плечу, оставляя на нем огненный след пальцев. - Если хотите, чтобы я пришла к вам сегодня ночью, вы сделаете это, - добавила она и подтолкнула его в центр круга.

Доминик содрогнулся, пытаясь подавить порыв вождления, но оно пробилось сквозь заслон воли и выдало его.

- Почему сегодня? - спросил он прерывающимся голосом. - Вы хотите, чтобы я развеял сжигающую вас тоску, нырнув в вашу бездонную глубину? - Доминик взглянул на нее и увидел жажду в ее глазах. Он был тронут ее отчаянным героизмом. Если можно прикосновением исцелить хоть часть ее глубокого горя, она должна получить ласку. - Если вы придете ко мне, я почту это за честь. - Он сделал несколько нерешительных шагов в центр круга, остановился и поклонился. Спиртное бурлило у него в желудке, торфяной вкус виски согрел рот, но в голове была пустота. Он не умел петь, не знал никаких историй и к тому же был сильно пьян.

- Не уверен, что... - запинаясь начал он. - Увы, я не говорю по-гэльски...

И вдруг на память ему пришли строки единственного стихотворения, которое он знал наизусть. Повернувшись к Кэтрионе, чтобы смотреть прямо ей в лицо, Доминик начал декламировать:

Она идет во всей красе —
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены,
Как солнце в утренней росе...

Это были стихи, написанные его другом, еще одним шотландцем - лордом Байроном.

Когда Доминик шел обратно к своему месту, позади него гремели аплодисменты. Только тут он понял, что прочитал оду целомудрию.

Отведенная Доминику комната находилась в одной из оружейных башен, из окна которой открывался такой чудесный вид, что просто дух захватывало: озеро, горы и бездонный синеватый бархат неба. Отражающиеся в темных водах звезды блестели как бриллианты.

Под ночь она пришла в Фабиас и нашла звезду в его садах.
Она схоронила ее во тьме, в своей утробе.

Он оставил горячей одну свечу. Мерцающее пламя бросало тени на мрачные своды. Обстановка - тяжелая темная мебель - не менялась здесь с шестнадцатого столетия. Танцующие блики перемещались по тыльной стороне его рук, лежащих на амбразуре окна. Доминик стоял неподвижно, прикрыв наготу наброшенным на плечи халатом, - любовник, ожидающий свою возлюбленную.

Боже милостивый! Неужели он настолько пьян? В голове его не было ясности, и он не мог найти нужные слова. Ему было ясно только одно - свирепый огонь желания уже не подавить.

Сегодня она придет к нему не в радости – она придет в печали, так честно ли играть на ее горе? А если ничего не делать? Будет ли это благородно с его стороны? Но как он может ей что-то сказать, когда его плоть уже вынесла свое решение?

Свет заколебался, и послышалось шуршание шелка. Кто-то мягко ступил в комнату и закрыл дверь.

– После нашего изнурительного и целомудренного путешествия в холмах, после многих дней благочестивого воздержания вы желаете вновь стать моей возлюбленной? – не оборачиваясь спросил он. – Именно в эту ночь, в этой башне над водой, заполненной звездами?

– Да, я хочу этого.

Он отвернулся от окна. Кэтриона стояла, прижав к бокам стиснутые кулаки, на щеках атели два ярких пятна, губы были белы. Он знал, что только отчаяние подвигло ее на риск, словно она догадывалась о его мыслях. Видимо, Кэтриона предполагала, что он может отказаться, не желая, чтобы его использовали как любовника, когда это надо ей.

– Я сильно пьян, дорогая, и если мы начнем, я уже не смогу остановиться.

– Если мы начнем, остановки не будет. – Голос ее уже не дрожал.

– Тогда с этого момента вы должны стать моей любовницей – такой же, как все другие.

– Как это понимать?

– Вы будете моей, когда мне захочется.

Она опустила глаза, вздохнула глубоко и посмотрела ему в лицо:

– Пока мы вместе, я никогда не откажу вам. Вы можете позвать меня – и я приду по вашему зову. Я ставлю единственное условие: когда мы расстанемся, обещайте, что не будете искать меня, не станете посылать за мной. Не будете снова морочить мне голову умными словами, как вы делали это в Эдинбурге. Согласны?

Доминик не ожидал от себя этого внезапного всплеска ярости:

– Ваше предложение нуждается в уточнении, иначе любую отлучку можно приравнять к расставанию! Так не пойдет! Давайте оговорим расстояние, или вы не сможете посещать интересующих вас лиц без меня!

– Сотня миль вас устроит? Если вы уедете более чем на сто миль от меня или я от вас, будем считать, что мы расстались.

Гнев и огорчение вспыхнули в нем с новой силой, и он уже не мог сдержаться:

– Тогда я не буду, как вы выражаетесь, снова морочить вам голову, так как отныне не позволю вам отдаляться от меня более чем на сотню миль. Таким образом мы никогда не разлучимся. Идите сюда и поцелуйте меня, Кэтриона, прежде чем мы забудем обо всем вокруг.

Она пришла в его объятия, и ее открытые губы встретились с его губами. Доминик мгновенно забыл обо всех ограничениях, ожегшись о ее губы. Он взялся обеими руками за голубой шелк и стянул платье с ее плеч, затем стряхнул свой халат и предстал перед ней обнаженный. Сильная пружина выпрыгнула и встала между ними, упираясь верхушкой в гладкую ткань

ночной рубашки. Это было непередаваемое ощущение.

Отринув все запреты, неспособный дольше на утонченные ласки, он целовал ее беспощадно и алчно. Она отвечала ему с тем же неистовством. Соленые слезы попадали ему в рот и делали его еще ненасытнее; пальцы упивались шелковистостью кожи ее шеи и плеч, но кружевная кромка сорочки оберегала тело от вездесущих рук. Взбешенный, он оторвал ее, и обнаженная грудь, как спелый плод, упала в его жаждущие ладони. О Боже! Как же она была очаровательна!

Он не помнил, как перенес ее в постель, как порвал на ней корсет, не сомневаясь, что должен овладеть ею полностью, без препятствий. Однако тихий голос предупреждал: «Кто из двоих станет связан навечно, если в этот раз не убережет себя? Чье сердце будет потеряно навсегда? И кто из двоих будет жалеть потом об этом безумном соглашении?»

Он слегка отодвинулся и посмотрел на нее; его мужская плоть неистово пульсировала, желание переполняло все его существо. Она лежала бледная на прохладных простынях в одних белых чулках. Только волосы и глаза, будто нарисованные, выделялись во тьме. Вид восставших сосков и темных волосков, упруго покрывающих лоно, еще сильнее распялял вспыхнувшее пламя. Доминик пробежал пальцами по ее обтянутым шелком ногам, изящным лодыжкам и коленям с ямочками.

- О, это то, о чем я говорил вам во время нашей первой встречи. - Он заметил, как неестественно звучит его голос. - Ваше обнаженное бедро - мягкое, сулящее уладу... Ваше тело, которое вы предоставите мне для моего удовольствия... Кэтриона, существуют мгновения страсти, за которыми происходит взрыв. Вы позволите мне ввести вас туда?

- Нет, на этот раз позвольте мне, - сказала она; в темноте ее глаза были подобны звездной ночи. - Позвольте мне узнать вас, как вы знаете меня.

Жар нарастал, пламя поднималось все выше и выше. Два тугих шарика вплотную подтянулись к его телу.

- Как вы собираетесь это сделать?

- Доверьтесь мне. - Она дотронулась одним пальцем до закругленной верхушки и ощутила ее легкое сотрясение. В ответ на ее прикосновение тотчас выступила росинка. - Вот так. Позвольте мне поцеловать вас там, как вы целовали меня. Вы так красивы. Вы прекрасны! Покажите мне, как женщина может доставить мужчине наивысшее удовольствие...

- Ваш рот... - Страсть била в нем ключом. - О Боже!

- Вы ведь хотите этого?

Он наклонился вперед и стал целовать ее, забирая обжигающим ртом ее язык. Она как одержимая неистово возвращала ему поцелуи, будто что-то заставляло ее цепляться за другую жизнь, в которой энергии было больше, чем у нее. Неведомый вампир высосал из нее всю кровь, и поэтому ей теперь требовалась подпитка.

Сердце Доминика чуть не разорвалось. Он чувствовал уколы сострадания, и все же не мог отказаться от того, что ему предлагалось. Ему предстояло обнаружить свою уязвимость, предстать перед ней с обнаженной душой.

Наконец он отнял губы и, проведя языком вдоль мочки, выдохнул Кэтрионе прямо в ухо:

- Мне будет приятно.

Она подтолкнула его к кровати и опустилась на колени. Он упал на спину и широко раскинул ноги, его мужская плоть смело выступила вперед, отдаваясь ее прикосновению. Кэтриона провела руками по его груди и животу. Она поглаживала их снова и снова, будто впервые увидела, как он прекрасен. Потом легонько поцеловала его в соски, вызывая в нем жар и дрожь. Желание моментально заставило его напрячься. Заметив эту резкую перемену, она сомкнула пальцы вокруг мощной пружины и робко поцеловала.

Он громко застонал, не в силах сдержать охвативший его восторг: скрытое пламя вырвалось наружу и заполонило все вокруг них. Доминик дотянулся до нее и, пройдясь по изгибам тела, погладил горячий лобок. Она продолжила свои ласки. Теперь он лежал неподвижно и сладострастно стонал.

- Я правильно делаю это? - прошептала она.

- Боже мой! Вы не можете ошибиться, даже если захотите!

- А что еще? - Она пробежала пальцами по двум шарикам. Это было ужасно щекотно. - Могу я сделать лучше?

- Языком, - сказал он. - Обведите под краешком. Да, вот так! Еще!

Он держал себя в жестких рамках, боясь переступить опасный рубеж, и как ни хотелось ему продлить экстаз, но наконец - пока не стало слишком поздно - он поднял ее и крепко поцеловал в губы.

- Ну, теперь мой черед.

Доминик отодвинул Кэтриону от себя и заглянул ей в лицо. Горе, иступленное, сводящее с ума, все еще горело в ее глазах.

- Возьмите меня, - сказала она. - Любым способом, каким вам нравится. Можете полностью меня уничтожить, теперь мне все равно.

- Это я уничтожен. Вы думаете, я не понимаю этого?

Он впился в нее языком и терзал до тех пор, пока она не вскрикнула. Тогда он опустился в бархатную темноту, в ту ночь, где прятала свою звезду Ева. Страсть забурлила еще сильнее, и гибкие руки снова обхватили его. Ее пальцы двигались у него по спине, ноги обвилились вокруг его поясницы. Кожа его, липкая от пота, сплавилась с ее телом, когда он раз за разом вторгался в мягкое гостеприимство лона.

Куда девались все его навыки и опыт, где техника, которой он учился у искусных шлюх? Не сегодня. Не сейчас. Он был свиреп и ненасытен, выкладываясь до предела в угоду ее неутолимой жажде. Это была борьба, и он вел себя как завоеватель, отчаявшийся покорить мир иным путем, презревший риск снискать проклятие. Ночь сражения подвигала его к грани безумия, иссушая душу и ум, подталкивая к пропасти такой страсти, какой он до сих пор не ведал.

К моменту приближения высшей точки Доминик был так изнурен, что едва успел выскочить из нее. Он уже почти потерял на это всякую надежду, к своему невероятному стыду и тревоге, так как, выбираясь из глубины, оказался не способен подавлять сверхмощные спазмы. И все-

таки он сумел справиться с ними. Она содрогнулась под ним, в столах и рыданиях, и ногти ее впились в него так сильно, что на коже выступила кровь. Он был подавлен полностью и окончательно.

В рамке окна виднелась единственная звезда, и его глаза остановились на ней. Он лежал, держа в объятиях свою возлюбленную, и не отпускал ее долго-долго, пока она не уснула как мертвая.

Доминик проснулся совершенно обессиленный и, зажмурившись от яркого солнца, не сразу обнаружил, что кровать пуста и дверь заперта. Он подергал ручку, но никто не откликнулся. Его взгляд скользнул по каменным стенам. Толстые – пушкой не прошибешь. Черт бы ее побрал, будь она неладна – попользовалась и заперла как узника!

Голой, он прошел к окну и выглянул. Стояло дивное летнее утро. Вдали узкими струйками, похожими на пальцы, медленно поднимались светлые клубы дыма, они смешивались с туманом и казались темно-голубыми на фоне лавандовых гор. Недалеко от этого места вздымался более плотный черный столб.

Еще один источник дыма находился за поворотом, где в долине приютился Ачнадрочейд – первое поселение Макноррина, в котором они с Кэтрионой побывали накануне.

Доминик опустил кулак на твердый камень рядом с окном. Знала ли она о катастрофе уже этой ночью, пока похищала душу из его тела, и если да, зачем утаила от него страшную правду? Или, пока он спал, она успела сбегать и узнать эту ужасающую, ожидаемую ею новость? Ей сказали: «Иди быстрее! Они подожгли Ачнадрочейд!» – и она убежала.

Доминик бросился к своей одежде – уже изрядно потрепанной рубахе и килту Фрезеров, громко выкрикивая замысловатые ругательства. Он вынул свой нож и, стащив с кровати простыни, начал методично резать их на полосы. Несомненно, Кэтриона знала, что он может это сделать. Тогда почему она не унесла постельное белье?

Через пару минут в руках у него была самодельная веревка. Он быстро привязал один конец к остову железной кровати, придвинул кровать к окну и втиснул в проем, после чего выбросил другой конец веревки в сад.

Шум долетал из Ачнадрочейда словно крик чаек с моря: громкие стенания женщин, пронзительный плач детей и надрывный лай собак заглушали друг друга. К этому многоголосию добавлялись зловещие звуки, от которых кровь стыла в жилах: удары дубинок обрушивались на мягкую беззащитную плоть матерей и детей. Мужчины по-прежнему оставались в холмах.

Среди тех, кто участвовал в столкновении, была Кэтриона – она заперла его спящего и ушла сражаться одна против отряда шерифа!

Доминик вскарабкался по склону и побежал вдоль обрыва над речкой. Наконец в поле его зрения показалась деревня. Женщины высыпали из домов и пытались заблокировать дорогу, как они делали это днем раньше; некоторые стояли сложив руки на груди, другие прижимали к себе детей. Деревня в полном составе встала на защиту своих домов. Но в этот раз солдаты без раздумий пошли в атаку. Женщины закрывали головы руками, загораживали телами своих детей, однако их, не щадя, избивали прикладами мушкетов, кулаками и сапогами.

Чудовищная жестокость! Доминик чувствовал, как желчь подступает к горлу. Он не впервые наблюдал подобные зверства: безмозглые порочные изверги, жаждущие крови, наказывали за

непослушание запуганных людей. То, что сейчас делали солдаты, являлось откровенным попранием закона.

Уже немолодая женщина осела под градом ударов; ее чистая белая косынка порвалась, и из-под нее вывалились пряди седых волос. Доминик узнал Дейрдру Фрезер – они встречались накануне вечером в Дуначене. Кованый сапог вдавился ей в грудь, другой ударил в висок. Женщина упала на землю.

Дети с плачем и криками бежали прочь от этой бойни. Мальчик лет десяти нес на закорках маленького братишку и тянул за руку младшую сестру. Девочка рыдала, ее мягкие открытые губы были похожи на розу. Мальчик со своей ношей спешил к ревущим водам Рейлэка.

Тем временем отряд разделился, и часть его двинулась по дворам. Солдаты переходили от дома к дому, и повсюду, где они прошли, пламя начинало трещать в вересковых крышах, а из окон и дверей валил густой дым. Некоторые женщины пытались вытаскивать мебель, но было уже слишком поздно: книги, сервизы из китайского фарфора, прекрасные шторы – все, чем люди пользовались в своей повседневной жизни, превратилось в пищу ревущего монстра.

Мейрид Макноррин – та, что флиртовала с Домиником на вечеринке, – перелезла с коровника на крышу своего дома. Она легла на кровлю и распластала руки подобно крыльям орла, парящего над кручей. Женщина, ходившая на восьмом месяце беременности, бросала вызов людям с факелами. Доминик, зная, что она немного понимает английский, крикнул издали, чтобы она слезла, но все было тщетно. В это время Флетчер, подъехав к дому, полоснул женщину длинным кнутом. Она соскользнула с крыши, и находившийся поблизости солдат стащил ее за лодыжку. Когда дом загорелся, Мейрид без сил опустилась на землю; согнувшись пополам над своим большим животом, задыхаясь и кашляя от дыма, она сидела у стены своего сада и рыдала.

Доминик понимал, что где-то здесь, в этой свалке, находилась Кэтриона и она тоже могла стать жертвой гнусного бесчинства; он помнил об этом с первой минуты, когда, спустившись с крутого берега, бежал по горящей деревне. Но первым делом он должен был спасти детей, которые, войдя в реку, держались вместе в пенящихся водах. Преодолевая встречное течение, Доминик добрался до старшего, забрал у него сестренку и закинул себе на шею, а мальчика зажал под мышкой. Малыш больно схватил Доминика за волосы своими маленькими пальчиками и прильнул к его шее. Доминик стал переходить вброд ледяную воду. Выйдя на берег, он отнес детей к полосе саженцев и усадил возле молодых сосен.

- Оставайся здесь, – сказал он старшему брату. – Ваша мать потом найдет вас.

- Они избили ее. – Мальчик рыдал, его лицо исказило страдание. – Они ударили ее в грудь, порвали платье и волокли за волосы. Она умерла.

- Нет-нет, не бойся. Солдаты могли ранить ее, но она будет жить. – Доминик присел на корточки и посмотрел мальчику в лицо. Слава Богу, что тот понимал английский. – Сейчас ты должен успокоить братишку и сестру. Никогда не теряй надежды, пока у тебя нет фактов.

Мальчик утер нос и притянул к себе плачущих ребятишек.

Доминик оставил детей и бросился обратно – туда, где бушевало пламя и вздымались тяжелые клубы дыма, где на каждом углу шла кровавая борьба и женщины бежали от своих преследователей, пытаясь укрыться между домами. Доминик на ходу раздавал удары солдатам направо и налево кулаками и рукояткой пистолета.

- Побойтесь Бога! - кричал он. - Вы воюете с женщинами!

Никто не реагировал ни на его призывы, ни на его присутствие. Доминик понимал, что стать на пути стада безмозглых баранов не умнее, чем пытаться отвести удар молнии, но у него просто не было другого выхода, и он помчался дальше, крича:

- Побойтесь Бога! Это же женщины! Они безоружны!

Обежав угол соседнего дома, Доминик увидел Флетчера: сидя на лошади и нещадно бранясь, тот засовывал в карман свой пистолет. Пуля прочертила бороздку вдоль улицы. Собака успела убежать, не пострадав. Слава Богу, что не женщина - не Кэтриона.

- Чертовы трусы! Прочь с дороги! - кричал Флетчер. - Оставьте свои дома! Вы все будете арестованы, если не подчинитесь! Закон на моей стороне.

- Нет у тебя никакого закона, Флетчер! - уверенно выкрикнул чей-то высокий голос. - Нет и быть не может! Чтоб дом твой рухнул и сам ты сгинул! Но не клинок пронзит тебя и не пуля. Тяжелые камни сдвинутся со своих мест и низвергнутся на твою голову. И каждый колокол зазвонит сам по себе, вынося тебе приговор. Будь ты проклят, Джерроу Флетчер!

Это вещала Изабель Макноррин. Все вокруг превратилось в остров молчания. Старая женщина стояла неподвижно, ее глаза, открытые и спокойные, будто видели что-то невидимое для других. Доминик ощутил невольную дрожь, услышав эти страшные пророчества.

- Ты сумасшедшая старая ведьма! - засмеялся Флетчер и повернул лошадь. - Плевал я на твоё проклятие. Я умру в своей постели и совсем не так скоро, как ты думаешь!

- Ты не умрешь в постели, Джерроу Флетчер! - снова крикнул пронзительный старческий голос. - И не лежать тебе в ней долго, и не спать спокойно! Проклятие висит над тобой. Могила твоя уже выкопана, однако не явился еще человек, который обозначит день и час. Но этот человек идет!

Изабель Макноррин повернулась и пошла прочь с прямой спиной, в белоснежной льняной панаме, сверкающей на седых волосах. Доминик смотрел вслед женщине, пока она не скрылась за густыми клубами дыма.

Продолжая искать Кэтриону, он забежал за угол коровника и понял, что оказался в ловушке. Стена коровника одновременно служила оградой небольшого загона для скота. С противоположной стороны находилась стена дома, а сзади естественной преградой служила обнажившаяся горная порода. Когда он повернулся, чтобы убежать, его увидели нагрянувшие со стороны дома солдаты.

- Смотрите-ка, кого мы поймали! - крикнул один из них. Доминик узнал акцент северной Англии.

Солдат важно прошествовал к Доминику с наведенным на него мушкетом и, обращаясь через плечо к своим товарищам, сказал:

- Похоже, это он бил наших. Где мистер Флетчер?

Доминик отбросил в сторону свой пистолет и принял боевую стойку.

- Итак, вы собираетесь стрелять в меня, сэр? - спокойно сказал он. - Совершенно

хладнокровно, в безоружного?

- Отдай нож, - сказал солдат. - Я знаю, все ваши парни носят ножи в стельках. Вытаскивай, и чтоб без баловства, не то я прошибу тебе дырку в башке.

Доминик вытащил нож и швырнул его на булыжники, затем отошел к стене и поднял руки, подумав, что если изобразить падение, можно поднять нож, который лежал в пределах досягаемости.

Солдат ухмыльнулся:

- Можете идти, ребята, он никуда не денется. Сейчас на него наденут кандалы - и в Инвернесс.

Когда остальные повернулись уходить, солдат сплюнул и оглянулся на Доминика:

- Ну что, вашим парням не нравится, когда их держат взаперти? Вдали от ваших драгоценных гор!

Где-то совсем близко зацокали копыта.

- Хорошо, хорошо! - ощерился Джерроу Флетчер из седла. - Отлично сработано, Смит. Закидывал крючок на мелкую рыбешку, а выудил кита!

- Мистер Флетчер... - Доминик закашлялся, так как ветер хлестнул черным дымом ему в лицо. - Вы не считаете, что это уже слишком даже для вас?

Флетчер подался вперед.

- Я выполняю свою работу, мистер Уиндхэм. Эти люди находятся на чужой территории, и они больше не владеют этой землей. Им были посланы уведомления освободить ее, как того требует закон. Если они не подчиняются, мы не виноваты, что приходится выгонять их силой. Мы вправе использовать необходимые средства. Они - преступники. Любой, кто будет оказывать сопротивление, может быть арестован. Смит правильно сказал насчет Инвернесса, но вы не будете сидеть вместе со всеми. У вас будет отдельное место, вам оно понравится. Я приготовил для вас черную дыру получше, чем городская тюрьма.

Черная дыра, разверзшиеся врата ада. Руки в цепях за спиной и непрерывное жестокое избиение, а в итоге - медленная смерть в темноте!

- Мне понравится, - сказал Доминик. Голос его был холоден и даже насмешлив, но под гладью спокойствия бились волны паники. - Вы лично будете избивать меня или, чтобы не пачкать руки, используете этого милого паренька из Ливерпуля?

Флетчер спрыгнул с лошади и вскинул пистолет.

- Вы так безразличны к своей судьбе, мистер Уиндхэм? Может быть, вы не верите мне и думаете, что у меня не наберется достаточно доказательств для вашего задержания? А если вам предъявят обвинение в убийстве?

Он поднял с булыжного пола пистолет и нож Доминика. Пистолет он положил к себе в карман, а когда Смит чуть посторонился, неожиданно всадил нож ему в грудь. Губы солдата задрожали; он выронил мушкет и, схватившись за торчащую в груди рукоятку, упал лицом вперед.

Доминик не двинулся с места.

- Вы, Доминик Уиндхэм, арестованы за убийство этого человека, – торжествующе сказал Флетчер. – Кроме того, вы уклонились от ареста в Ноттингеме, и вас ждет виселица.

Но вы не сразу задохнетесь в петле. Вам придется пережить некоторое количество неприятных и унижительных моментов, прежде чем я передам вас в руки правосудия.

- В этом я не сомневаюсь. – Отблески пламени танцевали на стволе пистолета. Доминик не удивился бы, если б Флетчер прямо сейчас выстрелил в него. Возможно, в колено или в пах, чтобы оставить калекой. Он поднял глаза на своего врага и улыбнулся: – Я не тороплюсь. Смерть через повешение еще никто не провозглашал достойным концом.

Глава 15

Кэтриона оттащила Дейрдру Фрезер с дороги, чтобы ее не зашибли лошади. Женщина громко стонала.

- Тише, – мягко сказала Кэтриона, – лежите и не тревожьтесь за своих малышей – они в безопасном месте.

Дейрдра с трудом открыла глаза.

- Не день, а истинное проклятие!

- Тсс! – улыбнулась ей Кэтриона. – Кругом солдаты, а вы шумите. Но ничего, им этот день выйдет боком. После такой работы все они придут домой без ног.

Женщина тоже улыбнулась в ответ и прикрыла глаза.

Кэтриона встала. Она знала, что Доминик здесь, видела, как мелькал его темный плед, как блестели его золотистые волосы, когда он следом за детьми вошел в поток, видела, как он вынес их из воды и усадил на берегу. Потом она украдкой наблюдала, как он бежал, подобно дервишу, через горящую деревню. Еще она видела, как прошлой ночью, обнаженный и беспомощный, он бился в тисках экстаза, как переносил ее вместе с собой в Тир-нан-Ог и как заставил забыть на минуту обо всех трудностях.

Но он был – о, сумасбродный глупец! – еще и солдатом, и ему нужно было воевать. Они могли убить его! У нее сжалось сердце от ужаса. Не просто так она радовалась вместе со всеми, что мужчины Макноррина сейчас находились в холмах: если б кто-то из них воспротивился закону, потакающему этому насилию, его уничтожили бы на месте.

Где-то прогремел выстрел, и мимо нее пронеслась собака Мейрид. О Боже! Доминик! Может, кто-то выпустил пулю из мушкета в его непокорное смелое сердце?

Она бросилась в ту сторону. Навстречу бежали женщины, некоторые из них были в крови, их фартуки, платья и скромные белые панамы были порваны и перепачканы землей. Те, кто мог, спешили перебраться через Рейлэк и уйти в холмы. Она задыхалась от едкого черного дыма, ее душили слезы. Сквозь рев пламени до нее донеслось: «Но не клинок пронзит тебя и не пуля. Тяжелые камни сдвинутся со своих мест и низвергнутся на твою голову. И каждый колокол зазвонит сам по себе, вынося тебе приговор! Будь ты проклят, Джерроу Флетчер!» Она узнала голос Изабель. Женщина произносила эти слова по-английски.

Кэтриона юркнула за тлеющий коровник и остановилась затаив дыхание. Если ее сейчас обнаружат, она будет арестована. Вряд ли ей удастся незаметно проникнуть в Дуначен, ведь дорогу контролируют солдаты. А здесь, в пылающей деревне, – Доминик, и его тоже могут поймать. Тогда он попадет в тюрьму, а это для него страшнее всего на свете.

Совсем рядом происходил какой-то разговор. Она вдруг услышала, как Джерроу Флетчер сказал что-то и как ему стал отвечать Доминик. Голос Доминика был спокоен, слова слетали с языка как крошечные осколки льда, падающие в горящий очаг.

«Не сомневаюсь. Я не тороплюсь. Смерть через повешение еще никто не провозглашал достойным концом».

Жив! Слезы брызнули фонтаном и обожгли ей щеки. Черт бы побрал этого человека вместе с его английскими замашками! Она повернула за угол и увидела Доминика – пружинистого, сильного, золотистого, как само солнце. Он смотрел в лицо своему врагу, отделенный от него телом мертвого солдата. Пистолет Флетчера медленно опустился.

- По крайней мере получите отсрочку от эшафота.

Кэтриона закричала что-то по-гэльски и, подобрав булыжник, бросила его во Флетчера. Тот повернулся, и камень угодил ему в висок. Флетчер упал как подкошенный. Оружие выстрелило, но этот выстрел только поцарапал камни у него за спиной.

Задыхаясь, она глотала горячие слезы, от которых в горле образовался сгусток. Перед глазами все плыло, и лицо Доминика никак не попадало в фокус.

- Уходите отсюда, глупый человек! Ну что вы замерли как лунатик! – Она согнулась и села возле стены, обхватив голову руками, боясь упасть от слабости. – Вам нужно уходить в холмы, иначе они арестуют вас и повесят как собаку.

- Это я должен увести вас, прежде чем вы попадете к ним в лапы, – услышала она мягкий, насмешливый голос возле своего уха. – Признайтесь лучше, какие адские слова вы кричали Флетчеру?

Она посмотрела в бездонную зелень его глаз и ответила:

- Колдовское проклятие: «Чтобы тебя пронзила боль!»

Доминик обеими руками поднял ее лицо, наклонился и, поцеловав в губы, обжег ее горячим пламенем. Потом он снова прислонился к стене:

- Изабель тоже его ругала и предсказала ему необычную смерть.

- Я слышала, – сказала Кэтриона. – Не сомневайся, оно сбудется.

- Я бы предпочел услышать, что его повесят за его преступления. – Доминик взял ее руку, и их пальцы переплелись. – Давайте поскорее уйдем от этого чертова места.

Они вместе пробежали мимо горящего коровника и, петляя между домами, скрылись под густыми кронами деревьев, среди желтого раkitника. Кэтриона отыскивала дорогу, увлекая Доминика все дальше в холмы, пока Ачнадрочейд не превратился в едва заметное пятно на горизонте.

Кэтриона задумчиво произнесла что-то по-гэльски. Доминик, лежа на спине подле нее, повернул голову.

- Ну вот опять! Мне и английский-то ваш понять непросто.

Она посмотрела отсутствующим взглядом и, спохватившись, пояснила:

- Это означает: «Доброе имя потерять легче, чем заслужить снова». Ведь это не вы закололи того солдата?

- Нет. Это сделал Флетчер. Только не думайте, что я не убил бы его, если б потребовалось.

- О, безумное создание! Нельзя этого делать!

- Хорошо, я бы не стал. Я бы убежал от рядового Смита, не лишая его жизни.

- Все равно теперь ваше имя будет обесчещено. Они оповестят весь Россшир, и за вами начнут охотиться. Вы боялись темницы, но это будет хуже, чем тюрьма. За убийство отправляют на эшафот.

- Тсс, - зашипел Доминик, пригибая ее к папоротнику. - Сюда скачут.

Кэтриона опустилась рядом с ним на хрустящие коричневые стебли, оставшиеся еще с прошлого года, прячась за вновь отросшими ветвями. Она лежала под молодыми зелеными листьями, сходящимися над головой, остро чувствуя рядом тепло его тела, вспоминая его вкус, запах и свои ощущения под звездами в башне Дуначена.

Стук копыт приближался. Сквозь изгибы густой поросли папоротника она видела черные ноги и коричневые животы лошадей, солдатские сапоги в железных стременах и сверкающую сталь шпор. Она прильнула к Доминику и затаила дыхание, пока всадники не проскакали мимо.

- Нам нужно где-то спрятаться на время, - прошептал Доминик.

- Следуйте за мной!

Не рискуя подняться, Кэтриона поползла на животе по папоротниковому ложу. Извиваясь и скользя, как змея, она добралась до берега какой-то речушки со склоненными над водой рябинами. В этих местах она знала каждое дерево и каждый камень. Здесь она играла ребенком, здесь однажды рассадил колено, и здесь Калем учил ее быстро вынимать нож и бесшумно ползать по-пластунски. Таким извилистым путем они попадали на лужайку возле реки, оставаясь под покровом деревьев невидимыми для тех, кто находился наверху.

Они шли вверх вдоль русла, мимо водопада и круч с внезапно падающими камнями, уходя от погони.

- Ну, вот, - сказала она наконец, - здесь можно спрятаться.

Доминик остановился и окинул взглядом усеянный цветами луг, оканчивавшийся входом в каменистую пещеру. Отверстие было загорожено дробом, и если бы Кэтриона не вывела их абсолютно точно, пещеру можно было и не заметить, зато от ее входа хорошо были видны и речушка, и луг, и выступающие за ними окутанные туманом скалы.

- Пещера Калема? - негромко спросил Доминик.

- Да. Входите.

Под ногами было сухо. Против одной из стен виднелись заросли папоротника. Кэтриона наклонилась и пригнула его рукой, прежде чем сесть. Расправив свои юбки над выпирающими стеблями, она устроилась поудобнее и обхватила колени ладонями.

Доминик остался возле входа и внимательно оглядывал окрестности. Солнце и скользящие облака бросали на него попеременно то свет, то тень, золотя его блестящие волосы и тут же пятная их ржавчиной. Он стоял высокий, в килте, покачивающемся вокруг тела, и при этом выглядел как заправский горец. Кэтрионе приходилось постоянно напоминать себе, что это англичанин, брат английского лорда, и что не нужно слишком упиваться этим гибким мужским телом и дотрагиваться до него.

- Почему горы наделены таким магическим свойством? - тихо спросил он.

- Я не знаю. Для нас, гэлов, существуют и другие магические места. Они находятся за теми дальними морями на западе.

- Магические, но не священные. Древнегреческие боги жили на Олимпе. Интересно, все боги с начала сотворения мира селились в горах?

- В те времена здесь не было богов.

Доминик, соглашаясь, кивнул.

- Только горы. Я законченный скептик, но, право же, эти места мне кажутся священными.

Облака побежали быстрее, подгоняемые холодным ветром. Где-то прогремел гром, словно небесный исполин прочищал горло.

- Так я прощена? - спросила Кэтриона и прикусила губу, запоздало подумав о том, что лучше бы эти слова остались произнесенными.

С грациозностью гимнаста он опустился на папоротник возле нее и заглянул ей в глаза.

- Прощены? За то, что подарили мне самую сладостную ночь в моей жизни? Или за то, что потом заперли в комнате, чтобы уберечь меня от смерти? Кэтриона, мы найдем Эндрю и избавим Глен-Рейлэк от Ратли и Флетчера, верьте мне.

Она отвернулась, чтобы он не мог прочесть отчаяние в ее глазах. Правда ворочалась внутри нее, просясь наружу, но она не могла этого допустить, не могла открыть ему то, что сама уже давно знала. Сохраняя тайну, она чувствовала себя виноватой. Все в ней кричало и требовало отпущения греха. Ей хотелось сказать Доминику: «Прости, прости меня, любовь моя, за то, что я использовала тебя. За то, что после этого я буду вынуждена отвергнуть тебя. Но если бы ты узнал правду, ты покинул бы меня тотчас же, а я нуждаюсь в тебе. Твое тепло спасает меня ото льда в сердце. Потерпи хотя бы еще немного, прежде чем мы расстанемся навсегда».

Она снова взглянула на него.

- Вы же видите, здесь мы не добыли никаких доказательств, зато теперь вы не можете ехать дальше. Вас объявят в розыск. Они снова обвинят вас в убийстве, и на этот раз Флетчер представит свидетелей.

Доминик сел и стал пристально смотреть через луг на колокольчики, танцующие под набегающим ветерком.

- У этих цветов невероятно тонкие стебли, - сказал он.

- Они сильнее, чем кажутся.

- Правда? - Зелень его глаз отсвечивала подобно обманчивой улыбке болотной трясины.

- Не надо, - сказала Кэтриона, вскакивая на ноги, - не смотрите на меня так. Я такая же женщина, как и все. Точно такая же, как ваши любовницы, с которыми вы наслаждались в Лондоне. Как все городские леди. Это просто преходящее влечение, зов тела. Ничего другого между нами нет и никогда не будет. И вы должны принять все как есть!

Он отвел глаза.

- Итак, вы возвращаете меня к нашей сделке? О Боже, а я, сумасшедший, хочу вас даже сейчас. Ужасно хочу, черт побери! Но что вы все время утаиваете от меня, Кэтриона?

Вина вспыхнула вновь, обжигая кожу.

- Зачем вы спрашиваете?

- Сам не знаю зачем, потому что уверен - ответа не будет. Кэтриона, если я сейчас поманю вас, вы придете ко мне в объятия?

Жжение распространилось вглубь, побежало огнем в крови, сплавляя чувство вины с вожделением. Она хотела, чтобы он наказал ее.

- Разве осталось еще куда-то пойти... после вчерашней ночи?

Ямочки заиграли у него на щеках, когда он вновь обратил на нее свой взор.

- Нам нужно исследовать другую сторону страсти, любимая. Я поведу вас туда, куда должен был повести той ночью, если бы у вас не было других забот.

Предательское тепло разлилось у нее между ног. Страсть зрела, как распускающийся цветок, готовый открыть перед ним свои лепестки.

- Я сдержу свое слово и не стану отказывать вам. Но то, куда вы хотите вести меня... это что-то из области греховного?

Доминик улыбнулся:

- Неужто мы позволяем себе что-то дурное, чтобы считать это греховным? - Он дотянулся до нее и поймал ее за руку. - Нет, любимая, я поведу вас в нежность. Я хочу подать вам помощь в трудные для вас минуты, и коль сердце мое преисполнено желанием, это никоим образом не будет данью нашей сделке, а только даром.

- Я не хочу никаких даров, - сказала Кэтриона, - и вам не стоит растрчивать на меня свое сердце.

- О, это уже и так давно произошло.

- И все-таки я беспокоюсь. - Она вырвала у него руку и углубилась в пещеру. - Зачем вам это нужно? Послушайте, я желаю просто быть вашей наложницей. Покажите, что для этого нужно делать!

Доминик вскочил и пошел за ней. Она ловко увернулась, желая рассердить его, чтобы он унизил ее и тем самым заставил заплатить за двуличие.

- Почему вы требуете этого?

- Вы - мужчина, о котором шушукается весь Лондон, мужчина, заставивший рыдать свою жену, вынудивший ее искать спасения у матери. - Распаляясь, Кэтриона продолжала дразнить его. - Мужчина, обученный альковному искусству изощренными российскими шлюхами. Генриетта боялась вас. Она с ужасом рассказывала мне в Эдинбурге, что вы вытворяли с ней в брачную ночь. Все было грязно и отвратительно. «Есть вещи, описывать которые слишком унижительно» - не ваши ли это слова? Я - ваша любовница! Учите меня! Покажите мне, что и как делать!

Доминик схватил ее и держал крепко, словно ребенка. Слезы катились по ее лицу, когда он прижимал ее к своей теплой груди, бормоча в ухо:

- Это были не мои слова. Так думала Генриетта.

Гнев и отчаяние ушли как вода в песок. Кэтриона прильнула к нему, позволяя слезам растворить все ее тревоги, заставляя понимать только, как она устала. Она была слишком слабой, чтобы продолжать бороться с ним, - силы ее настолько истощились, что она пала духом.

Когда она успокоилась, Доминик постелил свой толстый плед и уложил ее на пружинящее папоротниковое ложе. Нежно целуя, он осторожно раздел ее. Губы как пушинка легко прошлись по правой половине тела, от колена по внутренней поверхности бедра, животу и груди до уха. Неспособная выносить эти медленные танцы, она была давно готова к вторжению, и когда он скользнул внутрь, у нее вырвался вздох облегчения.

- Научите меня чему-нибудь еще, - прошептала она, упиваясь подарком нежности. - Чему-нибудь действительно новому.

- Почувствуйте меня. - Доминик лежал на ней тихо, не двигаясь. - Почувствуйте меня внутри себя.

Она сосредоточилась на ощущениях. Плоть, погружившаяся в нее, совершала легкие толчки синхронно с биением ее сердца.

- А! Я чувствую! Вы делаете это нарочно? Как вам удается?

- Очень просто. - Сдавленный смех раздался возле ее уха. - Практика.

- А я могу делать то же?

- Попробуйте.

Доминик по-прежнему не двигался, закрепившись над ней на своих сильных руках, пока она заставляла работать внутренние мышцы. Когда у нее вдруг получилось, спазмы последовали один за другим, сжимая его кольцом. Но сегодня он лучше владел собой. В этот раз было больше ласк.

Он резко нагнулся и поцеловал ее. Пока он медленно покачивался вперед-назад, она наловчилась захватывать его при каждом движении.

- Переведите, - прошептал он, когда она произнесла что-то по-гэльски.

Кэтриона открыла глаза.

- Я спросила: «Вам так нравится больше?»

Доминик снова расхохотался. Он трясся всем телом, и его смех передавался ей.

- Что касается этого дела, нет такой вещи, которая бы мне не нравилась! А теперь - тихо, обращайтесь внимание на нюансы. Давайте почувствуем себя настоящими любовниками.

На этот раз у нее все было иначе. Ощущения рождались медленно и плавно из той откровенности, из той глубокой прочувствованности, что сопровождала взаимный обмен ласками. В дарованной ей нежности ощущались деликатность и умудренность. Доминик был подобен солнцу, чье тепло утопало в ее теле, расплавляя его, смешиваясь с ним. Он разрушил ее защитную броню и проник глубоко в душу, растворяя ее страхи, превращая их в страсть, как тающий лед в ручейки. Конвульсии стали неукротимы и так глубоки, что у нее зазвенело в голове. Ей захотелось плакать; она обвила руками его гладкую мускулистую спину и не отпускала, крепко держа его в своем теле. Это был ее звездный час, последнее мгновение!

Молчаливый, сосредоточенный, он ждал, когда настанет желанное для нее расслабление. И тогда он выскочил, чтобы ненароком не сотворить ей дитя. Обвив ее руками, он вплотную притянул ее к себе и так держал. Она лежала притихшая, прислушиваясь, как бьется его сердце.

«Вы влюбитесь... - вспомнила она. - Ваше сердце будет разбито».

Увы и ах! Она уже влюбилась, а ее сердце было разбито давно! Но Доминик должен уехать в Англию - в противном случае Джерроу Флетчер увидит его в Инвернесе, на виселице, а еще прежде будет истязать его в темнице. Итак, он уедет, и тогда их будут разделять более ста миль, и для нее не останется ничего, кроме как сесть на корабль и плыть на запад. Судьба перенесет ее за океан, где не будет «Страны молодости», а останется лишь вдребезги разбившееся сердце.

Внезапный порыв ветра принес холод. Доминик сел и укутал ее своим пледом, чтобы посвежевший воздух не кусал ее обнаженную кожу. Температура в пещере резко падала, хотя снаружи по-прежнему голубело небо.

- Боже праведный, снег! - воскликнул он.

Окруженная теплом, она смотрела, как за входом в пещеру дрожит воздух и плывут белые хлопья. Крошечные снежные сугробы вбивались серебристыми клинышками между вереском и цветами.

- Снег не пролежит долго, - сказала она. - Земля еще не успела остыть.

Ветер неожиданно переменился, и взбудораженные хлопья начали покрывать колокольчики, пока каждый из голубых чепчиков не склонился к земле. Тонкие стебельки перегнулись пополам. Снег быстро таял, и в наполовину исчезнувших заносах блестели кристаллики льда.

Доминик поцеловал ее в макушку.

- Когда Калем однажды рассказал мне о таком снегопаде, я принял это за шутку.

- О, это не такое уж необычное явление в наших горах. Природа чувствует, когда цветы получают слишком много солнца, и тогда она насыляет на них снег и лед, чтобы спрятать их в кружевных покоех.

- Подобно старой даме, оберегающей свое лицо?

- Если хотите. - Кэтриона нежилась, тая от прикосновения его рук, пусть даже на очень короткое время защищающих ее от пустоты.

От снега на земле осталась лишь легкая наледь не более чем в четверть дюйма. Пока она медленно исчезала, каждый блестящий кристаллик мигал всеми цветами радуги. Колокольчики один за другим сбрасывали свое холодное бремя и расправлялись как пружинки. Наконец небо заблестело и засияло яркими красками. Через весь голубой свод, словно эхо драгоценных камней изо льда, перекинулась огромная волшебная арка.

- Радуга! - В голосе Доминика зазвучало благоговение. - Божье обещание надежды. Мне кажется, я мог бы полюбить эту землю. Вы слышите меня, Кэтриона?

Тревога прервала ее блаженство.

- Вы должны возвращаться в Англию. Поезжайте туда, где не будет опасности, не то вас арестуют, и вы исчезнете в неизвестности в каком-нибудь подполе.

- Вы отказываетесь от надежды? - вкрадчиво спросил Доминик, поддразнивая ее. - Может, нам навсегда остаться в этой пещере?

- Здесь тоже нет ничего вечного для нас. Я скоро покину эти горы и уеду в Канаду.

- Я могу поехать с вами.

- О, безумный человек! Те дикие места не для вас. Нет, нет, возвращайтесь скорее в Лондон, в ваши клубы, к вашим женщинам...

Доминик сидел рядом с ней, сильный, ничуть не боящийся холода, и прижимал ее к себе.

- Вы думаете, я навеки обручен с моей лондонской жизнью?

Он попал в самую точку. Другой правды не могло быть.

- Я представляю себе, что для вас значат образование, культура, политика и все, к чему вы привыкли. Вы - брат английского лорда, и вас привлекают все блага цивилизации, не так ли?

- Да, - честно признался он.

- Когда Макноррины будут вынуждены эмигрировать, им придется начинать все с нуля - осваивать дикие пастбища, заново создавать фермы и охранять их от индейцев. Ничего, кроме тяжелого труда, не ждет наших мужчин. Там не будет времени для поддержания культуры, даже своей собственной. Наши книги останутся здесь. Нам негде будет собраться для пения или чтения стихов. У нас не будет помещений для школ, и наши дети вырастут дикарями. А что вы знаете о земледелии, уходе за домашним скотом?

- Ничего. Но вам не нужно уезжать. Вы можете поехать со мной в Англию.

- А они пусть отправляются на новые земли без меня? Это будет предательством по отношению к моему клану, я не могу себе этого позволить.

- Я вас понимаю. - Доминик поднял ее руку и поцеловал. - Хорошо, не будем ничего обсуждать наперед. Давайте сейчас поцелуемся и попрощаемся.

- Что? Вы уже уезжаете?

Доминик загадочно улыбнулся:

- Меня сильно раздражает Джерроу Флетчер. Я хочу поехать в Инвернесс и заняться им.

Кэтриона вывернулась из его рук и посмотрела ему в лицо.

- Не смейте этого делать!

- Это необходимо, поверьте мне. Возвращайтесь в Дуначен - люди Ачнадрочейда сейчас нуждаются в помощи, и кроме того, вы должны быть там еще по одной причине: вдруг миссис Макки привезет туда Эндрю? Вам нужно устроить Изабель, самой принять ванну и переодеться. Если они придут и станут спрашивать вас, говорите, что вы не покидали башню, и ни в чем не сознавайтесь. Ведите себя как леди. Если вы будете держаться надменно - в конце концов дочь Ратли ваша тетя! - они от вас отстанут.

Кэтриона отвернулась, но тут же снова взглянула на него.

- Вам нельзя ехать в Инвернесс. Они обвинят вас в убийстве.

- Это меня не остановит. - Доминик встал и взял свои вещи.

Кэтриона схватила его за рукав.

- Не делайте этого, Доминик!

Зеленые глаза были неумолимы.

- Разве вы можете позволить Флетчеру истреблять по частям эти долины, потому что беспокоитесь за мою жизнь? Вы хотите увидеть, как завтра станут сжигать другие деревни, а Глен-Рейлэк выметут подчистую? К концу недели здесь может не остаться ни одного жителя, а я буду сидеть и прятаться!

- Нас выгонят в любом случае...

- Но еще не сегодня. Без Флетчера они не придут. - Доминик заключил ее в объятия, словно добиваясь этим ее согласия. - Ради Бога, поймите две важные вещи. Одно дело - герцог с его стремлением извлечь побольше прибыли, и совсем другое - Флетчер. Ратли мог распорядиться отдать Глен-Рейлэк в новую аренду под выпас овец, но вряд ли с такой головокружительной поспешностью и тем более с причинением таких серьезных разрушений. А вот Флетчер движим жадной мщеньем. Я могу задержать его в Инвернесе и оттянуть время для Макнорринов. К сожалению, это все, что сейчас удастся сделать.

- Вы пожертвуете собой напрасно! Если вас закроют в подвале, разве это спасет Глен-Рейлэк?

- Пусть сперва попробуют!

- Закроют, если поймают. Вам нельзя туда ехать – это слишком большой риск!

Доминик наклонился и поцеловал ее.

- Я везучий. Время, Кэтриона, только время может спасти вашу долину. У меня еще осталась одна монета на покупки!

Кэтриона вырвалась, ничего не видя сквозь слезы, не в состоянии выказать глубину своего отчаяния. Она задышалась от правды, которой он еще не знал.

- Раз так, поезжайте! Идите навстречу гибели, безумный глупец!

Доминик ничего не сказал в ответ. Он остановился у выхода и с минуту смотрел на Бен-Уайвис, возвышающийся далеко над горизонтом, а затем повернулся и, подмигнув ей напоследок, легко зашагал по склону в своем развевающемся килте, как настоящий шотландец. «У него длинные сильные ноги, маленькие ягодички, как две булочки – да будет ему известно! – и поджарый живот. На такой фигуре и килт будет сидеть по всем правилам!»

Да, в нем все было правильно... Но жребий велел им разлучиться. Видно, ей на роду было написано вечно следовать чувству долга. Она любила этого мужчину таким, каким он был, но никогда не забывала, кто он. Поэтому она не могла позволить ему уехать в необжитые места, где он бы только загубил себя. Если он расстанется со своими привычками, в нем будет накапливаться недовольство, и в конце концов этот человек возненавидит ее.

Доминик приехал в Инвернесс ночью. Чтобы не платить пошлину, он перешел Несс вброд и через спящий город прокрался в гостиницу. Незаметно вскарабкавшись на карниз, он проник в свою комнату и убедился, что его чемодан из Лондона уже доставлен. Что ж, отлично!

На завтрак Доминик заказал яичницу и силой заставил себя поесть. Несмотря на недавнюю браваду, он был далеко не уверен, что его не схватят и не бросят в темный погреб, где ему предстоит встреча с Флетчером. Обвинение, выдвинутое в Ноттингеме, могло всплыть снова; теперь к нему прибавится еще одно в связи со смертью солдата. Вероятно, кто-то уже обнаружил Флетчера, лежащего без сознания рядом с трупом Смита, и доложил властям – а какое заключение сделают стражи закона, можно не сомневаться!

Расклад получался не в его пользу: два обвинения в убийстве, последнее с настоящими свидетелями, плюс неважная репутация. В Лондоне его знают как распутника, не так давно видели пьяного и полуголого, осквернившего храм по легкомыслию. Если дело дойдет до суда, Флетчер, несомненно, все обернет в свою пользу, представив доказательства неумности и неуравновешенности характера обвиняемого. Потом – приговор и ожидание казни. О помиловании нечего и мечтать – кто захочет заступиться за грешника, погубившего свою невинную жену, а впоследствии заколовшего ножом ополченца? Убийство солдата, исполнявшего свои служебные обязанности, не будет иметь никаких оправданий, поэтому на снисхождение рассчитывать нечего.

В комнату постучали, и Доминик отпер дверь.

Алан Фрезер, войдя, стянул с головы синюю шляпу.

- Парень передал мне ваше послание. Вам повезло, что мы с ним не разминулись по дороге: мне в любом случае нужно было попасть в Инвернесс.

- Виски с вами, я надеюсь? Может, присядете? - Доминик показал на стул. - Вы завтракали?
- Завтракал, и я не останусь. - Алан полез во внутренний карман пиджака и достал бутылку. - Это вам. Отменная штука!

- О да! - Доминик улыбнулся: - И спасибо за вещи. - Он подал Алану узел с пожитками, ставшими ненужными после пробега по вереску. - Поблагодарите от меня вашу матушку за килт и плед. Правда, я боюсь, одежда вашего отца немного потеряла в качестве...

- Не страшно. Нет ничего, что нельзя было бы починить. - Алан похлопал Доминика по спине и засмеялся. - Ну что ж, переделаем вас обратно в... англичанина, хотя приятно было сознавать, что вы на некоторое время все же приобщились к нам.

Кэтриона помчалась в замок, оплот ее предков. Главная башня Дуначена выдержала не одну осаду и в 1463 году помогла Ду Макноррину выстоять в противоборстве с Фрезерами. Теперь никто из Макнорринов, кроме одного младенца, больше не имел права оставаться здесь. Как только все люди будут изгнаны, замок превратят в охотничий домик. Законный наследник, ее маленький кузен Томас, может быть, даже не станет здесь жить. Он будет воспитываться матерью и дедом как англичанин, и его шотландское поместье окажется не востребуемым. Со временем в опустевших долинах не услышишь ничего, кроме свиста ветра, и не встретишь никого, кроме осторожно крадущихся красных оленей да белых овец, которые займут место жителей.

И все же она не могла забыть безумного англичанина, облегчившего ее неотступное горе. Безусловно, он не должен отправляться в изгнание вместе с ней: ему следует вернуться в Англию, в то общество, к которому он принадлежит.

Но не окажется ли он прежде в тюрьме? Не посадит ли его Флетчер тайно в какую-нибудь темницу? О Боже! «Я боюсь когда-нибудь снова оказаться запертым в подвале. Вы можете подумать, что это в некотором роде страх темноты...»

В Дуначен привезли Дейрдру Фрезер и еще нескольких женщин - побитых и с переломами. У Дейдрды началась лихорадка, и она впала в забытие. Трое ее детей терпеливо ждали, когда она придет в себя, они сидели возле старой Изабель Макноррин, слушая ее рассказы и песни. Кэтриона отдала столовую для завтраков под детскую комнату, большой холл превратила в лазарет. Она сама ухаживала за Дейрдрой, боясь, что женщина не успеет поправиться. Предписание о выселении могло прийти в любой день. Жители других деревень тоже приняли часть беженцев из Ачнадочейда и продолжали заниматься своими делами, пока их самих не потревожили. Казалось, все шло своим чередом, но внутри каждого гнезился страх.

Страх. Он стал ее постоянным спутником. Она боялась Флетчера. Доминик сказал перед уходом: «Я могу задержать его в Инвернессе и оттянуть время для Макнорринов. К сожалению, сейчас это все, что можно сделать».

А она думала, он не герой! Храни его, Пресвятая Дева! Какую жертву приносит он сейчас ради чужих для него людей? Флетчер обещал доставить ему «некоторое количество неприятных и унижительных моментов», но это слишком мягко сказано. Наверняка он собирался предпринять что-то более страшное. Этот человек способен был выдумать самую дьявольскую пытку!

На следующий день Дейдрда открыла глаза. Увидев Кэтриону, она, улыбнувшись, спросила:

- Где Калем?

- Погиб под Ватерлоо год назад, и вы прекрасно это знаете.

- И то правда! - согласилась Дейрдра. - Это у меня в голове немного помутилось, но сейчас все встало на свои места.

Кэтриона теперь была свободна и могла отправиться за Домиником. Она оделась во все лучшее и села на прекрасную сильную лошадь с дамским седлом. В сопровождении небольшой свиты слуг она въехала в город как королева.

Сердце ее громко стучало, когда она вошла в гостиницу.

- Мне нужно видеть Доминика Уиндхэма. Майор был дружен с моим братом. В каком номере...

- О, вы не слышали? - прервал ее владелец. Она сжала хлыст в руках.

- Что? Уехал обратно в Англию?

- Только не он! Весь город только о нем и говорит. Два дня назад он вышел на свою утреннюю прогулку и увидел на улице вот такой плакат.

Мужчина кивнул на прилавок. Кэтриона развернула скатанный листок и прочитала. - Обвинение в убийстве? - сказала она, сама изумляясь тому, как спокойно звучит ее голос. - Майор переоделся в шотландского горца и заколол кинжалом солдата?

Хозяин ухмыльнулся:

- Майор был вне себя от ярости, когда увидел это объявление. Он сорвал его и помчался по городу собирать остальные, а потом отнес весь ворох прокурору и потребовал объяснений. Магистрат в полном составе собирается сегодня в городской тюрьме на слушания - майор сам настоял на этом! Это привлечет внимания не меньше, чем популярное шоу. Все горожане и туристы ринулись туда. Я думал, вы тоже приехали на представление.

- А когда начало?

Хозяин гостиницы посмотрел на часы.

- О, с минуты на минуту!

Чувствуя, что близка к безумию, Кэтриона выбежала из холла. Она помчалась обратно по Кастл-стрит к Маркет-кросс, небольшой площади с разрушенным распятием и Клачнакуддином, древним камнем, которому жители придавали мистическое значение. За ним виднелись мрачный приземистый остов и высокая пирамидальная крыша. Городская тюрьма находилась на углу Кирк-стрит и Бридж-стрит. Кэтриона содрогнулась при виде старинного здания, прикрытого сзади серией аркад. Стены внутри помещения, видимо, никогда не красились, судейские комнаты подолгу не убирались, а арестанты содержались в отвратительных условиях. Вместо двора для прогулок людей выводили в расположенную за камерами галерею из неотесанного камня.

Неужели Доминик будет помещен в одну из этих грязных клеток и погибнет в неизвестности?

Слушание проходило наверху. Толпа расступилась, и Кэтриона прошла вперед. В дальнем конце зала разместилось жюри. Офицеры военной полиции и члены магистрата занимали длинную скамью. Чувствовалось, что сидеть на ней очень неудобно. Государственный

обвинитель, представитель от королевства, озадаченно поглаживал свою длинную прокурорскую челюсть.

Перед комиссией широкими шагами расхаживал взад-вперед высокий мужчина. Это был Доминик. Кэтриона с изумлением уставилась на него.

Он был в ярком пиджаке прекрасного голубого сукна и экстравагантного покроя; накрахмаленные кончики воротничка его сорочки торчали вверх, белый шейный платок из плотной льняной ткани, весь в затейливых складках, топорщился под подбородком. Бледно-голубые брюки, видимо из трикотажной ткани, обрисовывали каждую мышцу на бедрах. Очень чистый цвет, но на редкость маркий – такую непрактичность мог позволить себе только лондонский денди, отметила Кэтриона.

Прическа его тоже изменилась: Доминик подкоротил волосы и, по-видимому, намазал их кремом, уложив завитушками возле ушей. Он был невероятно бледен, ни дать ни взять вылощенный фат, только что прибывший из Лондона.

Кэтриона испытала безудержную радость. Он жив! Он стоит здесь и ничуть не напуган!

– Вы должны согласиться, милорды, – говорил тем временем Доминик, подкрепляя слова выразительными жестами, – что обвинения этого человека абсурдны!

Флетчер с каменным лицом, ссутулив плечи, сидел на стуле сбоку от скамьи.

– Я спрашиваю вас, джентльмены, возможно ли это? – продолжал обвиняемый, четко расставляя акценты. С интонациями чистокровного англичанина, аристократа до последнего дюйма, он был невероятно хорош. – Зачем бы я, брат лорда Уиндраша, стал скитаться по задворкам в одеянии шотландского горца и убивать совершенно незнакомых мне людей? Не подумайте, что я не уважаю национальную одежду – я даже восхищаюсь ею, когда она надета на простых людях или на солдатах. Но неужели вы допускаете, что я мог надеть подобные вещи на себя? У меня великолепный гардероб, и он меня полностью устраивает. – В голосе Доминика прозвучали капризные нотки. – Поверьте, я слежу за своей внешностью и никогда не показался бы в неподобающем виде перед шотландцами, дабы не стать предметом насмешек. Такие дикие шутки могли прийти в голову только этому человеку. – Он показал на Флетчера.

Тот тяжело поднялся со стула.

– У меня есть дюжина свидетелей, и любой из них подтвердит, что видел вас в килте и гетрах. И вы были последним, кто оставался наедине со Смитом.

– Меня видели? – Доминик повернулся и наставил на Флетчера монокль на длинной ручке. Он держал его в руке, обтянутой перчаткой, всматриваясь через единственную линзу в лицо своего оппонента. – Если меня видели, тогда забирайте меня в тюрьму и собирайте суд! – Доминик демонстративно дернул плечами и снова повернулся к скамье: – Милорды, почему бы вам не опросить кого-нибудь из независимых свидетелей, слову которых можно доверять? Может, таковые найдутся среди присутствующих? В таком случае давайте их заслушаем.

Судебные исполнители, несомненно, и сами того желали. Офицер полиции окинул зал взглядом.

– Есть кто-нибудь, кто видел в холмах этого мужчину?

– Я. – Алан Фрезер в своем килте выступил вперед, высокий и горделивый. – И могу сказать

вам, милорды, когда я встретил этого человека, на нем были английские брюки. Он промок как цуцик и ужасно сокрушался по поводу своего вида.

- И вы дали ему килт, - сказал Флетчер. Он повернулся к членам магистрата: - Это его плед носил Уиндхэм. Возможно, этот мужчина дал ему и килт.

- О, тогда вы принимаете меня за очень щедрого человека, - немедленно возразил Алан. - У меня только один килт и один плед. И тот, и другой для собственных нужд. Если бы я отдал их этому англичанину, то предстал бы сейчас перед вами с голым задом. Представляю, какой скандал в этом случае вызвало бы мое появление среди благородных дам!

В зале раздался взрыв хохота.

Офицер полиции вытер пот со лба и обратился к Доминику:

- Вы можете нам поклясться, что не носили шотландской одежды на прошлой неделе?

- В самом деле не носил. - Доминик сложил монокль и, опустив его в карман, вновь продемонстрировал свое высочайшее артистическое дарование. Исследуя свой манжет и, очевидно, заметив на нем крошечную пылинку, он виртуозно стряхнул ее и со снисходительной улыбкой спросил офицера: - Неужели вы способны такое представить?

- Значит, вы не убивали солдата в Ачнадрочейде? - последовал вопрос от доверенного лица. Мужчина резко наклонился вперед и повторил: - Вы можете поклясться, что не убивали?

- Могу и готов это сделать прямо сейчас, сэр. Клянусь честью, я никого не убивал. Боже милостивый! Неужто все английские туристы встречают в Шотландии подобное обхождение? Если так, то я предсказываю, что ваши гостиницы и отели скоро могут понести большие убытки.

Кэтриона осталась очень довольна его ответом - она знала, что один из членов магистрата сам владел гостиницей. Флетчер недовольно запротестовал:

- Он не отвечает на...

Офицер жестом заставил его замолчать.

- Это не судебный процесс, мистер Флетчер! Майор Уиндхэм сам настоял на слушании. Вряд ли следует рассматривать это как действие виновного человека. Мы собрались здесь, чтобы обсудить переданное им заявление и выслушать его доводы. Если у вас есть неопровержимые доказательства, вы должны представить их доверенному лицу в соответствующей форме и в положенное время.

- У меня полно свидетелей, которые видели его в Ачнадрочейде! - вскричал Флетчер. - Я приведу их.

- Я полагаю, с меня достаточно ваших посулов, мистер Флетчер, - сказал Доминик. - Ведите ваших свидетелей, и пусть они поклянутся, что видели собственными глазами, как я ударил этого несчастного человека. Под присягой, сэр! Они честные солдаты. Посмотрим, как они поклянутся, когда мы встретимся лицом к лицу. Признают ли они во мне того свирепого шотландца, которого, по вашим словам, видели в Ачнадрочейде? Я думаю, нет!

- Они поклянутся! Поклянутся, черт побери!

Доминик поднял бровь.

- В самом деле? Как вы, однако, самоуверенны! Я уповаю на Бога, чтобы он отвел вас от подкупа. Сам Веллингтон осведомлен, что между нами была ссора, и если вы подговорите солдат, у меня будет прекрасное доказательство того, что вы сводите со мной личные счеты.

«О, это еще лучше, - снова обрадовалась Кэтриона. - Так держать!» В душе у нее появилась робкая надежда.

- У вас добрые отношения с его светлостью? - спросил один из членов магистрата с легким благоговением.

- Я льщу себя мыслью, что нас с ним связывает дружба, - высокомерно ответил Доминик.

Доверенное лицо и офицер полиции тихо посоветовались о чем-то.

- Я не считаю, - сказал первый, - что показаниям любого из свидетелей мистера Флетчера можно будет верить. Нам следует прислушаться к сообщению майора Уиндхэма - указанные им обстоятельства относительно возможной мести существенны для дела.

Флетчер вскочил.

- У меня есть достоверная улика! Это его нож, я же сказал вам!

Офицер постучал по столу.

- Если вы не сядете, мистер Флетчер, и не успокоитесь, мы удалим вас со слушаний! Нож, обнаруженный в теле рядового Смита, типичный «сгейн ду». Невероятно, чтобы такое оружие принадлежало английскому джентльмену.

Флетчер вытер рот носовым платком и упорно продолжал твердить свое:

- Хорошо, но есть еще незакрытое Ноттингемское дело. Уиндхэм разыскивается также в связи с убийством своего кучера. Выходит, то предписание на объявление в розыск и арест тоже сфабриковано? Что это - случайное совпадение?

Офицер вздохнул и посмотрел на Доминика.

- Что скажете, сэр? Вы действительно были в Шервуде в указанный день? И верно ли, что ваш кучер погиб там при подозрительных обстоятельствах?

Кэтриона проглотила тяжелый ком, вставший в горле. Доминик был в Шервуде, и кучер в самом деле погиб. Никто не поверил бы сказке о стремительно несущейся карете, ванне в ледяном озере... и о том, что случилось позже под холодными звездами, когда Доминик впервые обжег ее настоящим пламенем. Если он сейчас подтвердит что-то из той безумной ночи, не навредит ли он себе? Не поставит ли под сомнение вопрос о случайном совпадении? В Ноттингеме и здесь, в Инвернесе, оба раза его подозревают в убийстве. Сможет ли он при таком раскладе опровергнуть ложные обвинения?

До сей минуты он действительно лгал, но не более, чем Алан Фрезер, однако она точно знала, что дальше лгать он не станет. При соответствующей постановке вопроса Доминик будет вынужден отвечать прямо, и в конечном счете на него могут возложить вину за оба убийства. Тогда будет начат судебный процесс, но выиграть его не будет никакого шанса - поэтому

Доминик и решил с самого начала избрать иной путь. Только возбудив предварительное расследование, он мог выступать на данных слушаниях – правда, всего лишь несколько минут – в качестве истца, однако это таило в себе большой риск! Если все-таки в уме офицера возникнет хоть малейшее подозрение, обвинения будут предъявлены, и суд состоится. Тогда Флетчер снова представит свои доказательства и сможет увидеть Доминика повешенным.

- Ну так как, сэр? – настаивал офицер. – Выходит, негодяй, что внешне так похож на вас, точно таким же образом одурачил власти Ноттингема. Что вы можете на это сказать?

- О, дайте я скажу! – крикнул неожиданно объявившийся новый свидетель. – О каком числе идет речь?

Все головы повернулись на голос. Из конца зала вперед пробирався молодой человек. Кэтриона попыталась разглядеть его лицо и вдруг узнала его – он был в Лондоне, когда она впервые увидела Доминика возле церковной двери после рискованного восхождения на крышу.

Молодой человек кивнул Доминику и поклонился членам магистрата.

- Лорд Лекомб, к вашим услугам. Так случилось, что я знаю ответ на этот вопрос и добровольно готов поклясться, что буду говорить правду. В тот день майор Уиндхэм находился еще в Сент-Джеймсе. У меня была причина посетить его апартаменты по поводу одного пустякового дела – у нас с ним состоялось небольшое пари. Тогда-то я и обнаружил, что майор Уиндхэм болен. Лорд Стэнстед, сын герцога Ратли и особо близкий друг майора, подтвердит то же, как и любой другой в Лондоне может поручиться за достоверность моих слов. Я рад засвидетельствовать сей факт, в чем и клянусь своей честью!

- Вы действительно были больны в тот день? – Офицер выжидающе посмотрел на Доминика, который, снова достав свой монокль, преспокойно рассматривал картину на стене, изображавшую оленя в окружении диких скал.

- Замечательная работа, милорды, – небрежно обронил он. – Ах да, об этом деле... Насколько я помню, сперва у меня была весьма неприятная одышка. Потом я промерз чуть не до костей и трясся от холода, а еще позже произошло нечто невероятное – я ощущал, что в крови горит неиссякающий огонь – таков был мой бред.

Кэтриона едва не подавилась от смеха и спрятала лицо в ладонях, чтобы не выдать себя.

- Что за чушь! – Флетчер поморщился. – Это просто чепуха. Уиндхэм был в Ноттингеме уже на следующий день!

- Тогда, значит, я развил фантастическую скорость! Я мог разве что прилететь туда за столь короткое время.

- А что, на воздушном шаре это вполне возможно, – помявшись, сказал Флетчер.

В зале снова раздался хохот.

- Господи, это было бы замечательное приключение! – восторженно воскликнул Доминик.

- Джентльмены, я полагаю, мы попусту тратим время. – Офицер перегнулся вперед и сурово сказал Флетчеру: – Я уверен, вы намеренно провоцируете публичный интерес к себе, только и всего. Теперь вы не можете не согласиться, сэр, что случай совершенно ясный – в нем сыграла роль ошибочная идентификация. У лорда Лекомба нет никаких причин обманывать нас – я

лично знаком с ним и знаю его как безупречно, честного человека. Несомненно, и лорд Стэнстед его поддержал бы, находишь он здесь. Продолжайте искать вашего злодея в холмах всеми способами, и, когда найдете, мы поставим точку. А сейчас, я полагаю, мы должны отвести подозрения от майора Уиндхэма.

Флетчер затрясся от ярости. Он встал и, показывая пальцем на Доминика, сказал:

- Вы слушали только его и не давали мне говорить! Я не привел своего свидетеля и...

- Мистер Флетчер! - резко одернул его представитель власти со своего места. - Довольно! Своими уведомлениями о розыске вы причинили неудобство всему Инвернессу. Родной брат графа приезжает из Англии с визитом и повсюду встречает призывы к аресту! Давайте поскорее похороним это недоразумение.

- Я не согласен! - сказал Доминик. Он подошел к Флетчеру и с преувеличенной брезгливостью посмотрел на него с высоты своего роста. Благодаря столь выразительной мине вид его стал еще более грозным. - Мое доброе имя было публично опорочено. Я надеюсь, вы извинитесь, сэр?

Флетчер зарычал как бешеный пес.

- Не буду! Пусть лопнут мои глаза!

Доминик вздохнул и, медленно стянув свою белоснежную перчатку, с силой стегнул Флетчера по лицу.

- Тогда я требую удовлетворения и надеюсь, что ваши друзья соблаговолят связаться со мной в самое ближайшее время.

Глава 16

- Вы не хотите немного пройтись со мной, мисс Макноррин? - любезно спросил Доминик.

Кэтриона с отрешенным видом стояла в стороне. Он знал, что все это время она находилась в зале. Наблюдая за ней краешком глаза, Доминик видел, как она улыбнулась, когда поняла его замысел. Лицо ее засияло, будто отблеск солнца в чистой воде. Но под конец, при упоминании о поединке, от ликования ничего не осталось.

Толпа расступилась, чтобы пропустить Флетчера, который в бешенстве вылетел из зала; остальные тоже стали не спеша расходиться. Офицер потряс Доминику руку и выразил сожаление по поводу того, что Инвернесс доставил другу герцога Веллингтона досадное неудобство. Что касается поединка, то он тут же доверительно предупредил Доминика о возможных подводных камнях.

В шляпке Кэтрионы торчало орлиное перо; модный костюм для верховой езды красиво облегал ее грудь и мягко спадал ниже талии, переходя в элегантные складки шлейфа, подколотого у бедра. Она была прекрасна, великолепна, как валькирия, и своими ясными синими глазами напоминала предков-викингов.

Доминик снова церемонно обратился к ней, как будто это была их первая встреча.

- Я знал вашего брата, мадам, и рад познакомиться с вами.

Она взглянула на него глазами, сверкающими, как драгоценные камни.

- Это безумие! Зачем вам драться на дуэли, если вы не сумеете победить?

- Я должен. Независимо от исхода.

- Флетчер постарается убить вас, а вы его не сможете!

- Не смогу? - Доминик взял ее за локоть и вывел на улицу. - Вы так думаете?

- Не думаю, а знаю. Он умрет не от ножа и не от пули. Я слышала, что сказала Изабель.

На Кастл-стрит было многолюдно, и все взгляды обращались на них. Люди продолжали следить за ними, даже когда они направились к гостинице.

- Вы действительно верите в ее предсказания? Она еще говорила совершенно мистические вещи о низвергающихся камнях и колоколах, которые будто бы зазвонят сами по себе.

- Все так и будет, - подтвердила Кэтриона. - Она - ясновидящая, и это не обман.

- Вы имеете в виду проклятие и видения?

Доминик остановился на миг, предупредительно придерживая ее, чтобы дать дорогу проезжающему экипажу. Под ее упорством, видимо, пряталась ранимость, боязнь расслабиться, как будто потом ее ожидал полный упадок сил.

- О, я понимаю, - Кэтриона кивнула, - с подобными вещами не так легко согласиться. Отчасти я тоже их не принимаю. Но я точно знаю, что в Шотландии были случаи, когда такие пророчества сбывались. Флетчер не погибнет на дуэли.

- Тогда позвольте мне вас успокоить. Я не собираюсь убивать его, как бы сильно мне этого ни хотелось. Если я сделаю это, мне придется отвечать перед судом, и в конце концов меня действительно ожидает обвинение в убийстве. Офицер по-дружески предупредил меня - присяжные редко признают вину в убийстве, если дело касается защиты чести, но при определенных обстоятельствах они могут вынести суровый приговор. В данном случае, когда этим людям уже внушено, что я мог походя убить человека...

- Значит, я права? - Она заломила руки. - Тогда зачем же вы бросили ему вызов?

- Чтобы Флетчеру было о чем беспокоиться, - как ни в чем не бывало сообщил Доминик. - Это удержит его в городе, и какое-то время он не сможет вернуться в Глен-Рейлэк. К тому же теперь ему придется изрядно помучиться. Я устрою себе тренировку - буду у всех на глазах упражняться в фехтовании и стрельбе из пистолета.

Кэтриона встревоженно оглянулась.

- Так вы еще и не умеете всего этого?!

- Очень даже умею. - Доминик взял ее под руку. - Для того я и собираюсь практиковаться на публике, чтобы слухи о моей доблести распространились по городу. А что в долине?

- Разумеется, погорельцам приходится несладко. Что им теперь остается? Дейдра уже более или менее оправилась и вместе со своими малышами живет в Дуначене. Мейрид Макноррин уехала к сестре в соседнюю долину - правда, переезд оказался для нее слишком тяжел. Сейчас

у нее маленькая дочь, слишком маленькая, но уже красивая... Она родилась раньше времени.

Доминик пришел в ярость, его душила жгучая ненависть к Флетчеру. Он должен победить его на этой дуэли, но не убить. Однако если и остальная часть долины будет очищена таким же образом, едва появившееся на свет хрупкое существо не выживет. Поэтому он поклялся: если только этот ребенок умрет, Флетчер больше не увидит ни одного рассвета, даже если Доминик Уиндхэм после этого окажется на виселице.

Они обходили прохожих, вышедших на дневной моцион или за покупками, приближаясь к концу своей прогулки. Когда они вошли во двор гостиницы, она внезапно обернулась.

- Вы не должны рисковать своей жизнью на этой дуэли. Как мне убедить вас?

Доминик посмотрел на ее прямую спину, поднятый подбородок и сжатые губы. Ему так хотелось разглядеть их поцелуем!

- Поймите, Кэтриона, это позволит нам выиграть время...

- Все это бесполезно, - прерывающимся голосом сказала она.

О Боже! Если бы он мог в самом деле уберечь ее долину! Но и тогда для него там не будет места, равно как и в ее сердце!

- Положение далеко не безнадежно, - продолжал Доминик, пытаясь вдохнуть в нее уверенность. - Я не говорил вам о некоторых вещах, потому что не знал наверняка, что из этого получится. Мне удалось отправить во все концы послания для миссис Макки, так что, если няня в одном из горных селений, она отыщется. Я обратился также за помощью к Розмари. Думаю, леди Стэнстед проявит благосклонность к моим заботам. Может, миссис Макки послала весточку в «Души милосердия», кто знает... Думаю, мы скоро разыщем Эндрю, и тогда нам останется только доказать, что мальчик является...

- У меня уже есть достаточно доказательств того, кем он не является. - Она отвернулась. - Но мы все равно не сумеем спасти долину.

- Почему это не сумеем? - громко спросил Доминик, и некоторые прохожие повернули лица на звук. - На нас смотрят, - сказал он. - Давайте пройдем во двор.

Глаза Кэтрионы наполнились тревогой и странной неприязнью.

- Вы ничего не понимаете! - замотала она головой. - Я узнала об этом в Дуначене, когда уехала от вас. Мне рассказали, что у Сары никогда не было ребенка. После смерти ее привезли сюда, и женщины, которые перекладывали ее в гробу, обратили особое внимание на интимные части тела, потому что их волновал этот вопрос. Тогда-то и выяснилось, что все было неправдой, неверно с самого начала. Сара умерла девственницей и похоронена в церковном дворе рядом с моим дядей. У старого помещика не осталось наследника. Здесь нет никакой ошибки.

Волна потрясения распространялась медленно и долго, словно подводное землетрясение. Доминик тщетно пытался овладеть собой.

- Так кто же тогда мать Эндрю, черт возьми?

Соппротивление ее росло - это было видно по вскинутой голове и напрягшимся плечам.

- Я не знаю, но только это не Сара. Томас действительно законный наследник, и Глен-Рейлэк отойдет в его распоряжение.

Волны, нагоняя друг друга, прибивались к берегу.

- И вам было известно это, когда мы лежали рядом в пещере Калема, на вечеринке и днем раньше, во время стычки на мосту! Выходит, все это время мы занимались бесполезным делом? Тем не менее вы ничего не сказали мне, когда я приехал в Глен-Рейлэк.

Отведя взгляд в сторону, Кэтриона беспокойно пошевелила пальцами.

- Я задала вам ненужную работу. Вы помогли мне искать бумаги, которых не существовало в природе. Я втянула вас в дело, к которому вы были совершенно непричастны. Услышав, что есть ребенок, живущий в «Душах милосердия», я не могла знать чей он. Теперь мне известно, что предположения той женщины из Эдинбурга оказались ложными. Это не сын Генриетты и не сын Сары. Мы с вами охотились за фантомом - вопрос об отцовстве Эндрю для жителей долины потерял смысл.

- Но не потерял смысла для него самого!

Доминику вдруг почудился высокий детский голос, взывающий о помощи.

- Если мы найдем этого пропавшего малыша и никто не заявит на него права, я позабочусь о нем и обеспечу ему достойное будущее.

- Это ваш подарок, не так ли? Странная идея. Но если вы такой хороший, что же произошло с Генриеттой? Почему она ненавидела вас? В вашей душе нет ничего недостойного или жестокого, не правда ли? Вы так щедры. Леди Ривол, ваша подруга Франс, сказала, что вы добрый человек. Я думаю, ей можно верить.

- Вы должны верить мне во всем, - настойчиво произнес Доминик.

Он разволновался. По ее словам выходило, что племянник лорда Стэнстеда, маленький Томас, в самом деле законный наследник, и весь этот длинный путь пройден зря, а Глен-Рейлэк никогда не будет вызволен из-под контроля Ратли. Кэтриона уже все знала, когда они занимались любовными утехами в башне замка, но почему, черт подери, она носила это в себе? Неужели думала, что он покинет ее?

- Как вы смели не сказать мне на следующий же день, когда узнали? Почему не поделились со мной этой новостью?

Ответом было молчание.

- У вас талант перекрывать все краны и лишать меня воздуха! - Он схватил ее за плечи. - Вы прекрасно знаете, что я имею в виду, черт побери!

- Я действительно знаю. - Она стояла не двигаясь, и ему было дьявольски трудно отпустить ее. - Но вы ведь не в состоянии понять главного. Теперь уже незачем спасать долину. И вам все равно.

«И вам все равно». Проклятие! Гнев погас в нем, как бурун, откатившийся по песку назад, рассеявшийся в белых пузырьках.

- Нет, не все равно! Это ужасная трагедия.

- Нам остаются только корабли, - сказала Кэтриона. - Мы не испугаемся и уедем с достоинством. Макноррины заселят новый мир и покорят его, пусть даже их сердца будут разбиты. Наши дети вырастут, и у них появятся свои дети, которые станут считать ту страну своей настоящей родиной и забудут путь домой. Сменится еще несколько поколений, и тогда нашим потомкам уже не будет никакого дела до этих мест. Лишь одинокий ветер будет плакать над Бен-Уайвисом, и кроншнепы разнесут свой клич над пустыми долинами. Руины старых домов превратятся в кроличьи норы и обрастут иван-чаем, а отголоски этих событий не будут вспоминаться даже во снах. - Она устремила глаза к горизонту и добавила по-гэльски короткую фразу, которую тут же перевела: - «Я не вернусь никогда».

- Мне по-прежнему запрещено сопровождать вас?

- Вы англичанин и брат лорда - у вас есть обязательства перед своей страной. Что вам делать в этих диких краях - вы же не рабочий с фермы или лесоруб! Вы интересуетесь политикой, культурой, произведениями искусства. В горах нет галерей с картинами великих мастеров. У вас не будет даже библиотеки. Вы любите азартные игры, и этого вы тоже лишитесь. Вы не сможете так жить. Скажите, ведь я права!

- Перестаньте, ради Бога, вы заставляете меня оправдываться как дилетанта! Да, я не жил в деревне, у меня нет таких навыков, как у ваших людей, но я могу научиться. Я - солдат и достаточно вынослив, меня не пугает тяжелый труд.

- Конечно, - сказала она с еле уловимой усмешкой, - вы прекрасный сильный мужчина.

- И я люблю вас. Разве это ничего не значит?

- Хватит ли вашей любви для жизни на пустынной земле? Для вас это будет лишь еще одно приключение. Взгляните на себя! Представляете, какое впечатление вы произведете на индейцев, когда они увидят вас в этой одежде? Я не вернусь никогда, - снова произнесла она. - Никогда.

Господи, о чем она говорит! Как будто дело в его костюме! Разумеется, она не знает, что голубой пиджак и эти шикарные брюки специально надеты для того, чтобы вызвать нужный эффект. Но нет, ему ее не убедить! Тихий голос постоянно нашептывал ему советы, которые он не мог просто отбросить: «Она права! Если ты уедешь, неустроенность будет постоянно раздражать тебя и сердить ее. В конце концов это неизбежно разобьет ее сердце. Подумай, действительно ли для того, чтобы построить будущее, достаточно одной любви?»

- Кэтриона, послушайте, вы ведь тоже не созданы для сельской жизни! Воспитанная в замке, вы - леди Божьей милостью! Почему бы вам не поехать со мной в Англию?

- И бросить клан на произвол судьбы? Я этого не сделаю! Между нами все кончено - теперь вы знаете правду об Эндрю, и вам незачем здесь оставаться, как незачем драться на дуэли с Флетчером!

- Я должен отомстить за Изабель и Мейрид, - сказал Доминик. - И за Дейрдру. Думаю, шотландские горцы меня поймут - уж они-то знают, что такое возмездие.

Она была ослепительно хороша в своей ярости, неподдельной, жгучей:

- Неужели вы не понимаете, что он обманет вас? Никакой честной борьбы не будет, только

предательство! Вы не собираетесь убивать его. А он вас? О Дева Мария, это же верная смерть! Вы этого хотите?

Доминик усмехнулся и покачал головой.

- Я хочу снова предаваться любовным утехам, хочу, чтобы вы сняли с меня те одежды, что так оскорбляют вас. Медленно, каждую вещь по отдельности. Вы станете расстегивать мой пиджак и стягивать с меня эти чертовы брюки. А как только я останусь голым, я унесу вас в свою постель и буду неутомим, я не дам вам покоя, пока не воспламенится ваша кровь и легким не станет хватать воздуха! Пока вы не заплачете наконец и не оставите на минуту свои мысли. И тогда вы перестанете считать, что обречены.

Она была на пределе терпения, готовая взорваться как порох от вставленного запала.

- Никогда, никогда не пытайтесь соблазнять меня! Вы остаетесь потому, что хотите выкрасть ребенка! Вы собираетесь забрать Эндрю, потому что ваш собственный сын умер!

- Кэтриона, ради Бога, опомнитесь! Почему вы так настроены против меня?

- Потому, что это не ваша забота! Я сама дождусь Эндрю здесь. Что касается сделки, я не спорю: как было договорено, так и будет. Я не отрекаюсь от своих слов. Стоит вам поманить меня, как я сниму ваш пиджак и ваши брюки, позволю вашему нагому телу забрать мое, если это то, чего вы требуете; но вы не можете заставлять меня жить с вами открыто, как любовницу! Разве вы не понимаете, что меня здесь все знают?

Теперь она напоминала ему непробиваемую стену. Откуда такое неприятие, будто между ними ничего не было, будто они не дали ничего друг другу?

- Черт побери, Кэтриона, вы знаете, что я не сделаю этого и что вы не отвернете меня в сторону от моей цели. Отрицанием нашего обоюдного желания вы не заставите меня уйти. Скажите, у вас есть деньги? Как вы собираетесь платить за комнату?

- Что-нибудь придумаю.

- О Боже! Занимайте мою. Вот ключ. Ну, берите же, я найду себе другую.

Прежде чем повернуться и войти в гостиницу, она взяла у него ключ, и на ладони Доминика осталось ощущение от ее ледяных пальцев.

Сейчас она осталась в Инвернесе не из-за Эндрю, а из-за него. Она пыталась отговорить его от дуэли, потому что опасалась за его жизнь. Из какого же источника эта женщина черпала силы, чтобы их хватало на всех, и сколько безрадостных лет ждет его впереди, если она уедет? Но если он покинет свою страну, то автоматически откажется от своих гражданских обязанностей. Никогда прежде в его жизни долг и любовь не предъявляли к нему таких диаметрально противоположных требований.

- Бог мой, наконец-то! - услышал он за спиной знакомый голос. - Мне сказали, что я найду тебя здесь. Я слышал, ты нуждаешься в надежном секунданте?

Большого недоразумения просто не могло быть! Прежде чем Доминик сумел взять себя в руки, им овладело расстройство, близкое к помешательству. Он круто повернулся и увидел добродушную улыбку во все лицо, веснушки и хохолки, похожие на ястребиный пух. Лорд Стэнстед, сын и наследник герцога Ратли, только что вышел из экипажа и теперь стоял во

дворе гостиницы.

Усилием воли Доминик подавил гнев. Не сомневаясь, что лицо его не выражает ничего, кроме любезности, он протянул Стэнстеду руку.

- Я не знаю, какой дьявол сообщил тебе последние новости, но если ты будешь одним из моих секундантов, я это только приветствую. Так прекрасно, что мы встретились!

Улыбка Стэнстеда расплзлась еще шире.

- Как говорится, земля слухом полнится. Ах ты негодник этакий! Мне сказали, у тебя дуэль с каким-то Джерроу Флетчером? Здесь его не любят. Если ты отправишь его на тот свет, то, видимо, окажешь большую услугу Инвернессу.

- Я не буду отправлять его на тот свет, - возразил Доминик. - Пойдем в гостиницу, и я все тебе расскажу. Но сначала скажи, за каким лешим ты сюда примчался?

Стэнстед нахмурился, и веснушки на его лице сразу потемнели. - Я-то? - Он, явно смутившись, отвел взгляд. - Э-э... вскоре после твоего отъезда я подумал, не поехать ли тоже в Эдинбург, захотелось повидать Розмари, как ты догадываешься. В «Душах милосердия» я ее не нашел - там говорят, что моя жена уехала, а куда - не знают. Предположительно она отправилась на север.

- О Боже! - Доминик расхохотался, не в силах сдержать смех. - Ну что ты мямлишь, Стэнстед! Изображаешь благородство и терпимость? Говорил бы уж прямо! Ты думал, что Розмари со мной, так ведь?

- Да. - Стэнстед явно чувствовал себя неловко. - А разве нет?

- Я понятия не имею, где обретается твоя супруга, мой дорогой, но здесь ее точно нет. Вот почему тебе не придется драться со мной на своей собственной дуэли.

- Тогда я должен вознести хвалы Господу Богу! - Улыбка вернулась на свое место, но смущение по-прежнему оставалось заметным. - Друг мой, прости меня за вопрос, но ты никак напудрился и что ты сотворил со своими волосами?

Кэтрионе нужно было возвращаться в Глен-Рейлэк и готовиться к переселению, но она не могла уехать прямо сейчас. Если привезут Эндрю, она должна быть здесь, хотя этот несчастный ребенок, сам того не ведая, создал ей немало трудностей. Она рисовала себе его - младенца, подмененного эльфами, - таким, каким он запомнился ей с первой встречи в Эдинбурге. Чернобровый мальчуган бурлил эмоциями, даже слишком для такого крошечного тельца. Так чей же он сын? И почему его мать отказывается от него? Может, она умерла и его подобрали на улице? Есть ли у него кто-нибудь, кроме няни, в этом мире?

И вторая причина, мешавшая ее отъезду, была связана с Домиником. Похоже, он скорее готов был пасть от руки Флетчера, чем отказаться от своих намерений. Она не могла оставить этого ненормального англичанина, но и не могла жить с ним, делить с ним ложе.

Хотя все его вещи перенесли в другую комнату, запахи остались и доставляли ей немало мучений. Она тосковала по его острому уму, жаждала его силы и тепла его тела. Однако все это она уже отвергла, так как ни его забота, ни страсть не могли дать ей того, что она хотела.

Теперь он знал, что она обманула его. Каким-то образом ей удалось убедить его, что они не

могут отправляться вместе в изгнание. Конечно, возможность для встречи оставалась – для прощальной встречи любовников. В положенное время он навестит ее и, согласно известным правилам полусвета, оставит ей дорогой подарок – так искушенные английские джентльмены ублажали перед разлукой своих наложниц, цинично, но цивилизованно. Потом она сможет продать его подарок, чтобы оплатить себе проезд и купить что-то для новой жизни.

По условиям их соглашения она должна прийти к нему, если он попросит. Но вряд ли он это сделает. Итак, она оказалась одна, совсем как в вакууме, и все стало так же нереально, как сон, так же несбыточно, как фантастические истории о диких зверях, сбрасывающих шкуру, чтобы обратиться в человека и соблазнить красавицу. Такой зверь, будь то тюлень, медведь или бизон, как только с него соскальзывает мех, обретает мужскую красоту и может завлечь любую смертную девушку. Он ослепляет ее своей животной натурой и уносит в ночь. Но тот же тюлень, медведь или бизон всегда возвращается в море, лес или холмы и оставляет красавицу с израненной душой, тоскующей по короткому очарованию.

Кэтриона знала, что так же будет вечно томиться по утраченному волшебству. Ее раны не перестанут кровоточить до самой смерти, соки будут медленно выходить из нее, как из дерева с корой, пробитой рогами быка. Она увянет точно так же, как листья этого дерева.

«Ох уж эта смышленная малышка Кэтриона! У нее не будет много ошибок в жизни, но те, которые она совершит, окажутся очень большими».

И действительно, она совершила одну ошибку, которую ничем не возместить.

«Я стану неустанно соблазнять вас. Вы влюбитесь, и вам захочется сдаться. Ваше сердце будет разбито, я вам гарантирую».

И это сбылось тоже. Она влюбилась, и теперь сердце ее было разбито.

Утром, как и планировалось, состоялся первый урок фехтования. Тренировка проходила на небольшом пятачке за специальным рынком для крупного рогатого скота. Доминик, смеясь, поддразнивал Стэнстеда редкими выпадами, как лев, позевывающий до поры до времени, но постепенно броски его становились все резче, подтверждая присущую ему силу и мощь. Стэнстед сознательно подыгрывал своему другу – мало нападавал и, парируя удары, изображал усталость и одышку. В итоге получилось вполне добротное шоу, собравшее толпу болельщиков, которые им шумно аплодировали.

Днем Доминик купил пару дуэльных пистолетов и переключился на стрельбу. Кэтриона стояла в стороне и как истинная болельщица проникновенно шептала молитву, пока он с вдохновением предавался любимому занятию. Он вытягивал руку с оружием, и дуло пистолета, срастаясь в одно целое с сосредоточенным взглядом, посылало пулю в центр мишени.

К вечеру прибыли чопорные мужчины, секунданты Флетчера, чтобы условиться о приготовлениях, вместе с лордом Стэнстедом и Аланом Фрезером, представляющими сторону Доминика, они обсудили все детали. Поединок должен был состояться в среду на рассвете. Флетчер согласился с единственным требованием Доминика – о месте проведения дуэли, для этого предлагалось устье Мори, где у берега будет стоять лодка, чтобы победитель мог безопасно скрыться. За Флетчером остался выбор оружия. Он остановился на шпаге, и Доминик согласился.

Весь Инвернесс был в курсе предстоящих событий, и к назначенному утру каждый житель выучил наизусть проклятия и пророчества старой Изабель Макноррин: «Чтоб твой дом рухнул

и сам ты сгинул! Но не клинок пронзит тебя и не пуля. Тяжелые камни сдвинутся со своих мест и низвергнутся на твою голову. И каждый колокол зазвонит сам по себе, вынося тебе приговор. Будь ты проклят, Джерроу Флетчер! Могила твоя уже выкопана, однако не явился еще человек, который обозначит день и час. Но этот человек идет».

Кэтриона не знала, что означают последние слова, но она, как и большинство росширцев, верила, что Флетчер не умрет и даже не будет ранен во время этой дуэли. Поэтому, чувствуя себя непобедимым, он будет смело преследовать свою цель.

Все эти дни она жила в страхе и однажды проснулась от собственного крика. Ей приснилось, будто Доминик смертельно ранен и беспомощно лежит на земле, а Флетчер кончиком шпаги оставляет кровавые следы на его прекрасном теле. «Ты будешь умирать, как собака, – говорит Флетчер, – и просить у меня пощады, но ты ее никогда не получишь!»

В холодном поту она вылезла из постели, подошла к окну и уставилась невидящими глазами на Инвернесс. Она не замечала ни скопления крыш, ни остроконечного купола городской тюрьмы позади домов, ни бездумно взмывших в небо корабельных мачт за устьем реки, а только думала, думала... Когда-то она считала себя смелой и однажды даже решила, что сможет перехитрить англичанина. Дважды за ее короткую жизнь ей казалось, что она любит, и оба раза это завершилось смертью.

Древние суеверия предков проснулись в ее крови, снова напомнив о словах Изабель. «Но не клинок пронзит тебя и...» Если б можно было сейчас пойти к нему и признаться в своих страхах, объяснить, что этот яркий сон может оказаться не менее вещим, чем страшные пророчества. Но стоило ли ядом своих сомнений отравлять его уверенность? И не поможет ли это, напротив, свершиться тому, чего она больше всего боялась? Нет уж, лучше ей оставаться вдали от него – верный слову чести, он не станет требовать от нее выполнения их безумного договора.

Между тем, пока Доминик покорял город своим фехтовальным искусством, а Флетчер исходил злобой, Глен-Рейлэк никто не трогал, и это означало, что план Доминика сработал.

За это время они встретились только раз, случайно столкнулись лицом к лицу в коридоре, недалеко от ее комнаты. В первый момент Доминик остановился и отпрянул. Взгляд его сделался темным. Желание застучало, как бой барабана, и беззвучное эхо сотрясло воздух между ними.

– О Боже, мне уже впору требовать выполнения нашей сделки! – криво усмехнулся он. – Я весь заполнен жадой! Вы не представляете, как мне нелегко сдерживаться!

– Представляю, – проскрипела Кэтриона сквозь внезапное удушье. Лишь отчаянным усилием воли она заставила себя продолжить: – Обещайте мне, что вы откажетесь от этого поединка, и приходите ночью. Я встречу вас с радостью.

Он шарахнулся к стене, словно его отбросила неведомая сила.

– Я не торгую собой! Будь я проклят, если стану заниматься любовными делами под такое обещание, которое куда больше годится для чеканки монет.

– Это предложение выковано из яркого червонного золота и дорогого стоит. Для меня нет ничего более драгоценного!

Руки его протянулись к ней, уже не подчиняясь ему, длинные пальцы коснулись ее щеки.

- Я не маню вас на таких условиях, которых нет в соглашении, хотя страсть снедает нас обоих. - Он улыбнулся. - Мы с вами ужасно упрямая пара, не правда ли?

- Вы решительно не согласны отказаться от дуэли?

- Несмотря на Изабель и ее пророчества. Несмотря на все, что я знаю о Флетчере. Вы хотите, чтобы я, как трусливая собака, поджал хвост и побежал прятаться?

Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. От прикосновения кончиков его пальцев горела душа, пылали губы и плавилось тело.

- О, я не должна нарушать незыблемость ваших устоев, Доминик Уиндхэм. - Кэтриона вздохнула. - Из уважения к вашему слову чести я больше не буду убеждать вас. - Желание стало еще сильнее, делая ее слабее. - Приходите ко мне, если хотите. - Она потупила глаза. - Без всяких условий.

- Вы решили вконец разбить мое сердце? - Доминик провел указательным пальцем по уголку ее губ. - Условия всегда существуют. Я не смогу выполнить свои, пока не уничтожу этого подонка. Проклятие! Соблазн бьет меня по коленкам. Я не выдержу, если не уйду сейчас же. - Тут он круто повернулся и исчез в коридоре.

Кэтриона распахнула дверь в свою комнату и бессильно повалилась на кровать, а в голове ее мелькнуло: «Из всех атрибутов любовных игр отказ - самое худшее, что только может быть!»

- Черт бы его побрал! - недовольно ворчал Стэнстед. - Что за дурацкая экзотика! Кто в наше время дерется на шпагах?

Доминик посмотрел на него и засмеялся:

- Французы, мой друг.

Инвернесс погрузился в дремоту длинных сумерек. По набережной, по специальным дорожкам для прогулок, парами прохаживались леди. Над головами у них молча кружили чайки, словно призраки моряков, погребенных в пучине. Единственной парой, оказавшейся здесь случайно, были двое мужчин - они уже давно слонялись без всякой цели по улицам города. Сын герцога нес кожаный футляр с двумя дуэльными шпагами.

- Да, выбор необычный, - продолжал Доминик. - Зато легче ранить и меньше вероятности убить, если, конечно, не ставить такой задачи. Флетчер оттачивает свое мастерство с парижским маэстро, как я слышал. Хотел бы я взглянуть, каков он с клинком в руке. Впрочем, удаль его я уже видел.

- Видел? - Конопатое лицо запрокинулось вверх, когда над ними прокричала чайка. - И когда же?

Доминик отбросил отвратительные воспоминания и сказал:

- Это не важно.

Стэнстед не стал настаивать на своем вопросе, но через минуту он заговорил снова, и в голосе его было заметно напряжение:

- Послушай, Уиндхэм, я хотел сказать... словом, я понимаю, что у вас с Розмари...

- Твоя жена никогда не была моей любовницей, друг мой, поверь мне.
- Я верю! - Сын герцога покрылся румянцем. - Я этого и не предполагал. Прелюбодействовать с женой друга! Это просто невыносимо!
- Однако же по приезде ты так думал.
- Да, потому что она всегда хотела тебя. Даже тогда, когда позволила мне...
- Позволила - что, сэр? - уточнил Доминик.
- Ну, то, что предполагают брачные отношения. - Румянец на щеках Стэнстеда запылал еще беспощаднее. - Мы делали это достаточно часто, даже в Эдинбурге в то победное лето, когда ты тоже был там.

Слушать детали Доминик не хотел, однако сам факт его немало удивил.

- Скажите на милость, какой шустрый! Черт подери, оказывается, ты темная лошадка! А я-то думал...
- Я люблю ее. - Стэнстед печально вздохнул. - Думаю, и она рада бы полюбить меня, но ей мешают чувства к тебе. Это просто какая-то одержимость. Розмари не может ничего поделать с собой, вот почему я предположил, что она преследует тебя здесь. И еще я боялся, что ты можешь поддаться. Я знаю, ты не стал бы делать этого намеренно, но согласишься, такие вещи случаются, не правда ли?
- Стэнстед, ради Бога, похорони эту мысль навсегда! Розмари в самом деле очень страстная особа, к тому же она очаровательна и умна. Но я ей все равно не поддаюсь бы!

Они приближались к гостинице, где находилась Кэтриона - сердце его желания. Может быть, она уже легла спать, истощенная заботами, и теперь, наверное, лежит, свернувшись на той же постели, которая недавно служила им, подобрав свои грациозные ножки, разметав по подушке темные волосы. Доминику мучительно захотелось оказаться сейчас с ней. Желание ослабляло его защиту, подтачивало его решимость, однако он не мог уничтожить ее печали. Тогда они расстанутся опаленные, обугленные любовным огнем. Какой может быть выбор, когда желание и обязанности вступают в единоборство!

- Я очень беспокоюсь за Розмари, - продолжал твердить свое Стэнстед. - Скажи, куда она уехала?

Они вошли во двор гостиницы.

- Не волнуйся, все будет в порядке, - успокоил его Доминик. - Розмари сумеет о себе позаботиться. Твоя жена выдающаяся женщина, поверь мне, а сейчас, если ты не возражаешь, я пойду к себе - мне нужно выспаться. Завтра утром мы встретимся лицом к лицу с Джерроу Флетчером.
- Майор Уиндхэм? - Мальчик протянул Доминику листок. Тот быстро прочитал записку, потом передал своему другу.
- Нэрн? - спросил Стэнстед. - Где это?
- Около пятнадцати миль по побережью. Нужно ехать.

- Сейчас? - Сын герцога поставил футляр со шпагами к стене и запустил пятерню в свою рыжую шевелюру. - Пятнадцать миль? Тебе же нужно выспаться!

- Выплюсь в дороге. Это нужнее.

- А что, если там ловушка?

- Я даже уверен, что ловушка, - не стал возражать Доминик. - Но мы поедем в любом случае.

Они наняли в гостинице лошадей и, не задерживаясь, покинули город. Постепенно человеческие голоса и уличный шум отдалялись, превращаясь в слабое жужжание. Звуки, разлетающиеся как искры, медленно плыли в сторону морского берега, струящийся воздух в сверкании закате слепил глаза, мешая езде. Впереди тускловатым жемчужным отливом светилось Северное море. Между долиной Нэрна и дельтой лежали голые торфяники, справа от которых громоздились горы. С этих высот более семидесяти лет назад принц Чарли вел своих шотландских горцев к гибели.

Почти у самого края берега между камнями бежал небольшой ручей, с веселым журчанием вливающийся в Мори. Вдали, за водной гладью, сквозь медленно проплывающую дымку в розовом небе просвечивала горбатая линия Черного острова. Доминик взирал на все это с какой-то противоестественной, обостренной почти до абсурда живостью, будто впервые видел воду, холмы и каждую трепещущую былинку. Морской воздух прикивал к лицу, поглаживая кожу, как ласковая рука ребенка.

Силок. Где-то здесь прячется ловушка с пружиной. Если он попадет в капкан, так и умрет на этом берегу и больше никогда не увидит Кэтриону. Может, для нее это будет даже лучше? Погрустит немного, потом уедет на новую землю и встретит там новую любовь. Как он мог тешить себя напрасными надеждами, как мог думать, что сумеет расшевелить ее своей страстью? И какое уважение он снискал бы у нее, если бы даже добился этого? Поехал бы он в Канаду или Кэтриона с ним в Англию - все одно: кто-то из них погрешил бы против долга и чести, разрушив в конце концов любовь, превратив радость в горечь. Поэтому он заставит себя не ходить к ней этой ночью для ее же блага.

Доминик понимал, что для него было бы лучше покинуть Шотландию еще раньше, но ему казалось, что он не перенесет этого. И потом, он не мог увилить от дуэли, даже если Флетчеру не суждено погибнуть от его клинка. Ну что ж, утром они сойдутся здесь, и жизнь покажет, верны ли пророчества Изабель. Он не собирался умирать, но если и умрет, станет ли Кэтрионе от этого легче?

День догорал, и к тому времени, когда они со Стэнстедом добрались до Нэрна, стало совсем темно. Они подъехали к небольшой гостинице. Невысокий квадратный дом с каменными стенами производил гнетущее впечатление. Доминик соскочил с седла и постучал.

Наконец дверь открылась, и показалось белое лицо женщины. Она держала за ошейник большую собаку.

- Миссис Макки у вас остановилась? - спросил Доминик. - Меня уведомили, что она здесь.

- Здесь таких нет, сэр. - Женщина оглянулась через плечо и, всматриваясь в глубь дома, крикнула: - Джордж, ты слышал что-нибудь о миссис Макки? Может быть, она живет где-то поблизости?

Изнутри дома немедленно последовал отрицательный ответ. Доминик показал женщине

листок и настойчиво спросил еще раз.

- О, это какая-то ошибка, сэр, - сказала она. - Адрес наш, но мы не отправляли никакого послания.

- А есть здесь кто-нибудь с ребенком? Черноволосый мальчик лет полутора?

- О, вы разыскиваете ребенка? Был. Да, сэр, теперь я припоминаю. Мальчик и женщина. Утром они заезжали сюда, но и часа не пробыли. Я даже не запомнила их имен. Макки - кажется, вы так сказали?

- Не знаете, откуда они приехали и куда собирались?

- Нет, сэр, - женщина развела руками, - честное слово, нет. Даже удивительно, кто мог писать вам?

Доминик раскланялся и, извинившись за беспокойство, вышел.

- Это еще не западня? - спросил Стэнстед, протягивая Доминику его поводья.

- Нет, это охота на диких гусей в облаках или поход к лисьей норе по прошлогоднему следу. Нам лучше вернуться домой и разойтись по постелям - как-никак утром мне предстоит драться на дуэли.

Обратно ехали уже не так быстро, лишь иногда переходя на рысь. Тревожное предчувствие подталкивало Доминика к размышлениям. Кто написал записку? Флетчер? Но зачем? Заставить его проскакать тридцать миль в ночи, чтобы измотать перед поединком? Только ли? Может быть, Флетчер хотел напомнить ему, что он знал про посещение «Душ милосердия» и про Эндрю? Что, если он тоже гоняется за миссис Макки? И почему, черт возьми, Флетчеру так важно найти ее теперь, когда уже выяснилась правда о рождении этого покинутого ребенка?

Они приближались к небольшой сосновой роще, за которой лежал спящий Инвернесс. Уже показались зубчатые руины замка над верхушками крыш. Когда роща осталась позади, гулкий стук копыт в тишине усилил ощущение опасности. Окружающий мир, казалось, приготовился предъявить убийцу. Усталые лошади нервно зафыркали, прижимаясь к обочине. Лошадь Стэнстеда трусила еле-еле, будто это была не дорога, а хрупкий фарфор или яичная скорлупа.

Доминик осадил лошадь. Почему, черт подери, Флетчер послал их в Нэрн по остывшему лисьему следу? Просто чтобы выманить из города? Для чего? И вдруг его осенило - Кэтриона! О Боже, только не это! Они со Стэнстедом отсутствовали более трех часов. Он быстро взглянул через плечо:

- Стэнстед...

Сильнейший удар в грудь вышиб из его легких чуть не весь воздух. Лошадь занесло в сторону, и на развороте Доминик увидел, как его друг опрокинулся на спину, сваленный невидимым противником. Сын герцога, едва успев вскрикнуть, тяжело рухнул на землю. Поводья натянулись подобно нитям воздушного змея. Лошади пустились было вскачь, но их мгновенно остановили материализовавшиеся из темноты люди.

Доминик упал и покатился по дороге. Боже праведный! Засада! Самый простой способ расправиться с врагом, описанный в тысяче книг! Веревка, протянутая на заданной высоте,

безотказно выдергивает всадника из седла. Он потянулся к ноге и выхватил нож, но было уже слишком поздно – знакомая фигура с ястребиной грудью встала поперек дороги, а сзади из темноты выросла группа косматых мужчин. Стэнстед, стоя на коленях, силился подняться; лицо его выглядело изумленным. Один из горцев вышел вперед и без предупреждения обрушил кулак на рыжую голову. Вскинув руки, Стэнстед упал как якорь, брошенный в воду, его голова беспомощно ударилась о землю.

- Ну что, не нашли ребенка? – спросил Флетчер. – Очень жаль.

Доминик убрал нож. Численное превосходство противника было неоспоримо.

- Значит, вы знаете, где он?

- Вообще-то мне все равно. – Флетчер сплюнул. Впотымах его злобно улыбающееся лицо выглядело чудовищно гротескным. – Соболезную вашему приятелю. – Он взглянул на Стэнстеда. – Нехорошо получилось. Неудобно будет перед его отцом, но ничего не поделаешь. Не стоило ему вступать в это дело!

- Так что, может, будем драться сейчас? – намеренно спокойно спросил Доминик. – Какой смысл откладывать дуэль до утра!

Подбородок Флетчера взметнулся вверх, как откидная ступенька экипажа.

- Ах, дуэль! Но вы не сможете прибыть на место. Так какая ж это дуэль, если я приеду один? Доминик Уиндхэм предстанет перед всеми как трус. Да-да, именно так!

- А вы не боитесь этих свидетелей? – Доминик показал на горцев.

- С какой стати! Ни один из них не знает английского. Они не понимают даже, о чем мы говорим. Теперь вы будете моим гостем: я приготовил для вас очень милый темный подвальчик. Хотя я действительно прихватил с собой шпаги и пистолеты, это оружие несколько грубовато. Я придумал более изящный способ. Вам нравилось торчать шипом у меня в боку?

- Мне бы больше понравилось другое, – прошипел Доминик. – Быть штыком в вашем сердце.

- Вы напрочь лишены воображения. Вы не представляете, что вас ожидает среди роз, в целом рассаднике роз. Их лепестки заполнят ваше горло, а корни набьются вам в кишки. Вонзившиеся шипы перекрутятся в теле и проникнут в каждую мышцу. Вы будете кричать, Уиндхэм, и попытаетесь уничтожить себя от боли.

- А потом? – хладнокровно спросил Доминик. – Что вы будете делать потом с моим телом? Бросите в какой-нибудь аллее? Надеюсь, вы не оставите его там, где гуляют женщины и дети? Воображаю, какое это вызовет у них отвращение!

- Так вам по душе эта игра? Хотите доказать, какой вы смелый?

Доминик улыбнулся, чтобы скрыть леденящий холод, пробиравший его до костей.

- А кто понесет ответственность?

- Ответственность? За что?

- Я полагаю, сэр, что мои изуродованные останки рано или поздно обнаружат, будут ли они

брошены гнить в куче мусора или плавать в дельте реки. Тогда кто-то будет обвинен в убийстве. Последним, с кем меня видели, был лорд Стэнстед. – Доминик кивнул в сторону рыжей головы, неподвижно лежащей на булыжниках. – Не думаю, что его отец оставит это без расследования! Вряд ли он захочет, чтобы его единственный сын был впутан в такое темное дело. Флетчер злобно ощерился:

– Ах да, ведь вы покрывали его самку, не так ли? Прекрасная темноволосая леди Розмари – она так пеклась о вас в Эдинбурге! Выходит, у ее мужа есть мотив, и вы на сей счет можете не беспокоиться! Мои парни отнесут его в гостиницу и скажут, что нашли его безбожно пьяным, чем наделают в городе много шума. Так у одного из ваших друзей появится алиби.

– А у кого его не будет?

– В вашем очаровательном окружении? – Флетчер поковырял под ногтями кончиком своего ножа. – Только у одного человека – у вашей любовницы, Кэтрионы Макноррин.

Доминик в бешенстве сжал зубы. Он собрал всю свою волю, пытаясь удержаться и тут же не броситься на Флетчера, не избить его так, чтобы тот уже не смог подняться. Он может дотянуться до него и наверняка причинит ему серьезные повреждения, прежде чем на помощь придут его телохранители, но тогда ему уже не суждено узнать, что этот мерзавец сделал с Кэтрионой.

– Несчастливая, обманутая девушка, – пробормотал Доминик. – Она все еще предана мне?

– Не знаю, не знаю. – Флетчер сложил нож и убрал его в карман. – Да это и не имеет значения. Она будет совсем невменяема, когда ее найдут с ножом в руке возле вашего тела. Может, ее и не повесят, если, конечно, выяснится, что вы сделали с ней. Ваши извращенные вкусы всем известны, разве не так? Да, Кэтриона Макноррин будет страдать от надругательства. Без сомнения. Она обречена истекать кровью. Она будет сильно травмирована, возможно даже, необратимо. Если обнаружится, что она потеряла рассудок от всех этих ужасов, суд может ее оправдать. Хороший адвокат может доказать, что убийство совершено в целях самозащиты, но я что-то не уверен, что она сможет позволить себе хорошего адвоката. Доминик задыхался от ярости. Он мог легко вонзить свой нож – и Флетчер в ту же секунду был бы мертв. Но что, если этот негодяй уже схватил Кэтриону и она, связанная, спрятана в таком месте, где ее никогда не найти? Если это так, ей придется голодать в темноте до самой смерти и думать, что он покинул ее.

Вот почему Доминик спокойно держал руки по швам, когда Флетчер кивнул горцам. Они приблизились и принялись молотить его кулаками куда ни попадя – обездоленные мужчины из разорившихся кланов таким способом зарабатывали себе на хлеб.

Потом они поволокли его, избитого, по спящим улицам Инвернесса. Доминик старался расслабиться, чтобы сэкономить силы. Стэнстеда унесли раньше.

Между раскачивающимися пледами наемников некоторое время мелькали дома и темные закоулки, и наконец Доминика втащили в какой-то двор. Кто-то зажег лампу, и от нее побежали темные тени. Свет упал на неровные плиты у него под ногами. Двор со всех сторон окружали высокие шершавые стены без окон – вероятно, это был какой-то склад. В центре двора находился квадратный каменный колодец.

Горцы бросили Доминика возле колодца и, когда подошел Флетчер, отступили назад.

Флетчер не раздумывая ударил пленника ногой – и через ребра несчастного прошел огненный

смерч.

- Хотите узнать, где она?

Сбоку сверкнула молния – это горец с каштановыми волосами пронес зажженные факелы.

Доминик оперся спиной о стенку колодца и, подняв глаза, посмотрел в лицо извергу.

- Разве это имеет значение, чего я хочу?

- Она здесь. – Флетчер оскалился. – И сейчас вы ее увидите.

Рукоятка над колодцем повернулась, цепь задрезжалась, накручиваясь на скрипучий ворот и поднимая бадью. Доминик оторопел. В голове у него пронеслась безумная мысль – неужели Кэтриона заточена в этом запущенном колодце, в темноте и сырости, опутанная водорослями? Но нет, она вышла из склада, прямая и гордая, с двумя охранниками по сторонам. Руки ее были связаны сзади, но она, несомненно, оставалась пока невредимой.

Доминик возвел глаза к небу, чтобы поблагодарить Господа, и тут холодная вода хлынула на его лицо и плечи. Он судорожно глотнул воздух и встряхнулся, не в силах подавить дрожь. Флетчер отошел в сторону, но один из горцев остался стоять над ним, держа нож у горла.

- Боже! – воскликнула Кэтриона и что-то быстро сказала по-гэльски мужчинам, окружившим Доминика.

Один из них стал ей отвечать на ее родном языке. Она выругалась и, кивнув на Флетчера, заговорила быстрее.

- Скажите им, что у меня в Англии есть деньги! – крикнул ей Доминик. Грязная вода стекала ему в рот, и он в раздражении смахнул ее. – Я могу оставаться здесь, это не имеет значения, но все мое золото будет принадлежать им, если они прямо сейчас отведут вас в безопасное место.

- Тсс! – улыбнулась ему Кэтриона, словно призрак из наползающей тьмы. – А то я вас еще раз выкупаю!

- Никакой тайной сделки не получится, мадам, что бы вы им ни лопотали на своем паршивом языке. Харрис переведет мне каждое слово. – Флетчер показал на невысокого шатена.

Кэтриона вскинула голову.

- Неужели? Видите ли, на западе собственные представления о чести. Эти люди понимают, что такое личная ссора и право на отмщение, но они никогда не признают несправедливость и зло.

Доминик поднял глаза на шатена:

- Харрис, умоляю вас, переведите им, ради Бога, сэр. У меня есть золото для них всех и для вас, если мисс Макноррин будет увезена сейчас в безопасное место! Их наняли только для одного – доставить меня Флетчеру. Они не нарушат своего обещания, пусть их это не волнует.

Шатен пожал плечами, но один из горцев подошел к нему взял его за локоть. Они начали быстро говорить что-то по-эльски.

- Никаких сделок! – зашипел Флетчер. – Харрис, отдайте им деньги и отпустите их, как мы договорились. Остальное их не касается.

Вперед выступил еще один шотландец, держа руку на рукоятке своего ножа. Слова на его родном языке полились легко и свободно. Кэтриона снова подключилась к разговору, то живо доказывая что-то, то умоляя. Горец отвечал, и голос его звучал жестко.

Харрис внимательно слушал, а затем повернулся к Флетчеру и сказал:

- Эта женщина требует, чтобы они освободили Уиндхэма и больше не били его. Взамен она предлагает остаться в плену. А этот шотландец отказывается, потому что у них был договор с вами. Но они считают, что честная борьба вполне уместна. Если вы победите своего врага, они уйдут, и вы можете делать с пленниками что хотите. Если проиграете, эти двое будут освобождены.

- Здесь не может быть честной борьбы, - вмешалась Кэтриона. - Доминик Уиндхэм ранен.

Харрис, не обращая на нее внимания, продолжал свои объяснения:

- Наши люди слышали пророчества и уверены, что с вами ничего не случится, но они хотят, чтобы майор Уиндхэм получил шанс испытать судьбу. Женщина тоже будет присутствовать, пока борьба не закончится.

- Черт бы вас побрал! - Флетчер в сердцах даже сплюнул. - Мы же договаривались! Разве мои деньги ничего не значат?

- Поосторожнее, мистер Флетчер! - выступила вперед Кэтриона. - Иначе мы продолжим разговор о чести, гордости и золоте. В таком случае слова этих мужчин будут значить гораздо больше!

Лезвие ножа кольнуло Доминика в шею.

- Проклятие! - Грубый камень колодца впился ему в спину, когда он попытался стянуть свой мокрый пиджак. - Мистер Харрис, прошу вас, уговорите их. Оставьте нас вдвоем с Флетчером. Можете привязать мне одну руку за спину, если хотите, черт побери, только позвольте мисс Макноррин уйти. Это ее не касается.

Харрис опять переговорил с горцами, затем покачал нечесаной головой.

- Они хотят посмотреть борьбу. Они не позволят ей уйти. И она не уйдет.

Боже, сумеет ли он победить? А что, если нет? Доминику стало нехорошо. Кэтриона вряд ли представляла, что ее ожидает в случае его поражения, и все-таки, несмотря на пророчества и побои, ему выпал неплохой шанс! Может, Флетчер и хорошо владеет клинком, но это сражение ему не выиграть.

Флетчер в задумчивости прошелся по двору.

- Честная борьба? Очень хорошо. - Он неожиданно засмеялся. - Принесите шпаги!

Горцы, стоявшие рядом с Домиником, отступили. Свет блеснул и пропал, когда Флетчер рассек воздух своей шпагой. Затем он быстро подхватил другую. Доминик ухватился за деревянную стойку, на которой крепился ворот, и стал медленно подниматься. Каждая мышца противилась, сжимаясь от боли. Зеленые полосы водорослей прилипли к коже, слизь текла по лицу и шее. Он смахнул их рукой и отбросил в сторону.

- Стало быть, дуэль состоится? - небрежно произнес Доминик, чувствуя вспыхнувший в глубине души огонь надежды. - Нельзя ли мне тоже получить шпагу?

Что-то взметнулось, на секунду ослепив его, и боль пронзила ладонь - необычная, будто его ударил раскаленный докрасна молоток, раздробив кости, расплывая плоть. Стиснув зубы, чтобы не закричать, Доминик из последних сил уцепился за деревянную опору.

- Ваш клинок, сэр! - громко сказал Флетчер. - Мы можем начинать?

Гордой походкой он отошел назад и снова засмеялся.

Доминик прокрутил свою шпагу в левой руке, непроизвольно прижав правый кулак к груди. Зажав большим пальцем брызнувшую кровь, он вытащил носовой платок. Потребовалось немалое усилие, чтобы обернуть его вокруг раненой ладони и завязать узел зубами. Повязка мгновенно промокла. Как он теперь будет сражаться, черт подери?

Кэтриону посадили на скамью между двумя большими сильными горцами, остальные отодвинулись, чтобы не загоразивать ей поле битвы. Что-то белое мерцало в воздухе возле ее головы. Доминик внезапно уловил сладкий аромат - странный контраст со смрадным запахом колодезной воды, намочившей ему спину и грудь. Розовый куст! Она сидела около ползучей розы, окружавшей ее, как кружевом, своими лепестками.

Флетчер начал быстро двигаться перед ним, то наступая, то отходя назад, глаза его блестели, как у безумного. Ястребиная грудь сотрясалась от исступленного смеха. Сумасшедший! Даже для отличного фехтовальщика, имеющего дело с покалеченным противником, он вел себя чересчур уверенно.

- Итак, мы начинаем дуэль, джентльмены! - прокрипел Флетчер. - Поверьте, майор, мне будет приятно увидеть, как вы попотеете, прежде чем отпущенное вам время закончится. Вы можете делать что угодно, просить у меня пощады, если хотите, можете даже пытаться победить меня - но помните, я все равно останусь цел! - Он круто повернулся и сделал неожиданный выпад.

Доминик едва успел отклониться в сторону. Разумеется, он умел фехтовать левой рукой, но не против мастера, не против человека, проходившего стажировку во Франции. Правая кисть его, обвязанная платком, беспомощно висела вдоль тела, жар прокалывал руку и туманом заволакивал мозг. Однако Доминик по-прежнему не терял надежду, потому что без нее он был обречен, а вместе с ними и Кэтриона.

Флетчер совершил новый выпад. Доминик неловко принял удар, но снова вывернулся.

- Надеюсь, вы успели пообщаться со Всевышним, мистер Флетчер?

- Зачем? - Флетчер взмахнул шпагой и срезал пуговицу с рубашки Доминика. - Никакой клинок не убьет меня - так сказала старая колдунья.

- То было проклятие, а не благословение.

Флетчер с надменным видом отошел назад, позволяя Доминику немного восстановить силы. - Я неуязвим, майор Уиндхэм, а вот вы - да! - Он согнул свои узкие плечи и загадочно улыбнулся: - Что, если лезвие моей шпаги отравлено?

Пока Доминик довольно легко парировал удары Флетчера, а тот, видимо, сознательно изматывал своего противника. Шпагой он владел действительно превосходно. Горцы, твердо настроенные не вмешиваться, равнодушно наблюдали за ними со скамьи – они, судя по всему, ровным счетом ничего не поняли из того, что было сказано перед дуэлью, и теперь сидели как зрители на греческой трагедии, невозмутимо следя за состязанием, исход которого был заранее предрешен.

Мокрая рубашка прилипла к спине Доминика, мешая ему фехтовать. Вдобавок у него было сломано ребро, да и правая ладонь требовала постоянного внимания.

Он постарался сконцентрироваться. О какой отраве говорил Флетчер? Очевидно, не надеясь убить его простым ударом, он решил использовать медленно действующий яд.

Доминик круто повернулся и отскочил, когда клинок Флетчера просвистел возле его уха.

- Может, поясните, что за яд вы имели в виду?

- Мой клинок намазан снадобьем, которое сделает вас беспомощным, – любезно сообщил Флетчер сквозь серию быстрых бросков, – и притупит ваши мозги. Все процессы на время замедлятся, но вы будете все понимать. – Флетчер ощерил рот как дохлый карп на рыбном прилавке. – Все еще впереди. Вы, наверное, думаете, я или мои люди будем насиловать вашу шлюху? О нет! Это сделаете вы, Доминик Уиндхэм! Как только мы потешим этих предателей-шотландцев нашей милой игрой, они оставят нас одних, и вы будете истекать кровью. Лекарство проникнет в раны и станет разъедать ваше сердце, соблазнять душу. В течение часа или около того вы будете делать все, что я захочу, да еще при этом будете смеяться!

Расхваставшись, Флетчер ослабил защиту. Доминик немедленно воспользовался шансом и сделал мгновенный выпад. Клинок зазвенел, Флетчер принял удар. Волна откатилась обратно, посылая жестокую боль в раненую руку. На мгновение эфесы сомкнулись, мужчины почти упали в объятия друг друга.

- Здесь не водится такого зелья.

- Глупец! – Флетчер перекрутил руку, так что эфес его шпаги вдавился в пальцы Доминика. – Тогда рискните! Мы вместе, вы и я, привяжем к той скамье вашу любовницу. Вы думаете, она знает все секреты тела? Она и не воображает, что вы с ней сделаете, и весьма охотно, потому что не можете совладать с собой. Вы провалитесь в бездну желаний, Доминик Уиндхэм, и вас не остановят даже ее крики. А потом придет ваш черед. Когда лекарство изнурит вас окончательно, вы познаете чувственную прелесть моих вкусов и очень скоро станете молить меня о смерти.

- Что за чертова околесица! – воскликнул Доминик, не обращая внимания на боль. – Вы думаете, что знаете что-то моем желании?

Они снова разошлись. Доминик, уклоняясь от ударов, пританцовывал вокруг колодца; Флетчер следовал за ним, намеренно заставляя его делать нырки в сторону. С рубашки Доминика слетело еще несколько пуговиц; шпага со свистом задела его мокрый рукав, и мимолетное движение оставило длинный разрез от плеча до запястья, обнажив кожу. Сил становилось все меньше, а ему все не удавалось прорвать оборону Флетчера. Боль звенела в его ушах, словно предвестник смерти, левое плечо и кисть начали сдавать. Там, где поднимался его клинок, сразу же появлялась шпага Флетчера, быстрая и точная. Доминик знал, это делалось с умыслом – Флетчер мог в любой момент длинным броском погрузить в него лезвие. Если он вынудит его сдаться, горцы уйдут, и Харрис привяжет Кэтриону. Тогда начнутся пытки.

Доминику все труднее становилось дышать. Повсюду шевелились фантастические тени, словно монстры выглядывали из мрачных углов двора. Кэтриона под розовым кустом сидела подобно спящей принцессе из сказки.

Неожиданно Доминик поскользнулся на мокрых плитах. Он упал на колени и вдруг увидел женщину с косой, улыбающуюся ему из темноты. Кэтриона оказалась права: сейчас у него действительно не было страха за собственную жизнь – смерть казалась просто старым другом.

Но как же она? Ему придется утопить собственный клинок в ее сердце, чтобы она умерла мгновенно. Пусть Кэтриона примет смерть в беседке из роз – это лучше, чем терпеть глумление обезумевшего садиста. И все же пока он не собирается сдаваться.

Доминик изловчился и вскочил на ноги; Флетчер танцующими движениями последовал за ним, шпага его так и сверкала. Доминик поднял свое оружие, чтобы блокировать удар. Не имея возможности атаковать, он теперь лишь защищался. Белые лоскутья рубахи разошлись, подставляя обнаженное мокрое тело холодному воздуху. Сосредоточенность его достигла высшего предела. «Сюда! – командовал ему внутренний голос. – Теперь туда! А сейчас иди за мной, ты, сумасшедший! Вот так, вот так!»

Бадья стояла там, где ее оставил Флетчер, – цепь перевесилась через край колодца и свободно болталась снаружи, тускло поблескивая во тьме. Между колодцем и бадьей лежал мокрый пиджак. Избегая ударов, двигаясь по кругу, Доминик упорно приближался к небольшому темному пятну.

Наконец сталь его клинка загремела, ударившись о стенку колодца. Взгляд Флетчера на долю секунды переместился в сторону, и Доминик тут же отступил. Схватив пиджак, он швырнул его в лицо своего врага, а затем потянул за цепь.

Ослепший Флетчер споткнулся о препятствие. Скинув пиджак с головы, он с криком вскинул шпагу к плечу, отходя назад перед броском, и в этот момент Доминик ударил Флетчера цепью поперек груди. Тот еще отступил, пытаясь увернуться, и цепь, попав ему в руку, вместе со шпагой пришила ее к деревянному столбу. Доминик дернул за цепь – из-под его самодельной повязки хлынула кровь, зато отравленный клинок полетел на землю.

Быстро наклонившись, Доминик поймал его за эфес. Боль и головокружение не давали ему дышать, он не знал, сможет ли стоять прямо, сможет ли держать оружие. Если Флетчер говорил правду, одной царапины было достаточно, чтобы сделать противника недееспособным. Голоса, поселившиеся в его голове, неистово кричали: «Но не клинок пронзит тебя и не пуля...»

Доминик заставил себя выпрямиться и поднял шпагу.

Краски сбежали с лица Флетчера, но он засмеялся и, вскочив на край колодца, поднял бадью за ручку.

– Ну, попробуй, ударь меня! Давай! Ты не сможешь. Старая ведьма была права. Встречай свою судьбу, Доминик Уиндхэм!

Неожиданно раздался грохот, и Флетчер покачнулся, не успев ударить тяжелой деревянной бадьей по склоненной голове Доминика.

Земля затряслась, затрещал шифер на крышах, зарыдали каминные трубы, и посыпались вниз камни. Потеряв равновесие, Доминик упал на колени. Свет от факелов стал ярче и заплесал,

отбрасывая на стены жуткие, словно мечущиеся в отчаянии тени.

Доминик посмотрел сквозь сотрясающуюся темноту на Кэтриону: лепестки роз сыпались на нее снежными хлопьями, и сама она раскачивалась, словно в экстазе, со странной улыбкой на лице. Их взгляды встретились.

«Прости меня, любимая, – хотел сказать Доминик. – был не прав. Я пришел слишком поздно. Флетчер победил, я не смог убить тебя первым!»

Он не успел ничего сказать, так как через секунду пронзивший воздух страшный звон всех колоколов города, словно посходивших с ума, слился в мощный набатный грохот.

Доминик принялся хохотать. Флетчер, застигнутый над открытой шахтой колодца, выронив бадью, ухватился обеими руками за шатающийся столб. Цепь рванулась и загремела, разматываясь и, как змея, стала втягиваться в колодец.

- Колокола! – жутко закричал Флетчер. – Проклятые колокола!

- Тяжелые камни сдвинутся со своих мест и низвергнутся на твою голову. И каждый колокол зазвонит сам по себе, вынося тебе приговор. Будь ты проклят, Джерроу Флетчер! – Это кричала Кэтриона под грохот падающих камней, казалось, танцующая в вихре розовых лепестков.

Земля снова задрожала, и плиты встали на дыбы, как молодые жеребята. Железные звенья громко клацали, проваливаясь в темноту. Флетчер дернул ногой, пытаясь дотянуться до перекладины, и попал лодыжкой в цепь. Нога тут же соскочила с выступа. Раздался страшный крик. Цепь рванулась еще раз, и стало слышно, как ломаются кости. Рука Флетчера попыталась уцепиться за дерево, но пальцы соскользнули. Он судорожно глотнул воздух, чувствуя, что срывается с крутящегося ворота.

- Спасите меня! Спасите меня! – падая, кричал он.

- Нет тебе спасения! Это за рядового Смита, за моего кучера, за французского офицера на полуострове! За сожженную деревню и оставленных без крова людей! За ребенка, родившегося прежде времени! И за то, что ты готовил для Кэтрионы! Это тебе мое проклятие вместо спасения!

Доминик поморщился, когда волна боли прокатилась по искалеченной руке.

Когда Флетчер исчез в пустоте, каменный остов колодца начал крошиться. Деревянные столбы вздыбились и повалились на ворот, а сверху падали шифер и камни.

В ночном небе стоял мелодичный перезвон. Доминик взглянул вверх, и мир показался ему совершенно черным. Старческий голос кричал: «Ты не умрешь в постели, Джерроу Флетчер, ибо проклятие висит над тобой! Могила твоя уже выкопана. Не явился еще человек, который обозначит день и час. Но этот человек идет».

Доминик проснулся в гостинице, в своей постели. В комнате никого не было. Земной шар, похоже, вернулся в свой прежний безопасный ритм.

Он попытался сесть; все его тело ныло от ушибов, пульсирующая боль в ребрах не позволяла даже притронуться к ним. Грудная клетка была перетянута чистой льняной материей, в правой ладони под повязкой пульсирующая боль бодро выстукивала адскую дробь в одном ритме с дыханием.

Не обращая внимания на боль, Доминик попробовал пошевелить пальцами. Ничего не вышло. Повреждены сухожилия? Если он не сможет пользоваться правой рукой, какая от него, к черту, помощь в диких краях? А он-то собрался оставить свои обязанности, родину, забыть свое предназначение, чтобы быть с Кэтрионой. Теперь соблазн отпал сам собой. В сознание четко врезались слова: «Твоя правая рука, Доминик Уиндхэм!»

Он решил не заикливаться на своем увечье и переключиться мыслями на что-нибудь более приятное. Кто-то вымыл его и одел в ночную рубашку. Он потрогал левой рукой голову. Волосы тоже чистые – их вымыли и высушили, пока он лежал в беспамятстве. Проклятие! Как долго он спал, черт подери?

Доминик уронил голову на подушку и уставился в потолок, мечтая, чтобы поскорее пришла Кэтриона.

Наконец она вошла почти неслышными шагами.

- Вы проснулись?

Потрескавшаяся штукатурка напоминала крошечную мозаику, а может, паутину. Не отводя глаз от потолка, Доминик старался не обнаруживать своих эмоций.

- Конечно, проснулся, – бодро сказал он и тотчас спросил: – Город сильно пострадал?

- От землетрясения? – Кэтриона подошла к кровати и встала достаточно близко, чтобы он мог уловить ее аромат.

Желание пробудилось мгновенно, но теперь он не обращал на него внимания.

- Да, кое-где есть разрушения. Сильно покорежило крышу городской тюрьмы – она чуть совсем не слетела, когда ее приподняло на несколько футов. Почти все трубы развалились, и с них попадало много камней. Говорят, колокола трезвонили целую минуту, когда затрясло башни. Грохот был просто грандиозный: люди выбегали из домов в ночных рубашках, но, слава Богу, никто не погиб.

- За исключением Джерроу Флетчера? – Доминик быстро взглянул на нее.

- Да, он утонул в колодце, а сверху его завалило камнями. Я рада его смерти. Надеюсь, это не грешно? Готовил могилу для других, а похоронил себя.

- Выходит, природа сама совершила кровавый акт возмездия и убила подонка? Черт побери, я тоже рад! Скажите, пророчества Изабель всегда сбываются таким драматическим образом?

- Иногда. – Кэтриона беспокойно посмотрела на свои руки. – Но вы и без того могли взять верх над ним с помощью ваших бесчестных трюков.

- Бесчестных? – Доминик потянулся и немедленно пожалел об этом. – Вы не считаете, что при подобных обстоятельствах даже самый строгий кодекс чести допускает любые необходимые способы обороны?

- Я не это имела в виду. – Кэтриона села на стул у кровати. – Лорд Стэнстед сказал, что вы получили послание.

- Он невредим, надеюсь?

- У него шишка на голове, и он еще не совсем опомнился. Проспал все землетрясение, а потом пошел сообщить властям, что Флетчер упал в колодец. О вашей дуэли он даже не упомянул, хотя я ему все рассказала. А что было в письме? Это касается Эндрю и миссис Макки, не так ли?

- Они были в Нэрне, но уехали до нашего приезда.

- А вы, конечно, не подумали предупредить меня. Вы что, не могли сказать мне, куда едете? Неужели вы не ожидали засады?

- Я дорого заплатил за свою самонадеянность.

Кэтриона вскинула подбородок:

- Харрис и Флетчер вытащили меня из постели, завязали мне глаза и держали в темноте до самого последнего момента.

- А что случилось с теми шотландцами?

- Уехали домой, на запад. Хотя, правда, домов у них уже нет - теперь их ждет только морской берег.

- Это вы выкупали меня? И волосы вымыли.

Кэтриона покраснела.

- На вас была тина и налипли водоросли. Потом вы уснули.

Она поднялась, собираясь уйти.

- Кэтриона...

- Да?

- Нет, ничего. - Доминик отвернулся к стене. - Идите.

- Ну и упрямый мужчина! - Она неуверенно улыбнулась. - Доктор говорит, что вы везучий. Ваша рука заживет, и вы сможете ею пользоваться, но для этого потребуются какое-то время; Повреждение серьезное, и наверняка останется шрам. Мне очень жаль. Я так наслаждалась этой рукой, когда она была на мне...

Доминик усилием воли заставил себя подняться с постели. С трудом одевшись и повязав одной рукой галстук, он подергал колокольчик. Горничная принесла еду. После завтрака пришел доктор менять повязку. Перетерпев боль, пока развязывали руку, Доминик посмотрел на свою развороченную ладонь и содрогнулся. «Я наслаждалась этой рукой, когда она была на мне». Доктор ограничился перевязкой и банальными рекомендациями. Когда он ушел, Доминик выглянул в коридор. Комната Кэтрионы находилась через две двери, а Стэнстеда поселили рядом с ней. В конце коридора из общей гостиной сквозь полуоткрытую дверь доносились странные звуки - пронзительный детский крик, сопровождаемый смехом.

Доминик прошагал туда и распахнул дверь. В комнате сидела Кэтриона с маленьким мальчиком на руках. Малыш с круглой головой в черных завитках заливисто смеялся - крохотная детская одежда топорщилась на его пухлом тельце, а синие глаза смотрели со знакомой безыскусностью. Аккуратный подбородок и хрупкая шея также были вполне

узнаваемы.

Ребенок повернулся и взглянул на Доминика; беззаботный смех умолк, уступив место неуверенной улыбке.

О Боже! Это был он, баловень «душ милосердия», ребенок не Генриетты, не Кэтрионы, не Сары, но другой леди, имевшей причины скрывать его существование от отца. Событие не менее впечатляющее, чем землетрясение!

Рядом с Кэтрионой стояла матрона с сияющим лицом и сложенными на груди руками. Она еще не успела снять свой плащ. Видимо, они с ребенком только что приехали.

- Миссис Макки! - воскликнул Доминик. - Я счастлив наконец познакомиться с вами, мэм.

- Бобан, - сказал мальчик, показывая на Доминика. Миссис Макки поправила ребенка, объяснив ему что-то по-гэльски.

- Здравствуй, Эндрю, - произнес Доминик, все еще не вполне веря своим глазам. - Ты любишь пирожные?

- Нет-нет, майор Уиндхэм, - решительно возразила миссис Макки, - для этого еще не время.

- Вероятно, скоро прибудет его мать? А пока, я полагаю, мы можем отпраздновать нашу встречу.

- Пиложное, - пролепетал Эндрю и засмеялся.

Кэтриона с трепетом наблюдала за ними; душа ее вдруг завибрировала как туго натянутая струна. Эндрю доел пирожное, и на верхней губке, похожей на розовый бутон, осталось несколько крошек. Мальчик сидел у Доминика на коленях, на его безукоризненных брюках, и водил своими липкими пальчиками по его галстуку. Доминик забавлял малыша левой рукой. Тот ловил его за пальцы и хохотал. Вскоре между ними установилось абсолютное доверие.

Миссис Макки с достоинством пила чай в другой части гостиной, когда Эндрю, умаявшись игрой, стал тереть глаза и вскоре уснул на руках у Доминика!

- Я не совсем поняла, - осторожно сказала Кэтриона. - Сейчас придет его мать?

- Вы не догадываетесь? - Доминик улыбнулся. - Ведь вы были с ним какое-то время. Как же вы могли принять его за маленького Макноррина? Неужто он не похож на англичанина?

Кэтриона посмотрела на глубокую дугу ресниц поверх розовых щек и верхнюю губку с проблеском молочных зубов.

- В самом деле, похож. Но я думала, он унаследовал это от Сары.

- Сара и Розмари были кузинами. - Миссис Макки поднялась и забрала ребенка из рук Доминика.

- Сара и Розмари? - удивилась Кэтриона, совершенно сбита с толку.

- Может быть, рассказать ей все, миссис Макки?

- Я вижу, вы уже догадались, майор Уиндхэм. - Женщина кивнула головой.

Доминик тихо засмеялся.

- Кэтриона, вы видите то, что хотите видеть. Это ваша типичная ошибка! Теперь вы убедились?

Неожиданно у нее возникло чувство, что все вдруг встало свои места, хотя она и не верила в это до конца.

- Естественно, я совершила много ошибок, но все-таки я жила в Эдинбурге. Как же я могла не заметить, если его мать же здесь присутствовала?

Миссис Макки мягко притянула темную головку Эндрю к своей груди.

- Просто его мать постаралась, чтобы вы ничего не узнали, мэм. Как только мальчик родился, все окружающие поклялись хранить это в секрете. Поддерживать обман было не так уж трудно - полный дом женщин и только один ребенок! Мать его платила за мою маленькую квартиру в Эдинбурге, а потом мне с ребенком пришлось уехать...

- Но зачем? - не выдержал Доминик. - Так вот сразу, ни с того ни с сего?

- Потому что здесь должны были появиться вы, сэр, - спокойно сказала миссис Макки. - Она очень себялюбива, потому и отказывалась открыто признать, что у нее есть ребенок, хотела держать это в тайне. Но она любит мальчика, майор Уиндхэм. Она действительно любит своего сына. Тут нет никакой ошибки.

Кэтриона не подавала виду, что пока еще мало понимает из сказанного. Значит, Эндрю отослали, чтобы спрятать от Доминика? Ситуация мало-помалу прояснялась.

Доминик сидел вытянув свои длинные ноги, выводя пальцем узоры по краю стола.

- Тогда почему вы действовали заодно со мной, миссис Макки? Вы все время следовали моим инструкциям.

- О, я не видела в этом никакого вреда. Даже лучше, когда у мальчика много опекунов!

Доминик поднял глаза и улыбнулся:

- Кроме отца, который должен был позаботиться о нем, не так ли?

- Вот именно! - Миссис Макки пришла в негодование. - Он даже не знает о существовании ребенка!

Кэтриона не могла ничего с собой поделать.

- А кто это - он? - не вытерпела она и даже чуть-чуть приподнялась в кресле.

Была еще только середина дня, и в окно ярко светило солнце. В его лучах светлые волосы Доминика блестели как растопленное масло, а сам он важно восседал в своем кресле, словно англосаксонский король, и она видела мелкие четкие морщинки в углах его рта.

- Мне очень жаль, но это не ваш дядя, Кэтриона. Эндрю - не его сын.

- Тогда чей, скажите же наконец!

- «Агнец невинный, рожденный для несчастий!» У него отцовские глаза, а черты и упрямство -

от матери. И такие же волосы, как у нее, цвета полуночи. Это мать сидит в нем и заставляет его хмуриться. А отец, тот позволяет ему воспринимать иностранцев без предрассудков. Теперь-то уж вы наверняка догадались? – Доминик встретил ее взгляд и улыбнулся. Ямочки врезались глубоко в его щеки. – В один прекрасный день Эндрю станет герцогом. Его мать – Розмари, леди Стэнстед, так что в конце концов он унаследует титул Ратли. Довольно солидное время для крошечной души, не правда ли?

Розмари. Она посылала деньги и сладости ребенку. Все факты, намеки и недомолвки слились в одно целое. Теперь Кэтриона знала правду.

– Но почему леди Стэнстед скрывала своего ребенка? – не унималась она.

– Не хотела, чтобы ее муж знал. Тогда бы Ратли заставил ее вернуться в Лондон вместе с ребенком. О Боже! Видимо, я обязан посвятить вас во все эти дикие подробности. Я предполагаю, она не хотела, чтобы я узнал...

– Так это имело какое-то отношение к вам?

В это время послышался стук в дверь, но Кэтриона, не обращая внимания, продолжала:

– Почему леди Стэнстед не хотела, чтобы вы узнали? Разве это ваш ребенок?

Дверь открылась, и на пороге возникла стройная фигура. Кэтриона повернулась и увидела женщину, которую, как она думала, знала довольно хорошо. В гостиную вошла леди Стэнстед – та самая, что обманула их всех.

Доминик встал и поклонился ей.

– Если бы Доминик узнал, что у меня есть малыш, наследник Ратли, – спокойно сказала она, – он никогда бы не полюбил меня. – Ее взгляд встретился со взглядом Доминика. Она покраснела и, обращая к нему, продолжила: – Я ждала вас несколько лет и молила Бога, чтобы вы пришли ко мне после смерти Генриетты. Если бы вы узнали, что я стала матерью, вы не взяли бы меня в любовницы, не правда ли?

Миссис Макки прижала спящего Эндрю к своему плечу.

– Леди Стэнстед, я должна уложить ребенка.

Розмари пересекла гостиную и приложила щеку к щеке сына. На лице ее появилось ласковое выражение.

– Идите в мою комнату. Это там. – Она махнула рукой. – Горничная вам покажет.

Доминик прошел к камину.

– Итак, вы заранее отправили Эндрю из Эдинбурга на случай, если я приеду и узнаю, что это ваш ребенок, а потом возили его по всей Шотландии?

Леди Стэнстед наблюдала, как уносят ее дитя. Глаза ее наполнились слезами.

– Сначала миссис Макки забрала его в Страт-Гласс, где я сняла для них домик – там они и жили до последнего времени. Когда я получила ваше послание и узнала, что вы разыскиваете его, я назначила встречу в Нэрне. Мы должны были прибыть вчера вечером, но мне показалось, что Эндрю выглядит усталым, поэтому мы сделали остановку на ночь. Это было

ужасно, потому что началось землетрясение. Когда попадали все вещи, он испугался и стал плакать. А утром мы собрались и потихоньку поехали сюда.

Доминик протянул Розмари свой носовой платок.

- Успокойтесь, теперь вы вне опасности. - Он улыбнулся. - И как это вы доверили воспитание своего сына шотландской няне? Неслыханный в мире случай! В роду Ратли появится первый герцог, говорящий по-гэльски, - воображаю, какой это произведет фурор! Вы бы лучше пошли сейчас к нему, а то как бы он не испугался еще чего-нибудь - мало ли что может случиться в чужом месте.

Как только женщина в темном ушла, Кэтриона повернулась к Доминику.

- Розмари была в вас влюблена?

- Несколько лет. - Он прислонился к холодному камину. - Мы познакомились на балу, в один из моих приездов между кампаниями. Тогда я уже был помолвлен с Генриеттой, но, как вы видите, Розмари очень привлекательна, и я был польщен ее вниманием. Возможно, я непреднамеренно поощрил ее интерес, хотя не собирался делать этого.

- Значит, то, что вы сказали мне в нашу первую встречу, было правдой! - воскликнула Кэтриона. - Вы всегда разбивали чужие сердца?

- Если вам угодна такая формулировка, - хмыкнул Доминик, - то вы, пожалуй, правы. - Его лицо, обрамленное высоким воротничком с крахмальными уголками, казалось спокойным; разговаривая, он продолжал внимательно наблюдать за ней. - На некоторых женщин военная форма производит неизгладимое впечатление. Позже, когда я приобрел репутацию человека...

- Порочного?

Последовала короткая заминка, прежде чем он ответил:

- Да, после побега Генриетты. Вы наверняка думаете, что я уклонялся от честных отношений, не так ли? Ничего подобного. Мне навязывались, меня караулили и даже преследовали. А поддаться не так уж трудно, что я обычно и делал. - Доминик шагнул к окну и выглянул во двор. - Любопытство - немалый грех.

- Вероятно, мы должны добавить его в наш перечень, - сказала Кэтриона. - Восьмой грех. Я им страдала. Когда я приехала в Лондон, то тоже была любопытна, как и все прочие.

Доминик тотчас повернулся к ней.

- Не как все прочие, Кэтриона.

Она опустила голову, чтобы не видеть огонь в его глазах.

- Вот что я думаю, Доминик Уиндхэм. Вы должны вернуться в Лондон и забрать с собой ваших друзей и их ребенка.

Доминик стоял неподвижно, лицо его побледнело.

- Эндрю - не мой сын, Кэтриона. Розмари никого не принимала, кроме своего мужа. Лорд Стэнстед был у нее в Эдинбурге, и ребенок был зачат как раз в то победное лето. Мы с Розмари никогда не были любовниками. Ради Бога, не думайте обо мне так плохо. Разве бы я совершил

предательство по отношению к своему другу?

Было ли ее беспокойство продиктовано только этим обстоятельством, или оно возникло потому, что наконец выяснилось, кто такой Эндрю? Неужели, поскольку теперь она не может спасти долину, им придется расстаться?

- Я вам верю. - Кэтриона подняла голову. - В самом деле верю. Но если Эндрю - сын лорда Стэнстеда, то оба ребенка - внуки Ратли! Эндрю унаследует титул, а Томас - Глен-Рейлэк. Это то, чего я больше всего боялась. Смерть Флетчера ничего не меняет - Ратли назначит нового управляющего, и люди будут изгнаны из долины. Я только зря отняла у вас время и силы.

- Однако я пока еще не сложил оружие, - упрямо сказал Доминик. - И хотел бы, чтобы вы мне верили, черт подери!

- Верить? В чем? - гневно воскликнула Кэтриона. - Невозможно предотвратить неизбежное!

Он должен уехать, снова подумала она, и не растрачивать себя, как странствующий рыцарь из легенды! Глен-Рейлэк умер, как и их будущее. Так почему не принять то, что уже предопределено свыше, и не уехать? У нее больше не было сил оставаться с ним.

- Что вы собираетесь делать?

- Я еще сам точно не знаю, - сказал Доминик уже мягче. - У меня есть некоторые соображения; надеюсь, все теперь получится.

- Какие соображения? Разве вы можете изменить ход истории? Я кое-что видела, когда приехала в Англию. Паровой двигатель. Мельницы. Заводы с горнами до неба. Их огни горят, как разверзшиеся пасти ада. Уничтожить все старое так же легко, как ребенку порвать истлевшие простыни. Шотландские горцы - одинокий народ, и он принадлежит прошлому. В этом новом веке нам нет места.

Доминик оперся рукой о каминную полку.

- Значит, теперь вам все безразлично, кроме одного - чтобы старая жизнь осталась неизменной?

- Почему нет? Но только все равно в этих холмах не останется ничего, кроме эха от клича овечьих пастухов и треска охотничьих ружей. Вы часть новой эпохи, Доминик Уиндхэм, и часть того класса, что придет сюда опустошить долину, а потом будет стрелять здесь шотландских куропаток. Так что уезжайте и оставьте нас в покое.

Кровь разом отхлынула от его щек, зато глаза мгновенно загорелись огнем.

- Я уеду, но есть еще один вопрос - он касается лорда и леди Стэнстед, а также Эндрю.

Кэтриона содрогнулась. Внутри что-то оборвалось, подобно шарфу, разорванному ветром.

- Но это же вы... Разве нет? Это вы им помешали! Вы не дали им создать семью, потому что не могли ничего с собой поделаться и очаровали жену вашего друга, как в той сказке с принцессой у скалы. Она так и осталась околдованной и крепко привязанной.

- Возможно, вы правы. - Левая рука Доминика неожиданно вцепилась в каминную полку, затем соскользнула, и он рухнул на пол. Кровь, пропитавшая повязку на ране, окрасила манжету его

рубашки.

Кэтриона быстро вытащила свой носовой платок и туго обмотала его ладонь, пытаясь остановить кровотечение. Потом она схватила с кресла подушку и подсунула ему под голову, ощутив под пальцами мягкий шелк его волос. Не она ли мыла эти светлые золотистые волосы и сушила их полотенцами, рыдая над ним? А сейчас, когда он так страдает, она ругала его, потому что не знала, как еще добиться его отъезда.

Теперь Доминик лежал перед ней с раскинутыми руками, беспомощный, как ребенок; в его безупречно очерченном лице как в зеркале отражалась волшебная красота мифических героев. Он очаровал ее, этот безумный англичанин, и оставил незаживающую рану в ее сердце, чтобы она увезла ее с собой в Новый Свет.

Кэтриона обвила его плечи руками и, положив голову ему на грудь, услышала, как бьется сердце – в его ритме ей почудились старинные мелодии моря. Она рыдала, уткнувшись ему в пиджак, увлажняя слезами манишку его сорочки, браня себя за бесчувствие и женскую глупость.

Позади нее неожиданно раздались шаги, и, подняв глаза, Кэтриона увидела в дверях Розмари.

– Ох и тяжела наша женская доля, – сказала Кэтриона, со смехом вытирая слезы. – Трудно жить в окружении таких мужчин, не правда ли?

– Что с ним? Он потерял сознание? – Розмари быстро подошла к Доминику, и глаза ее подозрительно заблестели. – Я принимала в постели своего мужа, а сама воображала, что это Доминик. Тогда я надеялась, что он все же придет ко мне, а этот дурачок прилип к бедняжке Генриетте. Так я и ждала его, пока он не приехал в Эдинбург в последний раз, чтобы забрать ее вещи. И тут я поняла, что он никогда меня не полюбит. Мое страстное желание, как и все мои ухищрения, оказались напрасными, и с тех пор все словно умерло во мне. Я больше не жду Доминика Уиндхэма и помню только, что он причинял мне одно лишь беспокойство. Вы, наверное, в это не верите?

Кэтриона поднялась на ноги и помогла Розмари сесть в кресло.

– Любовь сводит людей с ума. Сердцу трудно внушить, чтобы оно любило разумно. Но ведь Эндрю – сын лорда Стэнстеда, не так ли?

Розмари как-то странно взглянула на собеседницу и схватила ее за руку.

– О да! Доминик никогда не поощрял моих притязаний и никогда не обнадеживал меня. На самом деле он пытался заставить меня вернуться к Стэнстеду. Мы даже заключили сделку, вернее, я заставила его сделать это, когда он стал давить на меня, чтобы я вернулась в Лондон. Наверное, я была тогда просто сумасшедшей...

– Я не могу судить, пока не узнаю условий вашего соглашения. – Кэтриона присела рядом с ней.

– Все было довольно просто, – пояснила Розмари. – Идею я позаимствовала из одного рассказа. Я сказала Доминику, что не вернусь, пока Стэнстед не выпьет целое озеро, не взберется на церковную крышу и не подарит мне сына. Конечно, мне следовало знать, что Доминик справится с первыми двумя условиями. А что касается сына, то тут уж я сама помогла, в минуту слабости. Правда, я была уверена, что он никогда об этом не узнает.

- Значит, вы... Я думаю, вы все-таки любили своего мужа, леди Стэнстед!

- Не знаю. - Розмари опустила голову. - Но я зачала от него ребенка... - Она помолчала. - Доминик сказал мне в Эдинбурге, что Стэнстед выполнил два других условия.

Озеро, правда, было искусственное, в доме леди Бингхэм, но шпиль вполне реальный, и взбираться на него было довольно трудно. Никогда бы не подумала, что мой муж такой храбрый!

- Я присутствовала при этом, - хладнокровно заметила Кэтриона. - Это очень высокий шпиль.

- Так вот ради чего совершалось то безумное восхождение на церковную крышу! Теперь-то наконец выяснилось, что это не была просто эскапада пьяного...

Розмари отвела глаза:

- Я была ослеплена Домиником, блеском его славы. Во время войны он был офицером разведки, вы ведь знаете об этом? И потом, он красив как бог - все женщины в Лондоне по нему с ума сходят. Такие мужчины не бывают хорошими мужьями и отцами, верно? И даже как любовники они ненадежны из-за своего непостоянства.

- Но почему он проявил столь энергичное участие в спасении вашего брака? Если майор Уиндхэм не любил вас, то какое ему было дело до вашей жизни?

Розмари встала и разгладила складки модного платья.

- Пока я оставалась в Эдинбурге, его жена не поехала бы в Лондон. Доминик надеялся, что, если я вернусь к своему мужу, Генриетта вернется к нему. Это было глупо, просто безумно с его стороны - она никогда не сделала бы этого.

- Но почему вы вышли замуж за лорда Стэнстеда, если любили другого?

Темные глаза посмотрели на Кэтриону с легкой насмешкой.

- В Англии все не так просто. Леди нашего круга не вступают в брак по любви. Только выйдя замуж, я могла рассчитывать на взаимность Доминика. Он не стал бы рассматривать меня даже как потенциальную любовницу, пока я оставалась девственницей.

Доминик, застонав, слегка пошевелился на полу, и Розмари тотчас выпорхнула из комнаты. Кэтриона подошла к нему и опустилась рядом с ним на колени. Все это было для нее непостижимо - английские аристократы, их сердечные тайны и сумасшедшие игры. Как ей, здравомыслящей девушке из Шотландии, могло прийти в голову, что она сумеет победить этого человека, если он был таким мастером интриги?

Веки Доминика затрепетали и приоткрылись; он пристально посмотрел на нее.

- Я потерял сознание. Боже мой, какой стыд! Ваши голоса доносились до меня как будто из колодца. - Поморщившись, он приподнялся, оберегая раненую руку. - Розмари рассказала вам о нашей с ней сделке?

Кэтриона кивнула. О, если бы она могла помянуть свое раненое сердце так же легко в собственной ладони!

- Трагедия и комедия нередко спят в одной постели, - сказал Доминик. - Весьма искусная

стратегия – увезти Генриетту с собой в Шотландию. Блестящая задумка! Разумеется, это вынудило меня видаться с Розмари, даже согласиться с сумасшедшими условиями, чтобы заставить ее вернуться к мужу.

– Розмари убежала потому, что любила вас, и взяла Генриетту с собой, чтобы отобрать у вас всякий шанс наладить жизнь со своей женой.

Кэтриона видела, как Доминик изо всех сил сдерживает смех.

– Ну да, Розмари похитила Генриетту, потому что решила, будто любит меня. Но я не уверен, знала ли она себя на самом деле.

Глава 18

Доминику помогли перебраться в его комнату и лечь в постель. К ночи у него поднялся жар. Кэтриона не могла уехать, пока не миновала опасность, хотя принятое ею решение ничуть не поколебалось. Она знала, что весть о гибели Флетчера скоро дойдет до Англии и Ратли пришлет нового управляющего. Тогда в долине снова начнется чистка. Останется ли Доминик Уиндхэм жив или нет, поправится полностью или останется со скрюченной рукой, теперь не играло роли – Кэтриона Макноррин отбудет со своим кланом в Канаду, и их пути больше никогда не пересекутся. Но как не повидаться с ним, когда он лежит у себя в номере! А вдруг ее визит окажется мучителен для них обоих? Наблюдать двух других влюбленных, открывших себя друг для друга, было для нее еще тяжелее. Теперь вместе с Эндрю они наконец стали семьей: Розмари занималась шитьем, и с каждым новым стежком этот союз укреплялся. Когда Стэнстед увидел ее в гостинице, он чуть не потерял дар речи: в первый момент лицо его горело так ярко, что даже веснушки на нем сделались незаметными.

– Розмари? Слава Богу, ты здесь!

Эндрю посмотрел на него и нахмурился, но потом вдруг засмеялся.

– Это бобан, твой отец, – сказала миссис Макки, мешая гэльские слова с английскими. – Скажи папе: «Меня зовут Эндрю».

– Длю! – крикнул малыш и протянул к Стэнстеду пухлые ручонки.

Лорд Стэнстед с нежностью взял на руки своего маленького сынишку. Розмари позволила им как следует познакомиться. Когда миссис Макки забрала мальчика, чтобы уложить его спать, Стэнстед встретился взглядом с женой и увел ее в свою комнату. Позже они вышли рука об руку, спокойно беседуя. Кэтриона даже подумала, что, возможно, Розмари просила прощения у своего мужа. Впрочем, он был уже прощен, по милости своего чернобрового сына, унаследовавшего подбородок Ратли и темные глаза матери. Стэнстед же был готов предложить жене свою любовь, а Розмари – принять ее. Таким образом, для Эндрю его странствия закончились счастливо и в ближайшее время он должен был наконец обрести свой дом.

Но все это завершилось так удачно только потому, что ребенок был англичанином. А вот у шотландских горцев, которых силой выгонят из долины, не будет своего дома.

Утром снова пришел доктор и сказал, что кризис позади. Кэтриона принялась дотошно расспрашивать его о руке Доминика.

– О, я полагаю, он сможет ею пользоваться, – успокоил ее врач. – Сухожилия целы, и если он

даст себе отдых, а также впредь воздержится от нагрузки, все восстановится. Эти ткани вообще довольно легко срастаются. Но, конечно, после такого повреждения рука будет не столь сильна, как прежде. – Он взял свою шляпу и трость, сунул под мышку докторский саквояж и откланялся.

Значит, в любом случае у них ничего не получится. Даже если она смягчится и поддастся соблазну, Доминик все равно не сможет существовать в необжитых местах, где не на что больше надеяться, кроме как на силу собственных рук.

Кэтриона не заметила, как оказалась на улице. Она бродила по городу, глядя на повреждения, причиненные землетрясением. Крыша тюрьмы была сорвана и помята, почти все каминные трубы разрушились. Правда, осыпавшиеся камни уже повсюду убрали с растрескавшихся плит тротуаров. Скоро Инвернесс восстановят, но он уже никогда не будет прежним.

Ничто в этом мире не будет прежним. Она проделала путешествие в Англию, чтобы провести великий поиск, и потерпела неудачу. Битва проиграна, и теперь уже навсегда.

Небо начали заволакивать тучи, и Кэтриона, глядя на них, усмехнулась. Одна из ошибок шотландских горцев – все обращать в историю. Если реальный мир недостаточно поэтичен, им обязательно надо приспособить его к своим потребностям. Зачем шотландцам нужны мифы? У нее не было на это ответа. Мелкий дождик как нельзя лучше подходил к ее настроению, но чтобы оплакать трагедию, подчас мало и океана, подумала она.

Впереди показался порт. Кэтриона вглядывалась в корабли, их высокие мачты и оснастку: суда покачивались, как огромные колыбели, на фоне серого неба. Скоро-скоро гордые горцы Глен-Рейлэка уйдут отсюда. Воины, сражавшиеся во всех уголках мира за короля Георга, станут братья за любую работу, чтобы заработать деньги на проезд в другие края. Их женщины последуют за ними. Может, ей стоит остаться одной в пустой долине, в замке, в котором она родилась?

Кэтриона вернулась к гостинице. Она знала, что должна оборвать последнюю нить, должна вырвать из сердца этого англичанина раз и навсегда, а заодно заставить его забыть ее.

На булыжной мостовой стоял нанятый в гостинице экипаж, запряженный парой лошадей. Доминик остановился в дверях: его правая рука висела на перевязи у груди. Увидев Кэтриону, он улыбнулся.

– Я ждал вас. Видите, ваше желание исполнено – я возвращаюсь в Англию.

– Как? Прямо сейчас, ночью? – воскликнула она, и тут же от слабости у нее закружилась голова. – Вы еще не набрались сил для путешествия!

Мелкий дождь падал не переставая на покрытые грязью булыжники.

– Ерунда. – Доминик равнодушно отвел взгляд. – Мне здесь больше нечего делать. Не подглядывать же за Стэнстедом и Розмари – мне уже неважно видеть как они строят глазки друг другу.

– Это то, над чем вы столько времени трудились. Итак, работа завершена?

– Да, поэтому я и уезжаю, – кивнул Доминик. Дождь все усиливался.

– Но тогда нас будут разделять сотни миль! – вырвалось у Кэтрионы, и она немедленно

захотела, чтобы эти слова остались несказанными.

- Я знаю. - Доминик снова посмотрел на нее. Глаза его заполнились тенями, напоминавшими зеленый мох. - Я обещал, что никогда не буду ни искать вас, ни посылать за вами. И все же не теряйте надежды, Кэтриона!

Она собиралась при расставании дать ему что-нибудь с собой, какой-нибудь подарок, но сейчас могла оставить на память только слова:

- Я буду надеяться, ради вас!

Доминик шагнул ближе, протянул к ней руку, и Кэтриона почувствовала на щеке тепло его ладони. Глаза Доминика были полны страстного желания и нежности, но голос звучал почти равнодушно:

- Мы опять теряем время, даже этот короткий миг! Почему мы не использовали каждую минуту, чтобы побыть вместе? Для любовников мы успели так мало, черт побери! Я могу пересчитать по пальцам, когда вы одаривали меня своей благосклонностью. Любовь так редка и так драгоценна в этом мире. Когда она снова придет к вам, обещайте мне, что вы возьмете ее обеими руками и удержите у себя. Не дайте ей опять уйти, Кэтриона.

Брызнувшие против воли слезы обожгли ей глаза.

- Увы, на моем пути она больше не встретится.

Взгляд Доминика изучал ее лицо, задерживаясь на губах. Она закрыла глаза и отдалась сладкой минуте, не отнимая щеки от его ладони.

- Я не смогу поцеловать вас на прощание, - сказал он. - Это заставит меня изменить решение.

Она улыбнулась и заморгала, смахивая слезы с ресниц.

- О, тогда поезжайте скорее и не поминайте лихом, потому что я тоже не могу поцеловать вас. Вы - восхитительный мужчина, Доминик Уиндхэм! Любая женщина, имевшая такого, как вы, в качестве первого любовника, может гордиться, и я не жалею о том, что было. Теперь вы найдете девушку, достойную этого подарка, и женитесь на ней.

- Боже упаси! - сказал Доминик и вздохнул. - Хватит с меня брачных ночей, тем более с девственницами. Как показывает опыт, это ужасная комбинация.

Кэтриона засмеялась и отступила назад.

- Ну что ж, в таком случае мы квиты.

Прежде чем он успел ответить, она повернулась и вошла в гостиницу. Ей было слышно, как отъехал экипаж. Слабость заставила ее прислониться к стене, чтобы не упасть в обморок прямо в коридоре.

«Не думай о нем! - приказывала она себе. - Немедленно отправляйся обратно в Глен-Рейлэк, к Дейрдре, Мейрид, Изабель - твоя жизнь там. Тебе придется проститься с долиной и Дуначеном, пещерой Калема и водопадом, где умер Уильям Уркхарт. Твое прошлое, твое детство - все останется позади, как и твоя невинность, подаренная мужчине. Но какое теперь это имеет значение?»

Колеса, стуча, покатались по мостовой. Железо и камень терлись друг о друга, навечно унося англичанина из ее жизни. «Я не вернусь никогда», – подумала она по-гэльски.

Путешествие доставило Доминику немало мук – временами ему казалось, что это был настоящий ад. Когда экипаж подбрасывало на неровной дороге, в руке возникала жгучая боль, как будто в нее вонзались тысячи иголок. Кроме того, его снова одолевала лихорадка. Он заставлял кучеров ехать день и ночь; север все больше отдалялся, становясь простым воспоминанием.

Стэнстед и Розмари будут добираться на юг медленно и повезут вместе с сыном шотландскую няню. Временами они даже являлись ему во сне. Он видел их блуждающими в полях, среди молодых побегов и маков, напоминающих своим алым цветом о пролитой крови воинов. Иногда все трое прохаживались по бесконечному берегу с белыми ракушками. Волосы Эндрю из черных почему-то превращались в золотистые; малыш ковылял за взрослыми, то смеялся, то рыдая. Няня забирала его и уносила прочь, всегда далеко на запад, через огромный океан. Там, за горизонтом, находилась Тир-нан-Ог – «Земля молодости», где для него сохранится память о вечно юной Кэтрионе.

И все же чего-то ему удалось достигнуть. Он привел Розмари обратно к ее мужу, в то время как Генриетта ушла в небытие. Она уже не заполняла его снов.

Когда Доминик приехал в Лондон, он был еще очень слаб и даже не смог подняться в свои апартаменты без посторонней помощи. Утром он так же нетвердо стоял на ногах и все же, побрившись с большим тщанием, стал одеваться.

Слуга, подавая ему накрахмаленный шейный платок, посмотрел на него с нескрываемой озабоченностью, и Доминик повернулся к зеркалу. Оттуда на него глянул надменный лондонский денди в сверхмодном костюме, и если бы не слабые тени вокруг глаз и не свежая льняная косынка, поддерживающая правую кисть, никто и на секунду не заподозрил бы, что Доминик Уиндхэм вообще куда-то уезжал.

Выйдя на улицу, Доминик обратил внимание на запах угольного дыма, конский топот и спешащую толпу. Оказывается, прежде он многого не замечал.

Заставив себя отрешиться от всех своих немочей, он вошел в особняк герцога.

– Сейчас узнаю, сэр. – Привратник взял его визитную карточку, чопорно поклонился и скрылся наверху. Через минуту он появился снова. – Его милости нет дома, майор Уиндхэм.

– Что ж, тогда я подожду.

Доминик поудобнее расположился на хрупком золоченом стуле, стоявшем в холле, и, откинувшись на его спинку, прикрыл глаза.

– Обычная светская формальность и ничего более. Его милость чем-то занят и не желает меня видеть. Я прекрасно это понимаю, но я все равно увижу его, хочет он того или нет. Прошу передать герцогу, что у меня есть новости, которые он наверняка пожелает услышать.

Слуга повернул назад и его напудренная голова еще некоторое время белым пятном маячила в полумраке коридора.

Прошло около часа, прежде чем Доминика препроводили в кабинет Ратли, человека с желтыми козьими глазами, сидевшего за широким письменным столом.

- Что за причина могла побудить вас явиться сюда, майор Уиндхэм? - Герцог поднял недовольный взгляд на гостя.

- Я рассчитываю на снисхождение, ваша милость, - ответил Доминик и, пройдя через комнату, опустился в кресло с красивой отделкой. Ему потребовалось немало усилий, чтобы держать спину прямо.

- Я вижу, вас доконали ваши дебоши. - Ратли сложил ладони домиком и положил подбородок на кончики пальцев. - Вы, вероятно, и сейчас пьяны, сэр?

- Напротив, я совершенно трезв!

Доминик улыбнулся. Он старался не обращать внимания на дергающую боль в правой руке.

- Вы ранены, и потому я заключаю, что вас постигло несчастье?

- Это произошло не случайно, ваша милость.

- Продолжайте, сэр. Я полагаю, что сейчас услышу интересные подробности. Значит, Джерроу Флетчер?

- Вы не ошиблись. Он пытался убить женщин и детей, прикрываясь вашим именем. Вы действительно приказали ему это?

- Господь с вами, сэр! - Ратли остался совершенно неподвижен, однако ноздри его расширились. - Откуда у вас такие предположения? Чушь!

- Я так и думал - вы не могли дать ему подобных полномочий. - Доминик внимательно посмотрел на герцога. - Трудно вообразить, чтобы столь великий человек приказал наносить людям увечье. Что касается моего ранения, у нас с мистером Флетчером старые счеты. Вы могли не знать о нашей ссоре. К счастью, теперь он мертв и потому больше не сможет поставить под сомнение вашу репутацию.

- Вы умный человек, майор Уиндхэм. - Маска спокойствия на лице герцога слегка дрогнула. - Прошу вас, расскажите мне о Флетчере.

Доминик коротко описал герцогу свои приключения; при этом он ни словом не обмолвился о Кэтрионе. Не важно, действовал Флетчер по приказу или нет, в данный момент нужно было, чтобы герцог ему поверил.

Когда он закончил, герцог поднял на него глаза.

- Итак, что теперь привело вас сюда, майор Уиндхэм?

- Вопрос касается ребенка. Ваша милость, конечно, знает, что в «Душах милосердия», где обосновалась леди Стэнстед, проживал некий мальчик. Надеюсь, вы не верите сплетням, которые распускают невежественные слуги, будто он соперник вашему внуку Томасу? Тот малыш не является кровным родственником Макнорринов и не может претендовать на шотландское наследство, смею вас заверить.

- Смеее? Неужели? - У герцога, похоже, пробудился интерес, но он скрыл его за полуприкрытыми веками. - Выходит, я ошибся, давая поручение Флетчеру навести справки?

Какое невинное оправдание! Доминик ухмыльнулся:

- О нет, ваша милость. Вы были совершенно правы. Я полагаю, вам будет приятно узнать, что сей таинственный ребенок - тоже ваш внук.

Дрожь пробежала по лицу герцога, в голосе его появились угрожающие нотки.

- Выражайтесь яснее, Уиндхэм! - сказал он после паузы.

- Мальчика зовут Эндрю. Он - законный сын вашего сына, лорда Стэнстеда, и его жены, леди Розмари. В данный момент она восстанавливает отношения с супругом и везет мальчика в Лондон.

Веки медленно поднялись, обнажив шафранные глаза. Ратли уставился на Доминика. Темно-желтый цвет заблестел, переплавляясь в чистое золото.

- Это ребенок Розмари?

- Именно так. И отцовство лорда Стэнстеда неоспоримо. Таким образом, титул Ратли надежно переходит к следующему поколению.

Герцог встал и зашагал по комнате. Он остановился у книжного шкафа и невидящим взором уставился в полки. Потрясающая сдержанность! Когда он снова повернулся к своему письменному столу, влага на щеке оставила слабую отметину на пудре.

- Вправе ли я заключить, сэр, что вы сыграли некоторую роль в этом открытии и этом примирении?

- Ваша милость может спросить об этом своего сына, когда он вернется, - сказал Доминик одному из самых великих хитрецов и эгоистов в Лондоне. - Но ваш сын везет вашего маленького внука. В этом вся соль.

- О Боже! Вот темная лошадка! Какой благодарности вы ждете от меня за эту новость? Какую ищете пользу? Откройте ваши карты, сэр!

Доминик поднялся, чтобы уйти. Это потребовало больше усилий, чем он ожидал.

- Я не прошу вас ни о какой милости, за исключением прощения для леди Стэнстед. - Доминик оперся левой рукой на спинку кресла, чувствуя, как его снова начинает лихорадить и пробуждается боль. - К слову, малыш очаровательный. Красивый, здоровый и смысленный. И сделает честь вашему дому. Конечно, у него шотландская няня, и она уже немного научила его своему варварскому языку. - Он помолчал. - Так что вам придется искоренять некоторые словечки.

- Это ни к чему, сэр. - Ратли сел, сложив руки на столе. - Навыки могут пригодиться. В поместьях его кузена говорят на этом языке. Когда Эндрю и Томас начнут вместе ездить на охоту, им будет легче понимать егерей.

Практичный старый лис! Доминик засмеялся, хотя лихорадка усилилась и у него кружилась голова.

- Охота - вещь хорошая. Но Глен-Рейлэк, конечно, достоин лучшего применения. Я думаю, вы захотите, чтобы сын вашей дочери имел солидный доход от своих поместий.

- Залог его благополучия - овцы. Это уже доказано по всему Северу. - Герцог прищурил

глаза. – Я осведомлен о вашем знакомстве с мисс Кэтрионой Макноррин, кузиной Томаса. В настоящее время я позволил ей остаться в Дуначене. Не в моих привычках оставлять в нужде родственников, тем более незащищенных женщин. Не знаю, говорила ли она вам, но я предлагал ей также дом здесь, в Англии, после того как Глен-Рейлэк будет очищен.

Надо было знать Кэтриону! Ничего не сказать о таких важных вещах!

– И что же, мисс Макноррин оказалась слишком горда, чтобы принять ваши пожертвования?

– Вместо этого она прислала мне письмо со страстным призывом не трогать людей. Она отказалась бросить свой клан на произвол судьбы. Уж не думаете ли вы сочинить какую-нибудь бесполезную петицию в защиту этих дикарей? Да они будут счастливы выехать из своей глуши на лучшие земли за морями! А если мисс Макноррин решительно настроена присоединиться к ним, я не стану ей мешать. Надеюсь, вы не думаете, что новость о младенце смягчит мое сердце?

– Напротив, ваша милость. Ваши требования к шотландским поместьям Томаса совершенно справедливы. Наследство должно приносить максимально возможную прибыль. – Доминик оставил спинку кресла и, собрав силы, стал заходить с другой стороны стола, где стояло несколько бутылок: французский коньяк и набор портвейнов. – Но я думаю, вам понравится предложение выпить за здоровье маленького Эндрю?

Герцог ничего не сказал, только наблюдал за Домиником. Желтые глаза потемнели, превратившись в янтарь.

Доминик полез в карман и, вынув небольшую бутылочку, плеснул напиток в два хрустальных стакана. Аромат, отдающий торфяниками, вызвал волнующие воспоминания.

– Напиток местного производства. – Головокружение усилилось. «Господи, неужели я близок к обмороку?» – подумал Доминик и продолжил: – Они называют его «уисги-бита» – вода жизни. – Контролируя каждый шаг, он прошел к герцогу и подал ему стакан. – За Эндрю!

Виски заискрилось на свету. Доминик омыл язык гладкой жидкостью, растекающейся по венам подобно бальзаму. Он следил, как Ратли, закрыв глаза, смакует напиток с непривычным вкусом и ароматом. Дай Бог, чтобы этой дегустации оказалось достаточно!

В дверь деликатно постучали. Герцог поднял глаза. Черты его исказило обычное раздражение.

– Войдите, – сказал он.

В комнату вошел напудренный лакей.

– Ваша милость, здесь джентльмен. Ему нельзя отказывать. Дело совершенно безотлагательное. Он пришел за майором Уиндхэмом.

– За мной?

Виски ударило теплом в желудок и одновременно прочистило мозги. Доминик улыбнулся, увидев человека, протискивающегося в комнату из-за спины слуги.

– Ваша милость, тысяча извинений! – сказал мужчина, глубоко кланяясь. – Майор Уиндхэм? Милорд, я по поручению ваших близких. Прошу вас немедленно ехать со мной.

Милорд? Почему, черт побери, доверенный человек его семьи допускает такую элементарную ошибку? Доминик покачал головой. Жар, казалось, добрался до сердца, заставляя его стучать слишком часто. Узоры на турецком ковре стали расплываться. Ах какое бы это было облегчение опуститься сейчас на колени, зарыться лицом в этот ковер, привезенный из гранд-тура каким-то предком герцога, и упиваться кружащимся миром из цветной шерсти! Виски выплеснулось из стакана, и сознание окуталось торфяным дымом.

Где-то поблизости тихо щелкнула веточка. Кто-то потревожил дрок. Кэтриона подняла глаза на желтый цветок. Перед входом в пещеру Калема стоял высокий светловолосый человек в синезеленом килте. Мужчина смотрел на нее в упор, и сердце ее замерло. Она знала – это не мог быть он. Чтобы избавиться от наваждения, она отвела взгляд и стала считать про себя, как отсчитывала дни с момента их расставания. Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... Дальние пики, казалось, дремлют в мечтах. Будут ли эти горы грезить вот так же вечно, даже после того, как уедут любящие их люди?

Он не мог вернуться. Ни один англичанин не отступится от своего слова, торжественно им данного. В этом отношении они действительно как шотландцы. И как она могла подумать, что он нарушит клятву и приедет к ней? Это было бы грубым попранием его чести. Это значило бы, что в нем сломалось что-то жизненно важное, фундаментальное – все то, что она в нем любила. Она не допускала и мысли, чтобы с ним могло случиться что-нибудь подобное. Поэтому надежду на его возвращение нужно оставить навсегда. Неожиданно мираж превратился в реальность, когда мужчина заговорил по-гэльски. Это оказался Алан Фрезер.

– Кэтриона Макноррин? Я с хорошими новостями. Вы не поверите!

Он сел рядом с ней. Когда лучи ударили ему в лицо, она увидела, что он широко улыбается.

– Так что вы хотите сообщить мне, Алан Фрезер? – сказала она и, зная, что ничто не доставит ему большего счастья, чем упоминание имени, преследовавшего ее все дни, добавила: – Эти хорошие новости о Доминике Уиндхэме? Вероятно, он помолвлен с какой-нибудь англичанкой?

Алан взял ее за руку и стиснул кисть.

– о, ничего подобного! Стал бы я говорить о таких вещах! Есть новость и о нем тоже, но сначала о другом. Я не хочу откладывать. Пришло письмо от Ратли, и я вижу в этом руку майора Уиндхэма. Радуйтесь, Кэтриона. Это касается вашего сокровенного желания. Герцог отдает вам – всем нам – долину!

Кэтриона всматривалась в его лицо, и ее сердце начинало биться все быстрее.

– Как это?

– Вот. Читайте.

Дрожащими руками она развернула письмо. Бумага была плотная, высшего сорта, с красной как кровь восковой печатью. К концу чтения буквы и строки стали расплываться у нее перед глазами.

– О, это не повод для слез! – воскликнула она, но не выдержала и зарыдала.

Алан неловко положил ей руки на плечи, привлекая к своей широкой груди.

– И все это провернул он, правда ведь? Иначе с чего бы Ратли изменил свою точку зрения!

- Здесь написано, что его милость считает этот вариант более прибыльным для своего внука! - Кэтриона засмеялась, глотая слезы. - Ну, Алан Фрезер, поздравляю! Партнер Ратли вкладывает капитал, а вы назначаетесь новым управляющим. Вам повезло с работой. За вами стоит английский герцог!

Алан поцеловал ее в макушку.

- Скоро нам снизят пошлины и откроют свободный рынок виски. Закон меняется. Для долины это прекрасная новость. Вместо выпаса овец начнем легально строить заводы. Кстати, наша новая винокурня должна проходить лицензирование в магистрате.

- С герцогским разрешением! Винокурня в имени сына его дочери - маленького Томаса Макноррина! Магистрат Инвернесса точно не откажет! - засмеялась она сквозь слезы.

Алан кивнул.

- Пройдет примерно год, и мы создадим новую отрасль для Россшира. Глен-Рейлэк станет центром по производству солодового виски. Наше виски прославится на все королевство. Мы привлечем рабочую силу из долины. Люди станут гнать дистиллят и выращивать на своих фермах ячмень. Никаких овец! Никаких кораблей! Ничего этого не будет, Кэтриона!

- А что вы оставите для контрабандистов, когда виски начнут продавать легально? - насмешливо поинтересовалась она.

- Я не представляю, милая! Даже не верится, что мы будем заниматься этим в пределах закона. Но что-нибудь найдется и для контрабанды. - Алан ухмыльнулся. - Соль будем возить с востока, пока сооружаются перегонные цеха.

- А почему вы думаете, что Доминик приложил к этому руку? - спросила она, хотя была уверена в этом. Ведь он наказывал ей не терять надежду! Значит, он имел в виду этот план? Так не потому ли он покинул ее так внезапно?

- Доминик Уиндхэм уехал в Англию с хорошим запасом виски. А как бы еще герцог узнал чистый вкус нашего солода? Наше виски окрашено золотистым сиянием зерна и пропитано торфяным духом холмов! Воображаю, как майор пил там за здоровье герцога!

О Боже! Кэтриона опустила лицо на колени в безумной радости, ощутив головокружение и слабость. Не терять надежду!

И эта безмолвная клятва понеслась через холмы и вернулась к ней эхом волынки. Это были звуки дудки самого Мерчада Макноррина - того, кто играл шотландцам, когда они со славой шли через Пиренеи, и кто играл Калему, когда он умирал под Ватерлоо. Сейчас этот инструмент выводил те же победные марши. Мужчины теперь могли оставаться дома, скот - пастись на своих летних пастбищах, Ачнадрочейд - строиться заново. Никому не нужно было покидать Глен-Рейлэк.

- Как ему удалось? - Кэтриона наконец очнулась. - Как объяснить такое влияние на герцога?

- О, я представляю, - сказал Алан. - Для этого надо иметь золотой язык. Впрочем, есть и другие новости. Сейчас Доминик Уиндхэм - большой человек. После такого взлета мы уже не увидим его бегущим в пледе через вереск.

Конечно. Конечно, нет. Он не станет нарушать свое слово и приходить к ней, даже теперь. Но

почему Алан так говорит? Он не мог знать об их соглашении.

- Не увидим?

- У него умер брат, старший брат Джек. Скончался совершенно неожиданно от удара. Майору сообщили эту новость у Ратли, и с ним случился обморок, прямо там, на ковре. Доминик Уиндхэм - английский граф, Кэтриона. Полноправный лорд Уиндраш. Поэтому сейчас он очень богат. Кто бы мог предположить, что у герцога появится такой партнер! Прекрасный финиш, не правда ли?

Граф! Кэтриона протянула обе руки к небу, затем повернулась лицом к Алану и громко захохотала. Она буквально захлебывалась от смеха. Доминик вложил ее будущее, точно сверкающий подарок, ей в руки, а его собственная судьба тем временем не дремала и распорядилась за него.

Итак, он стал графом, со своим местом в палате лордов и соответствующими обязанностями. У него появились поместья в Англии, собственные арендаторы и слуги. На его попечении осталась овдовевшая невестка, о которой он должен заботиться. Теперешний статус прочно закреплял его в мире власти. Отныне его обязанности еще более тесными узами связывали его с Лондоном, где много театров, клубов и женщин, которые будут заманивать его в свои сети. Став лордом Уиндрашем, он, без сомнения, будет самым завидным женихом в королевстве. Какое ему теперь дело до Шотландии? Он совершил последний благородный жест. Он порядочный человек и сделал это из сочувствия к Макнорринам, у которых сожгли дома и им не оставалось ничего другого, как стать рабами в Канаде.

- Ах, Алан! Это действительно прекрасный финиш!

Светлые брови сомкнулись.

- Я знаю, вы любили его. Какая девушка не влюбилась бы в такого мужчину! - Алан встал, высокий и сильный, красивый в своем килте, и устремил взгляд к вершинам. - Но вы принадлежите этой стране, и я увижу вас в прекрасном каменном доме. Я увижу вас с мужем у камина и собственными детьми. Вы будете звать их в дом и напевать им вполголоса песни. И вокруг вас будет ваш народ. Быть наложницей у английского графа - а он имел так много любовниц - значит потерять свое лицо. Это разобьет ваше сердце, Кэтриона. Разрушит душу. Я говорю вам всю правду, несмотря на то что теперь судьба шотландцев неразрывно связана с Англией. И несмотря на то что я люблю майора как брата и как человека, который однажды спас мне жизнь.

- Расскажите, как это было, - попросила Кэтриона. Она знала, что Алан прав, но просто хотела потянуть время.

- Да, по сути, наберется не так много для рассказа. Когда борьба идет не на жизнь, а на смерть, все солдаты стоят друг за друга. Но он - англичанин, а они слишком часто старались держаться в стороне от наших полков. Шотландцев посылали вперед разве что в атаку. Я был контужен и оставлен умирать на поле боя. Враг был уже близко, когда я пришел в себя и попытался встать.

- Они стреляли?

- Залпами. И все время под одну и ту же тарабарщину: «Vive l'Empereur!» [3]. Земля сотрясалась от адского топота. Доминик Уиндхэм примчался на своей лошади под шквальным огнем, бросил меня на задривок лошади и вывез оттуда. Вокруг нас свистели пули, картечь

сыпалась как град. Я не удивляюсь, что вы влюбились в такого мужчину. Он рисковал жизнью, чтобы спасти незнакомого человека. Вы можете в это поверить?

Кэтриона протянула руку и дотронулась до его руки.

- Да, Алан Фрезер, могу. Так же как верю в то, что он герой.

- Но он не вернется в Инвернесс. Нам нечего на это рассчитывать. Он не придет в Глен-Рейлэк выпить с нами. Не будет снова спать на гумне у моей матери. Хорошая память - это все, что у нас останется о нем.

«Я ставлю единственное условие: когда мы расстанемся, обещайте, что никогда не будете искать меня. Никогда не станете посылать за мной. Не будете снова морочить мне голову умными словами, как вы делали это в Эдинбурге».

- Вы правы, Алан. - Подняв голову, Кэтриона рассматривала далекие вершины, поражающие своим великолепием. Слезы бежали по ее щекам, свободно и быстро. - Он не вернется. Теперь у него другой удел в отличие от нас...

Другой удел, если... Если она не сумеет найти в себе совсем иную смелость - такую, в которой не будет гордости, мешающей душе раскрыть всю боль, всю горечь потери. Но эту смелость нужно найти. В настоящее время самопожертвование - всего лишь другое название малодушия, не говоря о том, что оно обкрадывает еще одного человека.

Алан попытался ее успокоить:

- Ах, Кэтриона Макноррин, да разве может английский граф тратить время на таких, как мы? И хоть в наших венах течет кровь королей, достаточно ли этого, чтобы считать нас благородными? Нас разделяет широкий пролив - разное социальное положение, язык и культура. Вы зависите от милости Ратли, а Доминик теперь тоже граф. Если вы поедете к нему, все, что он предложит вам, будет из чувства долга или из жалости. Сможете ли вы перенести это? И зачем, когда есть шотландский парень, который любит вас! Выходите за меня замуж, родная, и дело с концом!

Следовало отдать должное Алану, его доброте и порядочности. Но Кэтриона приняла решение, хотя тем самым отдавала себя в руки англичанину, которого они оба любили. Чего бы ей это ни стоило, она должна поехать к нему.

Кэтриона улыбнулась и протянула Алану руку за то, что он только что подсказал ей решение.

- И вы делаете мне предложение, зная, что я люблю другого? И несмотря на вашу любовь к нему? Тогда здесь не обойтись без еще одной сделки. На этот раз между вами и мной. Подождем, - добавила она по-гэльски. - Как бы ни была длинна песня, у нее всегда есть конец.

Глава 19

Она всегда была здесь.

Иногда в углу комнаты, с волосами, такими же пышными, как крылья птицы, и плавными, как река. Они струились поверх белых округлостей груди, изгибаясь у нежной талии, ниспадая до бедер и теряясь в черном озере, растекающемся поперек пола. Временами она проплывала над кроватью, величаво, слегка нахмурившись, с суровыми чертами викинга. Он хотел разглядеть

морщинки у нее на лбу, пробежать пальцами по ее лицу.

Один раз он поднял руку, чтобы дотронуться до нее.

Рука исчезла.

Он отметил это без особого удивления и ощущения потери. Он знал – ему запрещено трогать ее. Он знал, что заслужил наказание.

Но она всегда была здесь. Всегда.

Она пела песни Валгаллы.

«О Боже! – сказал голос брата. – Что это за песни?»

«Я не знаю, Джек», – отвечал ему Доминик и говорил про себя: «Не Валгаллы!» – и многозначительно улыбался, понимая, что это просто бравада. Потом опять спрашивал себя: «А что, у меня нет руки?» – и снова объяснял брату: «Она поет по-гэльски. И я буду слушать это вечно? Пение женщины, которую я потерял. Песни на языке, которого я не знаю...»

«Глупый мальчик, – ответил ему Джек. – И всегда будешь таким. Всегда, Доминик Уиндхэм».

«Но я люблю ее», – хотел сказать Доминик, но губы лишь беззвучно шевельнулись. Он вглядывался в лицо брата и снова пытался их произнести, но Джек растворился в тумане.

И не осталось ничего, кроме пульсирующей боли.

– Сначала снимите кольцо, – сказал голос. – Всегда снимайте любые кольца.

Джек прохаживался по узкой светящейся дорожке, перекинувшейся в виде арки через ночное небо. Звезды внезапно вспыхнули в темноте, словно распустившиеся белые цветы или выпавший снег. И в полоску света попал заблудившийся ребенок с золотистым венцом волос, как солнечный нимб, как взлет лепестков чистотела. Маленький мальчик стоял на тропинке и плакал.

«Не плачь! – закричал Доминик. – Я иду к тебе! Сейчас у тебя будут игрушки, луна и звезды. И ты станешь играть вместе с другими детьми».

вернуться

3

Да здравствует император! (фр.)

– Граф бредит, – сказал кто-то. – Нужно повторить кровопускание.

Французский берег исчез из виду. Прошло шесть часов, и показались приветливые белые скалы Дувра. Переправа завершилась. На берегу стояли экипажи для лорда и леди Ривол. Небольшая группа слуг ожидала своих хозяев.

Найджел под руку с Франс подошел к встречающим.

- Какие новости?

Маркиз с женой внимательно выслушали все по порядку: квалифицированную сводку последних политических событий, доклад о положении дел в поместье и затем все прочее.

- Да, милорд, еще, - добавил секретарь, - скоропостижно скончался Джек Уиндхэм. Апоплексический удар. Теперь майор Доминик Уиндхэм - лорд Уиндраш. Но последние три недели он тяжело болен. Осложнение после ранения руки. Говорят, он игнорировал предписания, и рана воспалилась. Доктора даже опасались за его жизнь. Боюсь, что другие детали неизвестны.

Пальцы Франс крепче обхватили рукав мужа, ее глаза тревожно смотрели на слугу.

- А сейчас новый граф вне опасности?

- Видимо, да. Я полагаю, миледи, к тому времени, когда вы доедете до Лондона, он встанет с постели.

Приглашение выскользнуло из рук и упало на пол. Доминик поморщился. Как изменчива фортуна! Все-таки титулы способны творить чудеса. Он вдруг стал принимаем в обществе, несмотря на то что рука его все еще плохо действует.

Секретарь наклонился и поднял бумагу.

- Вы позволите, милорд?

Доминик сдержанно улыбнулся. Вместе с титулом, деньгами, домами и землей он унаследовал и преданного слугу, появившегося в доме Джека, когда Доминик был еще ребенком.

- Спасибо, Джеймс. Читайте, а мне нужно упражняться. Врачи говорят, что я должен чаще пользоваться пальцами.

Джеймс быстро развернул лист, необыкновенно белый в пламени свечи.

- Леди Маллей устраивает ужин для избранных. Девятнадцать лет ее дочери, и она впервые выводит ее в свет. Что я должен ответить?

Доминик пытался негнушиться пальцами массировать шрам на ладони. Надо же, еще не всех растерял! Только Кэтриону.

- Джеймс, вам не кажется, что это смешно? Ухаживать за дочерью, после того как я спал с матерью и сделал рогоносцем папашу! - Доминик засмеялся. - К дьяволу званый ужин!

Боль возобновилась, но без озноба. Значит, он выздоравливает. Однако дергало сильно. Рубцующиеся мышцы ответили на разминку болью. Слава Богу, что рана затянулась и дело не кончилось ампутацией.

Слуга продолжал невозмутимо смотреть на него.

- Я пошлю ответ его светлости с выражением сожаления. Читать следующее?

Дались же Джеймсу эти письма! Почему он так заботится о всякой ерунде? Сначала соболезнования, теперь приглашения! Но на сегодня хватит. Достаточно правительственных бумаг и неотложных финансовых вопросов, на которые потрачено бесконечное число часов. Он

начал рабочий день еще в постели, а потом полдня сидел со своим поверенным. И что такого экстренного в светских обязательствах?

- Откажите всем! Чертовски длинный день! Я иду в библиотеку! И ради Бога, не пускайте ко мне визитеров! - Он вышел из комнаты и остановился.

Высокий мужчина, только что вошедший в холл, протягивал шляпу и трость лакею. Доминик увидел в зеркале его темные волосы. Гость повернулся и поднял бровь.

- Приказ распространяется и на меня тоже?

- Ни в коем случае! Только если ты откажешься выпить со мной, черт подери! - Доминик подошел к Найджелу и протянул руку. - Когда ты вернулся из Парижа?

- Сегодня утром, - сказал маркиз де Ривол. - Можно пожать?

- Можно, если не слишком сильно. Проходи в библиотеку. Я тебе все расскажу.

- Как ты? - Черные брови маркиза, как два крыла, сомкнулись посередине лба. - Тебе не тяжело принимать гостей?

- О Боже! Нет, конечно! Правда, тонус мой так же высок, как у отжатого белья. Но сегодня утром я наконец поднялся с постели, а то лежал как на больничной койке.

Найджел вместе с ним прошел в библиотеку.

- Я кое-что слышал от Стэнстеда. Мы только что виделись. Он сказал, что ты бредил и тебе что-то мерещилось.

Доминик налил две порции солодового виски из Глен-Рейлэка.

- Отведай-ка эту штуку, - сказал он бесстрастно. - От нее всякое может померещиться.

Мужчины уселись в удобные кожаные кресла. Мерцающие огоньки свечей отражались в высоких окнах. Найджел выразил свои соболезнования в связи со смертью Джека. Доминик поблагодарил, заметив попутно, что не в восторге от перемен в своей жизни.

- Так ты совсем равнодушен и к титулу, и к богатству? - спросил Найджел.

Доминик пожал плечами:

- Это только дало мне еще одно оружие против Ратли. В остальном графство для меня лишь обуза. Я утонул в обязанностях и обязательствах.

- Ты так говоришь, как будто тебя обокрали.

- И обокрали! Теперь у меня нет брата и, что более существенно, времени.

Найджел отпил свое виски.

- Замечательный напиток! Как ты убедил Ратли вложить деньги в винокурню?

- В обмен на обещание проголосовать солидарно в парламенте по некоторым вопросам. Это было еще до того, как я по-настоящему заболел, после известия о смерти Джека. К счастью,

герцог не потребовал ничего, что было бы против моей совести. Стэнстед с женой помирились, и теперь у них сын. Он не сказал тебе? Мальчика зовут Эндрю. Есть все основания полагать, что на этом дело не кончится. Хотя Стэнстед может и не быть отцом этого ребенка.

- Не слишком ли ты циничен? - Найджел откинулся назад, наслаждаясь восхитительным ароматом напитка.

Доминик медленно согнул пальцы.

- Надеюсь, что я ошибаюсь. Но если Розмари еще когда-нибудь публично унизит его, я сверну ей ее хорошенькую шейку. Хотя Стэнстед так влюблен, что я уверен, он даже не заметит этого.

Найджел наблюдал за упражнениями Доминика, но не касался больной темы. Вне всякого сомнения, он догадывался - или вытянул из Стэнстеда, - что Доминик слишком перенапрягся в первые дни после своего возвращения. Дорогая цена за вступление в новые права.

- Насколько я помню те времена, Розмари была избалованным, эгоистичным ребенком. До сих пор она романтична, как почти все debutantki. Не думаю, что эта женщина остепенится и станет образцом добродетели в последующей семейной жизни.

- Я выпью за это, - сказал Доминик, - хотя добродетельная семейная жизнь не моя стезя, а твоя. Но, если честно, я хотел бы, чтобы у них все было так же, как у вас с Франс. Ваш брак - редкое счастье, Найджел, и я вам чертовски завидую!

Найджел лукаво улыбнулся:

- Прежде ты никогда не выказывал зависти, друг мой. Во всяком случае, в такой форме, которая создавала бы неудобство для Франс.

- Я великолепно управляю своими чувствами.

- Лучше сказать, отвратительно! Могу я тебя спросить об одной вещи? Как насчет твоего личного счастья?

Доминик постарался сохранить невозмутимость.

- Если бы кто-то другой позволил себе такую настырность, я бы проткнул его на месте, хоть теперь и не в ладах с клинком.

- Ладно, давай рассказывай, что произошло?

- Дуэль при скверных обстоятельствах, но с успешным исходом. Бог свидетель, из-за этого стоило драться.

Найджел проглотил остаток виски и отставил стакан.

- Так ты, решив довести до конца свою борьбу с Ратли, пренебрег режимом и устроил себе воспаление с лихорадкой? Стэнстед сказал мне, что, к счастью, руку удалось сохранить. По этому поводу ему даже пришлось поссориться с хирургом.

- Слава Богу, что я этого не помню. Мне тогда много чего казалось. Я видел каких-то детей и прекрасную женщину.

- Розмари и Эндрю? - ухмыльнулся Найджел. - Я тоже видел его, только наяву и с няней,

естественно. Красивый малыш. Кстати, Стэнстед также привез сюда свою сестру вместе с ее сыном. Я его понимаю. Вероятно, леди Мэри посчитала, что маленький Томас Макноррин должен увидеть мужчину, который так решительно вмешался в его наследные дела.

Доминик закрыл глаза. Плачущий мальчуган на лунной дорожке – Томас, кузен Кэтрионы! Это он, ребенок со странно знакомыми глазами, преследовал его, когда сознание выскальзывало за грани бытия. Стало быть, еще один маленький человечек избавлен от его хлопот, на этот раз даже прежде, чем он его увидел.

- Какой дьявол надоумил их приводить маленького мальчика в комнату к больному? Только напугали ребенка!

- Из того, что рассказывал Стэнстед, я понял, что ребенок не был напуган. Он действительно плакал, но только из-за молока. Так, значит, это его мать была той прекрасной особой? Да, леди Мэри довольно видная женщина. Но, должен тебе признаться, у меня было ощущение, что Стэнстед схитрил, хотя вообще ему это не очень свойственно.

Доминик увильнул от неудобного вопроса, и довольно легко. Даже не солгал, просто не стал на него отвечать. Однако когда он открыл глаза, то увидел, что Найджел все еще ждет. Нет, его друг не давил на него, он только давал ему возможность исповедаться.

Доминик поднялся и забрал стаканы.

- В своих галлюцинациях я видел Кэтриону.

Найджел ласково посмотрел на него:

- А мы с Франс думали, что ты женишься на ней. Жаль. Но ведь она не отказала тебе?

Отодвинув стаканы в сторону, Доминик провел пальцем по горлышку бутылки. Однажды он нечаянно подслушал чужой разговор. Когда Франс в первый раз отказала Найджелу, она произнесла странную фразу: «Это не потому, что я не люблю тебя, а потому, что люблю». Слова, всплывшие в памяти у обоих, на мгновение соединили их.

- Я не спрашивал, – сказал Доминик наконец. – В то время это было бы слишком бессердечно.

- Что так? – Найджел начал прохаживаться по комнате. Доминик кисло усмехнулся:

- Ответ прост: она одержима страстью, любовью к тем местам, и это сидит в ней очень глубоко и составляет ее суть. Я завидую этому чувству – оно как корневище связывает ее с землей предков. Такого я никогда не испытаю. Вероятно, ты испытываешь что-то похожее, когда вспоминаешь о своем поместье, но у нее это возведено в абсолют. Она не может покинуть Шотландию, а мои обязанности вынуждают меня жить здесь, так же как и тебя. И что это за чертово наказание – быть пэром!

- Почему все-таки ты не спросил у нее?

- Потому что я торжественно обещал, что если я ее покину, уеду от нее дальше чем на сто миль, то уже никогда не вернусь и не буду искать с ней встречи.

- Кто тебя просил делать это? – Голос Найджела звучал обманчиво спокойно. – Бес, что ли, в тебя вселился?

- Бес или не бес, теперь это уже не имеет никакого значения. - Доминик протянул гостю наполненный стакан и осторожно прошел назад к своему креслу. - Теперь я живу, жалея об этом каждый день и каждый час. Не уверен, что любовь - самая подходящая вещь для сделки.

- Это просто кощунство. Все равно что торговаться с Богом.

- Ты забываешь, что я долго практиковался в безбожии. Когда мы только встретились с Кэтрионой, я пытался связать ее сделками, одной, другой. С первого дня я клал на весы любовь и отторговывал условия. Теперь я получаю то, что заслужил, даже более того. Но я дал ей слово.

- А сама она не приедет к тебе?

Доминик, встретившись с пронизательным взглядом Найджела, засмеялся:

- Тебе нравится надо мной издеваться? Для нее это невероятно рискованный шаг. Ей будет очень тяжело его сделать, физически и духовно. Признать, что она любит англичанина, - это для шотландки что-то из ряда вон выходящее. Почему, черт возьми, она должна подставлять себя под удар?

- Я прихожу к выводу, что она очень горда.

- Все, что ей остается, это держать свои чувства в узде. Я не вполне могу объяснить, в чем тут дело. Но она не приедет. Чего ради она поедет в этот дом, проклятый дом английского графа, где я оскорбил ее и даже угрожал при первой встрече? Она знает, что я принимал здесь других любовниц, и поэтому скорее умрет, чем приедет сюда.

- Не потому ли, что ты лишил ее непорочности? - Спокойный голос Найджела исчезал в затененных углах комнаты и эхом возвращался обратно. - Ты сознательно соблазнил ее и потом покинул, не так ли?

- Зачем же добивать? - Доминик откинул голову и вытянул ноги. Правая рука его совершала неловкие движения. - Мы с Кэтрионой довольно часто говорили о грехе. Я изводил ее этой идеей. Но грех оказался полностью на мне. Я хотел разрушить ее гордыню, разбить ее сердце, и вот вместо этого она разбила мое...

- ...А ты в качестве ежедневной епитимьи заставляешь себя страдать. - Найджел пожал плечами.

Доминик, прищурив глаза, пристально взглянул на друга.

- Хочешь быть моим утешителем? Я признаю все свои грехи и раскаиваюсь. Но есть нечто более ужасное, чем семь грехов, которым я первоначально бросил вызов. Куда грешнее опутывать любовь условиями.

- Франс, когда ежедневно школит меня, говорит, что любовь - это только мост к невозможному. Если Кэтриона узнает, как ты болел...

Доминик улыбнулся:

- Приди она сейчас из жалости, я бы отверг ее. На самом деле она, вероятно, вышла замуж за кого-нибудь из своих - там все родственники по крови. Так что тебе не придется драться с инвалидом, чтобы отомстить за ее честь. Но если ты настаиваешь на дуэли, я согласен.

- Господи, да сейчас любому ничего не стоит отправить тебя на тот свет! - Найджел встал, собираясь уходить. - Слишком уж легким способом ты хочешь покинуть этот мир!

- Это то, что я собирался сделать с тобой, когда мне казалось, что ты предал Франс. - Доминик попытался заставить непослушные пальцы сомкнуться вокруг стакана. Стекло едва не выскользнуло, и его пришлось спасать левой рукой. Небольшое унижение, с которым он начал смиряться. - Конечно, я был тогда не прав. А какую кару ты предлагаешь мне?

Найджел остановился в дверях и повернул голову.

- Я не священник и не утешитель - я только твой друг. Решение придется искать тебе. Но я буду чертовски разочарован, если вместо этого ты погрязнешь в жалости к себе и в пьянстве.

- Виски тем и хорошо, что никогда не вызывает похмелья.

Доминик усмехнулся. «Пение женщины, которую я потерял. Песни на языке, которого я не знаю...»

- Спасибо, что зашел, Найджел. Ты отчитал меня по делу. Все правильно. Я заслуживаю дисциплинарного взыскания. Отныне я буду выполнять все свои обязанности в графстве и не застрелюсь.

- А я в этом и не сомневался. - Найджел позволил себе слабое подобие улыбки. - Приятно слышать, что ты наконец нашел что-то, ради чего стоит жить. Но ужасно досадно видеть, что у тебя по-прежнему так мало веры в любовь.

Маркиз де Ривол еще раз поклонился и вышел из комнаты.

Доминик отпустил слуг, и теперь огромный особняк всей своей неимоверной протяженностью навис над ним. Помимо городского дома графа Уиндраша, ему принадлежали большая усадьба в предместье, имения в Норфолке и Дербишире. В Рейлингкорте уже нет, слава Богу. Он устало улыбнулся - его недуг циркулировал у него в венах. В самом деле, пора в постель.

Доминик отправился в спальню, прежде бывшую покоями Джека, где его ждала величественная кровать с пологом.

Ступив в коридор, из которого лестницы уходили в бесконечную пустоту, он взял свечу в левую руку и стал подниматься вверх. Дойдя до последней ступени, он остановился, чтобы передохнуть, кляня ослабевшие мышцы, изнуренные болезнью и кровопусканиями.

Рядом скрипнула дверь, и свет из комнаты хлынул в коридор.

- Лорд Уиндраш?

Кэтриона остановилась в дверях, сложив руки на груди, не сводя с него жгучего, синего, как колокольчик, взгляда. Волосы ее уже достаточно отросли, чтобы их можно было зачесывать наверх и скреплять заколками.

На мгновение Доминик потерял дар речи. Он поспешил поставить шандал на столик в холле, пока не выронил свечи и не устроил пожар в доме.

- Кэтриона? - Ему захотелось встать на колени у ее ног. - Вы являлись ко мне в моих видениях.

Она не двигалась с места. Пол под его ногами вдруг начал кружиться. Нет, падать нельзя!

Нужно удержаться! Что, если сделать шаг вперед и дотронуться до нее... Тогда он почувствует изгибы ее тела, легко скользящие под его руками, пальцами проследит ее гибкую спину, округлые бедра, вдохнет ее аромат...

Но может, она не хочет? Зачем он ей, такой убогий?

- Кэтриона, как вы... - Шрам на ладони ожгло болью. - Что вы здесь делаете, черт подери?

Она быстро оглянулась.

- Я находилась здесь с лордом Стэнстедом и леди Розмари и каждый день навещала вас, но вы были в бреду. Вы не узнавали меня, а потом у вас появились более важные дела.

Это было подобно удару молнии. Кэтриона ему не верила даже сейчас. Не верила, что для него нет ничего более важного, чем она, несмотря на то что никакое будущее для них невозможно.

- О нет, я вас узнавал. Просто не думал, что вы настоящая. - Он боялся, что его пальцы могут раскрошить резной набалдашник на стойке перил. - Боже мой! Вы были здесь все это время? Но почему, черт возьми, мне никто не сказал?

- Я так просила.

Ответ буквально сразил его.

- Так вы все сговорились? Все - и Стэнстед, и мои слуги! Даже Найджел. Боже, да что же это такое!

- Лорд Ривол ничего не знал. - В глазах Кэтрионы вспыхнул упрямый огонек. - Зачем вы встали здесь и утомляете меня бесполезными мелочами? Что мне оставалось делать? Разве вы не догадываетесь, чего мне стоило прийти сюда? Лорд Стэнстед с трудом убедил ваших слуг позволить мне ночевать в этой комнате втайне от вас. Вы думаете, мне легко было слушать все это? Но как бы я добилась вашего разрешения, когда вы были больны?

- Итак, вы позволяете мне принимать вас за прекрасное видение? Боже милостивый!

- О, я вполне реальна. - Кэтриона сверкнула глазами и, шагнув вперед, протянула к нему руки. - Вы сумасшедший человек, если можете говорить подобные вещи! И потом - вам нужно лечь. Позвольте, я помогу вам вылезти из вашего жилета и ботинок.

«Вы будете снимать с меня эти одежды, что так оскорбляют вас. Медленно, каждую вещь по отдельности. Вы станете расстегивать пуговицы и стягивать с меня эти чертовы брюки. И как только я останусь нагой, я унесу вас в свою постель. Я буду неутомим и не дам вам покоя, пока не воспламенится ваша кровь и легким не станет хватать воздуха. Пока вы не заплачете наконец и не оставите на минуту свои мысли. И тогда вы перестанете считать, что обречены».

Все не так! Он все сделал неправильно!

- Я хочу вас, - прошептал Доминик, - еще хотя бы один раз. Но я не уверен, что у меня хватит сил.

- Всего один раз? - Голос ее еще не утратил своей страстности. - Ну и ну! Распутник - это навсегда! Даже еле стоя на ногах, даже умирая, вы не перестаете думать о проказах! А что, если другой мужчина предложил мне выйти за него замуж и я приняла его предложение?

- Замуж? - Легкие Доминика словно сковало морозом, дыхание остановилось. - За кого?

- О, это не важно! Скажу одно: любая женщина была бы рада иметь такого мужа.

«Они обернут свою гордость вокруг горя, как плед...»

- В таком случае желаю вам всяческого счастья.

- Вы нездоровы. - В глазах Катрионы блеснули слезы. - И не надо мне ваших пожеланий. Счастье не рождается из печали. Пойдемте, я помогу вам лечь в постель, пока вы не упали.

Он опять видел во сне ту дорогу через небо. Макноррины упрямо шли по ней на запад, расшвыривая ногами звездную пыль. Он наблюдал, как они идут. Заболевший тоской по Кэтрионе, он искал ее повсюду и не мог найти. Из тумана слышался детский плач - какому-то малышу было там слишком неуютно.

Шорох штор заставил Доминика проснуться. Камердинер проверял, правильно ли подобрали одежду и все ли готово для утреннего ритуала: ванна, бритвенный прибор и прочие туалетные принадлежности. Этой ночью Кэтриона помогала ему снимать жилет и ботинки. Она уложила его в постель и оставила одного. Так он столкнулся с двумя величайшими по силе, но разнонаправленными чувствами - радостью и страхом. Она пришла, но выходит замуж за другого.

Доминик вошел в столовую. Кэтриона сидела за столом и ела поджаренный хлеб с маслом. Даже при тусклом свете лондонского утра она была очаровательна. Ее шея светилась белизной над вырезом муслинового платья цвета слоновой кости.

Она выйдет замуж за кого-то еще.

Доминик остановился в дверях, наблюдая за ее ловкими движениями.

- Так, значит, вы не сон.

- Я - нет, - сказала она, не глядя на него. - А вот вы чуть все не проспали!

- Как праздный лежебока. - Он прошел к столу и налил себе чашку чая. Горячая жидкость расплескалась и запятнала белую скатерть, когда он неуклюже поставил чашку на стол. - Почему вы приехали, Кэтриона?

Она подняла голову. Синие глаза с удивлением посмотрели на него.

- Вы думаете, в Глен-Рейлэке не умеют ценить доброту? Что, разве никто не может приехать поблагодарить вас?

Горячий чай выбрасывал в воздух крошечные волны пара.

- Я не ждал благодарностей.

Она быстро опустила веки и принялась изучать свою тарелку.

- Даже за Рейлингкорт?

Как он жаждал этой непреклонной шотландской красоты! Он хотел видеть ее сдобренной сиянием солнца, мечтал провести свои дни в стране вечного лета, в лугах, усеянных цветами,

без всякой ответственности, без вторжения жестокой действительности.

- Рейлингкорт был единственной собственностью без ограничений в праве отчуждения, - сказал он. - Поэтому я мог им свободно распоряжаться. В том не было никакой жертвы.

- Вы отдали Рейлингкорт - дом, фермы и все, что там есть, маленькому Томасу Макноррину в обмен на несколько высокогорных равнин вокруг Глен-Рейлэка. Это стоит только части вашего имения. Почему? Ратли, вероятно, подумал, что заключил сделку с простаком.

- Уиндраш может позволить себе некоторые потери. Разве внук Ратли стал бы когда-нибудь следить за своими шотландскими поместьями? Герцог уже позаботился о его воспитании. Он думал, что его внук будет приезжать в Дуначен только развлекаться: охотиться, удить рыбу и устраивать балаган с переодеванием в подражание предкам. Можно представить, в какой ад может превратиться долина, когда мальчик достигнет совершеннолетия.

- Поэтому вы и отдали ему большой дом в Англии? - спросила Кэтриона.

- Вкупе с винокурней это должно обеспечить внуку герцога приличный доход. - Доминик помешал чай. - Я же многим обязан тем горам с летними пастбищами. Поэтому Глен-Рейлэк никогда не станет подножным кормом для овец из южных долин. Больше там никогда не будет чисток, и Макноррины будут сами распоряжаться своими горами.

- Разве после этого я не должна была приехать и поблагодарить вас?

- Нет, если ваш приезд не имеет другой цели! - Ложка сердито зазвенела о чашку. - Это так?

Она подняла глаза и встретилась с его пристальным взглядом.

- Вы забыли о моем замужестве.

Доминик сделал глубокий вдох с твердым намерением не выдать голосом своего огорчения, хотя знал, что у него все равно ничего не получится.

- Я должен сделать вид, что это мне безразлично, поинтересоваться тем, кто жених, и поздравить?

Нож ударился о ее тарелку.

- Вы уже поздравили меня этой ночью.

Что, если сейчас обнять ее и поцеловать? Сможет ли она отказать?

- Я пытался прикрыться гордостью, которой теперь у меня мало осталось. Кто этот человек?

- Алан Фрезер.

Один из ее клана. Из своих. О Боже! Способен ли Алан Фрезер сделать ее счастливой? Любит ли он ее? Знает ли он, что она была в любовных отношениях с английским распутником и покинута им?

- И вы согласились?

Кэтриона сидела молча, положив руки на стол и внимательно разглядывая их.

- Я поставила одно условие, - медленно проговорила она.

Доминик вскочил со стула. Чашка звонко стукнулась о стол, расплескав свое содержимое.

- Боже милостивый! Разве мы не научены горьким опытом? Неужели случайности так и будут править нами?

Резким движением Кэтриона откинула голову назад; глаза ее сверкали.

- Но я же заключила сделку не с вами! Что вам до нее?

- В самом деле, что? - громко воскликнул Доминик. - Я признаюсь, что раньше никогда этого не делал. Я не препятствовал ни одной из моих любовниц выходить замуж, если они находили себе избранника. Мы расставались спокойно, когда отношения прекращались или когда я пресыщался!

Ладонь застыла над скатертью, будто высеченная из мрамора. Учатившееся дыхание Кэтрионы заставляло ее судорожно подниматься и опускаться, на бледных скулах рдело по малиновому пятну.

- Вы поступали, как и подобало английскому аристократу, но разве теперь вам кто-то ставит условия? Вы не можете уехать отсюда и отречься от своих обязанностей, да я бы и не стала просить вас. И все равно у меня нет защиты от вас.

- Так вот почему вы выходите замуж за Фрезера? - Доминик хотел прикоснуться к ней, но боялся показаться чересчур сентиментальным. - Теперь Шотландия нас разлучит навсегда?

Кэтриона отвела взгляд.

- Вы разлучите нас, милорд!

- Лорд Уиндраш! - Салфетка упала из его руки на край стола и сложилась как белые лепестки цветка. - Боже, для меня это пустой звук! Но есть бесчисленные души, зависящие от этого титула, не считая свиты слуг в домах и поместьях, фермеров, арендаторов. Мой брат Джек вложил много средств в самый разный бизнес во всех уголках страны. Теперь все свалилось на меня, подобно идущему вперед большому кораблю. И земельные дела тоже на моем попечении. Если все пустить на самотек, сотни невинных людей могут потерять заработок и их дети останутся голодными. Это не то, что я искал или чего хотел, и я бы снял с себя эту ответственность, если бы мог.

Кэтриона прикрыла глаза.

- Место в палате лордов дает большие привилегии. Вы можете влиять на законы, финансы, торговлю - все, с чем связано будущее Британии и Европы. От вас зависит развитие винокурен, вы можете изменять тарифы на виски. В ваших руках большие ресурсы, способные спасти жизнь огромному множеству людей. И вы станете уверять меня, что вам этого не хочется? Почему вы не можете быть со мной честным?

Доминик круто повернулся и посмотрел на хрупкие плечи под белым муслином.

- О Боже, Кэтриона, я всегда был честен с вами! Это вы все скрывали от меня и отказывались мне верить. С того дня как мы встретились, вы не открывали мне своих секретов. Чтоб мне сгореть в аду, если я не прав! Вы никогда не были со мной откровенны.

- Я не могла. - Голос ее звучал как-то надтреснуто, словно ломающийся ледок. - Глен-Рейлэк висел на волоске. Как я могла доверять вам, англичанину, когда вы запугивали и принуждали меня с самого начала? Я отправляла вас обратно, но вы меня не слушали, и тогда я воспользовалась вашей силой и добротой, потому что нуждалась в этом. А теперь я не могу обременять вас, поскольку и так кругом вам обязана. Я больше не приду к вам со своими нуждами. Но почему вы отрицаете, что положение изменилось? Почему вы пытаетесь убедить меня, что вам не нравится быть графом и пользоваться властью?

- О Боже! Конечно, в какой-то степени это льстит мне. Но вы думаете, я хочу этого? Я бы отказался от всего, что есть здесь, - он обвел рукой комнату, - вместе с титулами, благополучием и ответственностью, если бы это привело вас ко мне.

- Но вы не можете. - Она сидела неподвижно, темные волосы, ускользнувшие от заколок, змейками вились у нее по щеке. - И не сможете никогда. Я уже сказала, что не жду от вас этого. Вы должны оставаться в Лондоне, который так любите, это место, где у вас есть возможность в полной мере проявить свои способности.

Он хотел разбить китайский фарфор, взять кувшин с водой и бросить его в окно, чтобы увидеть, как обожженная глина превратится в тысячу осколков. Вместо этого его левая рука сомкнулась вокруг спинки кресла.

- От этого я мог бы и отказаться, но все остальное напрямую связано с титулом. Мой собственный капитал вложен в винокурни Глен-Рейлэка. Доход от этого дела в первые десять лет обещан Ратли для Томаса. Если я откажусь от графства, что я смогу предложить вам? Только нищету и еще в придачу - убогого сухоручку. - Доминик жестом остановил ее, когда она попыталась возразить. - Я говорю это не из жалости к себе! Я был офицером, у меня нет другого ремесла. Как я могу просить вас выйти за меня замуж? Обречь жену и детей на жалкое существование...

Кэтриона уронила руки, и синий цвет ее глаз засиял в лучах солнца. Не скрывая облегчения, она выдохнула:

- А вы бы сперва спросили будущую жену. Возможно, она ни в чем не стала бы вам перечить, за исключением одного: она никогда не позволила бы вам жить вдали от Лондона, довольствуясь подачками Ратли, не позволила бы ради нее жертвовать собой, своей душой, отказавшись от дарованного судьбой предназначения. В этом вы правы.

- Значит, для нас всякое будущее исключено? Я привязан к Лондону, вы - к Дальнему Северу. Мое предназначение - мой же бич? Я готов отказаться от всего, чтобы жениться на вас, но оказывается, и это не решит дела...

- Вы, как всегда, все переиначиваете, Доминик Уиндхэм, - сердито сказала Кэтриона, - и опять пытаетесь подтолкнуть меня к безумной сделке с судьбой. То, что вы себе предрекаете, никогда не случится - в этом я уверена. И потом - разве только вы заслуживаете страданий? Я также виновата. Разве есть такой грех, в котором не было бы моей вины, разве только вы можете приносить жертвы?

- Не понимаю, о чем вы говорите... - Доминик резко повернулся.

- Простите, но в этих вещах я откровеннее вас. - Кэтриона потупилась. - Я приехала сюда из-за вас, из-за того, что существует между нами. Я пришла к вам потому, что меня мучила тоска. Это было невыносимо. Я отрицала свои чувства и без конца внушала себе, что не люблю вас. - Ресницы ее увлажнились и заблестели. - Вы думаете, я не способна смирить себя, отбросить

ради вас свою гордость и тщеславие, не могу быть честной? Я с радостью приму вас – таким, какой вы есть, со всем, что делает вас Домиником Уиндхэмом, с вашим английским титулом, вашим упрямством, гордостью и покалеченной рукой. Со всем этим!

Доминик почувствовал привычное жжение в правой руке.

– Увы, мне не нужно любви из жалости.

Кэтриона вскочила и протянула к нему обе руки.

– Из жалости? Упрямый глупец! О Боже, вы ничуть не изменились – такой же неумный галантный герой, настроенный на встречу с драконом, даже несмотря на угрозу испепеляющего огня! Почему вы не хотите поверить, что я без всякой жалости могу любить вас? Разве вам недостаточно этого? И разве этого недостаточно мне?

Доминик замер.

– Достаточно – для чего?

– Чтобы жить с вами в Англии, в Лондоне! В сточной канаве, если потребуется, хотя в этом не будет никакой надобности. А что, если мне нравится тоже, что и вам: театр, политика, новости из мира науки?

Доминик поднял упавшее кресло и, оседлав его, прижался лбом к его спинке. Надежда оживала подобно вздымающейся волне, подхватывая его с такой силой, что он испугался.

– Я боюсь, вдруг вы умрете здесь, как дерево, у которого обрубили корни!

Кэтриона прижала обе руки к груди и повернулась к нему лицом.

– Так вот что вас удерживает?! – воскликнула она. – Вы думаете, я не смогу покинуть Шотландию ради вас?

Его лицо побледнело.

– Вы сами сказали, что ваше сердце умрет внутри вас, что вам не хватит смелости столкнуться лицом к лицу с новой жизнью, что вы не мыслите себя без ваших гор.

Кэтриона тряхнула головой.

– Это правда. Но тогда я думала, что расстанусь с Россширом навсегда. Теперь я познала новое чувство, неудержимое, как морская волна. Страстное желание не покидает меня. А те холмы я всегда ношу здесь, в моем сердце. Пока я знаю, что существует Ачнадрочейд и черные коровы щиплют траву в круглых впадинах, я не умру как дерево с обрубленными корнями – неужели вы не можете этого понять! Откуда я могла знать, что история моего народа преподаст мне неправильный урок? Какая может быть привязанность к месту без любви? Что мне дом без мужчины моего сердца? Моя душа прикипела к вам. Вы – мои корни и моя жизнь. Я не смогу жить без вас!

– Тогда почему, черт побери, вы обещали Алану выйти за него замуж? – Доминик с силой отшвырнул кресло, и ножки его подломились. – Довольно с меня сделок! Я могу только предложить мое сердце. К какому бесчестью вы принуждаете меня? Я вдребезги разбил свою гордость и с радостью расстанусь со всеми почестями, но я не могу предать Алана Фрезера и

после этого жить спокойно!

Кэтриона вскочила, но при этом не успела разжать руки, которыми вцепилась в скатерть, та соскользнула со стола, и столовое серебро водопадом посыпалось на пол. Тарелки с золотой каймой, фужеры разлетелись, не выдержав удара, на мелкие кусочки, чашки превратились в осколки.

- И я не могу! - Кэтриона сияла улыбкой, которая притягивала словно магическая радуга. У Доминика перехватило дыхание. - Не могу и не буду. Я не предаю Алана, потому что мое сердце принадлежит вам, а не ему. Несмотря на то что вы англичанин, я с великой радостью признаюсь, что люблю вас! Вы можете продолжать жить здесь, в Лондоне, и я останусь с вами, если вы только этого пожелаете.

Китайский фарфор и стекло хрустели у него под ногами, пока Доминик подходил к ней, чтобы заключить ее в объятия. Страсть взыграла еще сильнее, как весенний сок, побежавший под корой дерева, заставляющий вмиг распуститься листья, так как он знал, что стоит ему сейчас поцеловать Кэтриону, и она ответит с таким же жаром, как пламя, с ревом пожирающее сухую древесину. Но теперь он хотел предложить ей нечто гораздо более существенное. В коридоре послышался звук шагов.

- Слуга! - Кэтриона замерла. - Он идет убирать со стола!

- Какого черта! Здесь и так чисто.

Он отстранился от нее и зашагал к двери. Ключ со щелчком повернулся в замке. Доминик вернулся и наклонился к ней.

- Вы сказали однажды, что я порочен. - Он закрыл глаза. - Вероятно, это так. Я возложил добродетель на ступени греха и потребовал в награду ваше сердце. - Он опустился на колени. - Я люблю вас больше жизни! Сознаюсь, я не хотел этого. Я был полон гордости, тщеславия и высокомерия. Вы многому научили меня. Я понял, что такое настоящая любовь, и все равно остаюсь жалким англичанином. Скажите, можете вы любить меня со всеми моими грехами? Можете вы ради меня расстаться с Шотландией? Вы выйдете за меня, Кэтриона?

- А как вы думаете? Зачем же еще я здесь? - Ее чистый голос звенел как колокольчик. - Я выйду за вас замуж! С радостью! С гордостью!

Глава 20

Она подошла к Доминику и положила ему руки на плечи.

- Алан Фрезер сделал мне предложение только из галантности - я все равно не смогла бы полюбить его, потому что уже давно подарила свое сердце вам. Он это знал, но им двигало благородство, поэтому я не могла ни отказать, ни согласиться. Я сказала, что дам ответ в течение месяца. Я не могла ничего обещать ему, не переговорив сперва с вами.

- Месяц? С какого числа? О Боже! Когда истекает срок?

- Сегодня! - Она засмеялась. - Сегодня ровно месяц. И если вы хотите жениться на мне, милорд, то это действительно счастливое совпадение. Вы получили мой ответ день в день.

- Но зачем? Зачем нужно было прибегать к подобным вещам?

- А как еще я могла приехать сюда? Я боялась, что вы будете чувствовать себя в некотором роде обязанным, и не хотела, чтобы вы предлагали мне руку исключительно из жалости. Я не рискнула бы поставить вас в такое положение. Если мы поженимся, то на равных условиях, так как знаем, что не можем жить врозь. Теперь я в этом убедилась.

Он наклонился и поцеловал ее руку.

- А что мы скажем Алану?

- Мы найдем ему другую девушку и освободим его, поскольку он воспринимал это только как свой долг. Он любит вас и считает, что обязан вам - вот почему он хотел, чтобы я не чувствовала себя покинутой. Но что же вы до сих пор на коленях? - Она смахнула ладонью влагу со щеки. - Предложение уже принято.

- Какой идиот делает предложение посреди осколков? Разве так завоевывают жену? Бить китайский фарфор, ломать вещи, а потом прокладывать к ней дорогу! Не стоит ли мне постоять подольше в наказание?

- Наказание уже свершилось. - Кэтриона огляделась и покачала головой. - Для нас обоих. Наш завтрак на полу, мы разлили чай на ковер. Вставайте, а то заболят колени.

Он оттолкнулся и сел на пятки, а затем бесшабашно перекатился на спину и широко раскинул руки. Ямочки на его щеках углубились. Фонтан смеха, чистого и прекрасного, вырвался у него из груди, заставляя его кататься по полу, всхлипывая от радости.

- Все мышцы болят, - проговорил он наконец, все еще не отдышавшись. - Все до единой, черт бы их побрал! Я стал слаб, как котенок.

- В таком случае я бы охотнее увидела большущего кота, а не маленького котенка в моей постели.

Доминик приподнялся и, схватив ее за руку, притянул к себе.

- Не сейчас. Только когда поженимся. Хотя, смею вас заверить, там, где надо, сила уже набирается.

Кэтриона быстро глянула вниз.

- И вы дадите этому добру пропасть? О, упрямый мужчина!

Он взял ее лицо в обе руки.

- Я в состоянии управлять собой, хотя и сгораю заживо. Просто мне хочется с этим повременить.

Шрам на правой ладони щекотал ей щеку. Она повернула голову и поцеловала его.

- Я уже была вашей любовницей. Почему мы должны ждать?

- Потому что это лучший способ отпраздновать наш брак.

- А я было подумала... - Внутренний голос предостерегал, но она оставила его без внимания. - Я подумала, что брачные ночи не доставят вам того удовольствия...

- Я хочу, чтобы у нас с вами была настоящая брачная ночь. Называйте это предрассудком, но я боюсь. Если я снова согрешу, что-нибудь да случится. Я потеряю вас! Думаю, мне нужно доказать себе, что я могу терпеть. Впрочем, есть одна вещь, которую я все-таки буду делать сызнова. Я хотел бы также, чтобы в нашу первую брачную ночь мы сотворили ребенка.

Так начался отсчет трех недель, странных, неестественных, напряженных.

Доминик сразу решил, что бракосочетание должно состояться в Глен-Рейлэке. Хотя Кэтриона добровольно изъявила желание венчаться в Лондоне, он понимал, что на родине ей это будет куда приятнее: они поженятся на ее священной земле, и покрытые снегом вершины станут их свидетелями. Две почтенные матроны, Дейрдра и Мейрид, будут представлять сторону невесты, Алан и Дэвид Фрезеры - жениха.

Но прежде чем покинуть Лондон, новоиспеченному графу предстояло завершить самые неотложные дела. На это время Кэтриона переехала в усадьбу Найджела, недалеко от Пиккадилли, где он обычно жил во время пребывания в Лондоне. Маркиз и маркиза де Ривол были чрезвычайно одаренной парой, оба прекрасно музицировали. Втроем они проводили много часов в музыкальной гостиной. Кэтриона как зачарованная слушала и восторгалась гармонией этого необыкновенного дуэта.

- Опять что-то русское или, может быть, индийское? - Доминик непринужденной находкой вошел в комнату. - Господи, нет чтобы сыграть что-нибудь знакомое - марш, например, или одну из песен, которые наши парни пели на полуострове!

Все засмеялись.

Он заходил каждый день, как положено в период ухаживания, и это повергало ее в смущение. Начинать все от стартовой черты, говорить с ним о самых обыденных вещах, шутить, смеяться и одновременно сознавать, что ты любишь, - не странно ли?

Кэтриона видела желание в его глазах и отвечала столь же пылкими взглядами, однако Доминик не позволял себе ничего, кроме поцелуев. Когда его прикосновения разжигали в ней страсть, он ронял голову ей на плечо и тут же отодвигался смеясь.

- Я намерен держаться до конца, - серьезно говорил он, хотя при этом на щеках у него всякий раз обозначались ямочки. - Ведь мы не должны грешить в доме лорда и леди Ривол, верно? Как-никак они собираются быть у нас на бракосочетании.

Он ходил с ней в музеи, галереи, парки. Лондон, огромный, шумный, действовал на нее ошеломляюще. Рядом с Домиником ей все было в радость, весь этот сплав истории, науки, культуры и бизнеса. Может, это лучший путь для шотландских горцев - войти вот так в новое столетие, избежав гибели.

В планах будущих супругов на первом месте стояло строительство коттеджа над Глен-Рейлэком, около пещеры Калема, - там они собирались проводить бесконечные дни лета. С началом сезона возобновлялась работа парламента, и в это время Доминику надлежало быть в Лондоне. Весной и осенью предполагался объезд владений, управлявшихся через сеть доверенных агентов графства. Таким образом, Кэтриона получала возможность жить в лучшую пору года в своей любимой Шотландии, не расставаясь с ним. Это было настолько идеально, что временами она не верила в реальность происходящего.

Однажды лорд и леди Стэнстед вместе с Эндрю и миссис Макки заехали навестить их. Доминик на ковре играл с мальчиком - Эндрю смеялся и дубасил новоиспеченного графа

своими упругими кулачками. Кэтриона наблюдала за Розмари, надеясь, что она счастлива со своим мужем и ребенком.

Перед уходом Розмари задержалась около нее.

- Да, - сказала она ей на ухо. - Я рада за вас с Домиником. Он сейчас нуждается в уходе. Вы ведь позаботитесь о нем?

Кэтриона с улыбкой кивнула. Между ними больше не будет игр, никаких сделок с любовью.

Доминик быстро поправлялся. День ото дня он становился сильнее, пальцы его обретали подвижность. Он то и дело заставлял ее смеяться: подшучивал над ней с присущими ему сумасбродством и остроумием, ловил на слове, и все это получалось у него с естественной легкостью. Но Кэтриона прекрасно понимала, что он храбрится и что до полного выздоровления еще далеко. Несмотря на веселое настроение, она чувствовала, что на него давит груз забот. Кроме того, в нем ощущалась какая-то неясная тревога. Это беспокоило и мучило ее. Почему он сказал однажды: «Хватит с меня брачных ночей!»? Когда Доминик окрепнет, она должна все выяснить, прежде чем они дадут клятву. Правда, она боялась, что его непомерная гордость не позволит ему открыться, однако если оставить червоточину, недоверие полностью съест их счастье.

Шло время, но важный разговор все еще не состоялся. Между тем уже готовилась настоящая шотландская свадьба. Брачный договор, отосланный в Инвернесс, вернулся в Лондон, и теперь нужно было отправляться в Глен-Рейлэк заниматься остальными приготовлениями.

Они решили, что Кэтриона поедет вперед с Найджелом и Франс в сопровождении слуг и горничных, но до самого дня отъезда она так ничего и не спросила.

- Я полагаюсь на тебя. - Доминик ласково погладил ее по щеке. - Мне нужно заехать на несколько дней в Девоншир, но я надеюсь успеть к нашей свадьбе.

Кэтриона высунулась из окошка кареты прямо под начавшийся дождь и поцеловала его. Вода струилась на плечи и волосы, крупные капли стекали по лицу. Рот его был мокрый и прохладный, но стоило их губам соприкоснуться, и ей показалось, что они вот-вот зашипят, как вскипевший чайник.

- Я запомню ваше обещание, лорд Уиндраш. Только посмейте не приехать - в противном случае Изабель Макноррин наслет проклятия на вашу красивую голову!

Доминик засмеялся и помахал ей рукой. Кэтриона смотрела, как дождь захлестывает его высокоую фигуру, пока он не исчез из виду.

Доминик работал день и ночь, желая поскорее освободиться, чтобы ничто не отвлекало его во время медового месяца. Разлука с Кэтрионой была для него невыносима, но только пребывая в этом аду, он прочувствовал всю полноту своего счастья. Произошло чудо, и теперь он должен стараться не спугнуть его.

Отъезд в Глен-Рейлэк оттягивался, и время казалось ему нескончаемым. Наконец он прибыл в Инвернесс, на полтора дня позже запланированного. Когда экипаж привез его в Дуначен, близилась полночь. Свадьба была назначена на утро.

В замке уже веселились - громкие звуки музыки через открытые двери лились наружу.

Войдя в большой холл, Доминик был ослеплен тысячью свечей. Несколько секунд он стоял, привыкая к свету. Множество рук протянулось, чтобы поприветствовать его, а хор голосов показался ему чересчур громким.

Люди говорили по-гэльски и по-английски:

- Добро пожаловать, лорд Уиндраш! С приездом! Как вы себя чувствуете?

- Спасибо, прекрасно, - отвечал он смеясь и пожимая руки. - Спасибо вам всем!

- А я уже было решила, что ты передумал, - сказал ему на ухо очаровательный голос. - Оставил меня одну перед алтарем.

- Кэтриона! - Доминик повернулся и схватил ее в объятия.

Когда он поцеловал ее, раздались аплодисменты. Только спустя минуту до него дошло, что он произнес имя невесты на ее родном языке.

Доминик вошел в церковь под громкие звуки волынок; Алан и Дэвид Фрезеры в сине-зеленых килтах шли рядом с ним. Найджела и Франс он увидел стоящими среди шотландцев, некоторые из них были ему знакомы - он встречал их во время своих странствий по горам.

Однако стоило Кэтрионе появиться в дверях, и Доминик уже не видел ничего, кроме ее лица. Он почти не слышал торжественных слов и в завершающий момент только улыбнулся в бездонную синеву ее глаз, произнося сердцем древние клятвы. Ну почему, черт возьми, он не может отрешиться от мысли, что в этом пристальном взгляде по-прежнему что-то сокрыто? Неужели страх?

«О, Кэтриона, не надо теперь ничего от меня таить!»

На выходе из храма их встретил оглушительный треск - это десятки пистолетов выстрелили в воздух. К свадебной фиесте зажарили целую говяжью тушу и несколько баранов. Тостам не было конца, а когда разрезали торт, началась шутивная борьба за лучшие куски. Потом заиграли дудки и скрипки. Доминик, разгоряченный виски, пригласил Кэтриону на танец.

- Я даже не представляю, что будет дальше, - прошептал он ей на ухо. - У меня здесь нет своего дома. К тому же я изрядно напился.

- О! - Яркий румянец заиграл на ее белой коже. - Пьяный ты или трезвый, не имеет значения. Скоро здесь соберется дружная компания и отведет нас на гумно, потому что новобрачным в первую ночь не положено спать в доме. Там они разденут нас и оставят с добрыми пожеланиями.

- А зачем на гумно? - спросил Доминик, закружив ее в танце, но Кэтриона почему-то избегала встречаться с ним взглядом.

- Я думаю, дело в том, что это великолепное место для воспроизведения потомства, - наконец проговорила она.

Сказав это, Кэтриона затрепетала: дрожь струилась по телу, вздымая волну желаний, проникая в кровь.

Один танец сменял другой, в приглашениях не было недостатка. Лорд Ривол уступил место

Алану Фрезеру. Краешком глаза она видела, как Доминик танцевал с Франс и потом с Мейрид, которая уже оправилась от потрясения и вернулась в Ачнадрочейд, в заново построенный дом вместе со своим здоровым младенцем.

- Я очень рад за вас, Кэтриона Макноррин, - сказал Алан, ласково улыбнувшись ей. - Вы выходите замуж за отличного человека.

Наконец она вырвалась с ним на волю. Ночной воздух принес прохладу. Высоко над вершинами светила полная луна. На сеновале большого амбара вблизи Дуначена женщины устроили для них «гнездо» из пуховых матрасов среди душистого зеленого сена. Пока с нее снимали платье и облачали в шелковую ночную рубашку, она слышала оханье с той стороны, где раздевали Доминика, - наверняка результат мужских шуток, неприличных и грубых. «У мужчин половой инстинкт - вещь необходимая. Для нашего брата нет более могущественной силы ни в одной сфере жизни».

Женщины расступились. Окруженный рослыми шотландцами в килтах, в свете фонаря появился Доминик. В плеле, переброшенном через плечо, он казался богом. Кэтриона вдруг вспомнила с необыкновенной ясностью, каким он был, когда она впервые увидела его, - дикарь, сотканный из одних мускулов.

Сброшенный плед, так же как тогда, открыл ей красоту его обнаженного тела.

Теперь они стали мужем и женой. До самой смерти.

«Впрочем, есть одна вещь, которую я все-таки буду делать сызнова. Я хотел бы также, чтобы в нашу брачную ночь мы сотворили ребенка». Однажды у него уже была брачная ночь, и на следующий день Генриетта в истерике убежала от него к матери. Почему? О Боже! Что такое произошло, о чем нельзя рассказать?

Кэтриона закрыла глаза, предавшись воспоминаниям. Как он очаровательно улыбался во время их первой встречи! У него были глубокие ямочки на щеках, но глаза оставались настороженными, темными, как мох под водопадом, хранящим так много секретов.

«Да благословит вас Бог!» - раздался хор голосов.

Женщины удалились, уводя из амбара хохочущих мужчин, и они остались одни. Доминик не двигался, а только улыбался ей в золотистом свете лампы.

- Глядя на это ложе, - тихо сказал он, - я вспомнил сказку о принцессе на горошине. Сейчас проверим, есть ли у нас королевская кровь!

- У всех Макнорринов есть королевская кровь.

- Ах, Кэтриона! - Он снова произнес ее имя по-гэльски. - Как же я безобразно напился! Я не хочу быть пьяным, разделяя ложе с принцессой.

Прекрасный шелк рубашки скользнул по ногам, сердце ее застучало сильнее. Она постаралась схоронить крошечные струйки страха поглубже в душе.

- Глупый мужчина! Ты не протрезвешь до утра.

Доминик вдруг придвинулся к окну.

- Подойди сюда. Посмотри, как луна сияет нам.

У нее дрожали ноги, но она подошла и встала у его плеча. Белый свет, льющийся сверху, омывал горы и стекал в озеро. Остроконечные вершины, деревья и вода, обведенные серебром, блестели в темноте, как большие сверкающие города первых небесных кланов.

- А помнишь? – тихо спросил он и, коснувшись пальцами ее щеки, повторил знакомые строки:

Под ночь она пришла в Фабиас и нашла звезду в его садах.

Она схоронила ее во тьме, в своей утробе.

Посылаемое им тепло проникло в тело и побежало мелкими волнами вдоль позвоночника, рождая приятное предчувствие.

- Давай сотворим ребенка там, в холмах.

- Где? – переспросила Кэтриона и подняла глаза. Страстное желание смешалось в них с сомнением. Доминик шагнул в угол, где лежала их одежда, быстро отыскал ее туфли и свои ботинки.

- Вперед, – сказал он, прихватив килт и плед. – Мы пойдем в пещеру Калема. Может, к тому времени я протрезвею.

Под призрачным лунным светом шли они через безмолвный мерцающий мир. Они поднимались все выше и выше в горы, к шумящим стремнинам, где эхо звучало подобно звону маленьких колоколов. В воздухе плавал сладкий аромат меда и диких цветов. Ветерок пробежал по жемчужной коже Кэтрионы, чередуя холодные струи с теплыми, отдавая дань извечному своему капризу. Белый шелк с ласковым шуршанием гладил ей бедра и ноги. Ее рука светилась серебром в руке уводящего ее полубога.

Она шла зачарованная им. Океанская волна от берега Мюриаса вошла в ее кровь. Морские котики высунули свои гладкие головы из белой пены, лохматые коричневые медведи взревели в лесах. Дикий бизон запыхтел и забил копытами о землю, прежде чем похитить свою невесту и унести ее в таинственные земли Севера.

У входа в пещеру Доминик остановился и развернул плед.

- Что-то не так? – спросил он, укутывая ей плечи. – Мы поженились, и больше между нами не должно быть никаких недомолвок. Но что-то еще остается, правда?

Кэтриона села и подтянула плед, глядя на серебряные горы и луг, усыпанный белыми, как звезды, цветами. Она понимала, что должна верить ему. Теперь уже вечно.

- Мне следовало давно спросить, но я трусила. Боялась, как бы что-нибудь нас не разлучило. Но ты прав, неведение порождает недоверие. Оно сидит в моем уме как злой водяной с разинутым черным ртом.

Плед сполз в темный родник, когда Доминик сел рядом.

- Так о чем ты хочешь спросить?

Она покачала головой.

- Не подумай, что я хочу найти в тебе какое-то зло...

- Спрашивай, Кэтриона. Мы искупили все грехи. Теперь добропорядочная жизнь зависит от нашей честности и доверия. Будь честной и верь мне. Я люблю тебя.

Она уронила лицо на колени.

- Ну и время же я выбрала! - Она негромко рассмеялась. - Сначала вышла замуж, а теперь выясняю, правильно ли поступила.

- Я ничего не скрывал от тебя. - Доминик взял ее руку и стал целовать ей пальцы, лаская чувствительные подушечки горячим мягким ртом. - Спрашивай.

Почему для этого требовалось так много мужества? Больше, чем тогда, когда они столкнулись лицом к лицу в Лондоне. Больше, чем во время их схватки с разбойниками. Наконец она подняла голову:

- И все-таки ты что-то скрываешь. Хотя это ничего не меняет, я должна знать.

- А-а, я догадываюсь. Генриетта?

- В Эдинбурге она рассказывала такие горькие вещи. Чем ты мог ее так запугать?

Помолчав с минуту, Доминик кивнул:

- Хорошо, я расскажу. Нужно было давно это сделать. Только гордость удерживала меня от того, чтобы открыть тебе правду. В сущности, мы с Генриеттой не знали друг друга - я то воевал на полуострове, то уезжал в Россию и за это время порядком развратился. Когда мы встретились, мне казалось, что эта девушка несет в себе чистоту и совершенство английской леди. Ухаживание продолжалось недолго, и я ее не трогал, даже не пытался поцеловать, до нашей свадебной ночи.

- В Рейлингкорте. В шелке цвета слоновой кости, - с дрожью в голосе произнесла Кэтриона вслух.

- Генриетта протянула ко мне руки и попросила поцеловать ее. Я старался быть мягким и осторожным, но она засмеялась и сказала, что ее уже целовали. После этого стянула с себя рубашку и попросила потрогать ее грудь. Она сказала, что ей это приятно.

- О, у нее прежде был любовник? - Тревога всколыхнулась в душе Кэтрионы, как легкое подводное течение.

- Я бы не придавал этому значения. Мне даже в голову не приходило ее осуждать - в конце концов до нее у меня было достаточно любовниц. Я решил, что в юности она могла ошибиться с каким-нибудь мальчиком. Поэтому я позволил ей вести меня дальше. Я целовал ее, как она хотела, и сходил с ума от желания. Представляешь, я даже почувствовал облегчение от того, что она не девственница. Ей не будет больно, подумал я.

- А она сама не прикасалась к тебе?

- Что? - Доминик удивленно посмотрел на нее. - Нет. Она только хотела, чтобы я целовал ее в интимные места, и этих ласк ей было достаточно для завершения, даже не один раз. Когда я

отнес ее в постель, мне казалось, она готова принять меня. Я потерял голову как мальчик. Я ослеп от любви. Ничто другое не приходило мне на ум, кроме того, что до меня она знала другого мужчину.

- А она?

- Я думал, что да... Но в конце концов оказалось, что она девственница. Я старался быть деликатным и доставить ей удовольствие, но она не отвечала. Я испугался, подумал, может, ей больно? Но я хотел довести до конца наши супружеские обязанности. Я спешил к собственному завершению, и, когда это произошло, она ударила меня и закричала, что я ее обесчестил. Генриетта не была невинной в полном смысле слова, понимаешь? Она была девственна только для мужчины.

- Что ты хочешь этим сказать? - Кэтриона испуганно посмотрела на него.

Доминик уронил голову на руки.

- В течение той длинной горестной ночи я все понял. Генриетта назвала мои действия нелепыми. Она сказала, что я ей отвратителен, всем, что есть в моем теле. Она говорила, что я безобразный и отталкивающий, что она ненавидит некую мою часть и проникновение ей противно до тошноты. Она отворачивалась от меня и рыдала. Я долго не мог понять, пока наконец она не объяснила все сама. Это было преподнесено со странным удовольствием. Оказывается, когда-то ее совратила гувернантка. Генриетте понравились такие формы близости, и теперь она ожидала от меня того же.

- Сафо, Лесбос и все такое?

- О Боже, откуда у тебя такая осведомленность?

- Читала классику. - Кэтриона положила руку поверх его руки. - В Дуначене большая библиотека. Но почему Генриетта не попросила тебя остановиться?

Он сомкнул пальцы вокруг ее ладони.

- Я думаю, у нее был шок. Она не знала, как устроен мужчина, а я не понял, почему вначале она была такой страстной! Она хотела получить удовольствие, но так, как уже привыкла прежде. Ей нужно было, чтобы я только гладил ее и делал все ртом. Правда, позже она призналась, что это могла бы с успехом сделать и ее горничная. Когда я сказал, что теперь у нас может появиться ребенок, с ней сделалась истерика, потому что она не хотела детей. Она даже не знала, как это происходит.

Кэтриона непроизвольно сглотнула.

- О, теперь я понимаю. Она говорила, что ты принудил ее к бесчестию. Но это же естественное проявление любви со стороны мужчины! Зачем же тогда ей было выходить за тебя замуж?

- А вдруг бы меня перехватила Розмари!

Теперь Кэтрионе все стало ясно. Она вспомнила Эдинбург: мимолетные взгляды, на которые тогда не обращала внимания, и некоторые высказывания Генриетты незадолго до ее смерти.

- Так у нее были любовные отношения с леди Стэнстед?

- Невероятно, не правда ли? Бедная Генриетта! Ее желания так и не были удовлетворены полностью, даже после того как Розмари увезла ее в Эдинбург. Леди Стэнстед не имела столь сильного интереса к женщинам, и любовный треугольник обрек каждого на несчастье!

- И ты думал, что все-таки сможешь покорить Генриетту? - Кэтриона недоверчиво посмотрела на него.

Доминик поднес ее руку к губам и поцеловал.

- Это был вызов моей гордости. Я надеялся, что у меня будет шанс победить ее, доказать ей, что она способна любить мужчину. Тогда я был слишком глуп.

- И ты не мог никому сказать правду! Как бы ты стал объяснять это ее родителям или кому-то еще? О Пресвятая Дева Мария! Мне так жаль, Доминик.

Он засмеялся.

- Не нужно меня жалеть, я сам во всем виноват. После возвращения из России я вбил себе в голову эту бессмыслицу о чистоте и невинности. Я принимал скрытность Генриетты за деликатность, присущую настоящей леди, но ошибся.

Кэтриона придвинулась к нему ближе.

- Выходит, мы очень похожи - ты тоже не делаешь много ошибок, но если ошибаешься, то это приносит тебе много страданий.

- Тогда, надеюсь, верно и обратное. Если уж я что-то делаю правильно, то это просто грандиозно!

Кэтриона засмеялась. Это был взрыв счастья, фейерверк искр. Грандиозно! Действительно, на этот раз она не ошиблась и в самом деле сделала правильный шаг!

Доминик, увидев в ней перемену, тоже засмеялся. Глаза их встретились и вспыхнули страстью.

- Мне кажется, пора нам вступить в нашу брачную ночь и зачать ребенка.

- Который родится или золотистым, как ты, или темным, как я, и он будет самым счастливым, потому что ни у одного ребенка в мире не будет такого замечательного отца!

Без лишних слов Доминик заключил ее в объятия и перенес через порог пещеры. Сохранившееся папоротниковое ложе темнело внутри. Он сдернул плед с ее тела и постелил поверх килта. Кэтриона стояла в своей шелковой рубашке там, где он ее оставил, в пучке лунного света, хлынувшего в пещеру. Как же он был величественен, ее прекрасный и удивительный герой! Это она будет говорить ему ежедневно, словами и телом, соединяясь с ним и любя его. Она родит ему прекрасных малышей, много, целое семейство.

Доминик, улыбаясь, повернулся к ней:

- Нам понадобится твоя рубашка вместо простыни.

О, было бы глупо краснеть, когда ты расплавлена страстью и горда его любовью! И все же, когда Кэтриона стягивала через голову белый шелк, она покраснела. Доминик сделал шаг к ней и обвил руками ее обнаженное тело. Их возбуждение вырвалось на волю невиданной доселе мощью и словно пламя взревело меж ними.

На теплом ложе из папоротника, шерсти, хлопка и шелка они предавались любви, обмениваясь ласками. В благоговении Доминик медленно водил по ее телу руками и языком, доводя Кэтриону до умопомрачительного экстаза. В ответ она трогала упругую кожу его рук и ног, восхищаясь устройством мужского тела, гладила спину и округлые ягодицы, мощные плечи, сильную челюсть и шелк золотистых волос. Все это было такое прекрасное и сугубо мужское! Ощущения от прикосновений и его запаха околдовывали ее.

Он вдвинулся между ее ног с неистовством и вместе с тем с нежностью, погружая ее в бушующий огненный поток, не сдерживая себя ни в чем. Она открылась ему и забросила ноги ему на спину, держа его против себя, слепо, как в бреду, кусая его в плечо. Задышавшись от радости, она сдавалась на милость победителя, даря ему свою душу. «Я буду неутомим и не дам вам покоя, пока не воспламенится ваша кровь и легким не станет хватать воздуха!»

Внезапно он вскинул ее над собой. Она посмотрела вниз, на его запрокинутую голову, затененное лицо и белеющие в темноте зубы. Двигаясь, пронизывая себя его плотью, она упала вперед и торопливо припала к его рту. Ее учащенное дыхание смешалось с его дыханием, и вместе с запахом тумана и торфа он почувствовал на языке вкус меда.

Тела, взмокшие от вожделения, сделались скользкими, и Доминик снова перекатил ее под себя, по-прежнему целуя, по-прежнему не разъединяясь. Когда они вместе сделали резкий толчок, его глаза открылись и улыбнулись ей. Пока он возносил ее к вершинам блаженства, она смотрела вверх, в таинственные темные глубины. Тем временем душа ее постигала сердце и жизнь ее загадочного мужчины. И когда наконец они перенеслись на тропу поперек неба, яркие звезды прорвали темноту ночи.

Кэтриона судорожно прижалась к нему, крепко обхватывая его тело руками и ногами.

- О, Доминик! - выкрикнула она, и холмы подхватили ее крик.

После нескольких мощных конвульсий биение внутри прекратилось. Внезапно в нее ворвалось целое море, и чрево с готовностью приняло влитое в него семя. Обессиленная, Кэтриона не отрывала глаз от лица своего героя.

- Я люблю тебя! - прошептала она. - Я люблю тебя, мой родной, люблю до беспамьятства.

- Тсс! - Он привлек ее к себе на грудь, натягивая плед поверх их влажных насытившихся тел. - Мы дали жизнь новому существу, у нас будет ребенок. - Она почувствовала теплое дыхание, когда улыбающиеся губы коснулись ее щеки. - И кто знает, может быть, Бог пошлет нам девочку...

От автора

Удивительные вещи, описанные в этой истории, действительно имели место. Это - землетрясение, изменение законодательства о виски, вера людей в ясновидение и дом Байрона в Ньюстеде. Однако если вы посмотрите на карту восточного Росса, то не найдете на ней Глен-Рейлэка. Я искусственно создала холмы и долины между Страт-Фарраром и Страт-Конаном, чтобы поместить туда замок Дуначен. Надеюсь, жители Росса, как и сам Росс, простят меня.

Мне ничего не известно о Макнорринах. Такого клана не существовало. «Мак» в начале фамилии по-гэльски означает - «сын женщины». Женская форма начинается с «Ник», то есть - «дочь». Я позволила всем персонажам быть Макнорринами, чтобы не вносить лишней путаницы.

Изгнание людей, однако, происходило на самом деле, и здесь я ничего не преувеличила. Более пятидесяти лет по всей Шотландии проводились подобные «чистки». Людей выгоняли из домов их предков подлым и жестоким образом, чтобы занять землю под пастбища для овец. Инциденты в Килдонане, Стратнавере, Гленгарри и Кинлохневисе подлинные. Сожжение Ачнадрочейда также соответствует действительности. Все эпизоды, включая избиение женщин, взяты из жизни, за исключением проклятий Изабель. В разных местах и в разное время люди тщетно пытались защитить свои дома, за это их убивали или калечили.

Описания быта и характера людей почерпнуты мной из материалов скрупулезных исследований. Путешественники всех стран мира, посещая Шотландию, увозили с собой самые приятные впечатления о культуре этой страны и обходительности, с которой их там встречали. Многострадальные долины и поныне восхищающие своей первозданной красотой богаты не только пейзажами: в Глен-Кэннихе, над Страт-Глассом, есть небольшой монумент, возведенный в честь Крисхольма.

Я несколько сместила время землетрясения применительно к событиям моего романа – в действительности оно произошло в августе 1816 года. В «Инвернесс джорнел» сообщалось, что «во всем городе тряслись дома, грохотали плиты и рушились крыши. От многих каминных труб отваливались огромные камни». Газета отмечала также, что колокола звонили в течение минуты и что «величественный шпиль городской тюрьмы на расстоянии нескольких футов от вершины полностью треснул и отклонился на несколько дюймов от своей оси». Хотя в Инвернесе сохранилось немного памятников времен Регентства, тот шпиль, как страж, по-прежнему возвышается над городом.

Производство виски и выращивание необходимых для этого зерновых культур составляли важную часть экономики страны и получили отражение в шотландской культуре. В начале 1816 года шотландское виски облагалось более высокими пошлинами, нежели спиртные напитки английского и ирландского производства. Жесткие условия, в которые были поставлены винокурные заводы, сделали развитие этой прибыльной отрасли невозможным. В марте, когда казначейство запретило экспорт спирта в южные районы Шотландии, в Инвернесе были уничтожены перегонные цеха. С этого времени расцвела контрабанда. Летом сложившаяся ситуация обсуждалась в парламенте, и законы претерпели изменения. В результате к концу 1817 года инвернесские газеты сообщали о строительстве легальных винокурен в Росшире.

Что касается ясновидения, эта тема в народе обсуждалась давно, когда мой отец был еще ребенком. Сама я к подобным вещам отношусь скептически, но мне трудно судить о том, было ли это на самом деле.

Надеюсь, что знакомство с Домиником и Кэтриной доставило вам удовольствие и вы были тронуты их пылкими чувствами. Приключения Доминика в годы, предшествующие данной истории, описаны в «Иллюзии», романе, посвященном Франс и Найджелу.